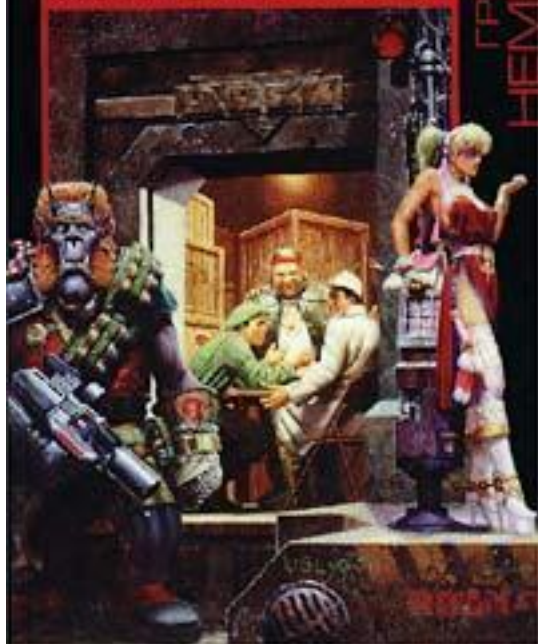

ΝΕΡΗΙΔΑ ΑΡΧΕΟΛΟΓ

ΜΑΡΙΑΝΝΑ ΑΓΓΕΡΟΒΑ

ΓΡΟΒΗΛΙΒ
ΗΜΕΡΤΑ

Марианна Владимировна Алферова

Гробницы Немертеи

Серия «Черный археолог», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150408

Аннотация

Главная гробница мертвой планеты Немертеи... Легенда археологов. Золотая мечта преступников. То, что годами, десятилетиями считалось официально несуществующим!..

Откуда же, черт возьми, тогда появились эти – явно немертейские – золотые предметы?

Платон Рассольников по прозвищу Атлантида твердо намерен это выяснить. И если `сокровища Немертеи` действительно существуют... тогда... А что – тогда?!

Содержание

ЗЕМЛЯ-ДУБЛЬ, ОЧЕНЬ ПОХОЖАЯ НА СТАРУЮ ЗЕМЛЮ	7
В КОСМОСЕ. земля – МАЛОЕ МАГЕЛЛАНОВО ОБЛАКО	36
ПРИБЫТИЕ НА НЕМЕРТЕЮ	53
ЗОНА ОТДЫХА	66
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СЭР НОЭЛЬ О'БРАЙЕН, КАВАЛЕР ОРДЕНА БАНИ II СТЕПЕНИ	80
СТОЛИЦА НЕМЕРТЕИ. НЕМЕРТЕЙСКИЙ ХРАМ	96
БЕССМЕРТНЫЙ ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР	127
ГЛАВНЫЙ ДВОРЕЦ И ГЛАВНЫЕ ГРОБНИЦЫ	141
ЕЩЕ ОДИН РИСКОВАННЫЙ ШАГ	167
ПЕРВЫЕ ИТОГИ	197
ВОСКРЕШЕНИЕ НОЭЛЯ	229
ГОЛУБОЙ КОЛОДЕЦ И ВРЕДНЫЙ ХОГ	259
СОБРАТЬЯ ПО РАЗУМУ. ЧЕРНЫЕ АРХЕОЛОГИ	306
ШЕСТВИЕ ЗОЛОТЫХ ЗВЕРЕЙ	321
ГОРЫ РОЙКА И СУККИ КАЙ-2	338
ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТЕОРИИ	356
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА НЕМЕРТЕЮ	373
БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ	420

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ДУХА И ТЕЛА	446
МИЛОСТЬ НЕМЕРТЕИ	465
И ВНОВЬ РОЙК	482
ЭПИЛОГ	493
ГЛОССАРИЙ	496

Гробницы Немертеи Марианна Алферова

Прошло несколько веков с тех пор, как грандиозный технологический скачок вынес корабли землян за пределы Солнечной системы. Люди узнали о существовании многочисленных рас, похожих и не похожих на нашу, создали свои колонии на далеких мирах и были приняты в бескрайнюю галактическую конфедерацию. Они внесли скромную лепту во вселенскую науку и получили много нового от инопланетян, которые, надо заметить справедливости ради, вовсе не спешили делиться с чужаками своими секретами. Совсем напротив, они пуще глаза берегли наследие предков и сурово наказывали всякого, кто на это наследие посягал, даже если он исходил из самых благородных побуждений. А когда эти прижимистые существа слышали имя профессора Платона Рассольникова, за увлеченность историей прозванного Атлантидой, они скрежетали – кто зубами, кто жвалами, кто роговыми пластинами – и умоляли своих богов обрушить самую страшную кару на голову грозы космических сфинксов.

А он – в белом смокинге, с тросточкой в руке, цветком кактуса в петлице, громадным багажом знаний в голове и нежной любовью к текиле в сердце всеми правдами и не правдами проникал в сокровищницы древних цивилизаций и выносил оттуда дивные украшения для своей прекрасной

дамы, имя которой – Археология.

Об одном из его подвигов и повествует эта книга.

ЗЕМЛЯ-ДУБЛЬ, ОЧЕНЬ ПОХОЖАЯ НА СТАРУЮ ЗЕМЛЮ

1

Почему Платон Рассольников обратил на нее внимание? Он и сам не знал.

Разумеется, она была примечательна. Именно примечательна, а не привлекательна. К полуночи в казино “Индепенденс” собирается такая публика, что даже неверно выбранный оттенок помады или слишком громко сказанная фраза недопустимы. Моветон. И тут эта женщина... Да, недурна, недурна... И молода к тому же, и скорее всего молодость эта естественная, без нынешних штучек – но!.. Даже мысленно Платон поставил восклицательный знак. Если у молодой особы (он никак не мог назвать ее дамой) хватило денег приобрести входной билет, то почему она пожалела пару тысяч кредитов на приличное платье? Ибо ее наряд из бледно-зеленой искусственной парчи с черными слезками вышел из моды как минимум два года назад... Или больше? Пожалуй, больше. Нет сомнения, у платья имелось достоинство: вырез открывал спину до самой ямочки. Платон подумал, что удивительно гладкая, покрытая золотистым загаром ко-

жа незнакомки выглядела куда более дорогой, нежели платье, – странное сравнение, хотя и верное, ибо нынче в мире есть только одна возможность для сравнения: это – дороже, то – дешевле. А все остальные сравнения сами не стоят и гроша.

2

Женщине надо было явиться сюда без одежды, смотрелась бы лучше. Впрочем, если она и не пришла голой, то могла таковой уйти. Ибо опять проиграла. В течение тех минут, что Платон следил за игрой, она все время ставила на одну и ту же цифру – “19” и все время проигрывала. Ей не везло, но незнакомка упрямо делала ставки. Даже невозмутимый крупье, небрежно сметая в очередной раз горку проигранных фишек, позволил себе улыбнуться краешком рта. Женщина заметила эту мгновенную усмешку, и тут на лице ее отразилось такое высокомерие, такое ни с чем не сравнимое чувство собственного достоинства, что все спесивые лакеи должны были немедленно вытянуться в струнку при виде этих гневно изломленных бровей. И невоспитанный крупье мгновенно оценил гримаску, лицо его вновь оледенело, а губы раздвинулись в привычной вежливой и ничего не значащей улыбке, похожей на листок бумаги, на котором написано “ничего”. После этой немой сценки Платон решил, что должен еще на несколько минут остаться возле стола с ру-

леткой и понаблюдать за странной гостьей. Она вновь поставила на “19”. Манера ее игры не требовала особого внимания, и, разумеется, она заметила мужчину в белом костюме с бледно-лиловым цветком “*mamillaria blossfeldiana*” в петлице. Мужчина был молод, лицо покрыто естественным загаром, а русые от природы волосы выцвели до оттенка натурального золота. Зато брови остались темными. Глаза смотрели насмешливо, ироничная улыбка могла бы украсить чело патриция эпохи серебряного века римской литературы. Вот только нос, коротковатый и немного курносый, переселился на лицо аристократа с физиономии водителя грузового корабля.

Женщина улыбнулась немного натянуто и опять же слишком высокомерно и поправила – чуть-чуть – темно-каштановые волосы, пронизанные золотыми струйками крашенных прядей. Мода эта была тоже давней, но в отличие от платья еще не устарела. Вновь и вновь какая-нибудь отчаянно молодая красотка решала, что золотые нити в ее прическе никто не спутает с сединой, и красила волосы подобным образом. Посетительницу казино никак нельзя назвать юной, но ей шла золотоструйная мода, явившаяся в Галактику с Немертеи – планеты, открытой много лет назад. Там все было окутано золотыми нитями; дома, дороги, и даже деревья оплетали сверкающие сетки. Планета казалась огромным самородком, и толпы законных и незаконных искателей кладов кинулись за добычей, лишь только карантинная

служба Лиги Миров дала добро. Некогда было ждать выводов космических разведчиков и космоархеологов. Вмиг залихорадило межпланетную биржу, цены на золото полетели вниз... Платон даже подумывал, не заскочить ли на Немертею по дороге с... На какой же планете он тогда был? Но это в принципе неважно. Потому что он все равно не полетел. Наверное, подсказало чутье: не трать времени понапрасну. И правда – вскоре кладоискатели хлынули назад: золотоносная жила оказалась бедненькой россыпью. Да, золото на планете было. Но слишком мало. В недрах обманчивой Немертеи нашлись лишь полностью истощенные шахты. А эти нити... Они практически невесомы и не представляют ценности. Ничего не знача как произведения искусства, на вес они все вместе могли дать не более тонны. Но попробуй собрать тонну из нитей тоньше волоса. Женщина опять проиграла. И вновь улыбнулась Платону. Фишек у нее не осталось, и она медленно поднялась из-за стола. Ее место тут же заняла какая-то лощенная девица, а не менее ложенный молодой человек в смокинге встал у своей дамы за спиной. Женщина в зеленом направилась к окошку за фишками. Но шла она как-то неуверенно, будто сомневалась, стоит ли продолжать игру, и даже пару раз остановилась и огляделась по сторонам. Возможно, она хотела убедиться, что мужчина в белом костюме следует за ней. Но скорее другое: она явно кого-то опасалась. Наконец женщина решительно шагнула к окошку и протянула что-то в полукруглое отверстие в стекле. Отнюдь

не кредитку – это Платон разглядел точно. И неторопливо двинулся следом, как будто тоже собирался прикупить фишек. – Только кредитки, – он скорее угадал, нежели расслышал ответ клерка. – Я прошу вас! – эту фразу Платон различил дословно – у женщины был резковатый голос. – Очень прошу... – она вновь продвинула какую-то вещицу в окошко.

– Вы уронили... – Археолог не торопился возвращать находку – золотую тончайшую пластинку с едва заметным рельефом.

Его пальцы мгновенно ощупали реверс – нет сомнения, перед ним подлинный артефакт из гробницы Немертеи. Вернее – почти нет сомнений. Таких пластин обнаружили всего восемь, и, как помнилось – а помнил он точно, – все они находятся ныне в музее Межгалактического Археологического Общества под надежной охраной. Откуда же эта, девятая?

– Благодарю... сэр. – Она взглянула на него в упор, без тени жеманства или кокетства, будто спрашивая о чем-то или испытывая. Глаза у нее были темно-зеленые, как бутылочное стекло. Нынче такой цвет радужной оболочки не в моде. Но кто знает, может быть, цвет глаз у нее натуральный?

Он вернул ей пластину и представился, назвав вместо фамилии прозвище:

– Платон Атлантида.

Она спросила в ответ:

– Вы любите погибшие цивилизации?

Получается, она знала, кто такой Платон Рассольников. Вряд ли она слышала про ученика Сократа и погибшую Атлантиду.

– О да... Особенно, если от них осталось золото. И как можно больше.

Она почему-то не улыбнулась – даже из вежливости. Напротив, нахмурилась. И тут какой-то человек (кажется, он вышел из бара, но, возможно, Платон и ошибался) подошел, или вернее, подбежал к женщине, бесцеремонно схватил ее за руку и потянул за собой:

– Уходим, скорее, уходим...

– Не хочу! – она почти закричала, и две нарядные дамы в очень дорогих и совершенно одинаковых черных платьях обернулись и строго поглядели на невоспитанную гостью.

– У тебя, еще есть кредиты? Кажется, ее спутник растерялся. Во всяком случае, он выпустил ее руку.

– Ты что, все проиграла?

– Думаешь, это сложно?

В отличие от наряда женщины, костюм мужчины был безупречен. Его обладатель говорил с заметным акцентом. Он был смуглолиц – гораздо темнее своей спутницы, – оливковый оттенок кожи казался почти натуральным – если что-то может казаться таковым в современном мире. Правильные черты контрастировали с высокими скулами, а седая шевелюра делала вид незнакомца чуточку театральным. Атлантида даже решил, что волосы у него крашенные – так они бле-

стели в свете вечных светильников. Мужчина был среднего роста и широкоплеч, но при этом не казался громоздким.

– Я бы мог в обмен на пластинку ссудить вас некоторой суммой, – небрежно предложил Платон и поправил цветок кактуса в петлице.

Женщина испугалась (или изобразила испуг) и бросила взгляд на своего спутника. Мужчина несколько секунд молча смотрел на Атлантиду. При этом на мгновение показалось, что незнакомец вообще отключился. А придя в себя, он радостно улыбнулся, схватил археолога за локоть и отвел в сторону, подальше от окошка несговорчивого клерка.

– И сколько вы дадите?

– Можно еще раз взглянуть на вещицу?

– Кресс! – позвал он женщину. Та подошла. – Покажи пластину. Она, между прочим золотая. – Мужчина рассмеялся.

Возможно, он надеялся, что Платон сейчас отвалит ему гору кредиток, и странная парочка сможет играть сегодня до утра. Пластина вновь очутилась в руках Атлантиды. Несомненно, немертейское золото и несомненно – какой-то другой раскоп. Не главная гробница. Но ведь в прочих ничего не нашли, кроме огромного количества глиняных сосудов, причем все – одинаковой формы, все черные, с очень сложным орнаментом. Причем орнаментом одним и тем же, идеально повторяющимся от кувшина к кувшину с точностью если не до микрон, то хотя бы до миллиметров. Или не там искали? Эта пластинка была куда тоньше тех восьми из главной гроб-

ницы... Да и узор другой. Безусловно – что-то новое. Или артефакт не с Немертеи? Уж больно странный узор. Сильно отличается от классического. Или все-таки Немертея?

– Триста кредитов, – уверенно заявил Платон. – Антиквары не дадут вам ни кредитом больше.

Он не обманывал. И эти двое тоже знали, что не обманывает. Ясно, что они побывали у антикваров прежде, чем отправиться в казино. И так, парочке черных археологов повезло – то ли эти двое задержались на Немертее из упрямства, то ли заскочили туда ненароком (второе более вероятно), наугад заложили взрывчатку, включили команду роботов-землесосов и... провалились в погребальную камеру, полную древнего золотишка. “Мечта любого чернушника”, – усмехнулся про себя профессор Рассольников.

– Хорошо, – сказал мужчина, – Пусть будет триста.

– Вам удобнее фишками? – спросил Атлантида. Женщина снисходительно усмехнулась, находя шутку неудачной, а мужчина и вовсе не заметил насмешки, произнеся торопливо:

– Конечно, фишками.

Платон протянул кредитку в стеклянное окошечко. Если бы можно было надеяться добыть из клерка за стеклом хоть крупицу информации, Атлантида непременно взял бы парня в оборот. Но Платон знал, что это бесполезно. Получив фишки, парочка тут же направилась в игорный зал. Разумеется, фишек им хватит минут на пятнадцать-двадцать, не бо-

лее. Стоит подождать, не предложат ли они, проигравшись, еще какой-нибудь золотой артефакт? Хотя, скорее всего эта пластина последняя – уж больно они нервничали.

Платон заглянул в бар и заказал коктейль “Черная собака” – три части золотой текилы, кока-кола, лед и вишенка в бокале. Обожал он этот напиток из сердцевины голубой агавы – “the agave tequilana weber azul” – одного из ста тридцати шести видов, агавы, произраставших когда-то в Мексике на Старой Земле. Многие по-прежнему, спустя тысячу лет, именуют агаву кактусом, хотя на самом деле агавы – родственник лилейных. Атлантида любил все эти данные выложить какому-нибудь невежде, оскорбительно именовавшему его любимый напиток “кактусовой водкой”.

В баре никого не было.

Стены из антрацитового стекла украшали бледно-серые голограммы. На антигравитационных подставках в воздухе плавали золотистые шары светильников. Обнаружив посетителя, шары тут же устремились к Платону. Он оттолкнул один назойливый светильник, потом второй... Наконец вся стайка, повинувшись встроенным чипам, сбилась в углу бара в причудливую гирлянду. Атлантида мысленно попытался реконструировать погребальную-камеру главной гробницы Немертеи. Неужели этим ребятам удалось набрести на аналогичное захоронение? Археолог поморщился – зависть к удачливым коллегам может отравить жизнь честолюбцу. А Платон был честолюбцем и никогда этого не скрывал. Одна-

ко вряд ли эти двое сумели обнаружить что-то существенное – это Рассольников чувствовал интуитивно: не похожи они на людей, сделавших грандиозное открытие. Но что-то они нашли. И может быть, что-то еще, кроме золотых пластинок.

Браслеты? Кольца? Золотые наконечники для ногтей? Коробочки из-под благовоний?

Нет, это все староземное. Или с планеты Кемет из солнечной системы Ре. А в немертейской гробнице могли оказаться только золотые нити, черная керамика. И в небольшом количестве – пластины. Атлантида взглянул на часы. Пятнадцать минут миновали. Наверняка уже триста кредитов проиграно – пора возвращаться к окошку и предлагать азартным археологам новую порцию фишек в обмен на их находки. Платон вышел в холл. Знакомой парочки не было. У окошка какой-то господин в пиджаке с накладными плечами сгребал в карманы с мраморной доски только что купленные фишки.

– Дорогой, а ты купил на мою долю? – спрашивала его плохо реставрированная красotka с очень маленькой гладко выбритой головой. Рассольников направился в игровой зал. Неужели ребятам повезло, и на “19” наконец выпал выигрыш? Но в зале их тоже не оказалось. Атлантида обошел столы, заглянул в бары – безрезультатно. Парочка исчезла. Неужели он упустил их? Но... Вот идиот! Как ему не пришло это в голову с самого начала?! Они поставили все сразу и проигрались тут же, за минуту. Да, они глупцы, но и он хорош...

Платон направился к окошку:

– Месье... эти двое – женщина с золочеными волосами и мужчина... – из-за стеклянной преграды на Платона смотрели два стеклянных шарика. – Я не спрашиваю – они выиграли или проиграли, но лишь – ушли или нет? – Глаза человека за прозрачной преградой еще больше остекленели, хотя казалось-это уже невозможно.

– Я прошу...

Клерк ничего не ответил. Просто коснулся ладонью стекла, и оно сделалось матовым, совершенно непрозрачным, а прорезь исчезла. Разумеется, из своего логова обладатель глаз-шариков прекрасно видел назойливого клиента.

Платон почувствовал неприятную вибрацию под ногами и благоразумно отошел. Поправил цветок “mamillaria blossfeldiana” в петлице. Чувство было такое, будто он только что поговорил с профессором Брусковским. Очень хотелось дать кому-нибудь по зубам.

3

Никто не знает, сколько в Галактике планет под названием Земля-дубль. Наверняка штук двадцать, не меньше. И каждая из них претендует на то, чтобы быть единственной и неповторимой Второй Землей, если нельзя быть Первородной, Старой прародиной.

Эта Земля-дубль, которую посетил Платон Атлантида,

была из самых-самых претендентоспособных. Особенно, если судить по ценам на гостиницы, недвижимость и аренду транспорта. Платон должен был признать, что купить жилье ему здесь не по карману. Пока. Да, именно “пока”, потому что был уверен, что когда-нибудь станет очень богат.

– Вам сообщение! – произнес мелодичный женский голос, который при наличии фантазии можно было принять за живой. Почти живой. Порой это “почти” раздражало.

– Говори! – сквозь сон пробормотал Атлантида.

– Сообщение от Руфуса Пламмера, – продолжал ворковать комп. – Зашифровано.

– Расшифруй... – приказал археолог, зевая.

– Прошу повторить распоряжение. Голос не совпадает по параметрам.

– Расшифруй, дур-ра!

– Узнаю голос, – невозмутимо отвечал комп. “Вот если бы женщины были столь покладисты”, – невольно вздохнул Атлантида. – Итак, зачитываю сообщение: “Вчера днем поступила золотая статуэтка высотой пятнадцать сантиметров от неизвестного. Предположительно – немертейское золото”.

Атлантида очнулся от сладкой полудремы и сел на кровати. Солнце-дубль уже вовсю светило в панорамное окно номера.

– Вес находки?

– Сожалею, но в сообщении не содержится такой информации.

М-да, судя по всему, этим ребятам крупно повезло – даже в главной гробнице не нашлось ни одной заваливающей статуэтки. Ну а в храмах... Кстати, были ли храмы на Немертее? Или – нет? Кажется, были. Статуи из камня точно нашли. А вот статуэток из золота или серебра не было. А что, если все сведения по Немертее – вранье? Кто-то ловко прибрал к рукам богатую планету, пустил ложный слух о бедных россыпях, отправил по домам всех искателей приключений, а сейчас ловко гребет золотишко лопатой или, вернее, землесосным роботом и переплавляет в безликие слитки. А эти двое каким-то образом увели у таинственного удачника из-под носа маленькую толику добычи. В рассуждениях Платона много домысленного, но домыслы в космической археологии вполне оправданы. А вот парочку он вчера упустил глупо. Глупо и...

– Пошли сообщение Руфусу: “Буду сегодня” – и зашифруй непременно.

– Команда “непременно” излишняя, – сделал замечание комп.

“Все-таки она баба”, – не без злорадства заметил Атлантида. Однодневка. Как мотылек. Может, потому и такая капризная?

Покинув номер, Платон полностью уничтожит ее память, и ни один черный хакер не сможет восстановить то, что желал утаить черный археолог. Таковы правила. И он был уверен, что гостиничные компы об этом знают. Не могут не

знать, коли находятся в сети.

4

Через полчаса в своем неизменном белом костюме и в белой шляпе с вентилятором Атлантида вышел из отеля. В петлице лиловел бахромчатый цветок “*namillaria blossfeldiana*”. Вентилятор в шляпе тут же стал барахлить, то рычал, как молодой пурпурный бычок с Ройка, то, вместо охлаждения, отдавал голову плевком горячего воздуха. И не мудрено – барахло это клепают на Гее-квадриус, и Атлантиду угораздило там в свое время приобрести двадцать пять таких шляп. Эта была предпоследняя, двадцать четвертая. К тому же довольно громкое хрипение вентилятора портило аристократический имидж, который так старательно создавал профессор космической археологии Платон Рассольников. В мире, где у человека зачастую нет не только родного дома, но даже родной планеты, имидж значил куда больше, чем просто хорошее впечатление. Имидж становился крепостной стеной или хотя бы слабым прикрытием. Безупречная белизна костюма, тоненькая тросточка, шляпа – это некий крошечный мир, который перемещается с человеком с планеты на планету, и под любым солнцем – первым, вторым или сотым – добавляет значения слабому телу и честолюбивой душе. Когда-то в детстве Атлантида увидел на экране компа рекламу недвижимости на Старой Земле – джентльмен в белом костюме, в

белой шляпе, с тросточкой в руке и с цветком в петлице. Он рекламировал домик на берегу моря, небрежно опершись на корпус бледно-синего глайдера. И этот рекламный образ со временем стал символом для Платона – символом его стремления поселиться когда-нибудь на Родине Человечества. Какой цветок вставил в петлицу тот рекламный джентльмен – Атлантида уже не помнил. Но для себя он выбрал цветок кактуса, и этот выбор был так же символичен, как выбор костюма и тросточки. Земля-дубль застраивалась в то время, когда антигравитация сделалась делом обыденным. Повсюду над улицами были развешаны ярусами антигравитационные переходы, над домами летали такси-антигравы, и капсулы лифтов сновали вверх и вниз по причудливым обводам небоскребов. Все это создавало иллюзию легкости и вечно-го парения. А также неустойчивости, пусть не пугающей, но все равно несколько тревожной. Года два или три назад какой-то шутник устроил сбой в работе управляющих антигравитационными устройствами чипов. Сколько было тогда катастроф! Сколько тел испуганно приникло к Земле, пусть не подлинной а дублированной, но Земле, словно умоляя о защите. Защите, которая была уже не нужна. Но прошло несколько часов, и лифты вновь заскользили по направляющим рельсам, и снова понеслись над домами такси-антигравы. Садясь в такси, Платон вспомнил эту историю, и ему стало не по себе.

Лавка Руфуса располагалась не в самом фешенебельном

районе и не на самом бойком месте. Вообще говоря, непосредственно в лавку Атлантида почти никогда не заглядывал, предпочитая просматривать виртуальные каталоги. Что-нибудь особенно замечательное редко можно обнаружить прямо на полках. Но Руфус был полезен: во-первых, через него без труда удавалось сбыть парочку сомнительных экспонатов (именно парочку – Руфус всегда рисковал по маленькой), а, во-вторых, антиквар – поставщик новостей черного археологического мира. Едва в его лавку попадала какая-нибудь интересная вещица, он тут же сообщал о ней Атлантиде, где бы тот ни был – на Земле-дубль, на Галлии-7 или в центре Галактики. Вся беда в том, что Руфус толком не мог отличить подлинный артефакт от фальшивки, и его лавка была набита подделками и дешевыми безделушками. Странно, что такой человек мог держать лавку на Земле-дубль и не разориться. Странно, как он вообще попал на Землю-дубль. Сейчас Атлантида был уверен (или почти уверен), что Руфус предъявит ему какую-нибудь грубо сработанную статуэтку и к тому же – не золотую. И весь вопрос заключался в том, кто решил подделывать немертейские статуэтки, если известно, что ни одной золотой скульптуры на Немертее не нашли? Кстати, а почему старина Руфус определил золото как немертейское? Но чем больше нелепостей громоздилось одна на другую, тем более лакомая добыча маячила вдалеке (далеко это определялось в 173 000 световых лет, не такая мелочь даже для современной межзвездной техники). Компьютер в

лавке Руфуса услужливо раздвинул стеклянные двери и произнес низким мужским голосом: “Добро пожаловать в мир старины, когда двери открывали сами люди”. После чего перед Атлантидой развернулась подвижная дорожка, ведущая наверх, в кабинет хозяина. Дорожка эта была популярна в Галактике лет триста назад. Но какой-то ушлый гробокопатель всучил ее Руфусу как находку с далекой планеты – то ли с Антея-3, то ли с Пелора, утверждая, что чудесная самодвижущаяся Дорожка перемещала людей с планеты прямо к богам и украшала старинные храмы. “Кидала” назвал сей артефакт “Лестницей богов” и клялся, что расстанется с чудесной находкой с болью в сердце и со слезами на глазах. Руфус так обрадовался, что выложил за “археологическое чудо” пятьсот кредитов. А Платон так хохотал, что не мог устоять на ногах, и упал на эту самую дорожку, которая благополучно сжевала своими стальными челюстями полу его новенького белого пиджака. С тех пор Платон стал относиться к сообщениям Руфуса с осторожностью. Но все же, почему золото немертейское? Не настолько же антиквар осел? Или настолько? Или только уши у него ослиные, как у царя Мидаса? Однако при всей своей ослиности Руфус умудрялся превращать свои сомнительные приобретения в золото, или, вернее, в солидные счета в банках. Атлантида встал на бегущую дорожку, и та медленно повлекла его наверх. Вспомнив про испорченный пиджак, Платон не удержался и пнул “археологическое чудо”. Пнул несильно, но добавил несколько сильных

выражений. – Этот элемент дома не очувствлен, – сообщил все тот же низкий голос компа. Платон терпеть не мог эти домашние компа последних моделей. Их интеллект примитивен, на каждый второй вопрос они не могут ответить, зато постоянно лезут с советами и комментируют происходящее, не давая шагу ступить без своих поучений. Иногда археолог мечтал о старинном доме без искусственного разума сомнительных достоинств.

Кабинет Руфуса напоминал сферу, изготовленную из матового стекла. Разумеется, всего лишь визуальный эффект, но довольно правдоподобный. Забавно наблюдать за человеком, который ступает на наклонный пол, а нога его при этом проходит вглубь и касается совершенно ровной поверхности. Человек непременно отпрянет или споткнется и будет двигаться, как по холодной воде, – осторожно трогая ногой поверхность и уж потом робко ступая. Атлантида довольно быстро привыкал к подобным обманкам, гораздо быстрее, нежели сам хозяин, который нет-нет да и умудрялся споткнуться обо что-то невидимое под голубой поверхностью псевдопола.

– Едва дождался! – закричал Руфус. Голос у него в отличие от голоса домового компа был высок и пронзителен. – Сюда! Сюда! – замахал он руками, будто зазывал археолога в скальную гробницу.

Антиквар повернулся к столу и молитвенно сложил пухлые ладошки: перед ним в защитном голубоватом коконе

стояла статуэтка высотой сантиметров пятнадцати. Вернее, пятнадцати с половиной, подойдя ближе, определил Атлантида. Судя по оттенку, золото было самой высокой пробы. Скульптурка изображала коша низкорослое, чем-то похожее на крошечную лошадку с очень короткими ножками животное с Немертеи. Помнится, один чудак вез целую дюжину кошей на космическом челноке, хотел показывать зверят то ли в цирке, то ли в зоопарке – кошки вообще довольно понятливые и незлобивые существа. По дороге кошки закуклились, а каков период пребывания в куколке – никто не знал. Горедрессировщик продал всю дюжину в ресторан на космической базе. После чего базу закрыли на долгий карантин. О том, что стало с обедавшими в том ресторане, рассказывали анекдоты месяца два по всей Галактике, а карантинная служба зверствовала на пересадочных базах, особенно в пищеблоках. К счастью, Платон не обедал в том ресторане... Итак, стало ясно, почему Руфус принял золотую статуэтку за немертейскую: кошки водятся только на этой планете. Вряд ли кому-то придет в голову делать их изображения из золота на Пелоре или на Галлии-7. Галлия-7... Помнится, на той планете было весело.

– Можно взглянуть? – спросил Атлантида.

– О да, конечно, конечно! – Торговец убрал защитное поле.

Профессор Рассольников положил на стол тросточку и взял в руки статуэтку. Работа довольно тонкая, но формы

носят явные следы архаики. Если он точно помнит классификацию немертейской культуры, золотой кош принадлежит скорее всего к началу эпохи Третьего царства. Или даже к концу Второго. Шерсть животного была намечена мелкими черточками. Штрихи шли неровно, с заметными пропусками, так, как будто шерсть у коша росла кустиками. Возможно, это и соответствует истине, а может, и нет. Или это какие-то надписи? Ведь письменности на Немертее так и не обнаружили, хотя археологи и астроисторики делали осторожные предположения, что цивилизация планеты была довольно древняя. Но кто может утверждать, что сложные орнаменты на дверях главной гробницы, – именно письменность? Ведь они до сих пор не расшифрованы.

– Ну, как, не зря ее купил? – радостно спросил Руфус.

– Да, несомненно, это более ценное приобретение, чем твоя “Лестница богов”. Кстати, можно поинтересоваться, как ты получил статуэтку? – Разумеется, нет, – засмеялся антиквар.

– Я бы мог купить коша, – небрежно добавил Атлантида. – Сколько?

– Десять тысяч, – скромно потупившись, сказал Руфус.

Платон прочистил горло.

– Сколько? – повторил голосом судьи, выносящего смертный приговор.

– Десять тысяч, – безмятежно отвечал Руфус.

Его кругленькая рожица расплылась в улыбке. Учитывая,

что склонный к экстравагантным поступкам хозяин лавки вырастил у себя во рту шестьдесят четыре зуба, обаяние его улыбки удваивалось.

– Ну хорошо, – согласился Атлантида. – Три. Учитывая, что ты мне должен тысячу за тех поддельных идолов с Пелора.

– Десять, – тут же последовал ответ. – А идолов ты купил по собственной инициативе.

Платон поправил несравненный “mamillariablos-sfeldiana” в петлице.

– Четыре. Идолов я тебе никогда не забуду.

– Десять... А с идолами ты сам ошибся, профессор. – Антиквар гнусно хихикнул.

– Смотрю ты, Руфус, обороняешься упорнее троянцев.

– Так ведь Немертея! – с придыханием произнес лавочник, как будто это слово что-то для него значило.

– Ладно, у меня нет десяти лет, чтобы осаждать твой Илион. Я заплачу десять тысяч.

– Десять тысяч за троянского коня, – сострил Руфус.

– Все-таки ты осел, – Атлантида решил, что, заплатив десять тысяч, он может быть вполне откровенен. – Троянский конь – это тот, которого запихали в Трюю, а не наоборот.

5

Из антикварной лавки Атлантида вышел в несколько

взвинченном состоянии.

Не столько на него подействовала потеря десяти тысяч, сколько появление в сомнительной лавке Руфуса золотой статуэтки, в подлинности которой Платон почти не сомневался. Это тебе не идолы Пелора. Вместо того чтобы вернуться в гостиницу и там с толком рассмотреть дорогое (в самом прямом смысле) приобретение, археолог решил подняться наверх, на крышу здания, где имелся, как помнилось, неплохой ресторан и, главное, вполне приличный компьютерный зал. Здесь Атлантида рассчитывал скачать необходимую информацию по Немертее. Плохо, конечно, не иметь личного дома и личного компа... Но это временное. Когда-нибудь он обоснуется на Старой Земле, а не на этой, почти подлинной, но все равно не настоящей. Пока прозрачная кабинка антигравитационного лифта тащила наверх, Платон рассеянно скользил взглядом по плывущим мимо разноцветным окошечкам, похожим на окошки убогих квартирок, где прежде обитали бедняки. Но ныне бедняков на Земле не осталось. Даже на этой. Земле-дубль. А эти окошки – выставленные за деньги на всеобщее обозрение личные сайты живущих где-то за сотни световых лет отсюда мечтателей, не знающих, что стоит дорого, а что не стоит ничего. Они демонстрируют с наивной небрежностью себя и свои скромные достижения, надеясь поразить дубль-землян, кто крутящимся разноцветным волчком – якобы новым совершенно неотразимым оружием, кто – полетом белых, похожих

на снежинки бабочек, – новыми моделями индивидуальных компов... Кто обратит на этот волчок внимание, поднимаюсь в лифте на тридцатый этаж, чтобы отведать настоящее жаркое? И как может белая бабочка помешать пассажиру прозрачной капсулы размышлять о связи золотой пластинки, купленной вчера в казино, и сегодняшнего коша, приобретение которого, пусть и в шутку, Атлантида сравнил с взятием Илиона? И так, что же происходит там, на Немертее? Действительно кому-то очень повезло? Или тайные раскопки гробокопателей увенчались успехом? Вчерашняя парочка явно не походила на счастливцев. Если у них и было золото, то отнюдь не много. Коша они (если это, конечно, были они) продали по дешевке – достаточно взглянуть на скромно потупленные глаза Руфуса, чтобы это понять.

Платон поднялся в ресторан и заказал “Черную собаку”. Потом долго изучал меню, словно опасался, что ему могут подать здесь жареного коша. Но если кош здесь и был, то только золотой, лежащий у него в кармане. Наконец Атлантида заказал жаркое со спаржей и трюфелями, после чего начал разговор с компьютером о Немертее. Он не стал гордиться супербарьеры защиты, прежде всего потому, что в общественном месте это дело безнадежное. К тому же он хотел получить официальную информацию, предоставленную МГАО. Интересно, что будет готово раньше – жаркое или запрошенная информация? И что обойдется дороже?.. Жаркое принесли раньше, но и стоило оно дороже.

Полученная информация ничего не прояснила, но лишь добавила загадок. Слишком много неясного слишком мало информации – Атлантида не любил такие задачки. Они напоминают пол антигравитационного лифта, сквозь который ты видишь далекую землю, но изображение искажено настолько, что лучше не смотреть... И потом эта вибрация... Платон очнулся от своих мыслей и внимательно глянул на пол. Лифт в самом деле трясло – не только пол, но и вся прозрачная капсула билась как в лихорадке.

"Аварийная ситуация", – мило сообщил комп на сервисном браслете. Атлантида это видел и сам, без подсказки искусственного интеллекта. А вот почему молчит компьютер лифта... Прозрачная капсула подозрительно ускорялась, а на пульте управления по-прежнему любезно мигала зеленая лампочка. Рассольников нажал кнопку экстренной остановки. Безрезультатно!

Ускорение лифта приближалось к ускорению свободного падения. И это "антиграв – надежность двести процентов" – припомнил Платон слова рекламы. Недаром он всегда их одинаково не любил – то есть и рекламу, и антигравитационные лифты. Атлантида поспешно выдернул из трости верхний сегмент, укрепленным внутри лезвием скovyрнул щиток управления и насадил на разъем свой миникомп вместе

с сервисным браслетом. – Остановка механизма в безопасном режиме! – скомандовал он похожему на большого жука умнику.

Тот пискнул, понятиливо заурчал, и лифт стал замедляться. Платона вдавило в пол, желудок выскочил в горло и придавил язык к нёбу. Потом давление ослабло, совершенно не эстетично заскрежетали включившиеся наконец аварийные механические тормоза, и лифт не особенно плавно, зато медленно продолжил свое движение.

– Спуск в Дит не удался, – пробормотал Атлантида и промокнул платком лоб. – А кто-то клялся, что антигравитационные системы практически не выходят из строя.

А ведь он утром еще вспоминал о той аварии... Случайность? Теперь Платону стало по-настоящему нехорошо.

Створки лифта раскрылись.

Служитель в сине-белой форме, цветом лица схожий с “*mamillaria blossfeldiana*”, слегка заикаясь, пробормотал:

– Со счастливым спуском...

– Благодарю...

Чтобы выйти из лифта, Платону пришлось опереться на незаменимую тросточку. Пред глазами у него все плыло. Атлантида перевел взгляд со швейцара на стоящую в стороне парочку, затем на пожилую даму в кружевной кофточке. Каждый ему казался убийцей. Археолог уже поднес к губам руку с сервисным браслетом, собираясь шепнуть: “Полиция”. Но передумал. Может быть, потому, что в кармане

у него лежал золотой кош.

"Меня хотели убить, – сказал он сам себе. – Как это банально. Терпеть не могу банальности".

Но из-за чего? Неужели из-за статуэтки стоимостью в десять тысяч кредитов? Быть такого не может. На Земле-дубль из-за таких сумм не совершают преступлений.

Тогда из-за чего?

На обратном пути в гостиницу Платон не отважился сесть в антигравитационное такси. Вдруг оно обрушится вниз, как лифт несколько минут назад. Атлантида потащился пешком. Впрочем, пешие прогулки для археолога – вещь не такая редкая. Только пейзаж другой, синеву неба не загораживают небоскребы. Рассольников поднял голову... Прямо на него несся сверху эллипсоид такси-антиграва. И судя по черному обгорелому днищу, антигравитационная подушка выключилась и не желала включаться. Платон не стал раздумывать, в чем дело, – метнулся вперед, перекувырнулся через голову и влетел рыбкой в распахнутую дверь какого-то магазинчика. Небьющиеся оконные стекла запели на разные голоса под градом осколков, защитная мембрана входной двери выгнулась буквой "С" – в нее въехал нос развалившегося корпуса антиграва. Фонтан желтого огня вырвался из оторвавшейся хвостовой части машины, и сразу же стекла и мембрана двери сделались дымчатыми.

Хозяйка магазинчика смотрела на горящие обломки такси и беззвучно шевелила губами. Профессор сидел, прива-

лившись спиной к стойке, и не торопился вставать.

– Вы случайно не торгуете антиквариатом? – зачем-то спросил Платон.

– Не-е-ет... – едва слышно выдохнула женщина.

7

Атлантида принимал ионно-гравитационно-контрастный душ и как раз подставлял тело под холодные струи воды – то есть подходил к последнему этапу процедуры, когда приятный голос компа изрек:

– Новое сообщение. Поступило от господина Монтеня.

– Да, лучше бы здесь была живая женщина, – пробормотал Платон, подставляя лицо под холодные струи.

– Приказ не понят. Я должна расшифровать сообщение или нет?

– Расшифруй, дурочка, – в этот раз он был настроен миролюбиво.

– “Имеется золотой узкогорлый кувшин. Узор частично совпадает с узором немертейской керамики. Возраст около четырех тысяч лет”. Монтень, в отличие от Руфуса, был осторожен, фальшивок не приобретал. Если он говорил – четыре тысячи лет, значит, так оно и есть. А Третье Царство Немертеи существовало как раз в этот период. А еще... Да, да, еще магазин антиквариата господина Монтеня находился в том же квартале, что и “Индепенденс”. Разумеется, Платон по-

ступает неосмотрительно, покупая еще одну золотую вещь-цу. Если из-за двух первых его пытались убить, то что делают из-за третьей?

И тут ему пришла в голову безумная мысль... Или, напротив, разумная? Что, если отправиться на Немертею и... Археолог еще не понял, что собирается там искать. Но чутье подсказывало – ищи. И совершенно не нужно ставить в известность о его планах Оксфордский Галактический Университет или МГАО. Очень кстати, что Передвижной Университет Ройка прислал Атлантиде приглашение... – Каков будет ответ? – поинтересовался комп.

– Покупать!

– Вы не собираетесь проводить экспертизу? – Если бы голосок гостиничного компьютера мог выражать удивление, в данном случае он бы его непременно выразил.

– Покупать! – повторил Атлантида приказ.

– У вас недостаточно информации. Монтень требует двенадцать тысяч за артефакт. Цена неумеренная.

– Это вполне философская цена. Покупаю.

– Зашифровать ответ?

– Да!

Атлантида вышел из душа. Мягкое покрытие пола имитировало старинный ковер. Настоящий ковер – это что-то очень древнее. Говорят, они сохранились только на Старой Земле. Платон уселся в кресло, налил в стакан текилы, разрезал лимон, насыпал соль на сгиб руки. Но пить не стал.

Задумался... Итак, что мы имеем? Золото и тайну погибшей цивилизации. Разве этого мало, чтобы отправиться на дальнюю планету? Хватит работать на сумасшедших заказчиков – пора начать делать что-нибудь исключительно для собственного удовольствия. И для пополнения своего счета в банке “Лионский межпланетный кредит”.

Да, несомненно, пора.

В КОСМОСЕ. земля – МАЛОЕ МАГЕЛЛАНОВО ОБЛАКО

1

В полете времени было достаточно. И пока оно тянулось застрявшей меж зубами жвачкой, можно немного поразмышлять о загадках цивилизаций гуманоидного и негуманоидного типа и о закономерностях их гибели. А цивилизации имеют такую особенность – погибать, едва достигнув расцвета. Так и люди – умирают, сделав что-нибудь хорошее или не сделав ничего. А потом прибегают другие неудачники, которые воображают, что будут жить вечно, и претендуют на наследство. “Черные археологи” – это наследники-самозванцы. Но чем они хуже законных?

На звездолетах класса “Кир-2” Атлантиде еще Летать не доводилось. Звездолет этот был новинкой, правда, из тех новинок, которые долго пытаются пробиться на рынок и прижиться на звездных путях, но все никак не могут стать популярными. Хотя на рекламу, разработки, модернизацию и вновь на рекламу потрачена уйма денег.

“Кир-2” был слишком огромен; чтобы включить модернизаторы пространства, требовалось отползти как минимум за

орбиту Марса-2 и еще на нное количество километров. А это время, время и время. Об этом бесцельно потраченном времени все рекламные проспекты “Кира-2” скромно умалчивали. Передвижной Университет Ройка решил почему-то заказать профессору Рассольникову билет именно на “Кир-2”. То ли им хотелось поразить профессора с Земли-дубль своей щедростью, то ли они невнимательно читали проспект. Впрочем, у звездолета имелись и достоинства – служба безопасности высокого класса. Учитывая две недавние попытки лишить его жизни, это не могло не нравиться профессору Рассольникову. С тех пор как Платон отбыл с Земли-дубль, никто больше на него не покушался, за ним даже не следили. В последнем он был уверен. Интуиция... Платону было чем заняться – материалов по истории Немертеи оказалось куда больше, чем ожидалось. Их было даже слишком много. Но все они напоминали бесчисленные и похожие друг на друга черепки, которые так любят попадаться под лопаты как начинающим, так и знаменитым археологам. Начинающие отбрасывают их с пренебрежением, старики приходят в восторг, сортируют, сравнивают и на основании своих классификаций строят новые пирамиды выкладок и теорий космической археологии. Черепки на Немертее были практически одинаковыми черная глиняная посуда с повторяющимся геометрическим узором, который никогда не менялся, вновь и вновь повторяя древние образцы. В течение более чем восьми тысяч лет немертейцы использовали одну и ту же кера-

мику. “Какое неукоснительное следование традиции!” – воскликнут одни. “Какой унижительный застой”, – скажут другие. В каких бы уровнях ни проводили раскопки, к какой бы эпохе они ни относились – находки поражали однообразием – черные сосуды с одинаковым узором. Но в отличие от земных классических раскопок керамики этой оказалось чрезвычайно много. Настолько много, что ее складывали грудями. Однако рано делать какие-либо оценки и выдавать решения. Надо рассмотреть материал и тогда...

Итак, посмотрим, что может сообщить о Немертее МГАО. “Немертея, четвертая планета в системе Ба-а. Звезда класса “F”, одна из полутора миллиардов звезд Малого Магелланова облака. Планета с атмосферой, идентичной земной. К моменту открытия во время Второй Конкисты разумные обитатели планеты не обнаружены. Разнообразная флора и фауна. Преобладают мелкие виды животных, есть несколько отрядов хищников. Тяготение 1,2567 земного. Карантинная служба дала разрешение на колонизацию. Служба безопасности Лиги Миров запретила колонизацию. Для посещения Немертеи необходимо специальное разрешение или межпланетная лицензия МГАО”. Такая лицензия у Платона была. Но запрет службы безопасности ему не нравился.

“Цивилизация Немертеи насчитывает около 9 тысяч лет.

Периодизация (составлена по стандартной схеме Космической археологии):

До 9000 г. до Второй Конкисты. – додинастический, или

доисторический период.

9000-7400 гг. до В.К. – период Первого царства, или период раннего развития.

7400-6000 гг. до В.К. – период Второго царства, первый расцвет Немертейской цивилизации.

6000-2000 гг. до В.К. – период Третьего царства, расцвет Немертейской цивилизации, создание Храма, Столицы, Дворца, главных гробниц. 2000-200 гг. до В. К. – период Четвертого царства. Упадок и гибель цивилизации Немертеи”.

Не густо. Периодизация явно искусственная – особенно если судить по обилию нулей. Более других сомнителен период Третьего царства. Четыре тысячи лет одна и та же культура, одна и та же формация? Бред. Ну а двухсотый год как последняя Дата существования вписан лишь для того, чтобы поставить какую-то точку в истории исчезнувшей Цивилизации.

Только неисправимый фантазер или человек, обладающий сверхинтуицией, может надеяться найти на Немертее нечто особенное.

А если учесть, сколько Платон затратил средств на эту поездку новый научный компьютер с программой самостоятельного исследования внешних воздействий (зачем ему эта дорогущая программа, Атлантида представлял смутно), робот-землесос модели 2000 и универсальный робот F-5501, крошечный глайдер-автопилот, антигравитационная тележка и еще двадцать коробок всевозможного оборудования – то

мечтать о прибыли мог только сумасшедший. И все же Платон надеялся, что траты сделаны не напрасно. Делая пометки в своем научном компьютере, Атлантида как бы со стороны любовался собой. Он – эрудированный, умный, обладающий несомненной интуицией, делает на борту летящего звездолета первые шаги к предстоящему открытию... Стоп! Не надо подобных заявлений. Будем самокритичны. Нет, нет, ум, эрудиция, интуиция – все это присутствует. Но какое это имеет значение? Секретарь профессора Брусковского, заглянув на сайт Оксфордского Галактического Университета или на сайт МГАО и обнаружив там статью Платона Рассольникова, не получившую благословение САМОГО Брусковского, тут же сошлет ее в такие дебри, что только потомки лет через пятьсот, выгребая информационный мусор, обнаружат обрывки несчастной статьи, сулившей профессору Рассольникову и деньги, и славу.

Так что максимум, на что он может рассчитывать, – это признание какого-нибудь Передвижного Университета Ройка, которому от силы лет пятьдесят – ровно столько, сколько первым поселениям на этой планете. Археолог глубоко вздохнул и вернулся к документам по Немертею. Данные отчетов гласили: к моменту открытия Немертея была обитаема. На планете с практически земной атмосферой (впрочем, таких планет не так уж и мало) и со следами цивилизации отсутствовали живые разумные существа. Когда капитан Гэльми сел на Немертею на своем весьма потрепанном

и требующем ремонта звездолете, планета предстала перед ним таким тихим провинциальным уголочком с зелеными лесами, непугаными животными и холмами, поросшими яркой травой. Все эти многочисленные холмы, как потом выяснилось, – погребенные под слоем почвы здания столицы, маленькие городки и деревни. Но Гэльми тогда еще ничего не знал о поселениях на Немертее. Не знал он и о том, что мясо кошей нельзя употреблять в пищу. А потом исчез помощник капитана. То есть пошел прогуляться до ближайшего ручья и пропал. Парня нашли лишь на третьи сутки в совершенно невменяемом состоянии, загрузили успокоительным и увезли с собой, благо корабль к тому времени починили и команда оправилась от первого приступа поноса, вызванного неумеренным потреблением мяса местных животных. Только на космической базе парень пришел в себя и, путаясь и заикаясь, рассказал, что нашел на берегу ручья прекрасную женщину. Она спала и была, как живая. Помощник встал перед ней на колени и стал молиться.

"Из чего она была сделана?" – поинтересовался капитан Гельми и на всякий случай справился у бортового компьютера – хватит ли топлива, чтобы вернуться на Немертею, а потом стартовать вновь. К сожалению, топлива не хватало.

"Девушка не сделана, – бормотал рехнувшийся помощник. – Она, как живая".

"Живая?"

"Нет, как живая".

Что он подразумевал под этим “как”, ни Гельми, ни корабельный психолог (а по совместительству кок) так и не поняли. Решили, что помощник нашел искусно сделанную мраморную статую. Более от бедняги ничего добиться не удалось.

Корабль добрался до пересадочной станции, на Немертею срочно отправили разведывательную экспедицию. Никакой девушки в устье ручья разведчики не нашли – ни из мрамора, ни из гранита. А вот под небольшим слоем почвы в выбранном наудачу холме раскопали яму, полную черной глиняной посуды. И кусок стены, оплетенный золотыми нитями. И тут на Немертею кинулись любители древностей, а за ними искатели желтого металла. Две волны столкнулись, образовалось цунами...

К тому времени, как обладающие непомерным аппетитом золотоискатели прибыли на Немертею, археологи уже создали определенную картину развития цивилизации и не желали от нее отступить. Весь путь таинственно сгинувших немертейцев они разделили на четыре царства. Самым кратким был последний период. Самым долгим – Третий. Границами между царствами, как обычно в археологии, служили толстые слои пепла. Археологи ломали голову, отбивая у золотоискателей осколки древней культуры, но так и не пришли ни к какому выводу.

А затем профессор Брусковский, рассмотрев на Старой Земле голограммы найденных артефактов, объявил цивили-

зацию Немертеи посредственной и бездуховной, и ученые полным составом устремились на Ройк с его многослойными вертикальными гробницами, набитыми мумифицированными телами с бесчисленными золотыми украшениями, алмазными чашами, серебряной посудой, инкрустированной мебелью, статуэтками и раскрашенными скульптурами.

Представьте сотни и сотни гробниц Тутанхамона, поставленные одна на другую – не по стилю исполнения – по богатству захоронений, – и вы получите представление о вертикальных гробницах. Рядом с раскопками Ройка найденное на Немертее померкло. Платон дважды за последнее время посетил Ройк, но ему позволили побывать лишь на двух мало чем примечательных раскопах: все работы на планете велись под строгим оком Межгалактического Археологического Общества (МГАО). Но даже по тому, что Атлантиде удалось увидеть, можно было составить представление о богатой цивилизации Ройка. “Хотя и несколько статичной”, – отметил про себя профессор Рассольников. Чего, кстати, не желали замечать государственные копатели, поскольку этого замечания не сделал профессор Брусовский. Итак, пока с достоверностью можно сказать одно: данных о Немертее очень мало, зато много простора для фантазии.

Атлантида проверил, заперта ли дверь, достал золотую статуэтку коша и сравнил с голографическим изображением коша из голубого мрамора, найденного в одном из раскопов. На мраморном коше шерсть тоже росла кустиками, но все же

по-другому – более мелкими, с завитками.

Скульптура была выполнена великолепно: казалось, что зверь вопросительно смотрит на зрителя. На морде виднелись складки кожи, на губах – отдельные волоски, меж полуоткрытых губ – крупные зубы. В руках неизвестного мастера мрамор казался податливым теплым воском. Рядом с мраморным золотой кош выглядел примитивным и унылым существом.

В каюте раздался мелодичный звоночек. Наступило время обеда.

2

На кают-компанию “Кира-2” дизайнеры не пожалели места. Здесь можно было не только пообедать, но и потанцевать, особенно если учесть, что искусственная гравитация на звездолете поддерживалась идеально. Покрытый псевдопластиком пол отражал золотые шары бесчисленных светильников. Официанты в одинаковых белых куртках (не роботы, а живые люди, совершенно недопустимая роскошь в космосе) бесшумно скользили меж столиками с серебряными подносами, стилизованными под священные диски, найденные на Пелоре. В глубокой нише, затканной световой сеткой, сидел псевдолев с Гомера. Не настоящий псевдолев – голограмма. Почему планету, на которой не обнаружили ни разумной жизни, ни следов цивилизации, назвали Гомером, неизвест-

но.

Видимо, первооткрывателю хотелось блеснуть своим интеллектом.

Платон уселся за столик.

"Не надо было тащить с собой в экспедицию золотого коша да еще этот сосуд – достаточно было взять голограммы", – подумал Атлантида. То есть чутье опытного археолога подсказывало ему, что на Немертее могут понадобиться именно сами артефакты. Но брать с собой золото на "Кир-2" было безумием. Как еще отнесется к экспонатам таможня? И есть ли на Немертее таможня?

– "Черную собаку" – бросил Атлантида проплывавшему мимо официанту.

Платон обвел взглядом столики. Почти все уже были заняты.

– Простите, могу ли я здесь присесть? – вежливо и слишком уж церемонно обратился к нему молодой человек в безупречном светло-сером костюме в тонкую красную полосу.

Лицо у незнакомца было белое с нежным румянцем. Атлантида милостиво кивнул. Электрогребешок выпрыгнул из кармана молодого человека, скользнул по гладким черным волосам и вновь нырнул в кармашек.

– Ал Вродсайт, – представился нежданный сотрапезник. – Консультант Передвижного Университета Ройка.

– Профессор археологии Платон Рассольников.

– Я читал все ваши статьи. Позвольте пожать вашу руку. –

Молодой человек поднялся и протянул руку Платону. Тот ответил рукопожатием, хотя подобная фамильярность давно вышла из моды, учитывая три пандемии во время Второй Конкисты.

– Вы – светило в космической археологии. Я так счастлив, что встретил вас на “Кире”. Особенно меня поразила ваша последняя работа о подобии развития галактических цивилизаций. А куда вы летите, можно узнать?

– На Ройк. У меня приглашение прочесть несколько лекций о связи цивилизаций LMC, SMC и MMC. – Профессор поправил цветок “*mamillaria blossfeldiana*” в петлице.

– О, новые изыскания? Потрясающе! Какая жалость, что я пропустил ваши последние публикации... Так вы считаете, что все цивилизации Магеллановых облаков связаны?

– Подобие цивилизаций, как и повсюду. Какая иная связь может быть между культурой сукки и вертикальными гробницами Ройка? – Сам Атлантида знал, какова связь, но не стал уточнять в разговоре с юным консультантом.

– Вы очень остроумны, – Бродсайт рассмеялся и захлопал в ладоши. – Bravo! И каков же план ваших лекций?

Манера поведения сотрапезника раздражала.

– Позвольте его пока не разглашать.

– Ну конечно! Разве я могу претендовать на откровенность с вашей стороны?! Ведь я ничем-ничем ее не заслужил. – Электрогребешок вновь вылетел из кармана и вновь пригладил волосы Бродсайта. – А что вы думаете о суще-

ствовании общих причин гибели гуманоидных цивилизаций Галактики?

– У вас есть теория на этот счет? – Атлантида не сомневался, что теория у юнца есть.

– Да, я кое-что написал и даже выслал статью профессору Брусковскому. Консультант профессора их одобрил. Но лучше бы я выслал свою работу вам. Я там обобщил данные по вертикальным гробницам. А что вы думаете о цивилизации Ройка?

– Я не специалист в этой области.

– Как жаль. Но знаю, вы бы оценили мой стиль... У меня хороший стиль. Конечно, я не могу сравниться с вами, но все же претендую на внимание с вашей стороны.

"Треснуть бы его тросточкой по башке" – кровожадно подумал Атлантида. Бродсайт с каждой минутой злил его все больше. Треснуть очень хотелось-просто руки чесались.

– Моя статья идеально ложится на вашу теорию подобия и на теорию профессора Брусковского о Вселенской цивилизации. Такое соседство профессору Рассольникову не нравилось.

– Что может быть общего у меня и у профессора Брусковского? – заносчиво спросил Платон, теряя терпение.

– Все можно объединить, если очень постараться... И разъединить тоже. – Бродсайт поднялся из-за столика. – Было приятно с вами познакомиться. Роста он был отнюдь не высокого. Скорее даже низенького. Причем за счет коротко-

ватых ног. Почему он не сделал биокоррекцию? Не хватило кредитов? Не похоже. Захотел сохранить свою индивидуальность. Такое бывает. Сам Платон тоже не стал переделывать свой плебейский нос на прямой или римский. “Надеюсь, мы с консультантом больше не встретимся”, – подумал археолог.

3

Вернувшись к себе в каюту, Атлантида внимательно осмотрел вещи. Если судить по показаниям датчиков и сообщениям компьютера, в каюту никто не заходил. И все же... Что-то настораживало Платона. На Твсякий случай он проверил заказ на фрахтовку челнока и запросил сайт Передвижного Университета Ройка по тахионной связи. После небольшого сбоя пришел ответ. В списках университета в самом деле числился консультант Ал Бродсайт. М-да... Лучше бы это имя не значилось в списке. Платон уже хотел запросить перечень работ Бродсайта, но в этот момент кто-то постучал в дверь. Какой старинный способ сообщить о себе – как будто у каюты нет переговорного устройства! Атлантида включил прозрачность двери. Через полминуты он отчетливо увидел, что в коридоре стоит Ал Бродсайт и стирает платком кровь с рассеченной губы. Один глаз у него стремительно заплывал, посредине лба вспухла пока еще бесцветная шишка. Платон удивился, но приказал двери открыться. – Что я вам такого сделал! – воскликнул Бродсайт, не пе-

реступая, однако, порога. – Я же к вам со всей душой, а вы!.. – голос его дрожал от нестерпимой обиды и боли.

Рассольников также не пожелал выйти навстречу консультанту и задержался возле стоящего в центре каюты стола.

– Что – сделал? – не понял Платон и вновь неожиданно почувствовал приступ раздражения – как полчаса назад в столовой. – Зачем вы устроили на меня засаду? Я ваш давний поклонник – и вдруг такое. Возможно, я недостаточно лестно отозвался о ваших статьях... – Нет, нет, куда как лестно... – ирония была неуместна, но профессор Рассольников почему-то не мог говорить серьезно. – Я прекрасно понимаю, что моих знаний не хватит оценить всю глубину ваших теорий. Но все же не надо натравливать на меня ваших сторонников.

Атлантида недоуменно пожал плечами и уселся в кресло.

– Честно говоря, все время после обеда я провел в каюте.

– Да? А это тогда что? – Бродсайт помахал в воздухе окровавленным платком.

Потом демонстративно потрогал челюсть.

– У меня зуб шатается, причем из только что выращенных. Нет, нет, я не собираюсь вам мстить, напротив, я по-прежнему восхищаюсь вашим талантом. Но зачем же так жестоко?!.. – Бродсайт заплакал.

– Послушайте, Ал!..

– Так жестоко... – повторил несчастный консультант и, сокрушенно качая головой, побрел по коридору.

– Обратитесь к капитану! – крикнул ему вслед Атланти-

да. – Если на вас напали... Бродсайт обернулся.

– Нет, нет, только не капитан! – Он передернул плечами. – Как я могу бросить тень на имя профессора Рассольникова!

– Да кто же, в конце концов, на вас напал?! – Платону и самому стало любопытно. Он поднялся и шагнул к двери.

Бродсайт бегом вернулся.

– Вы! Вы лично! У вас и кровь моя на костюме. Вон, на лацкане. Конечно, я готов от вас все стерпеть, даже побои. Но только скажите, в чем я провинился?

Атлантида невольно скосил взгляд на лацкан пиджака. На безупречно белой ткани темнело бурое пятно. В самом деле похоже на кровь. Костюм стоимостью в пятьсот кредитов! Откуда на нем кровь? Археолог отступил и брезгливым жестом отвел руку Бродсайта, который азартно тыкал пальцем в бурое пятно. – Вы испортили мой костюм.

– Я?! Что вы! Ваш костюм для меня священен! Это вы ударили меня! Вы! Моя кровь! Но я промолчу... Я никому не скажу... Никогда... Клянусь...

Атлантида шагнул в каюту, и дверь автоматически захлопнулась. Мерзавец... его стоило в самом деле избить – хотя бы за испорченный костюм. Но ведь Платон его и пальцем не тронул. Тогда почему этот парень толкует про нападение?

Ерунда! За обедом, помнится, подавали соевый соус. Но Атлантида всегда ел аккуратно. Скорее всего, это Бродсайт размахивал вилкой так азартно, что оставил пятно на лацкане пиджака своего соседа. В таком случае очень хорошо, что

ему набили морду.

Вероятно, шизофреник. Говорят, на некоторых планетах перестали делать новорожденным прививки от шизофрении, и теперь на звездных путях частенько попадаются чокнутые. Или... Помнится, Атлантида хотел отхлестать этого типа тросточкой за обедом. Вдруг неизвестный благодетель исполнил его невысказанное желание? Нет, такого не может быть. Рассольников провел ладонью по лицу. Бред...

Но тогда откуда на лацкане кровь? И, похоже, Бродсайта кто-то приложил от души. Вот тебе и прекрасная служба безопасности!

4

И тут на “Кире-2” замигали синие и красные лампочки и очень неприятный голос, напоминающий голос учительницы математики, произнес:

“Просьба занять индивидуальные капсулы. Просьба занять индивидуальные капсулы. Через двенадцать минут произойдет включение модернизаторов пространства. Просьба занять индивидуальные капсулы. “Кир-2” готовится к гиперскачку. Повторяю, “Кир-2” готовится к гиперскачку. Через одиннадцать минут сорок секунд включатся преобразователи пространства. Просьба занять индивидуальные капсулы”.

Через одиннадцать минут сорок секунд “Кир-2” начнет пожирать парсеки быстрее, чем глайдер пожирает километ-

ры.

ПРИБЫТИЕ НА НЕМЕРТЕЮ

1

Королей Немертеи хоронили особым образом – пеленали и привязывали к столбам гробницы, словно покойники могли убежать. Запеленатые раскинутыми руками чем-то напоминали распятых. Возможно, они были еще живы, когда их оставляли в гробницах, а вход закрывали гранитной плитой.

Или так проводили жертвоприношения? Но какому богу нравились мучения распятых в темноте, оставленных подданными правителей? Вопрос праздный – никто из современных ученых не знал ответа. Есть только гипотезы. И еще эти пелены, хранящие спустя сотни лет формы исчезнувших тел. Тела истлели, а пелены сохранились почти невредимыми. А как хоронили простых смертных – тайна вдвойне, потому что от простых смертных не осталось ни гробниц, ни пелен, ни праха. Если не считать двух полуистлевших трупов, найденных полуистлевшими Второй экспедицией – той, что побывала на Немертее после капитана Гельми. Но по теории того же Брускового это были останки потерпевших катастрофу астронавтов, прибывших на Немертею уже после заката ее цивилизации в самом начале Второй Конкисты, –

уж больно покойные походили на людей – даже генетический код совпадал. Пожалуй, в этом вопросе Атлантида был склонен согласиться с профессором Брусковским – но только в данном вопросе.

2

На пересадочной базе Платон Рассольников заглянул в магазинчик. Только на дальних космических базах можно увидеть подобные шопы, так похожие на земные супермаркеты начала Третьего тысячелетия, – тележки, оборудованные мини-компами, полки, уставленные банками с продуктами, пакетами с чистящими присадками и ароматизаторами воздуха. Выбор беден, качество – сомнительно. Но чего еще ждать от Пятой пересадочной базы Магелланова облака? Атлантида напрасно пытался найти здесь приличный белый костюм взамен испорченного Бродсайтом. Но ни одного на весь этот занюханый шоп. И – как обратил он внимание – ни одной бутылки текилы. К счастью, у археолога имелся в багаже ящик необходимой выпивки. К тому же никто не покупает спиртное на подобных базах: во-первых, дорого, во-вторых, наверняка подделка. Но костюм... Оставался один выход-приобрести три или четыре флакона пятновыводителя в надежде, что сервис-робот справится с пятном то ли крови, то ли соуса, которым испоганил дорогой костюм чокнутый консультант. Внезапно сервисный браслет писклявым

голоском – опять подсели батарейки, купленные в последний момент в киоске звездного порта, – сообщил:

– Профессор, вас вызывает на связь Катрин.

Что за Катрин? Насколько помнил Атлантида, последние два месяца он не состоял в связи ни с одной женщиной по имени Катрин. Видимо, кто-то из старых знакомых... или коллега? Он подошел к стоящему в углу аппарату тахионной связи и набрал свой код.

"Связь отключена", – последовало сообщение.

Платон оглядел магазинчик, нервно поигрывая тросточкой. Нелепая шутка его встревожила. Уж не собирается ли неведомый преследователь вновь устроить очередное покушение. Но все вроде бы спокойно. Скорее всего, одна из здешних девиц, маясь от скуки, решила сыграть с ним дурацкую шутку. На дальней базе редко можно встретить человека в белом костюме с тросточкой в руке. Он поневоле привлекает внимание, даже если не пускается в рассуждения возле кассового компа об Эдиповом комплексе и Зигмунде Фрейде. Одна из трех девиц, стоявших возле прозрачной капсулы управляющего модуля, постоянно хихикала и бросала на археолога лукавые взгляды.

– Девушки-красавицы, кого из вас зовут Катрин? – спросил Атлантида игриво.

Девушки переглянулись и захихикали.

– Меня кличут Люси, – сообщила рыженькая кокетка. – Но я не даю свой личный номер незнакомым мужчинам, да-

же если они очень импозантны.

– В следующий раз мы будем считаться старыми знакомыми, – парировал Платон. – Я к вам непременно загляну.

– А как вас звать? – Стрельнула глазками рыженькая кокетка.

– Атлантида.

– Вы с планеты Атлантида?

– Нет, я просто Атлантида.

– До встречи, “просто Атлантида” с планеты Атлантида! – Помахала ему ручкой рыженькая. Меж пальцами блеснули прозрачные розовые перепонки. Неужели амфибия с Тритона? Он никогда не слышал, чтобы на космических базах служили гуманоиды с Тритона. Но на окраинах все возможно... Запасшись чистяще-моечными средствами, Платон прошел в свой ангар. Погрузка зафрахтованного челнока была уже закончена. Какой-то парень в грязном комбинезоне и с музыкальным шлемом на голове вяло переругивался со складским компом. Компьютер летал на антигравитационном блюде по ангару и на классическом космолингве объяснял нерадивому человеку все его ошибки и просчеты.

– Да не знаю я, где этот ящик, – отбрехивался парень и постукивал кулаком по музшлему. – Н-не знаю. Испарился... Да, да... как же... санкции... штрафы...

– Что за ящик? – спросил археолог, предчувствуя недоброе. – Вон оттуда... вернее – туда... грузим... нету... исчез... – Любитель музыки небрежно махнул в сторону за-

фрахтованного Атлантидой челнока.

– Что содержалось в ящике? – обратился Платон к компьютеру, понимая, что от парня не добиться внятных объяснений.

– В ящике находилось двадцать бутылок текилы, застрахованные на пятьдесят кредитов.

– Как такое может быть?! Я запаковал багаж еще на Земле-дубль!

– Приношу свои извинения, – пищал комп, проецируя на экран бледное изображение какой-то красотки, по случаю скачанной с дешевого порносайта. Красотка принимала самые соблазнительные позы и попискивала следующее:

– Ячейка 757712 оказалась пуста. После окончания расследования этого дела, в случае если ящик не найдется, вам выплатят страховку. Оставьте номер своего компьютера. “Сейчас, жди!” мысленно пообещал Атлантида изображавшей крайнее возбуждение девице на экране.

– Если ящик будет найден, вам немедленно его вышлют. Разумеется, вам придется доплатить за досылку и хранение, – девица принялась водить язычком по губам.

– О, черт! Я хочу получить пятьдесят кредитов сейчас!

– Это невозможно...

Изображение порнодивы внезапно исчезло, и появилась какая-то небритая физиономия, которая явно не помещалась в экран компа – одна щека оказалась срезанной, так же как и макушка. Однако вряд ли такие мелочи могли испор-

тить общее впечатление.

– Принимаем ваше предложение, – сообщила физиономия. – Топай к банкомату, и тебя обслужат.

После чего комп поспешно уплыл и скрылся в одном из проходов между контейнерами. Странно, что небритый не погрозил “магнумом”¹ с экрана.

– Где банкомат? – Платон похлопал обладателя мушлема по плечу. Тот небрежно ткнул пальцем куда-то себе за спину. Банкомат был рядом, у самого выхода из ангаров – будто специально установленный. И по первому требованию любезно выплюнул карточку на пятьдесят кредитов. И так, текила исчезла. Человек более суеверный усмотрел бы в этом дурной знак, человек более подозрительный – изуверское вредительство. Однако не досчитаться багажа – дело вполне обыденное в наш сумасшедший тридцатый век. И ничего мистического в исчезновении текилы не было. Среди работников космопортов и пересадочных станций немало всякой швали, их держать на работе выгоднее, чем покупать современных роботов. Поэтому не удивительно, что исчез именно ящик с текилой. Оставалось одно – стиснуть зубы и отправляться на Немертею совершенно трезвым.

¹ Имеется в виду бластер системы “магнум”.

Профессор Рассольников погрузился в довольно удобную, хотя и изрядно потрепанную, люльку челнока. Бортовой комп привычно отсчитывал время до старта. Платону всегда хотелось отключить автопилот и стартовать самому – нажимая нужные кнопки и задавая режимы работы двигателей. Он даже выучил, что красная кнопка справа – это кнопка аварийного катапультирования. Прямо по центру отключение автопилота. А третья зеленая в верхнем ряду – подача топлива. Ну и десятка два включали системы защиты. После приобретения столь ценных знаний Атлантида разумно отказался от мечты стать по совместительству астронавтом и решил по старинке доверяться автопилоту.

Говорят, поле двигателя Краснова замедляет мыслительные процессы. Пока что Платон этого не замечал. Но ведь все дело в точке отсчета. Вдруг одну-единственную мысль он будет думать на протяжении нескольких дней или даже часов? Невозможно определить – человек в брюхе челнока являлся разновидностью багажа – не более.

Представился вдруг огромный бледно-лиловый цветок “*mamillaria blossfeldiana*”, он высовывал из песка толстые восковые лепестки, а Платон сидел в его середине абсолютно голый, только на груди у него непостижимым образом крепилась золотая пластина, приобретенная в казино. Цветок

медленно плыл по песку. Вдали высилась ступенчатая пирамида. Но по мере того как Атлантида приближался к ней, пирамида не росла, а погружалась в песок. Мимо проскакал кош на своих коротких свинячьих ножках, повернул голову и сказал голосом Ала Бродсайта:

– Моя теория подтвердилась.

Археолог сейчас не был уверен даже в том, что дышит. Он попытался определить – дышит он или нет. Грудь не поднималась, но и вздохнуть не хотелось. Он сделал усилие... И воздух ворвался в легкие. И тогда он понял, что двигатель Краснова выключился. Челнок совершал положенный виток вокруг планеты и общался на своем машинном языке с кружащим над планетой Цербером. Военный спутник Лиги Миров проверял, есть ли лицензия МГАО у пассажира – непилотируемый Цербер любезно защищал бесхозную планетку от проникновения всяких нехороших личностей.

– Долго еще? – спросил Платон.

– Разрешение на посадку получено. При повторном посещении вас пропустят через двенадцать секунд, – обрадовал археолога бортовой комп.

Следующие несколько мгновений начисто выпали из памяти – вновь включился двигатель Краснова. Когда Платон пришел в себя, корабль уже входил в плотные слои атмосферы Немертеи, Атлантида покосился на красную кнопку. Детские фантазии! Жить ему пока что не надоело.

– Даю координаты посадки, – пищал голос компа.

“Надо будет получше припрятать артефакты”, – запоздало решил археолог. Судя по тому, что он успел додумать столь мудрую мысль прежде, чем челнок содрогнулся всем корпусом, опустившись на поверхность планеты, мысли текли пусть и не особенно быстро, но и замедлились не слишком. Корабль еще раз сильно тряхнуло – посудина была не самой последней модели. Было слышно, как шипит воздух, стравливаемый из корпуса, ремни страховочной люльки расстегнулись сами собой. Атлантида пробрался по узкому неудобному проходу между блоков аппаратуры и вышел в коридор. Он все еще был в белом костюме, правда, изрядно помятом. Атлантида одернул пиджак, надел шляпу, повесил тросточку на сгиб руки и направился к выходу. Цепочка голубых ламп вела к белому прямоугольнику – крышка люка была открыта, по пандусу ползал робот-погрузчик, выволакивая серые одинаковые коробки наружу.

– Произвожу выгрузку оборудования согласно программе, – сообщил робот, когда его датчики засекли человека. – Добро пожаловать на Немертею.

Притяжение на планете было больше земного, и археолог ощутил неприятную тяжесть во всем теле – будто он за время полета растолстел килограммов на двадцать. Платон, стараясь держаться как можно непринужденнее, вышел. Вышел, глянул на таинственную планету и... сказать, что остолбенел было бы не совсем верно. Для характеристики произведенного Немертеей впечатления понадобилось бы более силь-

ное выражение. Но более сильного в космолинге не имелось. Правда, если покопаться в памяти, можно кое-что припомнить из старорусского, но Атлантиде сейчас было не до лингвистических изысков. Если верить описаниям МГАО, повсюду должны были простираться бесконечные зеленые леса и зеленые холмы под ясным небом. А ландшафт перед ним представлял нечто среднее между лунным пейзажем до эпохи Первой Космической Конкисты и видом Ольстера-23 после локальной ядерной войны. Серая земля, осколки скал, черные провалы и тучи песка, которые кружились над поверхностью маленькими, но не сулящими ничего хорошего торнадо.

– А где леса? – спросил Атлантида у самого себя. Среди этого вздыбленного серо-коричневого пространства как раз между двумя неспешно крутящимися смерчами к челноку пробиралась женщина, причем нестарая: это Платон определил безошибочно, несмотря на серо-голубой мешковатый комбинезон и платок, которым была закутана ее голова. “Не больше тридцати”, – уточнил он, наблюдая за ее походкой. Возраст этот в наше время считается юностью.

– Привет! – донеслось из-под платка. – Рада, что хоть кто-то решил заглянуть на эту чудесную планету! – Она сняла перчатку и протянула узкую ладонь. – Я – Андромаха Свентитская, инспектор МГАО. Можете звать меня просто Андро.

– Профессор Платон Рассольников, – представился Ат-

лантида.

– Я слышала о вас! У меня есть записи всех ваших докладов. Разумеется, те, которые угодили в сети нашего облака.

– Вы случайно не родственница Шлимана?

– О нет! – воскликнула она и даже немного рассердилась. – С этим дилетантом у меня нет ничего общего. Я – последовательница системы Монтилье и Монтелиуса.

– Не похоже, что тут копали, следуя хоть какой-то системе! – проговорил Платон, озираясь по сторонам. Ближайшая воронка была такой глубины, что планетарный челнок мог уместиться там полностью. К счастью, посадка произошла на более ровной поверхности.

– Когда я прибыла на Немертею, здесь все уже было так, как сейчас. Андро не обращала внимания не крутящиеся невдалеке мини-торнадо, и Платон решил, что ими пока не стоит интересоваться.

– Как можно жить среди этого песка и пыли?

– Никто тут не живет. Это территория Древней Столицы. Я веду здесь раскопки. А живу далеко от космопорта, но на вездеходе домчимся быстро.

– Это космопорт? – Атлантида оглядел несколько обломков скал, сложенных так, что получилось некое подобие ограды.

– Здесь потрудились дилетанты вроде Шлимана! А когда вы попадете на мой участок, то оцените мои труды – там все согласно научным методам: главный инструмент – не земле-

сосный робот, а кисточка и пинцет.

– Странная ситуация, Андро, – проговорил Атлантида. – Планета явно пригодна для жилья, но ее никто не осваивает. Не могу поверить, что со времени Второй Конкисты остались подобные планеты.

– Нет разрешения на колонизацию, – с некоторым торжеством в голосе сообщила Андро. – И не будет, пока не установят причину гибели цивилизации и не получат объяснений происходящих на планете аномальных явлений. А причину нельзя установить, так как раскопки не ведутся. То есть веду одна я. МГАО закрыло финансирование.

– Закрыло финансирование? Без установления причины гибели гуманоидной цивилизации?

Даже от МГАО Платон не ожидал такой глупости.

– Представьте! Я сижу здесь не только потому, что мне надо работать хотя, конечно, именно поэтому, – но и потому, что не имею ни одного кредита, чтобы убраться с планеты. С другой стороны, это даже хорошо, что я не могу уехать. Иначе планету превратят в помойку и уничтожат все сколько-нибудь ценное. Я непременно должна показать вам коллекцию керамики. Восхитительные образцы посредственного стиля. И какое точное совпадение узора во всех слоях в течение нескольких тысяч лет! А моя коллекция гончарных кругов...

– Не сегодня, – поспешил прервать ее Атлантида, опасаясь, что последует целая лекция – стоит археологу загово-

ритель о черепках, и он не умолкнет до следующего утра. – Я бы хотел знать, где тут гостиница.

– Гостиница? – переспросила Андро. – Разве вы не были информированы? Да, да, информация поступает нам со сборами. А от нас, то есть от меня, не поступает вообще. После того как закрыли финансирование, у нас нет средств оплатить в полном объеме формирование тахионных информсетей, и мы вынуждены оплачивать лишь фрагменты, ликвидируя перегрузки нелинейной зависимости. Рассольникову стало казаться, что он общается с рехнувшимся компом. – Так где я могу приткнуться? – спросил он, желая поскорее прекратить разговор.

– Я поселю вас у очень милых людей, – сказала Андромаха, – Идемте, подкину вас на своем вездеходе. Не забудьте прихватить личный багаж. Муж и жена, археологи-любители, очень мне помогают. Не знаю, что бы без них делала. Они живут в зоне отдыха. И, пожалуйста, не трогайте оборудование. Пусть ваш робот погрузит все назад в челнок. Ваше оборудование негде хранить. В космопорте нет складов. А мой склад я вам предоставить не могу. Так что оставьте все в челноке. Вам понравится у моих друзей...

Исчезновение ящика текилы и так испортило Платону настроение. Ну а подобная встреча не прибавила оптимизма. Что-то подсказывало Атлантиде, что путь к золоту Немертеи будет отнюдь не легкий. А надо сказать, что интуиция редко его подводила.

ЗОНА ОТДЫХА

1

Вездеход подскакивал на рытвинах и рисковал каждую минуту перевернуться.

На прозрачный непробиваемый купол сыпались осколки камней и песок. Небо казалось серым, свет Ба-а – тоже. Атлантида пытался представить, где находятся в этом каменном аду главные гробницы, голограммы которых он видел в справочниках, но почему-то не представлялось.

Андро что-то напевала, какую-то новенькую песенку, подслушанную в тот момент, когда она ликвидировала перегрузки нелинейной зависимости. Эта песенка была популярна на Земле-дубль. Набор слов не особенно перегружал память. Атлантида отметил, что вездеход был дорогой и почти новый. Значит, кредиты все-таки у археологини водились.

– А почему вы не используете глайдеры? – спросил Атлантида.

– Потому что над бывшей Столицей они летать не могут. Да и над холмами постоянные аварии. Когда мы делали аэро-съемку для выявления новых зон раскопок, глайдеры падали трижды без видимых причин.

Бортовой комп вел вездеход по проторенной дороге, если, конечно, эти ухабы можно было назвать дорогой. У машины были вполне приличные амортизаторы, и потому Атлантиде казалось, что он плывет по песчаному морю. Почему-то вспомнился сон. Он – в цветке кактуса. И желтые бесконечные дюны вокруг. За стеклянным колпаком мелькнула какая-то темная масса и стала приближаться.

– Что это? Дворец эпохи Третьего царства? – постарался проявить свою осведомленность Платон.

– Первая космическая база. Чернушники раскопали ее вместе с дворцом, – отвечала Андро. – Потому я ошибочно пыталась вывести теорию, что цивилизация Немертеи пользовалась компьютерами и бластерами и поклонялась богу, похожему на Микки Мауса... Шутка, – сказала она без смеха. – Но я неосмотрительно и поспешно заявила, что цивилизация Немертеи имела выход в космос. Меня обсмеяли все кому не лень. Даже профессор Брусковский сказал свое “фэ” – как это я осмелилась выдвигать подобные теории.

– И после этого закрыли финансирование раскопок?

– Можно сказать и так, – голос Андро дрогнул от обиды. – Но они не видели, что мне удалось обнаружить!

– Чушь какая-то, – Атлантида улыбнулся лишь для того, чтобы смягчить резкость слов. – Что здесь произошло? Групповое помешательство?

– Не знаю. – Андро пожала плечами – Я прибыла сюда позже – уже когда все заканчивалось. Столица лежала в ру-

инах и народ бежал с планеты. Мне даже удалось купить по дешевке почти настоящий домик и перенести его в загородную зону.

– Подождите с вашей загородной зоной! Ведь взрыв Столицы произошел уже после прибытия археологов и кладоискателей? Так?

– Ну да... – Андро нахмурилась: она не понимала, куда он клонит.

– А раз так, то должны остаться изображения, как выглядела Столица до взрыва.

– Говорят, она была сильно разрушена.

– Что значит говорят? А изображения? Голограммы? Неужели инспекторы МГАО вели раскопки, ничего не фиксируя?

– Не знаю. Изображений не сохранилось. Во всяком случае, я их не видела.

В архиве МГАО тоже не было изображений раскопок Столицы до взрыва. И про взрыв тоже не имелось сообщений. Смутное упоминание о какой-то катастрофе перед началом бегства – и все. Может быть. Столицу и не начинали раскапывать? Произошло столкновение враждующих групп из-за сфер влияния, взрыв нескольких мегаснарядов, после чего вопрос о раскопках отпадает сам собой. Такое бывало часто, когда открывали новую планету. А потом Служба безопасности Лиги Миров обнаружила какое-то необъяснимое явление и попросила всех на выход. – Вам доводилось находить

статуэтки в раскопках? – спросил Атлантида, благообразно опустив слово “золотые”.

– Я нашла кое-что получше. Вы не поверите. Двести десять тысяч семьсот двадцать пять совершенно одинаковых черных керамических кувшинов. И это не предел...

О прелестях черной керамики Атлантида не мог больше слышать.

– Мне нужен глоток текилы.

– Я не пью текилу. В основном мы употребляем местную брагу. Очень оригинальный напиток. Ноэль вас непременно угостит. Вездеход остановился. После повторного напоминания бортового компа прозрачная крышка соизволила отъехать в сторону. Андромаха выпрыгнула первой. Затем вылез Атлантида.

Перед ними была стена высотой метров пятнадцать, и стена монолитная. Не похоже, чтобы где-то в ней имелись хоть какие-то намеки на швы. Часть стены, видимо, ушла в почву очень давно. Во всяком случае, до эпохи массовой атаки золотоискателей. Ворота находились в яме, и к ним вел довольно крутой спуск с неровными ступенями. По обеим сторонам от ворот были высечены правильные овальные ниши. Возможно, когда-то в них находились скульптуры. Сейчас ниши пустовали.

– Идем, – сказала Андро. – Вездеход я оставлю на этой стороне.

И она энергично зашагала по ступеням.

– А багаж? – крикнул ей вслед Атлантида.

– Возьмите самое необходимое. Никто ваших вещей не тронет. Просто потому что некому.

Платон не был так уж уверен в сохранности багажа. Он взял чемодан с вещами и коробку, в которой хранился научный комп и находки с Немертеи. Археологические инструменты пришлось оставить в вездеходе, как советовала сумасшедшая Андромаха. Она уже спустилась к воротам и теперь поджидала его.

– Ну! – сказала она торжественно, будто собиралась перерезать ленточку на открывающейся выставке новых археологических находок, и трижды провела по двери пальцем, обводя нарисованный белый круг. Ворота открылись. За ними лежали зеленые холмы, окутанные влажным туманом. Прямо под ноги стлалось ровное поле, поросшее нежно-зеленой травой, правда, с проплешинами – этакая зеленая шкура коша. То там, то здесь над травяной гладью поднимались невысокие деревья с бледной, желтоватой хвоей, деревья, напоминавшие земные лиственницы. Их ветки были увешаны большими ажурными красно-коричневыми шишками. И посреди этого поля, ближе к холмам, стоял обычный земной дом, опять же с бледно-зелеными стенами и темно-оранжевой крышей. Атлантиде почудилось даже что-то похожее на черепицу. Имитация, разумеется. Небольшой прудок был обложен огромными красно-коричневыми валунами. Сразу за домом начинался лес – то изумрудный, то синеватый или

почти черный. Воздух был мутноват, пелена тумана поднималась над лесом и скрывала дальние холмы. Еще один дом, поменьше первого, был отделен от предыдущего двумя рядами местных лиственниц. За деревьями разглядеть отчетливо можно было лишь яркую оранжевую крышу. Атлантиде показалось, что он попал в другой мир. Поменялись краски и звуки – теперь вместо шума ветра и шороха песка он слышал немолчный шепот листвы и голоса птиц – то громкие и пронзительные, то очень тихие и вкрадчивые, похожие на человеческие.

– Почти, почти, почти... – выговаривала неостановимо какая-то пичужка, повиснув на ветке немертейской “лиственницы”.

– Здесь в самом деле неплохо, – заметил Платон.

– Наша загородная зона, – похвасталась Андромаха. – Это дом моих друзей. А вон тот – мой. – Она махнула в сторону видневшейся за деревьями крыши. – Но жить вы будете не у меня.

– Какой любезный прием! – воскликнул археолог, но Андромаха не оценила его юмора.

– Идемте! – И она зашагала к дому. Дорожка была выложена голубыми и красными плитками. А на пороге дома стояла женщина и поджидала гостей. Даже издали лицо ее показалось знакомым. Атлантида приблизился. Может, он и ждал этой встречи? Может, даже надеялся? Перед ним стояла Кресс в ярко-желтом обтягивающем фигуру комбинезо-

не. Ее каштановые, с золотыми нитями волосы были собраны в узел. Сейчас она показалась Атлантиде куда моложе и красивее, чем в казино на Земле-дубль.

– Привет, – сказала Кресс и протянула гостю руку. – Рада видеть гостей на ... Немертее. – Она почему-то сделала паузу перед словом “Немертея”. – Я тоже рад. – Атлантида поставил на землю чемоданы и галантно поцеловал руку хозяйке.

– Пойду к себе, переоденусь, – бросила Андро и побежала по дорожке, ведущей ко второму жилищу.

– Надо сказать Ноэлю, что обед будет через час.

– Ноэль-это...

– Мой муж. Да вы с ним знакомы – видели в казино.

– Вы тогда проиграли триста кредитов куда быстрее, чем я думал.

– Проиграли? Да нет же, мы выиграли! Мы решили, что нам не везет в “Индепенденсе”, обменяли ваши фишки, отправились во “Фридум” и там всю ночь играли. Мне пришлось снять платье, чтобы сгрести в него выигранные фишки.

– Если вы так богаты, то зачем вернулись? – верил ей и не верил.

– Для пребывания на Земле-дубль тех денег все равно мало. – резонное замечание. Даже если Кресс нашла целый табун золотых кошей, ей не хватило бы кредитов, чтобы обосноваться на Земле-дубль. Атлантида не может позволить себе долгое пребывание на этой планете. А было бы неплохо

преподавать в Новой Сорбонне и... Нет, лучше пока ничего не планировать. Вот если его надежды сбудутся... А пока подобные мысли могут так испортить настроение, что он наговорит гадости даже хорошенькой женщине.

– А как жизнь на Немертее? Не слишком дорогая? – пошутил Платон.

– Мне здесь нравится. И вам понравится тоже.

– Андромаха не донимает? – подмигнул хозяйке Атлантида. – Все же она – государственный копатель.

– Прошу вас, не называйте ее так. Она обижается. Лучше зовите просто Андро. Жизнь на отдаленной планете имеет свои преимущества.

– А как обычно одеваются к обеду на отдаленной планете? – поинтересовался Атлантида.

– Отутюженный белый костюм с цветком “*tamillaria-blossfeldiana*” в петлице вполне подойдет.

– Наверное, только на планетах Магеллановых облаков можно встретить столь очаровательных дам. – Он все же назвал ее дамой здесь, на Немертее, хотя на Земле-дубль никогда бы не выразился так.

– Их можно встретить и на Земле-дубль, когда они проигрывают последние кредиты.

– И продают археологические находки, не указанные в галактических каталогах.

– Но даже на отдаленных планетах не стоит забывать о ревнивых мужьях... О муже она вспомнила, как только он

заговорил о золоте. Ну что ж, пока стоит ослабить атаку. Платону некуда спешить. Истинный аристократ не должен быть грубым с дамой. Маска аристократизма давала преимущества. Аристократ ничего не воспринимает всерьез, не будет копаться в собственных комплексах с азартом оскорбленного плебея, неудачи воспримет с иронией, чужие теории – со здоровой долей скептицизма, чужие успехи – почти без зависти, и даже страх не сумеет до конца сожрать его душу, потому что часть души уже навсегда занята веселой легкостью несерьезного отношения ко всему на свете – даже к смерти.

Вот только когда говорили о профессоре Брусковском, Атлантида разом терял весь свой аристократизм.

2

Дом был чуточку старомодный – без самодвижущихся полов, без кресел на антигравитационной подушке, без иллюзорных стекол в окнах. И без надоедливого компа, который преследует на каждом шагу своими идиотскими комментариями. Совсем недавно Платон мечтал о таком. И вот – пожалуйста... И еще он мечтал побить Бродсайта. Не слишком ли часто стали сбываться его желания? Кресс отвела гостю крайнюю комнату на втором этаже. Обстановка самая простая: кровать, письменный стол, пара стульев, шкаф и пара вечных светильников на антигравитационных подстав-

ках. Если бы не эти светильники, Атлантида мог бы принять это помещение за домик из старинного музея материальной культуры – так все было здесь чуточку архаично, несовременно. Впрочем, человек, который занимается археологией, тоже становится не похожим на других – он двигается по временной оси не вперед, а вспять, от более позднего слоя к более раннему, прокладывая шурф к самым истокам. Для него чем глубже, тем лучше. Он не терпит новинок. Новинка – всегда дешевка. А время придает самой простенькой вещице высокую цену. Надо только суметь выстоять схватку со временем и станешь бесценным и вечным. Старинная кружка из придорожной таверны ценится дороже современной вазы.

В этом доме все имело едва уловимый запах старины – не седой древности, а недавней милой старины. Обстановку привезли в те годы, когда на планету толпами валили золотоискатели.

Атлантида распаковал багаж. В одном чемодане, как уже говорилось, были личные вещи археолога. Во втором – комп и археологические находки. И так, все складывалось пока более и менее удачно. Если не считать Андро. Но подобные существа встречаются в любой археологической экспедиции: похожая на воблу поборница идеи, которая, как выясняется в итоге, не может отличить консервной банки от древнего светильника. Первым делом Платон направился в душ. Душ в этом доме опять-таки был самый обычный, без ионно-гравитационных добавок. Под струями горячей воды все-

гда неплохо думается. Итак, стоит подвести первые итоги. Судя по всему, археологов, не считая Атлантиды, всего трое. Тогда не удивительно, что Ноэлю и Кресс повезло найти какое-то нетронутое захоронение и вытащить из него немного золотишка. Другое дело – почему на планете остались только эти трое? В конце концов, перед Лигой Миров – погибшая цивилизация. И надо хотя бы разобраться, почему она погибла, даже если от нее не осталось ничего, кроме осколков черной керамики. Судя по всему, бактериологические проверки дали отрицательный результат, иначе медицинская комиссия Лиги Миров давно бы ввела карантин. А проверки комиссии аномальных явлений? Интересно, какой вывод она сделала по Немертее? Впрочем, Атлантида давно убедился, что эта комиссия состоит из сумасшедших, так что ее выводы никому еще не помогли, зато многих запутали и направили по ложному следу. Но почему так изувечено пространство за стеной? Что-то насторожило Службу безопасности Лиги Миров. Насторожило, но не более...

Вопросов много – ответов нет.

Неужели достаточно какому-то профессору Брусковскому произнести “посредственная цивилизация”, и ученые быстренько пакуют свои вещички и покидают раскопки? Другое дело Ройк... Атлантида почему-то вспомнил о лекциях, которые должен прочитать в Передвижном Университете Ройка. Пожалуй, он будет смотреться глупо со своей концепцией развития Вселенской цивилизации. Что если на

Немертее удастся обнаружить нечто такое, что опровергнет любые теории? Правда, на Ройке его ждали только через три недели. Но Платон не был уверен, что за это время успеет разобраться со здешними загадками.

Пол в комнате был паркетный, из настоящего дерева. Только на планете, не подвергшейся колонизации, можно встретить такую диковину. Выйдя из душа, Атлантида прошелся по полу босиком, чтобы ощутить голыми стопами внутреннее тепло настоящего дерева. В комнате пахло горячим паром. Робот-чистюля, облачившись в пиджак и брюки археолога, старательно пыхтел (в прямом смысле слова), придавая прежний блеск его изрядно пострадавшему костюму.

– Пара достаточно, – сообщил Рассольников, но устаревший долдон-робот не понял его команды и продолжал стараться.

– Прекратить работу! – скомандовал Атлантида. Никакого эффекта.

Чистильщик продолжал отрабатывать программу. Наконец до Платона дошло, в чем дело. Он отыскал на панели управления красную кнопку и нажал ее. Робот напоследок со свистом выпустил струйку пара и отключился. Еще минут пять Атлантида старательно махал пиджаком и брюками, чтобы охладить костюм. К счастью, пятно, оставленное Бродсайтом, исчезло. И профессор Рассольников мог во всем блеске, правда, с зажатой рукой, продолжать работу.

“mamillariablossfeldiana” в петлице (робот и его умудрился “почистить”) спуститься в столовую.

Большая комната казалась почти пустой. Большой овальный стол с полированной столешницей, несколько стульев и секретер. Два больших окна выходили на зеленые холмы. Окна опять же без иллюзорных стекол. Непривычно смотреть в окно столовой и видеть почти такой же пейзаж, который наблюдал из окна спальни. Вечерело. Туман густел и приобретал неприятный желтоватый оттенок. Будто не туман стлался над холмами, а дым. В комнате автоматически вспыхнул свет. Разом мир за окнами сделался черным. И в темноте вдруг засветились сотни и тысячи бледных звездочек. Это медленно спускались с высоты светляки. Казалось, что падает светящийся снег. Снег Атлантида видел на разных планетах. Говорят, на Старой Земле тоже идет снег. Теперь Платон заметил, что и туман слегка фосфоресцирует, то светясь, то угасая с различными интервалами. А что, если это разумный туман? Залезет сейчас в окно и примет облик аборигена в виде... Впрочем, чего там гадать: судя по найденным скульптурам, аборигены Немертеи – гуманоиды. Так что вид, который может принять туманное марево, известен.

Атлантида заметил на подоконнике несколько кактусов в пластиковых горшочках. Один как раз цветалый “*aporocactus flagelliformis*”. Сразу два цветка. Какая удача! Археолог выкинул свой зажатый “*mamillaria blossfeldiana*” в окно, а свежий алый цветок вставил в петлицу.

цу. Странно видеть пластиковый горшочек на планете, заваленной керамикой. Рядом на подоконнике Атлантида приметил тонкую книжицу. Настоящую книжечку – пластиковую. Ныне такие встречаются только в антикварных лавках. Эта тоже была издана два или три столетия назад. Яркая, не померкшая с годами обложка, желтый, вернее, темно-желтый пластик.

Платон открыл первую страницу.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СЭР НОЭЛЬ О'БРАЙЕН, КАВАЛЕР ОРДЕНА БАНИ II СТЕПЕНИ

1

Наставления юному археологу

Надо же, тезка хозяина дома. Может, его дальний предок? Атлантида всегда испытывал легкую зависть к людям, способным нарисовать генеалогическое древо и повесить свое имя яблочком на одной из его ветвей. Тогда ты сам становишься причастным к древности и ощущаешь, как уходишь вместе с корнями древа в прошлое и прорастаешь сквозь года... Было бы недурно бросить во время разговора: а вот мой предок Ноэль О'Брайен в середине девятнадцатого века... Кто теперь помнит этот девятнадцатый век, когда на дворе Галактики тридцатый? Что было в том веке, какие события происходили, какие люди жили? На этот вопрос ответит лишь каждый двадцатый. Но сама цифра “девятнадцать” вызывает благоговейный восторг – вот он, истинный привкус аристократизма! Атлантида против воли вздохнул. Он всегда мечтал носить трусы с фамильным вензелем. Книжка

оказалась детской. На следующей странице имелась цветная иллюстрация. Не голограмма – самый обычный компьютерный рисунок. Несколько человек что-то увлеченно расчищали, пользуясь щеточкой и пинцетом. Чуть поодаль смуглый парень в просторных одеждах ковырял песок лопатой. И ни одного робота-землесоса. Бедняги, как же они все это раскопали? Неужели лопатами? Атлантида перевернул страницу.

"1. Не надо копать на первом попавшемся холме. Самое подходящее место изысканий – столица государства или развалины ее бывших городов. Казна, архив, главные храмы и дворцы, как правило, находятся именно там.

2. Выбрать нужный путь и найти в нем нужную точку – вопрос астрографический и отчасти исторический. Но поскольку археолог имеет дело с непознанной историей, необходима разумная доля воображения в вопросе определения места начала' раскопок. Если тебе мало воображения, заложи сеть шурфов.

3. Знай, что на месте старого дома вырастает новый, на месте старого города, как правило, строится новый. Поэтому всегда более древние объекты раскопа залегают глубже.

4. Помни, что жители данного места брали у окружающей природы все, что могли. Все, что они не могли взять у природы, они брали у соседей. Это легко определить при раскопках. Задай себе вопрос где создан этот предмет? Это позволит тебе наметить на будущее новые объекты для твоих археологических исследований.

5. Перед началом раскопок постарайся определить среду обитания существ, цивилизацию которых ты изучаешь, а также хотя бы примерный их внешний вид. Не перепутай их останки с останками домашних животных. Это позволит тебе правильно наметить стратегию изысканий и подобрать необходимый для работы инструмент.

6. Помни, что все найденные предметы являются археологическими памятниками и их необходимо фиксировать на носителях информации для дальнейшей работы по хронологии и типологии”.

2

Атлантида отложил книжку. Интересно, как Кресс и ее супруг умудрились отыскать золотые вещицы, руководствуясь подобными сочинениями?

– А, вы читаете поучения генерал-майора? – весело спросила женщина, входя в столовую.

В первую секунду Атлантиде показалось, что это – Кресс. Потом он понял, что ошибся. Женщина была очень загорелой – такая светло-шоколадная кошечка с блестящей, будто лакированной кожей. У Кресс тоже великолепный загар. Видимо, лучи Ба-а дают столь удивительный эффект. Волосы у красавицы были ярко-рыжие. Причем не крашенные, а настоящие. Уж это Атлантида мог отличить и оценить. Да и вообще незнакомка почти не пользовалась косметикой – лишь

бледно-фиолетовая помада на губах. Короткое ярко-голубое платье открывало необыкновенно длинные и стройные ноги.

– Фасон немного устарел, – сказала гостя, и Атлантида, к своему удивлению, узнал голос Андрوماхи.

– На Немертее это простительно. К тому же учитывая... нелинейные функции ваших перегрузок. Тем более что платье вам идет. Он демонстративно задержал взгляд на ее ногах. Андро ненатурально рассмеялась.

– А ваши друзья с поездки на Землю не привезли вам каких-нибудь подарков? – невинным тоном поинтересовался Платон.

– На Землю? – Андро изумилась. – Когда они побывали на Земле? – Ну, не на Старой Земле, разумеется. А на Земле-дубль. Недавно я их встречал.

– Они уже два года здесь и никуда не уезжали. Я вижу их почти каждый день. Порой они ночуют на раскопках в сборном контейнере. Или я остаюсь в своем, когда удастся найти что-то интересное. Или мы не заглядываем друг к другу домой. Но это три-четыре дня, не более.

– Вы уверены в этом? – Атлантида постарался скрыть, что удивлен. За трое или четверо суток добраться на Земле-дубль и вернуться обратно невозможно. Даже если это немертейские сутки, на три часа и пятнадцать минут с несколькими секундами длиннее стандартных.

– А то, что находят, археологи-любители показывают вам? – поинтересовался он небрежно, вертя в руках книжи-

цу кавалера ордена Бани.

– Разумеется. Им удалось найти три почти не тронутых загородных поместья с простой утварью и такой же простой мебелью. Кстати, там совершенно другая посуда – уже без узоров. И не керамика.

Атлантида бросил взгляд на любопытную книжку и улыбнулся.

– Может, это были животноводческие фермы? Посуда – корыта и поилки, мебель – стойла.

– И эти животные ели вилками и ложками? – в свою очередь улыбнулась Андро.

– Я где-то читал о подобном... – Он уже в открытую насмешничал.

– Ну, думаю, вы читали “Скотный двор”, так же как и я. Тут вошла Кресс в точно таком же голубом платье, как и Андромаха. Ноги у Кресс были короче и полнее, хотя тоже довольно стройные. И попка, обтянутая блестящей тканью, очень даже аппетитная. Пока женщины целовались, профессор Рассольников сравнивал их ножки и ...т-м-т... скрытые платьями ягодицы. Бесспорно, у каждой были свои достоинства.

– Как ты чудесно выглядишь! – прошептала Кресс.

– А ты просто прелесть, – отозвалась Андромаха.

Следом явился Ноэль, глянул на женщин, поморщился и подошел к Атлантиде.

– Я сразу догадался, что вы хотите выпить, – сказал, про-

тягивая стакан с каким-то подозрительно пахнущим напитком. Цвет жидкости был трудноопределим что-то между коричневым и бордовым – в зависимости от освещения. – Местная брага?

– Да, собственноручного приготовления. Но мозги прочищает отлично. Странный у него все же акцент. Не слишком сильный, но какой-то неприятный, будто Ноэль постоянно катает камешки под языком. И все же он походил на человека, который может ответить, чем занимались его предки в девятнадцатом веке. Но не вспомнит, чем сам он занимается в веке нынешнем. Атлантида пригубил брагу. В первую секунду показалось, что набрал в рот пригоршню злобных муравьев. По мере того как жидкость попадала по пищеводу в желудок, казалось, что муравьи прогрызают тропку в организме.

– К-крепко... – выдохнул археолог. Спирт рядом с этой жидкостью мог показаться дистиллированной водичкой. И почти сразу пришло чувство легкой эйфории.

– Думаете, они подружки? – спросил Ноэль, поглядывая на воркующих дам. – Ошибаетесь. Они терпеть друг друга не могут. Наверняка Андро сказала о нас какую-нибудь гадость. – Хозяин бросил на гостя выжидающий взгляд.

– Почти угадали. Она заявила, что вы украли у нее служебный челнок и ей пришлось разыскивать вас по всей Галактике.

Ноэль рассмеялся. Почти натурально.

– Я так и думал. Андро мечтает, чтобы мы убрались с планеты. Ей почему-то хочется остаться здесь одной. Думаю, что-то раскопала под грудой мусора. Что-то необыкновенно значительное. Но она не подпускает нас к своим находкам, – он говорил непринужденно, почти естественно. Но Атлантида был уверен, что Ноэль лжет. Только он не мог понять – зачем. – А вы показываете ей свои находки?

– Да, приходится. Она же государственный копатель. Иначе она попросит нас убратся с планеты. Три замечательные загородные виллы, которые мы нашли, она обобрала дочиста.

– Как же вам удалось утаить золото?

– Пластинка? Это просто. На одной из вилл под полом нашли три скелета умерших немертейцев. Такие захоронения не характерны для данной цивилизации. Но тут почему-то стариков похоронили прямо в доме, под полом. Представляете, мы впервые нашли на Немертее скелеты ее жителей. Кстати, они почти полностью антропоморфны, только более коренасты и с более массивными скелетами... – Ноэль почему-то заволновался. Акцент сделался заметнее. И даже голос задрожал. Он сделал большой глоток браги и только после этого смог продолжить:

– Скелеты мы немедленно запаковали в герметичный контейнер для дальнейшего изучения. – Он вздохнул с заметным облегчением, как будто только что закончил упаковку. – И вот среди костей одной из пожилых дам я обнаружил пла-

стинку. Признаюсь честно, я не удержался от искушения и спрятал ее. А потом отдал Кресс. У нас давно был план – поехать на какую-нибудь богатую планету и выиграть денег, чтобы продолжить раскопки. Решил, что ради благородной цели имею право утаить такую малость...

Ноэль улыбнулся. При этом по его сухощавому лицу пробежали сеть морщины. Он показался очень старым. Старым лгуном – уточнил про себя Платон. Хотя скорее всего Ноэль чуть старше Кресс – ну, может быть, на пять биологических лет. Но сам рассказ про найденные трупы, пожалуй, правдив. Да, про останки – правда, а про пластинку – вранье. – ...К этому платью нужны голубые бусы, – ворковала Андро. – ...Да-да, бусы из немертейского камня, я попросила Ноэля, он нам их выточит, – вторила ей Кресс.

– А других золотых изделий вы не находили? – поинтересовался Платон.

– Нет. – Ноэль бросил удивленный взгляд на Атлантиду. – Золото – большая редкость на Немертее, если не считать нитей...

– А что еще вы можете сказать про найденные скелеты?

– Если честно, ничего...

– Ну, как же... Скелет способен поведать о прежнем своем обладателе. Если можно так выразиться. – Платон наблюдал за дамами. Ему показалось, что обе прислушиваются к разговору. – К примеру, особые отметины на костях таза говорят о том, что женщина рожала. Сросшиеся определенным

образом коленные суставы – о том, что гуманоид ездил на лошади или каком-то другом верховом животном – без седла. Состав костей и зубов поведает о том, как питался гуманоид – хорошо или не очень...

– Мы же любители! – прервал его рассуждения Ноэль.

Атлантида допил содержимое стакана, после чего пол под ногами исчез и появилось ощущение антигравитационной дорожки. И тут он решился на рискованный ход. Вернулся к себе в комнату, достал из чемодана золотого коша. На секунду сомнение одолело его – стоит ли? Да и зачем? Может, подождать? Но ему захотелось рискнуть. А уж если Атлантида захотел рисковать, то остановить его не сможет никто.

Платон принес статуэтку в столовую и поставил на стол.

– Вот. Кош. Обратите внимание – золотой.

Трое его новых знакомцев удивились. Очень. Причем все в равной мере. Андро ахнула. Кресс раскрыла рот. Ноэль присвистнул. И, несмотря на смуглый оттенок кожи, стало заметно, как он побледнел.

– Золотой кош. – Хозяин дома взял статуэтку в руки, повертел, взвесил на руке. – Тяжелая. И даже очень. Откуда он у вас? – Ноэль был, казалось, рассержен. Или испуган? Кресс тоже побледнела.

– В лавке антиквара. И выложил за него очень приличную сумму. – Платон внимательно вглядывался в лицо Ноэля. Тот заметил его взгляд и усмехнулся. Однако усмешка далась ему с трудом. – И что вы думаете об этой статуэтке?

– Архаичный период. Несомненно. Но не немертейский.

– Коши водились только на Немертее, – неуверенно сказала Андро.

– Кто спорит. – Ноэль пожал плечами и поставил статуэтку на стол. – Но если вы определите, к какому периоду относится эта скульптура, я выучу “Илиаду” наизусть.

– На древнегреческом! – радостно воскликнула Андро. Ноэль кивнул и вновь бросил взгляд на жену. Та уже пришла в себя и держалась безупречно. Что же все-таки раскопали эти двое, если они так нервничают при виде небольшой золотой статуэтки, найденной не ими? Возможно, они нашли какую-нибудь царскую гробницу, сверху донизу набитую произведениями искусства, а не дурацкими черными черепками.

Атлантида представил профессора Брускового с белым вытянутым лицом, мусолящим в руках свою нелепую желтую шляпу. Ради этого момента он готов был пожелать удачи кому угодно.

– Второе царство, – принялась рассуждать Андро, беря статуэтку в руки. Но, внимательно приглядевшись, покачала головой. – Нет. Не Второе. И не Додинастический период. И эти растущие кустиками волосы. У настоящих кошей они растут сплошь. И... и... Таких изображений мы еще не встречали.

– На Немертее нет статуэток из металла, – напомнил Ноэль. – Еще не найдено ни одной. Гранит и местный мрамор,

иногда дерево или мыльный камень...

– Так откуда тогда эта? – Платон пытался выжать максимум из создавшейся ситуации.

– Эта? Из вашей антикварной лавки. – Атлантиде показалось, что Ноэль подавил улыбку.

– Это не немертейская скульптура, – уверенно заявила Андро. – Я сейчас принесу аппарат определения возраста, и мы...

– Не нужно, – сказал Рассольников. – Я провел анализ на Земле-дубль, причем на самом точном приборе. Статуэтке около пятисот лет.

– Пятьсот лет? – Ноэль пожал плечам. – Если вы хоть что-то знаете о культуре Немертеи, то сразу поймете: статуэтка не отсюда. Пожалуй, теперь он не лгал. И оскорбил походя, но вроде не зло – как истинный аристократ. Но Платон почему-то не обиделся. Хотя и не терпел конкуренции. Просто Ноэль был другой, настолько другой, что говорить о конкуренции не имело смысла.

– А выглядит, как произведение Додинастического периода. Почти.

Выходит, умелая подделка.

Все-таки Руфус нагрел его. Как всегда.

– Послушайте, давайте обедать, – сказала Кресс, – а вашим кошом займемся потом.

Сервизная тележка вкатилась в столовую, везя на подставке тарелки с содержимым бледно-лилового цвета.

– Это наше немертейское блюдо. Суп-пюре, – сообщила хозяйка.

– Мы едим его каждый день, – добавила не без ехидства Андро.

– Очень полезно, – закончил рекомендации Ноэль. Ложки, как показалось Платону, были пластиковые. Но пластик из дорогих. Даже на ощупь похоже на серебро. И только легкость выдает неметалл.

– Чем вы намерены завтра заняться? – спросила Андро-маха.

– Надеюсь, что вы пригласите меня на раскопки.

– С удовольствием. – У Андро были светлые глаза, казавшиеся совершенно прозрачными на загорелом лице. – А что вас интересует? Платон вспомнил наставления генерал-майора.

– Столица, разумеется. – Хотя он не надеялся найти в Столице остатки архива или казначейства.

– Столица – это все, что внутри стены! Хорошо. Я разбуду вас на рассвете. И мы отправимся смотреть храм. Только прошу вас, не в белом костюме.

– У меня есть отличный комбинезон для подобных прогулок. – В петлицу комбинезона вы тоже вставляете цветки кактуса? поинтересовалась Кресс.

– Ну, что вы...

– Тогда в следующий раз прежде, чем обрывать цветы на чужом подоконнике, подумайте о собственных волосах, – с

очаровательной улыбкой добавила Кресс.

– Крессида, дорогая! – воскликнул Ноэль, и в его голосе Атлантиде почудился испуг. Не поддельный, не шуточный – настоящий.

3

Вернувшись в спальню, Платон вновь придирчиво осмотрел золотого коша.

Что-то в этой фигурке встревожило всех троих, и особенно Ноэля. Но что именно?

Хозяин дома взвесил статуэтку на руке и сказал: “Тяжелый”. Разумеется, тяжелый. Ведь кош – золотой. Как кувшинчик. Платон взял в одну руку коша, в другую кувшинчик, купленный у Монтеня. Разумеется, сосуд весил меньше – но ведь он тонкостенный, а кош – литой. Или Ноэль предполагал, что статуэтка внутри полая, а она оказалась литая? Ну и что здесь такого странного? Больше золота и... Другая эпоха? Нет, не то. Эпоха явно ни при чем. То есть тоже при чем... Ничего не получалось. Атлантида сложил золотые вещицы в коробку, запер дверь и лег. Но сна не было. Вокруг сотни загадок и ни одной зацепки. Ни единой. А хотелось немедленно что-то разгадать... хоть что-нибудь... Он закрыл глаза и постарался заснуть. Не получалось. Он не слышал, как открыли дверь (да и заперто было изнутри!), но почувствовал, что в комнате кто-то есть – неизвестный двигался

слишком неосторожно – отчетливо можно было различить шорох и странное потрескивание. Платон осторожно встал. Ощутил под босыми ногами тепло деревянного пола.

Выкрикнул: “Свет!” Но свет не загорелся. Атлантида схватил тросточку. Вновь рядом раздался шорох. Хлестнул тросточкой наугад. Попал или нет – неясно. Кажется, не попал. Но самого потрянуло с головы до ног так, словно в него угодил разряд станнера, – и Платон отключился... Он очнулся лежащим на полу. В комнате горел свет. Коробка, где он хранил артефакты, валялась рядом. Пахло горелым. Крошечный замочек на коробке был попросту выжжен. Золотой кувшинчик на месте. А вот кош исчез... Атлантида поднялся, но его тут же затошнило и качнуло куда-то вбок. Он замычал от отвращения и уселся на кровать.

В коридоре раздались шаги. И Платон в последнюю минуту успел схватить кувшинчик и спрятать под подушку. На пороге возникли Ноэль и Кресс, оба в роскошных халатах до полу.

– Что случилось?..

– Ничего особенного... У меня только что украли моего золотого коша. – Супруги переглянулись. Казалось, этот факт их несколько не удивил. – Вы случайно его не брали?

Кресс надменно сдвинула брови. Ноздри ее тонкого носа затрепетали.

Какой великолепный гнев!

– Нам ни к чему, – отрезал Ноэль.

– Ни к чему? Я заплатил за него десять тысяч кредитов. А теперь он исчез. И как вы справедливо изволили заметить, кош был золотой.

– Вы же слышали – нам он не нужен!

– Может быть, наша очаровательная Андро решила поближе изучить статуэтку? – поинтересовался Платон.

– Она не брала! – зло покусывая губы, заявила Кресс.

Почему она злится? У него исчезла золотая статуэтка, а Кресс злится. Занятно.

– Пойдем к ней и спросим, – предложил Ноэль.

Платон запер дверь, хотя знал, что для таинственного вора это не помеха.

4

Была ночь, очень светлая немертейская ночь. Здесь все ночи светлы – в воздухе парят тысячи, миллионы, миллиарды светляков, и кажется, что звездное небо спустилось на Немертею.

Атлантида с самым решительным видом направился к дому Андро. Ноэль, поначалу его сопровождавший, остановился невдалеке и наблюдал за происходящим с видом постороннего – как будто это не у него в доме произошло ограбление. Платон уже собирался постучать, но тут в небе, затмевая желтое мутное свечение тумана на дальних холмах и белесое свечение живых звездочек-светляков, вспыхну-

ло оранжево-желтым, будто брызнуло во все стороны веселым огнем. Золотая светящаяся сеть повисла на мгновение в небе, а потом распалась и погасла. Платон замер, глядя на эту странную картину.

Ноэль тоже смотрел, подняв голову. И в золотом отсвете странного огня Атлантиде показалось, что Ноэль улыбается.

Дверь в дом Андро распахнулась, и она возникла на пороге в короткой ночной рубашке.

– Вы видели?! – крикнула она. – Что это было?

– Я шел пригласить вас на фейерверк, – сказал Платон. – Но не успел...

– Фейерверк? – переспросила Андромаха. – Что это такое? – Были когда-то такие развлечения. Очень давно. Но в нынешнем веке они вновь входят в моду. О пропаже ему говорить почему-то расхотелось.

СТОЛИЦА НЕМЕРТЕИ. НЕМЕРТЕЙСКИЙ ХРАМ

1

Андро явилась, как и обещала, на рассвете. Кресс не торопилась пригласить гостя к столу, так что Платону пришлось довольствоваться стаканом местной браги. После чего они с Андромахой направились к стене.

– Стену построили до или после открытия Немертеи? – поинтересовался Атлантида, когда перед ним распахнулись ворота. Он удивился, что не знает этого факта. Да, он ничего не знает о стене, потому что этой информации не было в сети. Не имелось даже изображений стены.

– Стена древняя, – сказала Андро. – Это несомненно.

– Древнее бластеров?

Она пропустила насмешку мимо ушей.

– Материалу в основании около шести тысяч лет. То есть начало Третьего царства.

Вещи, оставленные в вездеходе, в самом деле никто не трогал, зато какой-то невежливый зверь измазал всю поверхность вездехода липкой желтой слизью, особенно постарался испакостить прозрачный купол. Атлантида неосмотрительно

тронул липкую поверхность и туг же перепачкал не только ладони, но и новенький темно-зеленый комбинезон.

– Что это? – брезгливо морщась, спросил Платон, безуспешно оттирая нейтрализующей салфеткой густую вонючую слизь с ладоней. – Кто оставил эту дрянь?

– Гигантский слизень. Они роют норы повсюду, забредают и за стену. Но редко. Обычно под постройками они ходов не делают. Некоторые астро-зоологи считают этих тварей разумными. Но я так не думаю.

– Вы ошибаетесь, они весьма смышленные. И теперь я понимаю, почему эта тварь старательно обделала ваш вездеход. Разумные существа терпеть не могут, когда их считают безмозглыми, и при любом удобном случае мстят обидчикам. Вспомните себя.

– При чем тут я?

– Я имел в виду всех женщин, – шутка была несколько старомодна. Но в среде археологов в моде старина.

Андро обиделась. Она успела замотать платком лицо, но он видел ее глаза и наворачнувшиеся на них слезы. Какая чувствительность! Он терпеть не мог подобных сентиментальных сцен.

– Кстати, а почему робот не вычистил вездеход? – поинтересовался Атлантида вместо извинения.

– Слизь тут же засорит сопла. Потому пришлось робот перепрограммировать, чтобы он ни в коем случае ее не трогал.

– А кто же будет отчищать эту мерзость?

– Мы.

– Да? Я тоже должен принять в этом участие?

– Через два часа слизь засохнет и ее будет практически не отодрать. Андро вытащила из сервисного отсека коробку, набитую чем-то похожим на желтоватую вату – видимо, какое-то местное растение. Полчаса они драили вездеход.

Робот стоял рядом и фиксировал:

– Семьдесят два процента поверхности площади очищено... семьдесят три процента поверхности площади очищено...

– Все ваши роботы устарели лет сто назад! – воскликнул Платон, стирая пот со лба. Его новый комбинезон был покрыт отвратительными пятнами. Зато Андро, как ни странно, почти не перепачкалась.

– Кто спорит... – невозмутимо отозвалась Андро.

– Восемьдесят два процента площади очищено...

– Почему вы заставили меня бросить все оборудование в космопорте? Мой робот новейшей модели – F-55001 очистил бы все за три минуты. Недаром он стоит дороже “Феррари” с антигравитационным днищем.

– Тогда тем более не стоит привлекать его на подобные работы: вдруг у него тоже засорится сопло.

– Ну и черт с ним. У новых моделей сопла сменные. Полтысячи как минимум в запасе. Так что на обозримое будущее нам хватит. Наконец они закончили с очисткой и поехали на раскопки.

– М-да, и где ж тут надо было копать, руководствуясь наставлениями генерал-майора? – задал сам себе вопрос Атлантида. Сегодня пейзаж показался ему еще более унылым, чем накануне. Странно, что внутри стены не было ни травинки. Или здесь не идут дожди, не выпадает роса? – Куда вы меня везете?

– К храму. Главные гробницы находятся рядом. Можете их тоже осмотреть. – Ему показалось, что Андро хихикнула. – Только смотреть там практически нечего.

Гробницы давно пусты. Все, что в них было, находится на моем складе.

– А храм тоже на складе?

– Некоторые вещи из храма – да...

– Послушайте, Андро, а эта земля не отравлена? Почему здесь ничто не растет?

– Карантинная комиссия не нашла здесь ничего опасного для здоровья людей. А трава не растет из-за ветра. Мини-торнадо постоянно перемешивают песок. Любой росток тут же погибает. И потом вы не правы: под защитой больших обломков трава есть. А вот все, что на открытом месте, тут же уничтожается. Итак, они стояли посреди унылого пейзажа в серых тонах, прижимали к лицу платки и задыхались от кашля. Платон предусмотрительно захватил с собой защитные очки. Андро – тоже. Повсюду обломки камня, серо-желтая пыль и брошенная техника – следы деятельности археологов и золотоискателей. Причем механизмы в таком

виде, будто побывали в челюстях автоматической камнедробилки. И над всем этим – воронки мини-торнадо, раз за разом описывающие круги – каждый на своей территории. Видимо, они и изжевали людскую технику. Изжевали, да... Но насытились ли?

– Как образовалась эта пустыня? И почему эти стационарные вихри гуляют здесь повсюду? – спросил Атлантида. – Можете мне объяснить? – Этого никто не знает. Произошла какая-то катастрофа...

– А что вы вообще можете объяснить?

– Многое. Могу рассказать о дворце или о храме. С чего начнем?

– С храма. Я всегда начинаю с храма, если планета была заселена гуманоидами. Самое ценное гуманоиды всегда отдавали богам.

2

Андро подвела его к огромному, сложенному из кирпичей цилиндру метра три в диаметре. Наружные стены еще хранили остатки штукатурки и какого-то, почти полностью стертого рельефа. Атлантиде показалось, что он различает слабый абрис коша, стоящего на задних ногах.

– Как вы думаете, что это такое? – спросила Андро, поглаживая почти ровную горизонтальную поверхность кругляка. В ее голосе читалось торжество. Она была уверена, что

профессор Рассольников ошибется.

Он изобразил, что чрезвычайно озадачен.

– Что бы это могло быть? – принялся рассуждать вслух Платон. – Стол?

Нет. Жертвенный камень? Нет. – Он ковырнул тросточкой штукатурку кругляка. – Пожалуй, я бы сказал... – театралью затянул паузу. – Это остатки колонны от портика храма.

Андро открыла рот. То есть Атлантида предположил, что она открыла рот.

Потому что под платком было не разглядеть.

– К-как... – выдохнула она.

– Маленький профессиональный секрет. А теперь расскажите мне про ваш храм.

– Вообще-то храмов семнадцать, – проговорила не очень уверенно Андро, еще не успев прийти в себя. – Они стоят один над другим. Эта колонна принадлежит храму три. Вот тут – она ткнула пальцем в грудку песка – остатки второй колонны – их уже замело, а вон там – третья. Вернее, это основания колонн пятого храма, которые разрушили, и на них возвели более новые. Счет, разумеется, идет сверху вниз, от поздних построек к древним. – Могла бы и не пояснять – все-таки перед ней профессор археологии.

– Я наугад заложила шурф, надеясь отыскать гробницы. Но никаких находок не попадалось, проходила через плотную кирпичную кладку все глубже и глубже, пока наконец

не сообразила, что шурф пролег через остатки стоящих друг над другом храмов.

– Пятый храм относится, насколько я помню, к эпохе Третьего царства?

– Да, это был расцвет Немертеи. Когда мы поднимаемся от слоя V к слою IV, сразу видим все признаки упадка. Здания в основном не строятся заново, а реставрируются наспех, из дешевого материала... А колонны... Вы бы видели колонны четвертого слоя! Их остатки мы нашли в мусорных кучах, наваленных поверх главных гробниц. Это не колонны, а какие-то убогие подпорки. – Андро говорила так страстно, будто речь шла об упадке и разрушении ее собственного дома.

– Но все же Четвертое царство вновь возродилось. Следующий храм слоя III достаточно богат – если судить хотя бы по колоннам.

– Произошло не возрождение, а жалкая попытка подражать древней культуре. Как только я начала раскопки, то сразу обратила внимание, что период слоя I убогий и очень недолгий. Потом, когда я смогла уже сравнивать остатки слоя I со слоем V, поняла, что этот последний храм стал пародией на его изначальный вид, обычно такие постройки именуют “фазой З”, то есть последней степенью упадка. Никогда, никогда, никогда Четвертое царство не достигало высот Третьего!

– Расскажите мне подробнее о храме, – попросил Атлантида.

– Как я уже говорила, храмов было семнадцать, и все строители возводили новый на старом месте. И ни один не решился перенести храм с холма, выбранного для первого святилища. Мне удалось законсервировать часть раскопок... Она указала на небольшой матовый купол, накрывающий часть желто-серого пространства. И сам этот купол, припорошенный песком, тоже был желто-серым.

– Но прежде чем мы пойдем туда, я хочу показать вам еще кое-что. Она повела его между серых и серо-коричневых обломков и небольшому расчищенному участку. Указала на прямоугольную плиту, формой похожую на надгробную. Что это? Главная гробница? Если судить по описаниям, не похоже. Андро загадочно улыбнулась и легко сдвинула плиту, которая должна была весить как минимум полтонны. Но это оказалась всего лишь крышка из пенопластика. Под ней обнаружилось нечто, похожее на погребальную камеру. Метра два в длину, около восьмидесяти сантиметров в ширину и метр с небольшим глубиной. И вся эта камера была заполнена черной керамикой. Узкие высокогорлые сосуды стояли, прижавшись один к другому, как солдаты на параде. Так вот они, знаменитые черные кувшины, которые на Немертее находили повсюду! Платон с трудом вытащил один из сосудов – так плотно была заполнена яма. Оглядел. Крышки у кувшина не было. Перевернул. Наружу высыпалось немного песка.

– А вы не пробовали их исследовать на предмет наличия благовонного масла или...

– Пробовала. Но все кувшины абсолютно пусты. Ладно, ставьте его на место, и пошли.

Она прикрыла своей легонькой плитой “погребальную камеру”. На всякий случай, чтобы очередное мини-торнадо не унесло крышку, защелкнула замки. Они двинулись к матовому куполу. Управляющий чип услужливо раздвинул узкую дверь в защитном куполе. Атлантида и его спутница протиснулись внутрь. Здесь, защищенные от песка, ветров и смерчей, виднелись остатки расчищенных стен и пола. Пол был выложен красными и голубыми плитками – совсем как дорожка в загородной зоне. Не исключено, что археологи плитки для дорожки взяли с какого-то раскопа.

Посредине целлы храма находился огромный параллелепипед, сложенный из кирпичей – часть штукатурки обсыпалась, обнажая красную кладку. – Жертвенник? – спросил Атлантида, хотя сам был уверен, что нет, не жертвенник – что-то другое.

Он тронул поверхность тросточкой. Горизонтальная сторона абсолютно ровная – огромный оштукатуренный квадрат. А вот над полом “жертвенник” возвышался всего на несколько сантиметров. Над этим полом. – Надо полагать, что это сооружение принадлежит предыдущим храмам. А пол нарастили, и потому столик получился низковатым, – заметил Атлантида.

– У меня точно такая же теория! – воскликнула Андро. – Вообразите – Третье царство существовало четыре тысячи

лет, а в раскопе всего три ярко выраженных периода. Толщина культурного слоя свидетельствует об огромном временном периоде. А храм перестраивался всего трижды. Только пол меняли – и все. Стены те же. В жилых кварталах дома менялись; ветшали, ремонтировались и восстанавливались. А храм оставался почти без изменений. Я пока не решилась копать рядом с жертвенником. И Ноэль, кстати, считает, что этого делать не следует. А вот там... Идемте, покажу... – По тому, как задрожал ее голос, Атлантида понял, что она обнаружила действительно нечто замечательное.

– Только взгляните! – Она подвела его к довольно низенькому строению с треугольной крышей из квадратных, идеально отполированных плит. Крыша эта находилась на уровне колен Платона. Строение походило на часовенку. Атлантида, однако, не спешил делать выводы. Вокруг пол был разобран, и передняя стена часовенки почти полностью открылась. Можно было разглядеть довольно широкую дверь и геометрический орнамент на стенах. Одного поверхностного взгляда было достаточно, чтобы определить: это абсолютно тот же орнамент, что и на бесчисленной черной керамике.

– Вообще-то двери в часовенку не было, – принялась объяснять Андро. – То есть она была, но наглухо замурованная. Поэтому я назвала это строение “мастабой” по аналогии с египетскими надгробными постройками, имеющими ложные двери, хотя, я понимаю, сравнение не очень точное. А теперь идем вниз... В полу были сделаны удобные ступени.

Археологи спустились к “мастабе”. Атлантида включил фонарик. Луч заскользил по стенам. Да, несомненно, орнамент точно такой же, как и на керамике.

– Сейчас я вам покажу такое... – прошептала Андро и шагнула внутрь “мастабы”.

Платон ступил следом. И увидел удивительно правильное, можно сказать, идеальное кольцо, выточенное из мрамора. Мрамор был светло-голубого оттенка с синими прожилками и белыми крапинами.

– Это колодец? – спросил он.

– Скорее шахта. Внизу нет воды. Хотя я не уверена. – Почему? Неужели нельзя узнать, есть внизу вода или нет? И что там вообще – внизу?

Он направил луч фонарика в жерло и увидел грубо выточенные гранитные ядра. Они лежали друг на друге – огромные, весом каждое не менее полутонны. А меж крупными были насыпаны другие, поменьше.

– М-да... Очень интересно. Колодец, наполненный камнями. И что бы это могло значить?

– Я бы хотела спросить у вас. – Сейчас в голосе Андро не было ни тени насмешки. Она сама ничего не понимала. – И это притом, что рядом гранита нет. Его привозили сюда с каменоломен за тридцать километров.

– Для служителей культа – сущая безделица.

Она сняла повлажневший от дыхания платок, вытерла лицо. Тряхнула волосами. Распушенные, они доходили ей до

плеч.

– Вы не пытались вынуть камни? – спросил он. Андро усмехнулась. – У меня нет роботов такой мощности. Я хотела сделать лебедку... но побоялась. Вдруг уроню ядро и разобью мраморное кольцо? Вообще-то это не мрамор, это так называемый немертейский камень. Потрогайте поверхность... Он последовал ее совету. Поверхность была идеальной – как будто ее полировали.

– Вам что-нибудь это напоминает?

– Даже не знаю... ядра грубо обработаны... Из таких нурагийцы делали свои постройки на Сардинии.

– Что-то я не слышала о такой планете.

– Это остров на Старой Земле. Сколько примерно лет колодцу?

– Мы находимся на уровне восьмого слоя.

– То есть это конец Второго царства? Около семи тысяч лет до Второй Конкисты? Надо же! Семь тысяч лет... и такой идеальный круг. Во всяком случае, технология была у них на высоте. А профессор Брусовский назвал эту цивилизацию посредственной.

– Профессор Брусовский – идиот! – заявила Андро с такой яростью, что Атлантида рассмеялся.

Впервые упоминание имени Брусовского доставило ему радость.

– Замечательные слова! – Он направил луч фонарика ей в лицо. Она зажмурилась. Тогда он обнял ее и поцеловал. А

дальше... Дальше ему показалось, что ее лицо заколебалось. И пол под ногами качнулся. Ну надо же – один поцелуй... Уж не колдунья ли она? Наверху грохнуло так, будто кто-то засадил мегаснаряд в здание старинного храма. Андро и Платон рухнули на пол. “Мастаба” содрогнулась, сверху посыпался песок. Когда грохот падающих обломков стих, Атлантида поднял голову. В “мастабе” было абсолютно темно. Однако фундамент, постоявший не одно тысячелетие, устоял и на этот раз. Выдержала и крыша. Платон несколько раз смачно чихнул – пыль лезла в нос, рот, глаза. Андро тоже принялась чихать, правда, не так громко, зато непрерывно. Атлантида включил фонарик. Воздух стал плотным от клубов желтоватой пыли. С трудом можно было разглядеть очертания стен и колодца. Так и есть, их засыпало: груда обломков загромождала весь дверной проем.

– Хорошо, что колодец не пострадал, – пробормотала Андро. Почему это хорошо, он не понял. Лучше бы колодец рассыпался, но остался выход наружу.

– Что мы будем делать? – спросила она, чихнув в очередной раз.

– Откапываться. Кстати, что могло взорваться?

– Не знаю... За все время, что я здесь, взрывов такой силы не было.

– Значит, взрыв в мою честь? Тогда приступим к разбору завала. Атлантида взял в руки первый обломок кирпичей, скрепленных раствором, и огляделся. Куда бы деть? Он отло-

жил его в дальний угол “мастабы”. Потом второй, третий... Андро светила ему фонариком. Нет, так дело не пойдет! Через пятнадцать минут все помещение будет завалено обломками. Ничего не оставалось, как кидать кирпичи в колодец. Несмотря на протест Андро, Платон бросил обломок вниз. Обломок еще падал, а колодец уже начал вибрировать. Будто мелкая дрожь сотрясала каменное кольцо. И дрожь эта сопровождалась противным скрежещущим гулом.

– О господи... – прошептала Андро. – Лезь немедленно вниз и забирай свой дурацкий кирпич.

– Мы уже перешли на ты?

– Лезь в колодец! – повторила она свой приказ. Каменное кольцо вибрировало все сильнее. И гул нарастал. Звук становился все выше, пронзительней.

– А вдруг я провалюсь вниз вместе с камешками – а?

– Я спускалась, и ничего со мной не было! На гранитном ядре можно стоять. Давай!

Атлантида должен был с нею согласиться. Ясно, что колодец готов был терпеть камни, которыми его завалили, но почему-то отрицательно относился к осколкам кирпича. Атлантида ухватился за край и прыгнул. Почувствовал, как ядра под его ногами отвратительно дрожат – будто они живые и трясутся от страха. Платону тоже передалась эта мерзкая дрожь. Он осветил фонариком. К счастью, обломок кирпича провалился не слишком глубоко. Платон достал его и протянул Андро. Она швырнула “возмутителя спокой-

ствия” обратно в кучу. Дрожь колодца стала постепенно стихать. Звук, рвущийся из каменного жерла, тоже стих. Но лучше здесь не задерживаться.

Атлантида уселся на пол “мастабы”. Надо было обдумать положение. Никакого плана действий у него не имелось. Можно попробовать разбирать дальше, вдруг им повезет, и они все-таки вырвутся на поверхность. Конечно, от этого решения за добрый парсек разило авантюризмом. У Андромахи тоже пока не возникло дельных идей...

Они возились с завалом еще полчаса. Безрезультатно. Вскоре все внутреннее помещение “мастабы” было завалено обломками кирпича, а никакого просвета не образовалось. Однако и воздух не иссякал. Хотя дышать стало тяжело, причиной тому была пыль, висевшая в воздухе и заставлявшая пленников непрерывно кашлять и чихать, а не недостаток кислорода. Объяснение напрашивалось само собой: где-то в “мастабе” существовала вентиляция, и она до сих пор работала. Платону припомнились многочисленные детективы из старинной жизни, когда по вентиляционному ходу народ проникал повсюду, даже в суперсекретные здания разведок. Камней они с Андро нагребли уже столько, что образовалась насыпь, доходящая до края колодца. Обследовать стену можно было без труда – почти до самого потолка. Через пятнадцать минут Атлантида нашел то, что искал: белый кружок света от ручного фонарика уперся в квадратную плитку, отличимую от прочих лишь тем, что вся она была усеяна чер-

ными дырочками. Правда, плитка находилась не под потолком, а гораздо ниже. В дело был пущен нож, и вскоре крышка вентиляционного отверстия упала на пол. Открылся довольно широкий ход.

"Рассчитан на более коренастых немертейцев", – подумал Атлантида.

– Ну что ж, Андро, как даму я пропускаю тебя вперед.

– А если этот ход никуда не ведет?

– Ведет, ведет... Если воздух поступает, значит, ведет!

Пусть на выходе окажется хотя бы маленькое отверстие, а уж я расширю его бластером.

Он подсадил сначала ее, потом залез сам. Предусмотрительно закрыл за собой крышку. Теперь их как будто и не было никогда в "мастабе". Ход был облицован сероватым местным камнем, похожим на земной известняк. Пол шел практически горизонтально. Ползти было удобно. Однако ползти – это не ходить. Вскоре Андро выбилась из сил. И тогда Атлантида пожалел, что пропустил ее вперед. Теперь им было уже не поменяться местами. Пришлось немного отдохнуть.

– На планете точно нет никого, кроме тебя и этой странной парочки – Кресс и Ноэля? – спросил он.

– Никого. Ты же видел. И что за странные вопросы?

– Дело в том, что мне показалось... будто по защитному куполу ударили мегаснарядом. Я конечно, в военном деле менее силен, чем в археологии, но... Этот взрыв не похож на природный катаклизм. И если ты по-прежнему настаива-

ешь, что на планете никого нет, кроме вас троих, вернее, нас четверых, то остается предположить, что обстрел произвели твои друзья. Или что нашу милую планетку захватили галактические пираты.

– Что за ерунда! Ты увлекаешься детскими геймами про пиратов?

– У вас дефицит энергии, информационные сети – дрянь. Вы, дорогие мои, лакомый кусочек. Разумеется, здесь нечего брать, кроме груды черных горшков. Но зато можно устроить прекрасную базу.

– Ты забыл про военный спутник Лиги Миров. И забыл про Ройк. Там масса военных, куча техники, прекрасная Служба безопасности. Им поставляют самое совершенное оружие. Им разрешено иметь даже ортогелиевые дезинтеграторы. И потом, пересадочная база тоже рядом. Пираты ни за что не обоснуются у нас – их вычислят через пять минут, а через десять уничтожат вместе с половиной планеты. Ведь здесь нечего беречь, кроме природы, которая не представляет особой ценности, учитывая наличие десятков таких же планет в Малом Магеллановом облаке. А люди ценят лишь уникальные экземпляры. Он должен был согласиться, что ее рассуждения логичны и версия с пиратами не выдерживает критики. И все же он предпочел бы свою версию, чем обстрел купола Ноэлем и Кресс. Почему-то эти двое были ему симпатичны. А вот Андро – не особенно.

Наконец они доползли до конца туннеля. Крышка откры-

лась довольно легко – девушка сама с нею справилась. И бывшие пленники оказались среди холмов, покрытых нежной светлой зеленью. Красноватая “городская” стена возвышалась в сотне метров от них. Столб пыли все еще поднимался над тем местом, где произошел взрыв.

“Это не вентиляция, – решил Платон, – а тайный ход. Кто-то пробирался по нему к колодцу... Но зачем?”

Они уселись на траву. После пыли подземной ловушки дышалось удивительно легко. Андро отерла лицо платком, но лишь размазала пыль по щекам и лбу. Теперь она походила на звездного рейнджера перед началом полевой операции на планете земного типа. Атлантида отцепил от пояса флягу и протянул Андро. Та сделала осторожный глоток.

– Я думала, что это брага...

– Вода. Чистейшая вода. Брага у меня в другой фляге.

Он отвинтил крышку от маленькой фляжки, глотнул.

– Ого, металлическая! – Изумилась археологиня. – Это ж такая редкость! – Она взяла у Атлантиды флягу, подержала и тут же вернула. Ее любопытство тут же исчезло.

– Археологическая находка. Обнаружил ее во время раскопок на одной из планет. Разумеется, она не принадлежала ни к одной из местных культур, всего лишь потеря какого-то древнего астронавта. Поэтому я с легким сердцем взял ее себе.

– По-моему, вы все делаете с легким сердцем.

– Напротив! Статьи профессора Брусовского ложатся

мне камнем на грудь.

Спасает текила.

Андро усмехнулась:

– Такие люди, как Брусковский, почему-то всегда на поверхности.

– Твое “почему-то” совсем неуместно. Они закономерно на поверхности и никогда не тонут. Она рассмеялась его грубоватой шутке. – А теперь, милая моя Андромаха, давай договоримся вот о чем. Ноэлю и Кресс мы ничего не рассказываем про этот ход. Нас попросту не было в храме. Мы были за стеной и потому уцелели во время взрыва.

– Почему мы не должны им говорить о том, что были в “мастабе”?

– Мне кажется, они что-то скрывают, – уклончиво отвечал Атлантида. – И мне хочется выяснить, что именно.

– Они нам поверят? Ведь мы собирались именно на раскопки.

– И передумали. Решили прогуляться по окрестным лесам.

– Откуда тогда эта пыль? Да, в логике ей не откажешь. – Тогда нам придется умыться. Здесь нет поблизости какого-нибудь ручейка?

– Есть не только ручеек, а настоящая речка. Но нам придется не только помыться, но и постираться.

Последнее замечание Атлантиде не понравилось-он предпочитал, когда за него это делают стиральные автоматы. Но

такового под рукой не оказалось. Андро повела его к реке.

– Тебе дали не правильное имя, – сказал Платон. – Тебя надо было назвать Ариадной.

– Плохое имя. Ариадну бросил любовник.

– Андромаха лучше?

– Конечно. Ее хотя бы любил Гектор.

Он вновь отметил про себя, что его новая знакомая чересчур сентиментальна. С такими лучше не заводить интрижек. Они все принимают всерьез. И могут однажды утром, обнаружив в кармане пиджака билеты на межзвездный лайнер, всадить разряд бластера в лоб. Или в глаз... Почему-то оскорбленные любовницы обожают попадать лазерным лучом именно в глаза.

Жаль. Тем более жаль, что у Андро такие длинные стройные ноги.

3

Речка была как земная. Именно такими представлял Платон реки на Старой Земле. С пологими, заросшими тростником берегами, с розоватыми цветками кувшинок на темно-зеленой воде, с серебристыми шатрами плакучих ив (какие-то местные деревья, очень похожие на ивы). Какие реки на Земле-дубль, Атлантида узнать не успел. Проспекты доказывали, что очень красивые, но кто теперь верит рекламным агентам: свои потрясающие пейзажи они создают, не отходя

от компьютера. Им ничего не стоит на каменные аллеи Пелора насадить цветущие сакуры со Старой Земли и выдать этот пейзаж за Ольстер-23 через год после бомбардировки.

– Я здесь часто купаюсь, – сказала Андро и указала на золотистый песчаный пляж, как будто нарочно устроенный самой природой. – У меня даже маленький контейнер в кустах припрятан. С пивом, консервированным мясом и печеньем.

– Замечательно. – Платон сразу же ощутил зверский голод. Или, как говаривали древние, голод коршуна. – Надеюсь, у тебя нет предрассудков, и мы можем искупаться вместе? Люди, занимающиеся археологией, порой перенимают обычаи предков. Надеюсь, ты не стесняешься наготы?

– О нет! – она засмеялась и принялась стаскивать комбинезон. Фигурка у нее оказалась очень даже ничего: тонкая талия и весьма аппетитная попочка. И равномерный загар удивительного оттенка. Так и хотелось коснуться... Да и не только коснуться... Она кинулась в воду и прервала его приятные наблюдения.

– Надеюсь, здесь не водятся пираньи? – запоздало поинтересовался Атлантида, погружаясь в поток вслед за нею.

– Здесь есть рыбки, амфибии и даже пресмыкающиеся, похожие на маленьких земных аллигаторов. Кстати, совершенно бесстрашные. Они иногда преобильно кусаются.

Платон попытался рассмотреть, не плавают ли подле какая-нибудь из этих тварей. Но темно-зеленая вода была совершенно непрозрачной, даже собственное тело угадыва-

лось с трудом. Аллигатор наверняка такого же оттенка, как вода. Археолог стремительно поплыл к берегу.

– Я пошутила! – крикнула вслед Андро. – Здесь нет ни крокодилов, ни змей.

Но назад в воду Платон не полез. А девушка еще минут десять резвилась в реке, пока он в цифровой бинокль, фиксирующий любое движение, наблюдал за поверхностью воды.

– Тебе в самом деле стоит опасаться за свое мужское достоинство, – заметила Андро, наконец выбираясь на берег, – любой хищник сочтет его лакомым кусочком.

Признаться, он не ожидал подобной шуточки от смущавшейся, как старая дева, археологини. Явилось желание столкнуть ее в речку, поплескаться в воде, а потом...

И она, казалось, ждала чего-то подобного. Но эти подозрительные слезы, этот дрожащий при любом неосторожном слове голос... нет-тут ясно стоит знак: "заминировано". Платон привык не осложнять себе жизнь.

И археолог занялся стиркой своего комбинезона. Девушка явно обиделась. Она даже не пыталась этого скрыть – резко передергивала плечами, демонстративно втягивала носом воздух. Как будто Атлантида пообещал жениться на ней и нарушил слово. А что было-то? Самый невинный поцелуй в "мастобе". И вот нате – куча фантазий.

Однако ленч она все-таки приготовила, разложив по пластиковым коробочкам свои припасы. Мясо оказалось очень

даже ничего (заменитель, но вполне приличный), а вот срок хранения печенья кончился лет двадцать назад. Мимо закусывающих археологов проползла по песку какая-то тварь, похожая на наложенные друг на друга краями две пластиковые желтоватые миски, из-под которых высовывались многочисленные мохнатые светло-коричневые ножки.

– Кто это? – поинтересовался Атлантида.

– Я называю их самцевозами. Разумеется, это ненаучно. По классификации они имеют какое-то другое название. Что-то вроде яйцеед быстроползущий. Ведь это парочка: самка впереди, а самец сзади, вцепился ей в панцирь челюстями и едет верхом.

Атлантида присмотрелся. В самом деле “миски” явно были автономные, хотя сейчас и находились в тесном контакте. И вторая явно меньше первой. Судя по всему, “миски” в данный момент занимались сексом. – И они никогда не расстаются? – Платону почему-то при этой мысли стало тоскливо.

– Ну почему же! Расстаются. Когда самка отложит кладку яиц в песок, самец оставит подругу и начнет поедать яйца. Обычно эта первая кладка из неоплодотворенных яиц. Освободившись таким образом от самца, самка отползает как можно дальше и делает вторую кладку – здесь уже почти все яйца оплодотворенные. Брошенный самец срочно ищет другую самку. Или чужую кладку. Но поскольку сам он передвигается слишком медленно, то обычно вскоре погибает. Но иногда ему везет, и он все же находит самку и ездит на

ней, пока дама не подсунет своему кавалеру ложную кладку.

– Вижу, здесь велись долгие наблюдения за фауной...

– Это я немного понаблюдала за этими... “яйцеедами быстроползущими”. Официальные ученые составили биологическую карту планеты, переписали тех тварей, которых смогли обнаружить, оставили пару работающих в автоматическом режиме “наблюдателей” и улетели.

– По-моему, у этих “яйцеедов” налицо явное вырождение, – заметил Атлантида.

– Ну разумеется! Ты же заметил: самец мельче самки. И здесь много таких экземпляров.

– А гуманоиды? Немертейцы? Они как? Кто у них был выше ростом – женщины или мужчины? Андро пожалала плечами:

– Не знаю. У меня нет точных данных... Мы нашли лишь два скелета женщин. И одного мужчину. Их мы точно идентифицировали как немертейцев. Останки потерпевших катастрофу астронавтов не в счет. Для создания классификации маловато. Я думаю, жители Немертеи сжигали своих покойников. – Так методично, что от всего населения осталось только три скелета? Что-то мне эта гипотеза не нравится. Кстати, как ты думаешь, что сейчас делают Кресс и Ноэль?

– Приехали на раскопки и пытаются нас отыскать. – Не уверен. Ребята наверняка копают у себя, и до нас им никакого дела нет. Андро не согласилась:

– Они слышали взрыв.

– Ну и что? Твои друзья могли предположить, что мы расчищаем какой-нибудь новый участок.

– Я никогда не пользуюсь взрывчаткой.

– Тогда пойдем и проверим, какая из теорий верная – моя или твоя.

Опять в глазах женщины мелькнуло разочарование. Они натянули еще влажные комбинезоны и отправились в путь. Вскоре тропинка, проложенная Андро, вывела на вполне приличную дорогу. Сквозь синие и красные плитки то там, то здесь пытались пробиться кустарники, но дорожное полотно еще держалось.

– Фантазии у немертейцев в самом деле маловато, – досадуя на вымерших обитателей планеты, заметил Атлантида.

– Похоже, все дороги у них мостят только такими плитками? Кстати, а куда она ведет?

– К городской стене. А в ту сторону – на гранитные каменоломни.

– Тогда пойдем в город. Каменоломни оставим на потом. Дорога довольно круто поднималась вверх. Почти одинаковые огромные деревья росли на определенном расстоянии друг от друга, и можно было предположить, что они посажены немертейцами много лет назад. Однако не так уж давно, если все еще растут. И сухих стволов почти не встречается. По словам Андро, местные буки растут порой до двух тысяч лет. Платон специально осмотрел лежащего возле дороги спиленного великана. Судя по срезу, его повалили совсем

недавно. Платон провел кончиком трости по пню. Дереву было не меньше тысячи подсчитал чип в тросточке. Нетрудно предположить, что дороге примерно столько же.

Так по древней дороге – для удобства Андро называла ее “Аппиевой” – они дошли до городской стены. Ворота здесь открывались точно так же, как и те, первые – водишь пальцем по кругу, и дверь сама собой распаивается. Странно, почему хотя бы для сокращения пути кладоискатели не разрушили часть этой нелепой преграды?

Судя по всему, Андро любила позагорать на реке и на раскопки частенько возвращалась этой дорогой: за стеной среди обломков и вздыбленных осколков она протоптала тропинку. И потому Атлантида и его спутница вскоре вышли к тому месту, где оставили вездеход. Теперь рядом с машиной Андро стояла вторая.

– Вот видишь, ты ошибся! – с жаром воскликнула археологиня, довольная, что оказалась права, а Платон ошибся. – Они приехали. Услышали взрыв и примчались...

– ...Чтобы отыскать наши изуродованные останки, – мрачно пошутил Платон. Он проверил – на месте ли бластер. И только потом отправился искать Ноэля и Кресс.

Археологи-любители копались на месте разрушенного купола. То есть от самого купола ничего не осталось. Но поскольку он обладал довольно приличной прочностью, то развалины храма не особенно пострадали. Во всяком случае, от “жертвенника” отвалился лишь небольшой кусок, да еще его

поверхность изрядно посеколо осколками. Видимо, стрелок метил в “мастабу”. И даже не в саму “мастабу”, а рядом – в ход. Потому что треугольная крыша странного сооружения уцелела.

Ноэль и Кресс с помощью старенького робота-землесоса разбирали завал. Оба в рабочих комбинезонах, на головах легкие гражданские гермошлемы с прозрачными забралами. Только теперь Атлантида удивился, а почему Андро не пользуется в этой обстановке гермошлемом?

– А что здесь произошло?! – очень натурально разыграв удивление, спросил Рассольников.

– Вы! – вскрикнула Кресс, роняя обломок кладки, которой держала в руках.

Ноэль перестал отгребать битый кирпич и уставился на пришедших так, будто видел впервые. Лишь робот продолжал трудиться, не забыв при этом прохрипеть:

“Приветствую гуманоидов женского и мужского пола”. За такое приветствие Платон с удовольствием оторвал бы ему манипуляторы.

– Мы думали... мы думали... что вы там, – выдавила наконец Кресс, – Вы же собирались копать. А потом этот выстрел...

– Выстрел? Так это был выстрел? А из чего стреляли? – тут же оживился Атлантида.

Андро молчала и нервно теребила бахрому платка, которым вновь замотала лицо. Сквозь прозрачное забрало гермо-

шлема, несмотря на слой пыли, Атлантида видел, что Кресс нервно кусает губы, срочно пыталась придумать ответ. – Это хог, – вдруг сказал Ноэль. Кресс не ожидала, что он осмелится произнести эту короткую фразу, и вздрогнула всем телом. – Кто такой “хог”? Никогда не слышал о нем.

Ноэль вздохнул. Видимо, срочно пытался придумать правдоподобную байку. То, что супруги знают гораздо больше, чем Андро, Платон уже понял. Весь вопрос, насколько много они знают.

– Ну, как сказать... Это что-то... кто-то... вроде местного разбойника. Он уже дважды нападал на нас, когда мы пытались раскопать виллу. Но это, так сказать, были легкие удары... Не такой, как теперь.

Пожалуй, он сказал правду. Вернее, часть правды. Очень маленькую часть. Но без приправы лжи.

– А почему вы меня не предупредили? Вы, между прочим, подвергли мою жизнь опасности. А я пока что свою жизнь ценю, и ценю высоко. И Андромаха мне ничего не сказала.

– Как будто я не могла пострадать! – воскликнула та раздраженно. – Я точно так же ничего не знала, как и ты.

– Случайно не ваш ли таинственный хог стащил мое золотишко?

– Ноэль и Кресс переглянулись, но промолчали. – Он что, охотится за золотом?

Платон чувствовал, что он на верном пути. Но помогать идти ему никто не собирался. Но все же можно предполо-

жить, что таинственный хог крадет золото и устраивает из него маленькие фейерверки.

– Программа закончена! – сообщил робот, прервав его размышления. – Ожидаю новой команды. Копать дальше?

Робот очистил большую часть лестницы, найденной Андрю, или вернее то, что от нее осталось. Эпицентр взрыва находился где-то недалеко от раскопа в полу, и теперь вместо ямы образовалась воронка. Зато стена “мастабы” почти не пострадала. Из груды кирпичного крошева показалась уже верхняя часть дверного проема, и образовался крошечный просвет.

– Нет! – закричали хором Ноэль и Кресс. И сообразив, что их дружный вопль лишь прибавит подозрений Атлантиде, Кресс быстро добавила:

– Дальше копать не надо. Дальше только ручная работа.

– Думаю, мы должны помочь, – предложил профессор любезно. – Так ведь, Андрю?

– Конечно...

– Нет, подождите! – воскликнул Платон и даже демонстративно сделал несколько шагов назад. – А если хог ударит вновь? Ведь над нами нет даже купола...

– Он прав, – согласился Ноэль. – Вы копайте, а я буду охранять.

И взял стоящую неподалеку серую трубу – дезинтегратор средней мощности.

Платон удивился – где археолог-любитель достал армей-

ское оружие? И кто такой хог, если от него можно отбиться этой штукой? Платону показалось, что Ноэль всего лишь изображает охранника. И от его прогулок взад и вперед вдоль разрушенной стены храма ничего путного ожидать не приходилось.

– А нельзя ли оставить этот колодец и “мастабу”, как есть, до завтрашнего утра? – предложил Атлантида.

– Нельзя! – тут же ответила Кресс.

У Платона мелькнула совершенно сумасшедшая мысль, что эти двое откапывали именно “мастабу”, а не его и Андро. Стало немного не по себе. Однако он решил пока не задавать вопросов и принялся осторожно выгребать обломки. Робот, получив новую команду, оттаскивал груды битого кирпича за границы бывшего храма. Наконец дверной проем был расчищен настолько, что Кресс смогла просунуть голову внутрь.

– Колодец цел! – крикнула она, освещая внутренность “мастабы” фонариком. Атлантиде показалось, что Кресс вздохнула с облегчением. – Слышишь, Ноэль?! Целый! Вот только... Внутри очень много обломков. И лежат они как-то странно... будто их специально положили ровным слоем.

– Будем выгребать обломки дальше? – поинтересовался Платон. Кресс выпрямилась и бросила внимательный взгляд на мужа – как будто вопрос задал он.

– Нет... Зачем сегодня? Все устали. Можно закрыть раскоп куполом и оставить в таком состоянии. – Кресс потеряла к расчистке завала всякий интерес. “Ее волновал колодец” –

сделал вывод Платон.

– Послушай, Андро, – он отвел археологиню в сторону, – у меня появилось сильнейшее желание взглянуть на наши черные бутылки в уютной могилке. Хотя бы для того, чтобы узнать, уцелели они или нет. Пока будет наращиваться купол, я сбегаю, посмотрю...

– Зачем? – рассмеялась девушка. – Если они разбились, то уже разбились... С этим ничего не поделаешь. И потом эти кувшины ничего не стоят. – Понимаю, ты к ним привыкла. Ну а для меня в новинку...

– Иди, иди. – Керамика Андромаху не интересовала. Как будто она нашла захоронение, а там – ни кусочка золота, ни единой монетки. Право же, кого из археологов заинтересует пустой склеп?

Атлантида не солгал – он в самом деле отправился проведать черные кувшины. Крышка из пенопластика была сплошь засыпана осколками. Но узкогорлые кувшины не пострадали. Ни один не разбился, не треснул. А ведь казалось, что взрыв такой силы, что должны были остаться одни черепки. Платон вытащил наугад один из кувшинов и спрятал под комбинезон. Потом переставил кувшины так, чтобы кража была не заметна, и закрыл крышку. Пригибаясь, добежал до вездехода и сунул находку в сервисный отсек.

Теперь можно было вернуться к остальным.

БЕССМЕРТНЫЙ ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

После ползания на животе в пыли и вытаскивания из “мастабы” бесконечного количества обломков любой археолог, что черный, что белый, почувствует себя разбитым. Жаль, что в доме не было комбинированного душа только самый обычный, поливающий тело то холодной, то горячей водой согласно заданной программе. Современный человек чувствует себя абсолютно несчастным, лишившись какой-нибудь малости, если к этой малости успел привыкнуть. Это наивные горожане где-нибудь на Земле-дубль, ни разу в жизни не выползавшие за стены своих квартир, где проводят время в общении с компьютером, виртуальной любовницей и виртуальным мужем виртуальной любовницы, мечтают вернуться в золотой век Сатурна и жить в единении с матушкой-природой. Первый же комар, оставивший розовое клеймо на их нежной коже, приведет мечтателей в ярость и вызовет потоки слез. Какое счастье, что на Немертее нет комаров. Еще не завезли... Но завезут... Комары, крысы и тараканы следуют за людьми повсюду. Атлантида попробовал набросать план на завтрашний день.

План получился таков:

1. Осмотреть дворец.

2. Осмотреть главные гробницы.

3. Отыскать в архиве материалы аэросъемки.

4. Выпустить из челнока F-5 5001 и дать ему команду освободить колодец “мастабы” от камней.

План явно был поверхностным. Но деталями можно заняться завтра. А теперь Платон решил осмотреть похищенный кувшин. На первый взгляд ничего интересного. Знаменитая посредственная черная керамика. Высокий очень неустойчивый кувшин с известным любому начинающему археологу узором. Горло высокое, но не узкое. Но для чего он? Честно говоря, ни один ученый не мог сказать точно, что можно хранить в этой посудине. Ну, разумеется, кроме профессора Брусовского. Профессор считал, что в черных кувшинах хранили консервы. Более нелепой консервной банки Атлантида за всю свою жизнь не встречал. Платон подсел к своему мощному компу с выращенным исключительно для научных занятий позитронным процессором и агрегатом тахионной связи. Попытка выйти в галактический Интернет не удалась. Никакого ответа. А уж у профессора Рассольникова тахионная связь и налажена, и оплачена. Но связи не было, хоть тресни. Атлантида попытался связаться с Ройком – все с тем же эффектом. Ясно, что Андро была не права насчет пиратов: им ничто не мешало обосноваться на Немертее. Как раз из-за этого мертвого молчания в эфире. Или связь “глушит” военный спутник Лиги Миров? Нет, это предположение выглядело еще более нелепым, чем версия о космиче-

ских флибустьерах.

Одного Атлантида не понимал: каждая планета по тахионной связи должна выдавать раз в час определенный сигнал. Если такой связи нет, она считается находящейся под угрозой, и Лига Миров тут же отправляет на неблагополучную планету своего разведчика. Тахионный маяк – что-то вроде сенсорного браслета, который каждый человек носит на Руке, – гарантия безопасности. Платон велел компьютеру проверить, когда в по-оледний раз уходил сигнал маяка.

– Пятнадцать минут семь секунд назад, – тут же отозвался компьютер.

Вот так... То есть маяк работает безупречно, а мир вокруг мертв и нем.

И сама Немертея тоже онемела.

Атлантида перевел комп в режим автоматической связи. Загадок слишком много, чтобы пытаться с наскока их разгадать. Древняя цивилизация, не имеющая ни письменности, ни каких-либо исторических документов. Барельефы, статуи – и ни одного значка, который можно принять за букву. Практически полное отсутствие изделий из металла, зато повсюду каменные скульптуры и предметы из пластмассы, пеномассы и подобных штучек... И надо всем – золотая сеть неизвестного назначения. Сети уже нет, конечно... но она была... И еще эти гробницы с “плененными” покойниками. Да, голова идет кругом. Решительно, надо развлечься... Вот только как, если нельзя выйти в Интернет? А как развлека-

ются Ноэль и Кресс? Им, разумеется, проще. Но не весь же вечер валяться в постели. В доме не было единого управляющего компьютера – пришлось зайти к хозяевам лично. В этот вечер Кресс вела себя не особенно любезно: к столу не вышла, и Ноэль один забавлял Андро и Платона вялыми байками из жизни археологов-любителей. Теперь Ноэль сидел в темной столовой, смотрел, как с неба падают светляки, и механически листал старинное наставление по археологии, адресованное детям. Видимо, это его развлекало. – У вас есть электронные книги?

– Библиотека рядом со столовой. Неужели захотелось почитать? – спросил Ноэль, не оборачиваясь.

– Представляете, да... Такой вот неистребимый атавизм. Название “библиотека” говорило о непомерном самомнении хозяйки. Подозревать в амбициозности хозяина Платон не стал. Во всей “библиотеке” Атлантида насчитал семнадцать экземпляров электронных книг. Третьим номером ему попала пьеса “Троил и Крессида” В. Шекспира. Английский оригинал с переводом на космолингве плюс еще двенадцать переводов на максимально распространенные галактические языки. Наверняка, глядя на эту книжку, современные писатели умирают от зависти. Четырнадцать языков! И у каждого свои нюансы, своя палитра. Как будто книга рождается не один, а четырнадцать раз. Не умножение, но возведение в степень. А что осталось нынешним словоплетам? Давиться пастообразной универсальностью космолингв и меч-

тать... не о степенях и возведении, а о лишней сотне кредитов за включение очередной “звездной баланды” в сеть тахионной связи.

Стоп! Атлантиду будто окатило из контрастного душа. Кресс – это Крессида. “Троил и Крессида”. А Ноэль... Сомнительный археолог-тезка автора детской книжки... Его супруга (или подруга) – тезка шекспировской героини.

Таких совпадений не бывает! Вывод напрашивался сам собой, простенький, как формула неопределенности Гейзенберга: их имена – наскоро придуманные псевдонимы. У Атлантиды не было сейчас связи, чтобы проверить догадку. Да и зачем проверять? Возможно, на эти имена уже созданы нужные файлы, возможно даже, они числятся в каком-нибудь списке Тысяча Сорок Седьмого Университета Галактического мусора, что с того? Все равно эти двое – самозванцы. И вопрос только в том, кто прикрывается неуклюже разработанной легендой. Ответа Атлантида пока не знал. Но ни в коем случае нельзя показать им, что он догадался. Перед ним парочка галактических жуликов экстра-класса. Их обаяние удобная маска, их аристократизм – наживка. Они используют Платона в своей игре с небрежностью искушенных кукловодов. А вот какова игра-неизвестно. Но ставка в игре – Немертея. И ставка велика – тут сомневаться не приходилось.

Атлантида отложил книгу, будто не заметил странного совпадения. Да и с какой стати ему читать старика Шекспи-

ра? В его генетически уплотненной памяти хранится как минимум половина текстов великого англичанина. Говорят, на Британии-7, заселенной в основном потомками выходцев с туманного Альбиона, в школьную программу по литературе включен один Шекспир. Школьники изучают его пьесы с первого по двенадцатый класс. А потом долбят еще пять лет в университете. И эти бедняги не слышали о Толстом и Достоевском, Булгакове и Александре Бушкове. Да, Британия-7 верна традициям, как и все остальные Британии.

Но оставим ее в покое и вернемся к Немертее. В библиотеке специализированных книг по сей планетке не было – не удостоилась Немертея подобной чести. А вот по Малому Магелланову облаку книга нашлась. Платон уселся в кресло и принялся изучать находку. Итак, что мы имеем? Глава по Немертее оказалась крошечной – не больше истории XXI века в школьной программе. Глава, посвященная Ройку, – огромна, как история Второй Галактической Конкисты. Атлантида заглянул в список составителей. Так и есть: профессор Брусковский и здесь приложил свою руку. Труды сего ученого мужа расплзались по Вселенной, как плесень по головке рокфора. Профессор Рассольников представил ломтик сыра на фарфоровой тарелке и облизнулся. Да-да, настоящего рокфора с “Галлии-12”, на настоящей фарфоровой тарелке с той же планеты. Помнится, один материк там называется “Рокфор”, а другой “Камамбер”, и уже в космопорте пахнет соответственно...

Атлантида направился к себе. Проходя по коридору мимо комнаты Кресс, остановился. Он и сам не знал – почему. Шестое чувство или гений-покровитель велел: стоять. Говорят, Сократ постоянно слышал тоненький голосок, внушающий ему, что делать.

Вот и Платон, подобно Сократу, порой слышал внятный шепот... Но не в этот раз. Из комнаты хозяев доносились вполне реальные голоса. Но принадлежали они явно не Крессиде и Ноэлю. Говорили какие-то другие люди (или гуманоиды), и язык был Атлантиде неизвестен. Напрасно он рылся в памяти, пытаясь припомнить хоть что-то... Ничего.

Никаких аналогий. Язык, на котором беседовали трое – именно столько незнакомых голосов насчитал Атлантида, – был совершенно чужд всем наиболее распространенным наречиям Галактики. Даже на язык сукки не походил. А уж этот отличается от космолингва больше других.

Платон набрался наглости и без предупреждения распахнул дверь в комнату Кресс. Она сидела на кровати в длинном шелковом пеньюаре. Рядом, заложив руки за голову, лежал Ноэль. Он был наг, если не считать небрежно брошенного на бедра махрового халата. И, кроме них, в комнате никого не наблюдалось. Компьютер выключен – Рассольников первым делом бросил взгляд на его дисплей. А неизвестные между тем продолжали болтать. Сейчас звучал низкий женский голос. И хотя Атлантида не понимал ни слова из того, что пыталась донести до слушателей неведомая и невидимая

девица, он был уверен, что она чем-то чрезвычайно взволнована. Голос ее дрожал от возмущения.

– Вы не очень-то любезны! – воскликнула Кресс, вскакивая с кровати.

При этом полы шелкового пеньюара распахнулись, и на обозрение археологу предстали все ее прелести. Зачем она носит эти дурацкие тряпки? Ее загорелая гладкая кожа была восхитительной.

– Могли бы постучать! – Она окинула его наигранно гневным взглядом и запахнулась, хотя и не слишком поспешно.

В отличие от нее, Ноэль не возмутился, он лишь повернул голову в сторону гостя и дернул плечом – будто тайком вытащил пробку из стоящей под кроватью бутылки. Что означал его жест, Платон не понял. Зато таинственный голос смолк.

– Я услышал женский крик. Показалось, что вы зовете на помощь!

Платон соврал лишь наполовину – женский голос он в самом деле слышал, и в нем звучала явственная мольба. Но вряд ли эти вздохи и всхлипы можно принять за крик...

– Да? Я кричала? – Спросила как-то странно, будто сама сомневалась кричала она или нет. – Ничего, признаться не слышала. Ноэль, а ты? Тот пожал плечами, давая понять, что вопрос глуп.

– И как же я звала на помощь?

– Кю... бю... р-р-р... сдам... – повторил Атлантида наиболее часто встречавшееся словосочетание среди трагиче-

ских фраз неведомой особы. – И что это значит?

– Понятия не имею.

– А я думаю, это значит: убирайся вон!

Она схватила незваного гостя за плечи, повернула и вытолкнула в коридор самым бесцеремонным образом.

Еще одна тайна – Платон почти не удивился. Он пожал плечами – дурацкая привычка Ноэля против воли привязалась к нему – и направился к себе. – А ну-ка, дружище, – приказал он электронному умнику, – переведи-ка мне на космолингв фразу: кю бю р-р-р сдам... Язык гуманоидной группы – все, что могу тебе поведать. А дальше действуй сам.

– Слишком мало информации для решения задачи, – ответил комп после пятнадцати минут непрерывной трескотни.

– Убожество, и зачем я грохнул на тебя столько кредитов?! – вздохнул Атлантида и занялся найденной в библиотеке книжкой профессора Брусковского. Первым делом он “кликнул” раздел “Немертея”.

И вот что прочел:

“Типичный пример посредственной цивилизации, застывшей в своем развитии на тысячелетия. Причина тому – создание массового производства на раннем уровне цивилизации. Унификация и взаимозаменяемость, единая система...” А дальше прочесть не успел. Потому что злополучное творение Брусковского взорвалось у него в руках. Буквально. В лицо полыхнуло белым светом, и кожу обдало жаром.

Рук в первое мгновение Платон просто не чувствовал... Зато почувствовал запах дыма, точнее – горящего армированного трионного хлопка, из которого был сделан комбинезон. Археолог услышал пронзительный визг защитных датчиков, и на него вылилось нечто вроде комбинированного душа – весь комплекс пожарно-защитных экскрементов до смерти перепуганной системы защиты дома. Атлантида брезгливо отряхнулся, как пес после купания. Он всегда считал, что излишнее очувствление жилищных объектов ни к чему хорошему не приводит.

От книги почти ничего не осталось – какой-то обгорелый черный комок, источающий отвратительную вонь. Сам Атлантида, а также пол в радиусе полуметра покрылись хлопьями белой пены с синими вкраплениями биологических добавок. Комбинезон на плечах и груди превратился в лохмотья, а руки... Он глянул на ладони и закричал. Его вопль слился с визгом защитных датчиков еще не успевшего прийти в себя дома. Наконец они смолкли разом – и человек, и служба охраны. Руки начало жечь. Потихоньку. Будто Платон положил их на сковородку, и вот она разогревается...

И тут в комнату вбежала Кресс. Она огляделась, будто искала в комнате еще кого-то.

– Книга... – только и выдохнул Атлантида. – Взорвалась... Она глянула на его руки. Ахнула, но не слишком громко. Казалось, объяснения Платона ее даже немного успокоили. Она ухватила Атлантиду за плечо и повела из комнаты. Ар-

хеолог не сопротивлялся. “Сковородка” уже включилась на полную мощность, Платон чувствовал, как к горлу подкатывает отвратительный комок.

Она что-то говорила, но что – Платон не слышал. Уши будто забило ватой. Но Рассольников согласно кивнул. Сейчас он с кем угодно был готов согласиться, лишь бы убрали проклятую “сковороду”. Крессида втолкнула его в маленькую комнатку. С их появлением помещение осветилось синим неживым светом. Судя по матовым стенам и наличию большого количества прозрачных и непрозрачных емкостей и гудящих приборов, они очутились в медицинском блоке. Кресс усадила его в кресло и нахлобучила на голову пострадавшему черный совершенно не проницаемый для света колпак. Тут он проявил строптивость. – А вы сумеете...

– Все археологи имеют начальное медицинское образование. – Ее голос сквозь защитный колпак долетал глухо.

– Разве ты-профессиональный археолог?..

Она не ответила. Зато боль в ладонях пропала. Разом... В первую секунду Атлантида почувствовал такую легкость, что рванулся вскочить. Крессида прижала его плечи к спинке кресла. Он попробовал пошевелить пальцами. Получилось!

– Не дергайся! – тут же раздался строгий окрик.

Слава Богу! Слава Галактике! Слава Старой Земле! Кому еще слава? Не важно. Главное, что пальцы на месте.

– Ну вот и все! – Кресс сдернула с него черный колпак. –

Два дня придется походить в биологических перчатках, пока регенерированная кожа адаптируется, а так ты, как новенький.

Он посмотрел на свои руки. Вместо черно-красных пузырей увидел на ладонях гладкую розовую кожу. Цвет, правда, был ярковат. Атлантида не любил подобных оттенков.

– Это биологические перчатки, – прокомментировала хозяйка. – Потом будет совершенно нормальная кожа – не отличишь.

Пара манипуляторов тем временем приводили в порядок медицинский блок. Эти две механические руки, скользящие по невидимым направляющим и с человеческой, ловкостью раскладывающие инструменты и коробки с лекарствами, вызвали у Платона неприятное чувство. Это они его только что штопали. Он бы предпочел живого эскулапа. Но теперь это, увы, такая же роскошь, как и проживание на Старой Земле.

Атлантида поднялся с пластикового кресла, и оно бесшумно поглотилось стеною – только ручка осталась торчать. И тут Платон увидел среди прочих панелей несколько вмурованных в стену прозрачных ванночек с темно-желтой жидкостью. Внутри плавали какие-то лоскутки. Ванночек было четыре. В этой четвертой, последней, булькали пузыри, и время от времени происходили крошечные взрывы, выбрасывание в раствор алых и бурых шлейфов. – Образцы ткани? – спросил Атлантида, невольно поглядывая на свои возрожденные ладони.

– Да, так проще будет заживлять раны, – невозмутимо пояснила Кресс. – Разве ты не знаешь, что в любой экспедиции полагается иметь генетические образцы для регенерации?

– Почему же не взяли у меня образчик до происшествия? Она смутилась. Нет, не то. А как бы это сказать? Растерялась... Нет...

Призналась в собственной ошибке. Да, похоже. Кресс явно досадовала на себя.

– Не успела... Так... думала, время есть.

А вдруг именно она покушалась убить настырного археолога? Вспомнила про Шекспира, поняла, что ее фальшивый имидж будет скоро раскрыт и... А потом передумала, не решилась. Кинулась спасать.

Нет, в этой версии что-то не клеилось. И Рассольников пока не мог понять – что. Но, в общем-то, версия выглядела вполне правдоподобной... Они пришли в столовую. Здесь уже сидели Ноэль и Андро. В глазах археологини опять стояли слезы. Смешно наблюдать у современного человека такую чувствительность. Смешно и... трогательно. Атлантида перевел взгляд на Ноэля. Тот тоже нервничал. В руках он держал стакан с местной брагой. И судя по цвету его лица и дрожанию рук – это был далеко не первый стакан. И этот переживает! Было бы забавно, если бы тезка кавалера ордена Бани пустил слезу. Но Ноэль плакать не собирался. Даже пьяными слезами. Кресс также заметила нетрезвое состояние супруга, но ничего не сказала.

Даже не попыталась отобрать бутылку. Лишь попросила:
– Налей-ка нам всем по стаканчику.

Да, выпивка сейчас не повредит. Атлантида осушил свой стакан одним глотком. В этот раз брага показалась ему не такой уж и крепкой. “Недельки через три буду глотать ее, как текилу, – решил Платон. И добавил неожиданно даже для себя: – Если доживу”.

ГЛАВНЫЙ ДВОРЕЦ И ГЛАВНЫЕ ГРОБНИЦЫ

1

Итак, два дня как минимум Атлантида вынужден был гулять по Немертее, держа руки в карманах. Взрыв, испоганивший его комбинезон и причинивший ущерб его телу, прибавил загадок ко всем прочим загадкам Немертеи, но не приблизил Атлантиду к разгадке тайны.

На Немертею он прибыл, потому что почувствовал: здесь что-то есть. И это “что-то” потянет на весьма солидный труд. Не говоря о возможности добавить к труду несколько килограммов контрабандного золота. Пребывание на планете лишь усилило убежденность археолога. Но... пока он даже не знал, в каком направлении надо двигаться. Единственное, что он установил точно, так это то, что двигаться надо крайне осторожно.

Итак, на следующее утро он первым делом направился к своему челноку и занялся выгрузкой багажа. Новенький F-55001 был расконсервирован, запрограммирован и... отправлен на расчистку дороги. Памятуя о вчерашних событиях, Атлантида не рискнул направить его на раскопки “ма-

стабы”. Во-первых, для этого требовалось разрешение государственного инспектора, а она его давать не пожелала, справедливо предположив, что пока нет гарантии безопасности раскопок, заниматься “мастабой” опасно. Во-вторых, Рассольников решил собрать побольше информации, чтобы не сделать самых элементарных ошибок, за которые потом так больно бьют ученые мужи во главе с профессором Брусковским. Как и было запланировано, Атлантида решил посетить дворец. Впрочем, посетить дворец – это очень сильно сказано. От здания осталось еще меньше, чем от храма. Правители каждой эпохи возводили свои дворцы на фундаментах предыдущих построек. Где надо – ровняли, засыпали, наращивали и ставили новые стены на остатках старых. И так слой за слоем. Судя по толщине уцелевших стен, здания возводили высоким – минимум в три этажа. Если принять во внимание глубину культурного слоя, на которой удалось обнаружить фундамент первого дворца, кладке около шести тысяч лет. Разумеется, датировка весьма приближительна. Но радиоуглеродный анализ подтвердил – не менее шести тысяч лет. Перемены в благосостоянии, то удача, то застои и экономический упадок, – все это отражалось на перестройках дворца. Три тысячи лет назад Немертея переживала расцвет. Об этом свидетельствовал роскошный фундамент из полированных базальтовых плит. Дворец был расширен – вокруг снесли часть жилых кварталов, чтобы построить новые помещения, создали площадь, украшенную

скульптурами – Андро нашла множество осколков каменных рук и голов. Часть она собрала... потом надоело. Они валялись повсюду – завитки чьих-то волос и бород, фрагменты глаз, скул и лбов. Больше всего сохранилось осколков каменных глаз. Защищенные остатками бровей и век, они смотрели из дальних далей на новое племя, что попирало их ногами.

Стены дворца, несомненно, когда-то были покрыты фресками. Живописный слой не сохранился, остались только углубления в стенной штукатурке, которые помогали держаться верхнему расписному слою. Следы, оставленные пальцами немертейцев, которые жили тысячи лет назад. Атлантида приложил руку к обломку стены. Пальцы у гуманоида были куда крупнее. Отпечатки на штукатурке – вот все, что осталось от давно умершего строителя.

– Каждая цивилизация переживает свой золотой век. Был он и у Немертеи. Но к началу Четвертого царства происходит то ли экономический, то ли политический кризис... Народ начинает ненавидеть своих правителей, – уверенно заявила Андро.

– Очень смелое заявление! Есть какие-то данные? Нашли летопись и расшифровали? – Он позволил себе усмехнуться.

– Да все же просто! В середине Четвертого царства дворец перестраивают. Входную дверь, которая прежде вела на центральную площадь, замуровали прочной бетонной кладкой. Заложили кирпичами окна дворца на первом этаже. Новую

дверь прорубили в боковом крыле, вернее, не дверь, а настоящие крепостные ворота. За ними – караульное помещение, явно переделанное из бывшей жилой комнаты. А ведь в прежнем дворце ничего подобного не удалось обнаружить. Теперь только через эту караульную можно было попасть в зал приемов. Ну а чтобы пройти в жилые помещения, приходилось миновать еще одну караульную, опять же оборудованную во время Четвертого царства...

Платон нагнулся и поднял с песка крошечный осколок – кусочек базальта. Одна сторона его была отполирована, и на ней три черточки.

– Здесь когда-то проходила аллея базальтовых кошей... – сказала Андро и спешно добавила. – Как я полагаю. Нашлось несколько постаментов. Теперь я пытаюсь реставрировать скульптуры. Как хорошо, что вы нашли еще один фрагмент.

Она бесцеремонно отобрала находку, опрыскала герметиком и положила в нагрудный карман комбинезона.

– Но это еще не все... – загадочно улыбнулась Андро. – Идемте со мной.

Она открыла сделанный из пластика люк и указала на ведущую вниз лестницу. Лестница была старинной, ступени высечены из базальтовых плит. Они стали спускаться. Андромаха с фонариком впереди, Платон следом. Атлантида вдруг до боли (почти до физической боли) позавидовал археологине – почему именно она откопала эту лестницу и сейчас ведет своего спутника вниз?! Как обожал он эти, ка-

залось, ничего не значащие находки, когда по крошечным осколкам, по намекам – по вмятинам на штукатурке или по раскопанной караульне – можно выстроить целую теорию.

Лестница шла уступами, ступени становились все более крутыми, спуск все более опасным. Приходилось держаться за стены.

– Здесь... – сказала женщина и остановилась. Перед ними была стена. Андро, ведя раскопки, вырезала в ней дверной проем, прикрытый сейчас куском матовой пленки.

– Прошу... – Она откинула пленочный занавес и ввела Атлантиду в крошечную комнатку.

Под потолком на антигравитационной подставке плавала вечная лампа, которая автоматически загорелась, едва люди ступили в комнату. Стены были сложены из сероватого камня. Ровные стены с двумя пустыми нишами. Две высеченные из голубого немертейского камня колонны подпирали потолок. Посередине стоял огромный, сделанный из местной лиственницы сундук. Обитая тонкими металлическими полосами крышка источила из себя крошечные капельки смолы, которые за минувшие тысячелетия окаменели и превратились в золотистые бусинки. Андро приподняла крышку. Внутри лежали четыре скелета – так, что в каждом углу располагалось по черепу. Бросив беглый взгляд, было нетрудно определить, что скелеты идентичны человеческим.

– Ну и что? – спросил Атлантида.

– Милый мой, ты что, не удивлен? Это единственные ске-

леты, найденные на такой глубине. Других останков жителей Немертеи практически нет, если не считать захоронения стариков, что нашли Ноэль и Кресс на загородной вилле. – Думаю, вы еще не добрались до кладбищ.

– Все равно. Обрати внимание на необычность погребения.

– Погребение? Скорее ритуальное убийство, религиозный обряд.

– Да, пожалуй. Но учти – это не храм. Это – дворец...

– Может, и здесь было святилище? Или при закладке дворца уколошили этих бедняг и зарыли как жертву боже-ству дома. Тоже неплохая гипотеза.

Андро нахмурилась. Он прекрасно понял, зачем Андро-маха привела его сюда – она в самом деле не знала, что означают эти четыре скелета, оставленные много тысяч лет назад в сундуке, и надеялась, что профессор Рассольников сможет ей что-нибудь подсказать. Но такие задачки не решаются с наскока. Впрочем, каждая цивилизация имеет свои скелеты в шкафу.

– А глубже копать не пробовала?

– Мы и так на уровне слоя XVII. То есть это Додинастический период... А первый фундамент дворца находится в слое XV.

– Не похоже, что эту комнату сделали прежде дворца. Можно предположить, что немертейцы все же умели рыть подвалы. Так что стоит посмотреть, что же там ниже... По-

пробуем?

Андро смутилась. То есть она явно хотела поддаться на уговоры. Но что-то ее останавливало. Или даже пугало?

– Хог нас здесь не достанет, – не слишком удачно пошутил Атлантида. – Хорошо, – согласилась она с внезапной решимостью. – Копаем. Но прямо сейчас.

Кто бы был против! Из контейнера с оборудованием, который Андро держала в храме, притащили мини-бур. Платон обошел комнату. Пол был вымощен булыжником. Все камни казались более или менее одинаковыми, только в одном углу, куда крупнее остальных. Такое впечатление, что здесь их уложили позже, заменив предыдущую кладку. Археолог приказал буру пробить шурф в этом углу.

– А ведь если судить по этим черепам и фрагментам скульптур, – заметил Платон, – немертейцы здорово походили на людей.

– Они гуманоиды. Это давно известно.

– А почему черепа оставили здесь? – удивился Платон. – Надо было взять их к себе, исследовать... определить по костям генетический код. Сравнить с тем, который получен при исследовании останков, найденных на вилле. Ведь, в конце концов, это открытие. И тянет на солидную диссертацию. Неужели не ясно?

– Я не хочу это исследовать! – неожиданно заявила Андро.

– Что – это?

– Их черепа! Их останки! И не будем об этом... – Она

нервничала все сильнее.

– Но ты же хочешь открыть все тайны Немертеи!

– Уже не знаю. Может быть, и не хочу.

– Ну и ну! Зачем же тогда торчать на планете?

– Обнаружена пустота! – сообщил мини-комп, управляющий буром.

– Расширить отверстие! – приказал Платон.

Ага! – мысленно воскликнул археолог, ощущая в груди холодок ни с чем не сравнимого азарта. – Вот оно! – Он смотрел, как бур дробит камни. Уже виден провал. Каждая такая пустота сулит невероятное. Дверь в другое измерение, путь в иной мир. Вот уже луч фонарика скользит по грубо обработанным плитам. А там внизу... белое... кости... кладбище?! Нет, не кости. Белая керамика. Белая, а не черная! И этот механический идиот сейчас всю ее переколотит!

– Стой! – закричал он буру. – Отойди...

Атлантида плюхнулся на живот, просунул руку в образовавшееся отверстие. И извлек тарелку. Целую, без единой трещинки. Лепная керамика, то есть сделанная не на гончарном круге, а именно вылепленная. Тарелка была белой с черно-красным узором, нанесенным грубой кистью. Снизу кольцевой поддон. Платон поставил находку на пол и вновь запустил руку в провал. Теперь на свет явилась ваза – опять же лепная, и опять же белая... Профессору Рассольникову она напомнила кипрскую “молочную чашу”. Замечательно! Он вновь просунул руку в пролом. Да так и замер... Неверо-

ятно! Кто бы мог подумать: керамика с Немертеи похожа на керамику со Старой Земли, с Кипра... А ведь сейчас вылупляется новая теория! Да, да, целая теория. Что, если круг художественных образов ограничен? И художественные решения так же лимитированы, как электронные орбиты... Нельзя изобрести то, что не может лечь на определенную культурную орбиту. То есть в принципе невозможно... И так цивилизации переходят с более низких уровней на более высокие; переходят, накапливая энергию, пока не достигают последней орбиты... А дальше есть только один путь-прыгать с орбиты на орбиту, и так без конца. В третий раз Платон вытащил лепной бокал.

– По-моему, хватит! – решительно заявила Андро. – Я сейчас принесу коробку, мы упакуем керамику. И все! Все! Больше не трогать...

– Почему? Здесь совершенно разные изделия, в отличие от твоих сошедших с конвейера черных кувшинов. И посмотри, как они хороши! Чувствуешь живые руки, живую душу.

– Я – сказала: все! И не спорить! – она повысила голос. – В конце концов, я – представитель МГАО! Мы должны описать находки и тщательно исследовать. Таковы инструкции!

Ах, вот как! Дело плохо, раз в ход пошли инструкции.

– Ты собираешься присвоить мою керамику?

Андро не ответила. Платон поднялся, отряхнул комбинезон.

– Так ты хочешь забрать мои находки? – повторил профессор Рассольников вопрос ледяным тоном.

Она затрясла головой.

– Да нет... нет! Бери их себе. Но пока-все! Больше ничего не трогать. Договорились?

– Ну а завтра я могу продолжить? Андромаха заколебалась.

– Завтра и посмотрим. Завтра! – почти выкрикнула она и добавила негромко:

– “А то как вдруг Агамемнон покроется чирьями”.

– Что? – не понял Атлантида.

– Это старая поговорка археологов. – Она издала какой-то странный, сдавленный смешок. – Ты что, ее никогда не слышал?

2

После дворца они отправились осматривать Главные гробницы. Платон был в ярости. Лев, у которого из зубов выдрали добычу, чувствовал бы себя точно так же. Лепная керамика это, конечно, не золото. Но тут пахнет открытием. А профессор Рассольников, вместо того чтобы заниматься делом, бродит по развалинам и осматривает то, что раскопали другие, как какой-нибудь восторженный дилетант.

Обнаруженных гробниц, как он помнил, было восемь. Но полностью сохранилась только одна. Андро привела коллегу

на участок, мало отличающийся от остального лунно-вздыбленного пейзажа. Отличие состояло в том, что восемь матовых колпаков располагались по сторонам воображаемого квадрата – по два на каждую сторону. Атлантида припомнил, что число “8” было магическим у древних греков исключительно из-за математических свойств. Но эти древние упражнения по умножению и извлечению кубических корней вряд ли могли иметь отношение к раскопкам на Немертее.

– С какой гробницы начнем? – спросила Андро. – С той, что лучше всего сохранилась?

– Нет, с той, что больше всех пострадала. Если и сегодня неведомо откуда прилетит мегаснаряд, то потери немертейской археологии будут минимальными, – справедливо предположил Платон.

– А мы? – изумилась спутница его бесстрашию. – Ты готов пожертвовать нами...

– Нас реставрирует Кресс. Ведь у нее есть образцы наших тканей. Кстати, с тобой происходило что-нибудь подобное? Что-нибудь неожиданно взрывалось... Книга или...

Андро потупилась.

– Видишь ли, – сказала она, – это я устроила взрыв книги Брусковского. Решила, если найдется идиот, читающий труды профессора, – пусть он запомнит это чтение навсегда.

Он строго взглянул на нее, но тут же смягчился. Потому как глаза ее повлажнили – она чувствовала себя такой ви-

новатой перед ним. Неужели в тридцатом веке существуют столь сентиментальные существа? Или это влияние прошлого? Кажется, прежде люди были много чувствительнее и не могли спокойно смотреть, как одним взрывом уничтожается целая планета с миллиардным населением. А ведь во время Второй Конкисты... Но кто теперь вспоминает, сколько цивилизаций погибло во время Второй Конкисты!

– Правда, одна из находок взорвалась, едва я извлекла ее из песка – прервала Андро размышления профессора – У меня тоже пострадали руки. Не так сильно, как у тебя, но и мне пришлось побывать в медицинском блоке.

– А! Так медицинский робот действовал по стандартной программе. А я-то думал, почему он так быстро меня заштопал. И что это была за находка? – Честно говоря, даже не знаю. От артефакта ничего не осталось. Ящичек из какого-то желтоватого материала. Может быть – золото. Я обнаружила его в одном из шурфов в слое IX. Это время создания колодца.

– М-да... это кое-что проясняет, – глубокомысленно заметил Атлантида.

Хотя на самом деле сообщения Андро ничего не проясняли.

– Итак, прошу...

Он сделал приглашающий жест в сторону матового защитного купола.

– Ты посылаешь меня вперед, как древний человек от-

правлял женщину в пещеру, чтобы в случае чего именно ее сожрал пещерный медведь.

– Дорогая моя, это римляне пропускали вперед своих дам. После того как взяли их силой. Вот такая компенсация за понесенный моральный ущерб. Итак...

Андро улыбнулась достаточно игриво и первой вошла под купол. Платон последовал за ней. От гробницы мало что осталось. То есть в прямом смысле очень мало – пол и кусок одной стены, сложенный из идеально обработанных базальтовых плит.

Пол покрывали плитки немертейского камня, который иногда именуют “голубым мрамором”. В некоторых местах мрамор был сильно изуродован, а кое-где почти не пострадал, Атлантида внимательно осмотрел погребальную камеру.

– И все? – спросил он. – А что находилось внутри?

– Здесь – ничего.

– А как же спеленатые и привязанные к столбам погребальной камеры мумии королей Немертеи?

– Привязанные к столбам мумии? – переспросила Андро. – Да, столбы были. Видишь эти черные круги на полу? Здесь в самом деле стояли колонны... Но вот мумий не обнаружилось.

– Ну не в этой гробнице, так в других...

– И в других не было.

– Гробницы без мумий? Ну, так скелеты. Отдельные ко-

сти...

Андро отрицательно покачала головой:

– Я же говорила: останков немертейцев не нашли. Только тех, троих, на вилле. И скелеты в сундуке.

– Так почему эти сооружения называли гробницами?

– Условно. Они ниже уровня земли, предназначены явно не для жилья. И еще из-за росписей. Ни костей, ни саркофагов, ничего подобного нет. А вот изображения гуманоидов были. Но очень странные. Объемные изображения из бинтов, пропитанных ароматическим составом, по форме повторяли тела. Ноги... туловище... руки... лицо... Именно лицо, а не вся голова. Задняя часть черепной коробки как бы отсутствовала. И внутри ничего – пустота. И вот эти пелены были привязаны к столбам. Веревки, сплетенные из волокон местной пальмы и пропитанные ароматной смолой, охватывали бинты там, где когда-то находились запястья и щиколотки.

– А ты не думала, что тела когда-то находились внутри этих пелен, но с годами разложились?

– Исключено. Я сделала анализ. Никаких следов органических соединений, которые могли бы остаться от тел немертейцев. Только ткань пелен, очень хорошо сохранившаяся, пропитанная специальным составом. Правда, в двух или трех местах я нашла микроскопические следы органики. Но что это – кровь, пот или экскременты – определить спустя столько времени не удалось. Эти тряпичные куклы находи-

лись во всех главных гробницах. Более или менее сохранившиеся в зависимости от состояния самой гробницы. Вот здесь, к примеру, удалось отыскать лишь два обрывка.

– На стенах были росписи?

– В тех гробницах, которые лучше сохранились, росписи есть. Думаю, они существовали и в этой погребальной камере.

– Тогда пойдем и посмотрим на росписи. Разумеется, я не буду тебя целовать.

– Что?..

– Разве ты забыла? В тот раз взрыв произошел сразу после того, как мы поцеловались. Сегодня я буду сдержан.

Она рассмеялась – явно через силу.

– Ладно, ладно. Мы заскочим туда и сразу выскочим. – Он тоже рассмеялся.

В отличие от Андро – вполне естественно.

Она повела его в гробницу напротив. Тут погребальная камера почти не пострадала. Пол также был голубой, стены до половины сложены из полированного базальта. Потолок подпирали четыре колонны из немертейского камня с капителями из другого местного мрамора – бледно-розового, с красными прожилками. Все четыре стены были покрыты великолепными фресками. Да, именно фресками. С первого взгляда Атлантида определил, что использовалась техника живописи по сырой штукатурке. Только она дает такие удивительные краски, не меркнувшие в течение веков.

Они будто стояли на террасе и смотрели на открывающийся перед ними пейзаж – бледно-голубое необыкновенно прозрачное небо, сквозь которое художник ясным днем увидел бледный свет ближних звезд (чего на Немертее на самом деле не бывало) и серебристую листву местных ив, усеянных розоватыми цветами. Темно-зеленые и бледно-зеленые хвойные леса, золотистые поля с гладкой, будто шерстка кустарниковых куниц, травой и синеватые холмы вдалеке. И посреди этого раздолья легкая, сложенная из полупрозрачного камня беседка с красной черепичной крышей. Дорога, выложенная красными и голубыми плитками, вела к беседке. Атлантида почему-то остановил свой взгляд на дороге, и она словно приблизилась, и появилось впечатление, что на нее можно ступить и отправиться в путь. Ветерок пробежал по траве, заколебал ветви ив, сорвал несколько цветов...

Атлантида моргнул. И наваждение пропало. Фреска вновь приобрела статичность.

Платон повернулся на пятках и принялся рассматривать стену напротив. Здесь тоже был пейзаж. Опять дорога, ясный день, холмы вдалеке. И по дороге движется процессия. На резных носилках шестнадцать носильщиков в красно-белых одеждах, чем-то похожие на самодовольных туристов со Старой Земли, несут королевскую чету. Король и королева в длинных златотканых Одеяниях, в белых огромных тюрбанах, похожих на головки растущих вдоль дороги цветов. Вуали закрывают лица. Рядом с носилками толпятся сановники

с огромными веерами на длинных гибких ручках. Над головами повелителей колышутся разноцветные опахала, то желто-зеленые, то белые с синим, то пестрые, где смешаны все возможные и невозможные оттенки разом. Но эта пестрота не вызывает отторжение, а лишь легкое обязательное чувство радости. За вельможами следует целая процессия детей, одетых в белые платья, с венками на каштановых и черных волосах. Одна девочка отстала и принялась собирать цветы у обочины. “Поторопись!” – хотелось крикнуть ей.

– Девятый слой... – почти утвердительно произнес Платон, осматривая фрески.

И глядя на них, дочему-то пожалел, что сейчас он в рабочем комбинезоне, а не в белом костюме с алым цветком кактуса в петлице. А его спутница не в вечернем платье из черного струящегося натурального (или почти натурального) шелка...

Она взяла его под руку, и он понял, что Андромаха подумала о чем-то подобном. И он был уверен, что ее глаза вновь повлажнели. Милая Андро... Впервые за все время пребывания на Немертее Атлантида подумал о ней с нежностью, и, несомненно, в этом были виноваты фрески.

– А где то, что было в гробницах? – спросил профессор археологии задушевым голосом, будто на свидание приглашал.

– Я же сказала: на складе...

И тут пол у них под ногами качнулся. Дрогнули стены.

Андро ахнула и вцепилась в плечо Атлантиды.

– Наверх! – закричал он, понимая, что они слишком задержались в гробнице, что надо немедленно, сейчас же...

Он не помнил, как они выскочили наружу. Кажется, Андро споткнулась, и он буквально волок ее по лестнице наверх. Вырвавшись из гробницы, Платон огляделся. Знакомый желто-серый пейзаж. Красноватая стена вдаль. Где-то за стеной, над лесом, поднимался столб густого черного дыма.

– Кресс! Ноэль! – воскликнули они одновременно и кинулись к вездеходу.

Когда машина понеслась к воротам, Атлантида пожалел, что не велел F-55001 разобрать именно эту дорогу. Вездеход они оставили у стены.

– Быстрее к глайдеру! – крикнула Андро.

Они побежали к ангару. Но мчаться на раскопки Крессиды и Ноэля им не пришлось: на лужайку перед домом, отстреливая тормозные патроны в аварийном режиме, спускался бело-синий глайдер. Платон побежал к спустившемуся с неба летающему “блюдцу”. Пластиковый люк был уже поднят, и на дорожку выкатились автоматические носилки. К ним широкими красно-белыми ремнями был пристегнут Ноэль. Носилки покатались к щели услужливо раскрытых ворот бокового входа. Лицо Ноэля казалось неестественно белым, с какой-то ненастоящей, похожей на латекс карнавальской маски, кожей. Кресс бежала за носилками. Атлан-

тида заметил, что комбинезон у нее на плече порван, и сзади болтается бело-красный лоскут. Не сразу сообразил, что это лоскут кожи.

– Что произошло?! – он схватил ее за руку.

Она обернулась. Выражение лица – сумасшедшее, с остановившимся взглядом. На лбу, на щеке – пятна грязи и крови.

– Ноэль... – только и выдохнула Кресс. Губы дрожали. – Он ранен...

Она попыталась высвободить руку.

– Так что случилось?!

– Взрыв... Пусти меня...

– Ты ведь археолог, а не хирург. Если рана серьезная, тебе не справиться.

– Пусти! – повторила она.

И скрипнула зубами. Такой отчетливый неприятный скрип. И он отпустил ее руку. Кресс побежала в дом. Но Атлантида не пошел следом. Он был уверен, что взрыв произошел не случайно. Ну а что дальше? Разве что предположить – Кресс пыталась укокошить Ноэля! Нет, это, пожалуй, слишком смелая версия. Он оглянулся. Андро разглядывала захлопнувшуюся дверь. В глазах ее, разумеется, стояли слезы. Платон направился к глайдеру. Пока Андромаха размышляет о грустном, он успеет взлететь.

Как бы не так! Только он забрался в кабину, как Андро оказалась рядом.

– Куда ты? – никакой сентиментальности в голосе, исключительно деловой тон.

– Хочу осмотреть место раскопок нашей милой парочки.

– Я с тобой – Она без приглашения уселась в кресло.

Может, выкинуть ее? Будто ненароком, толкнуть под локоток, а самому взлететь?

– А твоя помощь не нужна Крессиде? – Он избрал более мягкий путь сопротивления.

– Зачем? Я ничего не понимаю в медицине. Как всякий археолог, знаю, как нажать кнопку медицинского манипулятора или подать команду: “Обработать рану и наложить швы!” И все. Так что Кресс наверняка управится без нас.

Выкидывать Андро из глайдера Платон не стал. У него было правило: с представителями МГАО без крайней надобности не ссориться. Пока он еще мог терпеть Андромаху. Пока... Ему не терпелось проверить свою догадку. А когда у Атлантиды возникала догадка, он мог покинуть кого угодно и терпеть рядом тоже кого угодно. Исследовательский зуд противоречит всему на свете.

– Лучше мне лететь одному. – Он сделал последнюю попытку отбиться.

– Нет, я с тобой, – воскликнула Андро и, поглядев ему в глаза, прошептала беспомощно: – Боюсь, вдруг он там... я не могу... Кресс выйдет и скажет... нет, не могу. Без тебя... Я боюсь... смерти...

М-да... А кто ее не боится?

Платон скомандовал бортовому компу: “Подъем!” – и машину плавно потянуло вверх. Под прозрачным днищем мелькнули макушки немертей-ских лиственниц и оранжевая черепица крыши.

– Где копали Кресс и Ноэль? В каком направлении лететь? – спросил Атлантида.

– Раскоп семь. У бортового компа есть стандартная программа... – Раскоп семь, – повторил Платон. Бортовой комп запрограммирован так, что воспринимает в течение полета голос только одного человека – того, кто скомандовал “подъем”. Если вы хотите передать управление, то надо нажать специальную кнопку. Но он не собирался этого делать. Плавно загудели маршевые двигатели, и макушки деревьев слились в один зеленый ковер. Атлантида откинулся на спинку кресла. – Они сами организовали этот взрыв?

– Как ты можешь говорить такое! – возмутилась Андро.

Да, на ее логику в данном случае рассчитывать не приходится.

– Тебе нравится Ноэль? – Платон попытался зайти с другой стороны.

– Он милый человек, хотя немного слабохарактерный.

– Всем заправляет Кресс, не так ли?

– Крессида... Да, конечно... – В ее голосе мелькнула едва скрытая неприязнь. Как видно, Ноэль говорил правду в тот вечер, когда археолог прилетел на Немертею: женщины не особенно друг друга любили. – А может, супруги тоже по-

целовались где-то не в том месте. Или даже занялись любовью? – продолжал рассуждать вслух Платон, прекрасно понимая, что необыкновенно злит Андро.

Она окинула его испепеляющим взглядом – даже слезы, стоявшие до этого в ее глазах, мгновенно высохли.

"Ого, кошечка умеет злиться!" – усмехнулся про себя Атлантида. Ревнует?.. Выходит, у них здесь любовный треугольник? А как же иначе? Красивый мужчина, две молодые женщины...

Зеленый ковер под днищем тем временем вновь распался на вполне различимый узор из редко стоящих деревьев. Глайдер пошел на посадку. Сразу открылась серо-коричневая площадка и посреди воронка, из которой все еще шел дым. Вернее, сизый, с желтыми завитками, слабый дымок. Глайдер опустился рядом с воронкой, и Платон спрыгнул, чуть ли не в яму. Первое, что он увидел, – осколок голубого немертейского мрамора, обугленный и черный. Атлантида принялся обходить воронку по кругу. И тут же споткнулся о гранитное ядро. Точно такое же, какое они видели в колодце "мастабы".

"Ага!" – мысленно воскликнул профессор. Значит, здесь тоже был колодец, и археологи-любители пыталась его раскопать. И некто поступил с ними точно так же, как накануне – с Атлантидой. Надо было все-таки сказать, что Платон и Андро были в "мастабе", а не гуляли по лесу. Может быть, Крессида с Ноэлем не стали бы так рисковать? В яму архео-

лог спускаться не стал. Своя шкура ему дорога, чего нельзя сказать о Ноэле. Неужели этот тип не знал, на что шел? Или ради милой женушки готов на все? Дым уже почти рассеялся, и Атлантиде показалось, что на дне он может различить сохранившуюся часть колодца – голубые осколки виднелись не в центре воронки, а немного левее. Андро выбралась из глайдера и с потеряннным видом бродила среди обломков.

– Как ты думаешь, они обнаружили вторую “мастабу”? – спросил Платон.

– Я не думаю, я знаю. Здесь ничего не было. Совершенно ничего. Какая-то площадка, мощенная красными и синими плитками.

Она отшвырнула носком ботинка кусок обгорелой плитки.

– Но там внизу был колодец. – Атлантида поднял еще один кусок голубого мрамора. – И также, по всей видимости, закиданный камнями. У местных ребят была такая забава: вырыть колодец, а потом завалить его камнями.

– Часть какого-то очень древнего обряда, – предположила Андро. – Так часто бывает. Когда религия слишком древняя, гуманоиды забывают ее смысл и помнят только сами ритуалы, выполняя их совершенно автоматически. Тем более ведь речь идет о цивилизации, не имеющей письменности.

– Ты думаешь, на Немертее не было письменности? – Профессор позволил себе усмехнуться. – Гуманоиды, создававшие росписи, которые мы видели в царских гробницах, не

изобрели письменность?

Вопрос явно вызвал у нее раздражение – как будто Платон намеренно коснулся больного места.

– Полетели обратно, – попросила Андро. – В конце концов, стыдно, что мы вообще находимся здесь, а должны быть рядом... Да, должны быть рядом... Может быть, мы вернемся прежде, чем Кресс заметит наше отсутствие? – спросила она с какой-то совершенно детской надеждой.

3

Но Кресс заметила. Когда археологи вернулись, она с мрачным видом сидела в столовой, держа в руках пустой стакан. Волосы ее были спутаны, а золотые нити потускнели.

– Ну как, осмотрели воронку? – спросила зло.

– Я хотел выяснить причину, – заявил Атлантида твердо, давая понять, что не собирается ни за что извиняться. – Нельзя же постоянно ходить по минному полю.

– Как Ноэль? – дрожащим голосом спросила Андро.

– Более или менее. Ему придется пролежать в реанимационной камере несколько дней. А там посмотрим... – Ее слова вызывали недоумение – стандартный медицинский блок не рассчитан на помощь при тяжелых ранениях. Или Ноэль не так тяжело ранен, или...

– Надо вызвать хирурга с Ройка, – сказал Платон.

– Хирург с Ройка! – передразнила Кресс. – И во сколько

он нам обойдется?

Мне придется продать все, даже лицензию.

– По-моему, вы говорили, что у вас есть кредиты... – На то, чтобы хирург доехал от своего дома до космопорта на Ройке, может быть, и хватит. – Она говорила зло, но при этом старалась не смотреть на Атлантиду.

– А страховка?

Кресс отрицательно покачала головой. Какая глупость – археологи тащатся на заброшенную планету, не имея медицинской страховки. Впрочем, если они собирались скрываться от МГАО, то в этом случае страховка им в самом деле не была нужна.

– Тогда я заплачу, – предложил Атлантида и сам удивился собственной щедрости. Он даже не стал прикидывать, во сколько же это обойдется. Но рассчитывал, что Немертея все окупит. Хотя еще не ведал – как.

– Ценю... – Кресса скривила губы. – То вы удираете, когда может понадобиться ваша помощь, то предлагаете целое состояние. Не могу понять, кто вы. Но это не важно. Я отказываюсь от вашей щедрости.

– Ноэль умрет! – выкрикнула Андромаха, с изумлением глядя на Кресс. В этот раз она даже забыла расплакаться.

– Нам нечем платить. А лицензию я не отдам. Даже за Ноэля. – И она с каким-то непонятным торжеством посмотрела на Андро.

Теперь Платон был почти уверен, что странная археоло-

гиня состояла в связи с Ноэлем, Крессида их застукала и таким вот экзотическим способом расправилась с супругом. Впору было вызывать не медицинский, а полицейский патруль. Версия выглядела более чем достоверно. Но ей чего-то не хватало. Опять чего-то не хватало. Какой-то малости... Как и всем другим версиям.

ЕЩЕ ОДИН РИСКОВАННЫЙ ШАГ

1

Атлантида ушел к себе, чтобы попытаться разобраться с происходящим и наметить план дальнейших действий. Первым делом он сделал голограммы белой керамики. При ближайшем рассмотрении она показалась еще больше похожей на критские “белые молочные чаши”. Потом археолог растянулся на кровати, закинул руки за голову и закрыл глаза. Почему-то сразу представились “культурные” орбиты – эллипсы размазанных по орбитам бесчисленных произведений искусства, измельченных и обращенных в пыль, и на этих странных подносах расставлены были белые лепные чаши и черные кувшины Немертеи. А в центре, там, где полагается быть ядру, сидел человек в позе Будды. Глаза его были закрыты, и он улыбался. Платон потрянул головой-верно, он задремал, но спал лишь несколько мгновений. А спать сейчас не стоит. Никто из трех обитателей Немертеи не внушал ему доверия-всех он подозревал, сам не зная в чем. Планета полна загадок и опасностей. А поведение этой троицы загадочно не меньше... И... И вдруг зазвучала музыка. Она зву-

чала отовсюду – сверху, снизу, из коридора. Пение неземных голосов, звучание неслыханных инструментов. Волна звуков подняла и унесла Платона. Он плыл и плыл, а в хор вступали все новые голоса. Появилось странное ощущение, какое бывает только меж сном и явью когда ты уже не бодрствуешь, но еще не спишь, но стоит уловить этот миг – и сон непременно отступит. Но здесь минута проходила за минутой, а он по-прежнему плыл по граничной черте. По одну сторону лежал один мир, по другую – иной. А он был между, и был абсолютно счастлив. Он падал в сон, но падал без ускорения. И ощущение счастья все нарастало, пока наконец не стало невыносимым. Платон поднялся. Музыка все звучала. Он крикнул – ему ответил хор – десятки, сотни голосов. Атлантида выскочил из комнаты. Побежал. Не сразу сообразил, что бежит не по знакомому коридору, а по длинной галерее. Слева шли колонны из голубого немертейского камня с винтообразными каннелюрами. Галерея сменилась мраморной лестницей, лестница – огромным залом. В полированном зеркальном полу отражались гирлянды неярких светильников то молочно-белых, то розовых, то золотых. И в центре каждого застыла светлая точка-это плавали в воздухе огромные светляки. Зал с трех сторон окружали аркады, потолок был черен и усыпан звездами-только звездами куда более яркими, чем настоящие. Посреди зала стояли два трона из темного дерева. И стены, и колонны аркады оплетали причудливые золотые узоры. Музыка внезапно

смогкла. Вместе с тишиной обрушилась тьма, абсолютная, мягкая, бархатистая, мрак слепоты, а не ночи. Когда же Платон вновь что-то смог различать, то увидел, что стоит в столовой. Окна в комнате открыты, и повсюду роились огромные, мелочно-белые светляки. Но им было далеко по размерам и силе свечения до призраков из только что виденной галлюцинации. Атлантида обошел столовую. Прислушался. Тихо. Лишь слабое стрекотание каких-то местных насекомых доносилось снаружи, да еще далеко за холмами кричали то ли птицы, то ли земноводные, и крикам вторил хохот какой-то твари, очень похожий на смех сошедшего с ума астронавта, Может, ему приснились льющиеся отовсюду звуки и этот хор? Атлантида вновь поднялся на второй этаж. На цыпочках подошел к комнате Крессиды. Внутри горел свет – под дверь светилась золотая полоска. Он постучал. Никто не отозвался. Он открыл дверь. Кресс в комнате не было. Кровать была смята. На столе лежал – да, именно лежал, потому что стоять он не мог изначально, – золотой кувшинчик – точно такой же, какой Платон купил у Монтеня. Атлантида воровато оглянулся и подошел к столу. Несомненно, сосуд был почти точной копией Платонова приобретения. Вот только по ободку шли какие-то узоры, в то время как ободок у кувшина Атлантиды был абсолютно гладким. Рядом стояла коробка, и трудно было преодолеть искушение открыть ее. “Настоящий аристократ не борется с искушениями, он ими забавляется”, – мысленно повторил Рассольников одну

из своих любимых поговорок и поднял крышку. Внутри лежал черный кувшин. Посредственная керамика покоилась в мягком углублении охранительной коробки, а золотой кувшин валялся на столе...

Атлантида поспешил обратиться из комнаты. И вовремя – навстречу ему по коридору шла Кресс. В руках ее была прозрачная бутылка с мутной беловатой жидкостью.

– Не спится... – сказал Платон. – Вот и решил зайти поболтать.

– Мне не до болтовни, – отрезала женщина.

– Я слышал музыку, – начал было он. Она не потрудилась ответить и захлопнула перед его носом дверь.

– Музыка была восхитительная... Почти что Моцарт! – крикнул Платон в закрытую дверь – он был уверен, что Кресс его слышит.

Но ответа не дождался.

2

До рассвета оставалось меньше двух часов. Стоило еще спокойно поспать, но сон улетучился. Каждую клеточку пронизывала радостная энергия, дадае усидеть на месте было трудно, казалось, будто кто-то постоянно толкал в спину. И это ощущение не проходило, а, напротив, с каждой минутой возрастало. Атлантида вернулся к себе. Экран компа был темным, но на управляющей панели светились зеленые

огоньки. Комп работал...

– Неужели забыл тебя выключить? – поинтересовался Платон.

– Я включился автоматически. В случае поступления неопознанных сигналов я запрограммирован на включение, – напомнил комп.

– Ну и что же ты обнаружил? Надеюсь, я не зря выложил за новую программу триста кредитов!

– Звучало пятьдесят два различных музыкальных инструмента, не подлежащих идентификации и сто сорок два голоса диапазоном в четыре октавы.

– Каждый голос был диапазоном в четыре октавы или...

– Каждый голос... – уточнил комп.

– Где именно звучали голоса?

– Этого мне установить не удалось.

– Ты записал музыку?

– Записал.

– Воспроизведи...

Комп попробовал. Красиво. Но не так, как прежде. Эффект был совершенно иной. На всякий случай Атлантида выглянул в коридор. Коридор остался обычным коридором старомодного дома в стиле начала Второй Конкисты.

– Помолчи... – велел Платон.

Все, что он сумел выяснить, так это то, что музыка ему не приснилась. И это странное возбуждение, охватившее его с первым звуком музыки, которое все возрастало, теперь стало

медленно гаснуть. Так же медленно, как гаснет розоватый пелорский закат...

Атлантида прошелся по комнате. Ему хотелось, чтобы музыка зазвучала вновь. Немедленно хотелось перекопать всю планету. Вытащить из почвы все, что можно, и даже то, что откопать в принципе нельзя. Еще хотелось срочно надавать кому-нибудь по морде. Кому – он точно не знал. Абстрактно хотелось – и все. Потому что никто не вызывал раздражения – даже профессор Брусковский. Разумеется, копать на Немертее опасно. Чтобы это понять, не надо было обладать интеллектом Сократа или Спинозы, достаточно мозгов и Платона Атлантиды. Идти на пролом не следовало, лучше придумать отвлекающий момент и решить, чем можно пожертвовать. Так чем? Или кем?.. Приносить в жертву новенький F-5 5001 профессор не собирался – достаточно, что вчера он был готов заплатить за услуги хирурга с Ройка – безумство, которого Рассольников от себя никак не ожидал. Лучше всего отправить на разведку старенькую модель 2000 робота-землесоса – тогда, может быть, удастся обойтись минимальными потерями. Все, что требуется от этого железного парня (на самом деле не железного, а состоящего из композитных материалов) – так это тихо-мирно урчать в воронке, высасывая землю вокруг колодца и ожидать немирных действий со стороны неизвестных сил противника. Атлантида же планировал расположиться на соседнем холмике и понаблюдать, что произойдет со злополучным роботом. Как

скоро прилетит вражеская ракета, вражеский глайдер или еще что-нибудь вражеское и уничтожит копателя.

Это был его первый шаг. Второй – запустить мини-глайдер для автоматической съемки над соседними холмами. Деревья вдоль “Аппиевой” дороги посажены тысячу лет назад. Значит, десять столетий назад Четвертое царство было еще живой цивилизацией. И если сделать вокруг раскопок Крессиды и Ноэля аэросъемку в инфракрасных лучах, где будут зафиксированы цветовые изменения растительных остатков в почве, то наверняка по снимкам нетрудно будет определить где вести дальнейшие раскопки. На месте воронки раскапывать уже практически нечего. Но стоит поползть и там – пусть робот на рабочем лотке отсортирует извлеченные находки, отделив их от песка и почвы. Разумеется, это очень грубая сортировка – мелкие предметы будут выброшены, но куски, покрупнее застрянут в контейнерах-накопителях.

Все эти мысли отнюдь не последовательно, но сразу потоком пронесли в мозгу Платона. Сейчас он чувствовал себя почти гением и мог бы, как Гай Юлий Цезарь, выполнять несколько дел сразу.

Атлантида связался с Андро, разумеется, разбудил и, не обращая внимания на ее возмущение и даже не извинившись, рассказал о планируемой операции. То ли она хотела спать, то ли из-за ограниченности кругозора она не проявила к его планам никакого интереса. Сама она будет копать внутри стены, а Платон пусть занимается, чем хочет. Судя

по всему, холмы ее не интересовали. Зато они интересовали Ноэля и Крессида.

Уже к рассвету все нужное оборудование было перевезено из челнока и загружено в глайдер. Не раз Атлантида проклинал дурацкую систему, по которой внутри городской стены требовалось передвигаться на вездеходе, а снаружи – по воздуху. Выручала лишь антигравитационная тележка. Потом дела пошли и вовсе простые – запрограммировать Двухтысячный и мини-глайдер, приготовить контейнеры-накопители и отдать команду бортовому компу. Занятый всеми этими делами, Платон начисто забыл про такую важную вещь, как завтрак. А Кресс и не вспомнила об обязанностях гостеприимной хозяйки. Впрочем, в ее положении это было прощательно. Заглянув на кухню, Атлантида застал кухонный агрегат за утилизацией не востребовавшего завтрака – судя по всему Крессида даже не спускалась вниз. На управляющей панели горела надпись: “Ленч для трех персон”. Вряд ли Ноэль в его состоянии мог что-то съесть. Поэтому археолог прикинул, что мог позавтракать за двоих. Все Дело в том, что он не собирался возвращаться сюда днем.

Напрасно Атлантида обозревал кухню в надежде обнаружить остатки завтрака-пунктуальный робот все уже скинул в отбросы. – Нельзя ли заказать новый завтрак? – поинтересовался Платон у кухонного компа. Тот вопрос проигнорировал, манипуляторы кухонного комбайна продолжали перемалывать то, что когда-то было вполне приличной едой. –

Пожрать сейчас можно? – заорал Атлантида.

– Изменение программы не предусмотрено, – сообщил наконец кухонный агрегат и издал какой-то звук, похожий на смех.

Платон выругался и направился наверх – в комнату Кресс. Она открыла ему сразу же – видимо, не спала. Вид у нее был не очень. Волосы не расчесаны, на веках – струпья вчерашней несмытой краски. Да и сами глаза красноватые, мутные. От нее здорово несло перегаром. Но таблетку Крессада принять даже не потрудилась.

– Ну что надо? – спросила она не особенно любезно.

– Как Ноэль?

– Дерьмово.

Атлантида кашлянул. Кресс уже собиралась захлопнуть дверь, и тогда он спросил:

– А у тебя есть самый простой кофейник? Вместо этого дурацкого агрегата...

– Ха! – Она раздвинула губы, изображая усмешку. – Жрать захотелось?

– Вообще-то это естественная потребность организма.

– Ладно, ходячая потребность... Не говори о потребности... этого не простят... – проговорила она нечто совершенно не понятное, а потом добавила:

– Скажи агрегату: автономный режим. А дальше заказывай кофе с бутербродами... или что там еще...

– Как я сам не догадался!

– Потому что ты гений, – сказала она без всякой насмешки и захлопнула дверь.

После произнесения указанного волшебного пароля агрегат выдал все, что потребовал Платон: кофейник с кофе, пакетик со сливками, бутерброды с сыром и ветчиной и даже несколько плиток шоколада.

Атлантида на всякий случай облазил все шкафчики, лелея смутную надежду, что в одном из них может найтись бутылка текилы. Бутылка нашлась, но, увы, пустая. Несколько секунд Платон созерцал ее с неизмеримой тоской. Пришлось довольствоваться кофе и парочкой бутербродов.

Он вдруг подумал, что как-то нехорошо получается: он сейчас уедет, а Кресс останется в доме одна. Что она будет делать... Паскудно все получается... Паскудно. Иного подходящего слова для характеристики ситуации не находилось.

Атлантида поднялся наверх и вновь постучал в дверь Крессиды. – Ну что еще? – Она распахнула дверь с таким видом, будто собиралась дать ему по морде.

– Хочешь взглянуть на мои вчерашние находки?

– Не хочу! Ты собирался куда-то ехать – езжай.

– И все же... Ты будешь удивлена, честное слово. Только взгляни.

Она несколько секунд смотрела на него, будто пыталась угадать, что же такое он отыскал. Потом уступила. Платон привел ее в свою комнату и вынул из коробки три бесценных артефакта: чашу, тарелку и бокал. Несколько секунд Крес-

сида молча созерцала белую лепную керамику.

– Я пробурил пол под тайной комнатой дворца, – принялся объяснять Атлантида, гордясь собственной догадливостью. – И там обнаружил это. Представляешь?

– Занятно...

Она взяла белую чашу в руки, внимательно оглядела. И вдруг с размаху грохнула об пол. Р-раз... и тарелка, и бокал были сметены следующим движением и разлетелись на сотни осколков. И Платон не успел ей помешать.

– Кресс!

А она в ярости топтала осколки. Он попытался остановить ее. Но Кресс оттолкнула его с такой силой, что Рассольников впечатался в стену. Сила у нее оказалась совершенно неженской. Каблуочки ее туфель растоптали хрупкую керамику в пыль.

Потом, явно не успокоившись и ни слова не говоря, она выбежала из комнаты.

Атлантида, совершенно ошарашенный, несколько секунд стоял неподвижно, разглядывая белое крошево на полу.

Ничего страшного... – сделал он попытку уговорить сам себя. В конце концов, в тайнике наверняка осталось немало подобных вещей... Осталось? Платон пулей вылетел из дома и помчался к воротам. Руки его дрожали, когда он обводил круг, требуя, чтобы створки раскрылись. К несчастью, вездеход его здесь не ждал, до защитного купола дворца пришлось добираться пешком. По лестнице он скатился буквально ку-

барем. В потайной комнате мини-бура уже не было, а дыру в полу закрывала пеноплита. Археолог пинком отшвырнул крышку, луч фонарика осветил тайник. Помещение, сложенное из грубо отесанных камней, было довольно большим. И совершенно пустое. Ни одной чаши, ни одного кувшина... ничего.

Атлантида схватился за голову и прошептал все проклятия, какие мог вспомнить. Вспомнить удалось немного. Почему-то даже проклятия в эту минуту вылетели у него из головы. Еще больше взъярившись, он побежал наверх. Андро копала неподалеку. В серо-коричневой почве была сделана траншея.

Виднелись остатки какой-то стены и ступени. Кажется.

– Что это такое? – заорал профессор еще издали.

Весь аристократизм его испарился к чертовой матери.

– Стена жилого дома.

– Я спрашиваю про белую керамику. Тайник пуст. Ты забрала ее, да?

Андромаха смотрела на него несколько секунд.

– У меня она будет в лучшей сохранности, – сказала наконец. И добавила:

– Ты не согласен?

– Я могу взглянуть на свои находки?

– Сейчас нет.

Андро принялась щеткой обметать остатки стены. Атлантида присел на корточки рядом.

– Надо же, здесь сохранилась золотая ниточка... Удивительно, правда? – Она помахала перед его носом обрывком золотой паутины.

Платон схватил ее за руку.

– Когда я смогу получить свою керамику назад?! Она посмотрела на него в упор. Сквозь защитные очки, покрытые тонким слоем пыли, очень трудно разобрать выражение глаз...

– Когда будешь улетать, заберешь. Все. А пока лучше никому не говори о своей находке.

Она очень заметно выделила это “никому”. Могла бы и раньше предупредить.

– А я могу потребовать объяснить, в чем дело?

– Разумеется, не можешь. И она сосредоточенно принялась очищать очередной кирпич, давая понять, что разговор окончен.

3

Через три часа Платон сидел на облюбованном холме и со скучающим видом наблюдал на экране за работой своего землесоса, не забывая поглядывать на обзорные экраны мини-глайдера, а также на светлое прозрачное небо над головой. Настроение у него было неважное – бывает такое неприятное чувство: кажется, что-то потерял, а что – и сам не знаешь. Ощущение неведомой потери стало почти нестерпи-

мым. Возможно, несчастье, случившееся с Ноэлем, подействовало на Атлантиду сильнее, чем сам он полагал. Впрочем, кто такой Ноэль? Практически совершенно незнакомый человек... Но все-таки тоже археолог... Хотя прежде чувства корпоративной солидарности Платон за собой не замечал. И еще эта история с белой керамикой. Про себя он решил, что непременно заберется на склад Андро и заберет положенное ему по праву. Утреннее возбуждение несколько спало, но не до конца – сидеть на месте было по-прежнему невыносимо. Атлантида периодически вскакивал и Совершал небольшой прогулочный круг по холму, сбивая любимой тросточкой мясистые темно-зеленые листья местных лопухов. Какая-то тварь, по привычке засевшая в зарослях в ожидании мелкой добычи, получила ощутимый удар по выставленному наружу внешнему желудку, разозлилась, выплюнула в ответ ком темно-зеленой жидкости, сделала в воздухе сальто (потому как в охотничьем положении лежала на спине) и шустро побежала с холма на непропорционально длинных и тонких ножках. Серое, в коричневых бородавках тело напоминало маленькую бочку, накрытую морщинистой желтой крышкой. Что это за животное и как оно называется, Платон не знал. Но тварь эта ему не понравилась. Тварь была дерзкой.

Атлантида вернулся на свой пост наблюдения. Ничего нового или интересного не происходило. Двухтысячный откопал уже изрядную часть разрушенного колодца. Вдоль всей

идеально выточенной голубой каменной трубы шла трещина. Никому до раскопок не было никакого дела. Мини-глайдер летал над окрестными холмами и посылал на комп Атлантиды снимок за снимком. Компьютер по ходу дела их обрабатывал. Было тихо. Где-то недалеко пели птицы и ящерики. Кажется, это Андро сказала, что местные земноводные поют куда лучше местных птиц. Или он узнал об этом еще на “Кире-2”?

В ближайших лопухах раздался легкий шорох. Платон отвернулся от экрана – из-под лопуховых листьев выглядывал давешний его неприятель – бочонок, накрытый шляпкой, с длинными паучьими лапами. Тварь явно следила за человеком четырьмя красными бусинками-глазами. Археолог встал и сделал пару шагов в сторону гостя. Бочонок перевернулся и шлепнулся на спину. Ноги его втянулись, зеленая щетка внешнего желудка заходила волнами. Атлантида усмехнулся... И вдруг сообразил, что сейчас будет. Выстрелить Платон не успевал. Оставалось одно: пасть ничком на траву. И он упал. Плевок зеленой слюны пролетел над ним и залепил экран компьютера. А вредный “зеленый желудок” – так Атлантида окрестил эту тварь – мгновенно исчез среди лопухов. Платон вскочил и выстрелил вслед вредителю пару раз из бластера. Листья лопухов обуглились и осыпались на траву черным пеплом, похожим на горелую бумагу. Но в обидчика археолог не попал. Раздосадованный, профессор кинулся в погоню напролом через заросли, но зверь пропал

бесследно. Атлантида вернулся на свой пост наблюдения и, надев перчатки, принялся очищать экран. Слюна “желудка” воняла отвратительно. Судя по всему, немертейские твари мстительны и любят делать гадости – Атлантида вспомнил земляного червя, который измазал вездеход. И еще у них слишком много слюны... Если гуманоиды-немертейцы обладали такой же особенностью, то должны были приветствовать друг друга вместо рукопожатий смачными плевками под ноги. Или прямо в лицо?

4

К концу дня мало что переменялось. Двухтысячный закончил откапывать колодец – голубое его жерло теперь торчало на метр с небольшим из почвы. Черные безобразные зубцы наверху и глубокая трещина вдоль. Атлантида обошел воронку по кругу, но ничего особенного в колодце не заметил. Зато в лопухах время от времени слышалось подозрительное шевеление-не иначе “зеленый желудок” шел по следу. Несколько раз Платон оборачивался и делал вид, что целится из “магнума”. Больше плевков не было. Тем временем Двухтысячный согласно программе начал монтировать лебедку. Атлантида дважды летал к дому Кресс за деталями. Никто не обращал на его деятельность внимания: хозяйка, судя по всему, не выходила из дома, Андромаха раскапывала очередной фундамент. Уже перед самым закатом, когда

над лесом начал клубиться желтый туман, смонтированная автоматическая лебедка принялась вытаскивать из колодца камни и складывать их неподалеку грудой. По-прежнему никого его работа не интересовала. Наконец колодец был освобожден полностью. Землесос спустил вниз свой хобот и высосал песок и мелкие камешки. Платон отозвал своих механических помощников подальше от колодца и осторожно подошел к полуразрушенной голубой трубе, заглянул внутрь и осветил фонариком дно. Внизу тускло сверкнуло... Вода? Но ведь колодец стоял на холме. Ручей, как заметил археолог, протекал много ниже уровня основания колодца. И холм песчаный. Блеск внизу был густой, желтый. Золото! Внизу было золото! Так вот что прятали жители Немертеи на дне своих колодцев! У Атлантиды разом пересохло в горле. Интересно, почему золото так ценится всеми цивилизациями – даже негуманоидными? Что в нем такого особенного? Ну да, не окисляется... ну да, прекрасный проводник... И всегда и всюду-редкость. Сколько там внизу золота?

Сканер робота обследовал дно колодца и выдал результаты: в основании колодца находится диск весом чуть менее тридцати тонн из золота девяносто шестой пробы, как говорили в старину.

Возбуждение, несколько поутихшее с утра, вновь охватило Атлантиду. Но раньше было легкое опьянение – сейчас же явился тяжелый хмель с примесью тревоги. А вдруг этот неведомый хог охраняет именно золото, закопанное в колод-

це? Как некий дракон, неспящий страж – и сейчас он примеривается для удара. Вжарит по Платону своими мегаснарядами, не останется от археолога даже цветочка кактуса.

"Спокойно, друг мой, отнесемся ко всему с иронией, и к неведомому хогу, и даже к золоту", – попробовал успокоить себя Атлантида. Сверху, еще почти незаметные, начинали медленно спускаться светляки. Копать в темноте Атлантиде не улыбалось. Но и оставить золото вот так, в колодце, Платон не мог. Он с тоской вспомнил, что мог бы успеть к ужину, и о двух порциях, которые проглотил бы за себя и за Ноэля. Вместо обеда и ужина ему пришлось довольствоваться бутербродами с кофе и несколькими питательными таблетками, которые немного утоляют голод, но не способны удовлетворить тонкий вкус любителя гастрономических изысков. Но оставить золотой диск так, как он вчера беззаботно оставил белую керамику, Платон не мог. Как говорили наши предки, на один и тот же садовый инструмент дважды не наступают. Стараясь не думать о еде, Атлантида сфотографировал колодец и перепрограммировал Двухтысячного.

5

Поскольку колодец был поврежден, то Атлантида без всякого сожаления приказал Двухтысячному доломать голубой цилиндр. Два мощных прожектора с наступлением темноты включились на лебедке и еще один поменьше – на макуш-

ке Двухтысячного. Так что раскоп был прекрасно освещен. Рои светляков зависли вдоль световых лучей, проявляя явный интерес к собратьям по профессии. Время от времени они собирались в настоящие гирлянды, которые тут же падали, как будто чего-то недоставало в их ажурной конструкции. Но Платона не интересовали светляки – его интересовал золотой диск на дне колодца. Позабыв о всякой осторожности, археолог торчал рядом с Двухтысячным, ожидая, когда механический копатель доберется до ценного артефакта. Фотографии днища Атлантида уже успел рассмотреть. На золотом диске по краю был выбит тот же узор, что встречался на всех кувшинах Немертеи. А в центре без труда можно было различить лихо закрученную спираль. Странно только, что при космическом сканировании такую массивную штуку не заметили. Может быть, приборы были неисправны?.. Другого объяснения не находилось.

Наконец осталось снять несколько сантиметров грунта, чтобы окончательно освободить внешнюю часть золотого круга. Двухтысячный отъехал в сторону и уступил место Платону. Археолог спустился в яму. Диск лежал перед ним, накрытый в центре уже не трубой колодца, а тонким колечком из голубого камня. По краю диска лепились керамические соты. Атлантида тронул пальцем золотую поверхность. И отдернул руку – пальцы обожгло нестерпимым холодом. Археолог решил пока не касаться диска, а занялся его освобождением из плена – соединил присоски тросов к остат-

кам голубого кольца и дал команду роботу тащить обломок наверх. Все пока шло как нельзя лучше. Что-то хрустнуло внутри конструкции, и лебедка потащила кольцо из ямы. Платон уже вручную, осторожно, дабы не повредить диск, начал отколупывать куски какой-то пористой ячеистой субстанции с обода диска и складывать их в спущенный роботом контейнер. Для истинного космического археолога такие осколки тоже являются драгоценными артефактами. Наверняка эти ячейки здесь не случайно, но зачем они Атлантиде, когда у него прямо под ногами находится золотой диск весом в тридцать тонн? Он оставит эти обломки на память Андромахе вместе с белой керамикой, которую она так нагло украла. Нет уж, зачем такая щедрость? Он заберет и керамику... А что, если колодец на Немертее не один? Если... Платон уже видел себя сидящим на террасе шикарной виллы на Старой Земле с сигарой в зубах и...

Контейнер быстро наполнился и уплыл наверх, вниз спустилась вторая черная пригоршня. Ну что скажете, господин Брусковский? Вам, конечно, плевать на золото. Но оно, родимое, очень даже способствует утверждению некоторых научных теорий. Вот сейчас я сниму последний слой и...

Закончить свой мысленный диалог Атлантида не успел. Опора качнулась под ногами, и все поплыло... Именно поплыло. Медленно, но неуклонно набирая скорость. Платон потерял равновесие и упал на колени, пальцы сами собой вцепились в какой-то обломок. Он не понимал, что проис-

ходит, пока не увидел, как медленно опускается вниз край раскопа-воронки. В лицо ударил луч прожектора, горящего на макушке Двухтысячного. Атлантида стоял на четвереньках на краю летящего диска, в центре поблескивало золотое зеркало с замысловатым узором. Платон мог бы написать в своем отчете, что прошедшие тысячелетия не могли заставить померкнуть блеск благородного металла... В опасной ситуации только и остается, как придумывать красивые обороты, – тут же оправдал излишнюю высокопарность стиля Атлантида. Куски неведомого покрытия все еще покрывали наружную часть золотой летающей тарелки. Но сквозь ее отнюдь не толстый слой Атлантида ощущал коленями неприятный колющий холод. А мимо уже проплывала стрела лебедки. Робот, не находя нужных команд в своей программе, засуетился и послал намини-комп сервисного браслета Атлантиды сообщение:

– Непредвиденное происшествие...

Платон уже и сам понимал, что происшествие непредвиденное. Однако не знал, что делать дальше. Его летающая тарелка поднималась все выше и не собиралась останавливаться. Как высоко она может забраться? И когда спустится? А может – не спустится вовсе?..

Атлантида глянул вниз. Может, прыгнуть? Или все-таки вцепиться в находку и рискнуть... Что делает настоящий аристократ в такой ситуации? Впрочем, Платон так и не решил, что сделал бы на его месте прирожденный аристо-

крат, потому как золотая летающая тарелка начала медленно крениться. Атлантида заскользил к краю, от падения его удерживал осколок полуразрушенной конструкции, прежде окружавшей колодец. Несколько минут назад он крушил пористые ячейки ручным молотком с десятикратным усилителем мощности. И несчастный этот осколок, мстя разрушителю, благополучно остался в руках Атлантиды. Платон полетел вниз, а золотой диск поплыл дальше, все вверх и вверх.

Посадка на поверхность Немертеи оказалась отнюдь не мягкой. Археолог рухнул в низкий кустарник – это и спасло ему жизнь. Сминая хрупкие веточки, он ударился спиной о склон холма и потерял сознание. Очнулся он через несколько минут. Или часов? “Зеленый желудок” стоял над ним, покачиваясь на тонких паучьих ножках, и в красных бусинках его глаз Атлантида читал нескрываемое злорадство. Как будто эта тварь могла знать, что такое золото и сколько его тонн только что уплыло в небо Немертеи. – Пошел вон! – прошептал Атлантида вполне беззлобно.

Но тварь и не подумала удалиться. Платон дернулся, пытаясь подняться. После второй попытки удалось сесть. Голова кружилась так, будто он проглотил пять бутылок текилы. Почему-то всплыло одно из наставлений кавалера ордена Бани:

“Помни, что все найденные предметы, являются археологическими памятниками и их необходимо фиксировать на носителях информации для дальнейшей работы по хроноло-

гии и типологии”.

Да, прежде чем копать, полезно читать детские книжки. Надо все делать последовательно, разобраться сначала с конструкцией разрушенного колодца, а уж потом заниматься раскопкой диска. Платон видел, что это не простой клад, что колодец для чего-то был предназначен...

Что теперь кулаками махать! Атлантида вздохнул, поднялся и побрел к глайдеру. Если он сможет, конечно, на своем блюдце куда-то долететь. Тошнота не проходила, и из носа шла кровь. “Зеленый желудок” запрыгал следом. Археолог прошел несколько шагов и остановился: между ним и глайдером оказались две незнакомые твари с зеленоватой светящейся шерстью. Ростом они были с волков, но выглядели миролюбиво. Тот, что покрупнее, что-то провыл на одной ноте, глянул на Атлантиду с упреком и шагнул навстречу. На всякий случай Платон вынул из кобуры бластер. При виде оружия “зеленый желудок” тут дае отстал. А “зеленый волк” продолжал медленно двигаться навстречу. С длинной морды стекала струйка слюны. Стайка светляков струилась вслед за “волком”. Платон поднял руку с “магнумом”, целясь зверю в лоб. Зверь остановился на мгновение и с удивлением посмотрел на человека. Рука так дрожала, что бластер прыгал вверх-вниз. Стрелять в таком состоянии было глупо Платон попытался засунуть “магнум” в кобуру, но уронил бластер в густую поросль травы. Зверь был почти рядом. Атлантида схватился за нож. “Волк” поднялся на задние лапы, перед-

ние положил человеку на плечи и обнюхал археолога. Нитка “волчьей” слюны, прилепившись к левой щеке, облепила губы, пересекла правую щеку и оборвалась только возле уха. Зверь ухмыльнулся.

“Хорошая собачка...” – хотел сказать Атлантида. Но не успел. Пасть зверя раскрылась, из нее вывалился мешок из густой слизи и облепил Платона с головы до ног. К счастью, археолог по-прежнему сжимал рукоять ножа. Лезвие удалось извлечь из ножен и вспороть “слизистый мешок”.

– Сука! – завопил Платон, кромсая “песью” ловушку. Крик неожиданно испугал “зеленых волков”. Поджав хвосты, они пустились наутек. К тому моменту как Атлантида избавился от мешка, звери исчезли в зарослях. Лишь зловредный “желудок” дежурил в отдалении. Археолог наконец добрался до лебедки и присел возле ее основания. Все внутренности были не на месте. Слюна горчила. Атлантида сплюнул. “Зеленый желудок”, благоразумно прикорнувший возле очередного лопуха, тоже сплюнул. Атлантида решил, что это ему привиделось после падения с золотого диска. Он сплюнул вновь себе под ноги. “Желудок” ответил. Платон достал флягу, отхлебнул побольше и заплевал все вокруг. “Желудок” позеленел куда больше прежнего и исторг длинную нить густой слизи, которая закрутилась в воздухе спиралью и шлепнулась археологу на колени. Спираль оказалась более густой и менее липкой, чем прежние презенты “желудка”. Платон сумел отодрать ее от комбинезона и зашвыр-

нуть назад. После чего “желудок” стал краснеть и раздуваться. А, раздувшись, поднялся в воздух на полметра и с достоинством уплыл прочь, как прежде уплыл золотой диск.

И кстати, о диске!

Атлантида навел на ночное небо все три имевшиеся у него прожектора в надежде, что золотая изнанка уплывшего диска мелькнет в небе яркой звездочкой. Ничегошеньки. Прожекторы напрасно шарили по черному небу. Наконец, что-то мелькнуло. Лучи сфокусировались на найденном объекте. Это глайдер подлетал к холму.

Раздался щелчок в сервисном браслете, и Платон услышал голос Андро:

– Убери свет, он меня слепит и может сбить автопилот. Археолог сомневался, что прожекторы как-то могут мешать автопилоту, но велел своим механическим помощникам сфокусировать свет на чем-то другом. Поскольку приказ был отдан неточно, то в следующую секунду все три луча сошлись в развороченной яме, будто нарочно демонстрируя произведенные разрушения. Глайдер тем временем опустился рядом с машиной Платона, и Андро выпрыгнула на макушку холма.

– Атлантида! – Она помахала ему рукой. – Ты как?! Он лениво махнул в ответ, но даже не стал подниматься – желудок торчал где-то в горле и почему-то не желал возвращаться на место. Его собственный желудок, а не тот зеленый производитель плевков, – уточнил для себя профессор. Атлантида

умел шутить, даже когда его тошнит.

Андро огляделась, судя по всему, окружающий пейзаж не привел ее в восторг, потому как к Платону она подошла с видом полицейского, готового зачитать гражданину Лиги Миров его права. А какие права могут быть у археолога, который только что упустил в небо тридцать тонн золота? – Что случилось с колодцем? – спросила Андромаха, освещая фонариком Атлантиду. – Да и с тобой тоже... На тебе лица нет... – Упал, – признался он. Про “волков” вообще говорить не хотелось. Он ткнул пальцем куда-то вверх.

– С лебедки? – удивилась Андромаха.

– Примерно.

– А что случилось с колодцем? – повторила она вопрос и вновь окинула беглым взглядом местность.

– Ты сама разрешила вести раскопки в воронке.

– Это ты называешь раскопками?! Я разрешила разобрать завал и максимально очистить остатки колодца. А ты... Ты его уничтожил! Начисто. Обратил в пыль! Или... Опять взрыв? – обеспокоилась она, но лишь на мгновение. – Мои приборы ничего не зафиксировали! Значит, взрыва не было? Так?

Она сурово смотрела на Платона, сдвинув брови. “Сентиментальные люди обычно бывают самыми жестокими, – почему-то подумал в этот момент Атлантида. – Неужели она не видит, как мне плохо?”

– Мне хотелось поскорее дойти до цели... – выдавил он

с трудом.

– Терпеть не могу “шлиманов”!

– Ты несправедлива! – попытался он спорить, прекрасно понимая, что она очень даже справедлива.

– Так что же случилось?

– Я ликвидировал колодец. – Провинившийся археолог попытался улыбнуться как можно более примирительно. Улыбка получилась кривоватой.

– Что? – В эту минуту Андромаха напоминила Медузу Горгону, только волосы вокруг головы не шевелились.

– Видишь ли, там на дне был такой солидный золотой диск.

– А... – понимающе протянула Андро. – И ты уничтожил колодец, чтобы добраться до золота!

– Я должен был заполучить диск – не оставлять же его так посреди планеты. Завтра мы бы его не нашли.

Он ожидал, что она сотрет его в порошок. И ошибся. Гнев ее неожиданно быстро улетучился. Подозрительно быстро. Она даже рассмеялась, спрашивая:

– Кто здесь мог взять твой диск?

Платона ее дружелюбный тон обескуражил.

– Ты. Как стащила у меня всю белую керамику, так и золотой диск сумела бы переправить на склад. – Он решил с ней быть искренним до конца и посмотреть, что из этого получится.

Получилось неплохо. Услышав подобное заявление, она

задохнулась от возмущения:

– Ничего я не стащила у тебя! Я спрятала. И ты получишь свою керамику назад.

– Ты бы и диск припрятала, – не уступал Атлантида. – Или не ты. Но уверен, он бы исчез к утру. Это закон. Если оставляешь где-нибудь золото без присмотра, оно к утру исчезает. Даже на совершенно необитаемой планете или на астероиде без атмосферы – все едино: оставленное без присмотра золото утром не найти.

– А ты не мог извлечь диск, не уничтожая колодец?

– Нет, милая Андро. Этот самый колодец был смонтирован на диске, как на опоре. Представь огромный стакан для ручек из голубого мрамора, и доньшко у него в виде золотого диска.

– Ты хочешь сказать... что он... – Она развела руками, определяя размеры находки.

– Диаметр куда больше.

– И где же он? Внизу? – Она обернулась к воронке и уставилась на очерченные прожекторами круги света. – Я что-то не вижу. – Он улетел.

Андро повернулась и посмотрела на Атлантиду с недоумением.

– Уле... что?

– Диск взял и улетел. Я не вру. Поднялся в воздух вместе со мной, потом накренился, скинул меня, и... – Платон замолчал и изобразил рукой некое волнообразное движение.

– И... – Она повторила рукой его жест. – И...

– И его нет, – с очаровательной наглостью подвел итог профессор Рассольников.

– Ты только что придумал эту сказку?

– Ничего подобного! Диск поднялся выше лебедки, потом наклонился, скинул меня вниз, а сам поплыл дальше. Вон погляди на те кусты – я припланетился как раз туда.

Андро несколько минут изучающе глядела на Атлантиду, потом повернулась и отправилась осматривать поломанные кусты.

– Ты бы мог погибнуть, – сообщила она итоги своего осмотра.

– Наконец-то ты оценила грозившую мне опасность.

– Так что же это было? Почему диск летал?

– Этого я не знаю. Не успел достаточно подробно изучить. Времени оказалось маловато.

– Ты же говорил, что золото не долежит до утра без присмотра. Но ты же присматривал за ним! Что же получается – без присмотра до утра, с присмотром – и часа не прошло... – она замолчала.

– Что ж мне его сачком ловить?

– А ведь остался еще колодец в “мастабе”.

Если бы Платон не стукнулся так сильно головой, он бы тоже подумал о втором колодце.

– Значит, и в другом колодце внизу должен быть золотой челнок. Кто знает, может их вообще тысячи. Инопланетный

десант, который немертейцы уничтожили, а затем устроили на останках чужих кораблей святилища. Неплохая гипотеза, как тебе кажется? – Сам он в эту гипотезу не верил, но почему-то хотел, чтобы в нее поверила Андро.

– Завтра ты составишь отчет о своих подвигах! – потребовала археологиня. – И больше не смей ничего копать. Вплоть до моего особого разрешения!

– О, да! Если, конечно, доставишь меня домой, я сделаю все непременно, как ты говоришь.

– Хорошо, садись. И чтоб утром отчет был. Легко сказать: садись!

Атлантида сделал пару шагов, и едва не упал.

– Можно, я не буду писать завтра отчет... – пробормотал Платон, хватаясь за плечо Андро. – Мне так плохо...

– Нельзя, – отрезала она. – Обследуешься в медицинском блоке и после этого напишешь все-все.

– А про белую керамику тоже писать?

Она задумалась.

– Ладно, не пиши ничего, – смилостивилась она.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

1

Странно, но во время падения Атлантида почти не пострадал. Шишка на затылке, несколько царапин и легкое сотрясение мозга. Но сотрясение мозга у космических археологов – что-то вроде насморка у людей двадцатого века. Любой медицинский блок имеет стандартную программу необходимых мер. С Платоном такая беда приключилась уже в третий раз. Самый тяжелый случай – когда ему на голову свалился саркофаг вместе с мумией в заброшенной гробнице на Пелоре. Он тогда ловко отыскал эту гробницу – заметил несколько куч мусора и решил: под ними наверняка что-то есть. Под мусорной кучей (если, конечно, знать, что это за куча) всегда можно найти клад. А сейчас пустяк, лишь падение с высоты. В медицинском блоке два манипулятора занимались его персоной несколько минут. После выздоровления он наскоро перекусил обычной фиолетовой кашей, которую выдавал не обладавший фантазией кухонный блок, и направился к себе, чтобы подвести некоторые итоги.

Поскольку текилы не было, Платон сделал себе коктейль из местной браги, фруктового сока и сиРопа неизвестно-

го происхождения, видимо, оставшегося в кухонном блоке со времен Второй Конкисты. Итак, немного расслабившись, Атлантида принялся диктовать компу:

1. Колодцы-это вовсе не колодцы, а какие технические сооружения, назначение которых ней вестно (?).

2. Летающий диск – челнок, созданный на Немертее (?). 3. Кто-то (условно называемый “хогом”) не по-зволяет рыться в колодцах, но почему-то не остановил меня во время раскопок диска (?).

4. Кресс и Ноэль знают о колодцах больше, но почему-то не рассказывают (?).

Четыре сомнительных вывода, украшенных знаками вопросов. Атлантида задумался. Странно, но он почти не испытывал досады по поводу пропажи золотого диска. Так, легкое разочарование. А ведь эта находка могла обеспечить все его будущее. Да, могла...

А он почти с иронией думает о тридцатитонном золотом диске, улетевшем в неизвестном направлении.

2

Атлантида проснулся на рассвете. Этой ночью музыка не звучала, но некая магия в доме присутствовала – к утру Платон вновь испытывал заряд легкости и удивительной радости, хотя и не такой сильный, как накануне. К тому же у него необычайно обострился слух. Даже сквозь плотно прикры-

тую дверь с повышенной звукоизоляцией он услышал, как Кресс вышла из своей комнаты и спустилась вниз. Атлантида оделся и прошел в столовую следом.

Кресс стояла у окна. Плечи опущены, голова плотно повязана трикотажным шарфом. Ему показалось – она постарела лет на десять. Не похоже, чтобы она так уж сильно любила своего Ноэля. Или все-таки любила? Этих женщин не разберешь. Одна вешается на шею и устраивает сцены, а через неделю уже гуляет с новым ухажером, а другая...

– Как Ноэль? – спросил Платон, хотя спрашивать не хотел.

– Умирает, – отвечала Кресс, не оборачиваясь. Голос ее звучал почти спокойно. Так говорят люди, потерявшие все, даже надежду – этот последний дар, оставшийся на дне шкапулки Пандоры.

– У меня есть план, еще один, менее безумный, чем прежний, – сказал Атлантида наигранно бодрым тоном. – Я согласен: тащить хирурга сюда – дело безнадежное и долгое. Но можно поступить иначе: я отвезу Ноэля на Ройк, и там хирург им займется. Это куда проще и эффективнее.

– На Ройк? – переспросила Кресс, обернулась и посмотрела на него. Ему показалось, что она не очень-то понимает, о чем он говорит. – Но ведь это слишком опас... – она запнулась и спешно поправилась:

– Безумно дорого.

– Гораздо дешевле, чем везти хирурга сюда. Мне хватит кредитов, уверяю. Конечно, это глупо – отправляться в экс-

педицию, не имея страховки. – Не удержался он от упрека. – Так как?

Она молчала.

– Чего раздумывать! Ноэль умрет без серьезной медицинской помощи.

Решайся! Или меня одолеет жадность, и я никуда не поеду. Она нахмурилась, стиснула зубы, но продолжала молчать. Он не понимал, почему она колеблется. Может, Кресс боится? Но чего ей бояться в такой ситуации? И с чего она взяла, что путешествие на Ройк опасно? – Послушай, я тут кое-что откопал. Разрыл до конца ваш разбитый колодец и обнаружил на дне золотой диск. Размером будет куда больше, чем этот стол. Толщиной... Про толщину точно сказать не могу. Но толщина тоже солидная. Что это за диск – не знаю, но думаю, что нам всем хватит, чтобы поселиться на Старой Земле. Правда, он улетел... Взял и упорхнул. Но я уверен, мы найдем другой и тогда УЖ не упустим. Ну, что тут думать! Я воскрешаю Ноэля, и мы делим золото на четверых. А славу я беру себе целиком, торговаться не будем. Только теперь Атлантида заметил, как она побледнела.

И вместо ответа выдавила:

– Вези Ноэля. Скорее!

Она кинулась вверх – в медицинский блок. Бегом. Платон невольно побежал за ней. Дверь, повинувшись звуку ее голоса, открылась и пропустила их во второй отсек медицинского блока. В нос сразу же ударил запах гниения и ка-

ких-то остро пахнувших препаратов. Ноэль – или то, что от него осталось, – находился в полупрозрачной реанимационной капсуле, наполовину заполненной специальным составом. Капсула поддерживалась в наклонном состоянии так, что не пострадавшая голова и плечи раненого находились над физиологическим раствором. Лицо Ноэля напоминало посмертную маску – ввалившиеся глаза, заострившийся нос, оскаленный в болезненной судороге рот. Он походил на мумию, у которой почему-то подрагивали веки и губы. Седые волосы, торчащие в разные стороны, лишь усиливали впечатление. Атлантида глянул на раствор в капсуле и почувствовал приступ тошноты. Раствор по всем правилам должен быть прозрачным или чуть желтоватым. А вокруг Ноэля плескалась какая-то густая желто-коричневая дрянь с красными кровяными прожилками. Однако Ноэль был в сознании. Когда дверь открылась, он даже чуть-чуть повернул голову и открыл глаза. Атлантиде показалось, что раненый смотрит на него из другого, неведомого мира. Глаза его были огромные, черные – одни зрачки.

– Что, уже... Пришли прощаться? – раненый попытался улыбнуться. – Прощай, Кресс... Глупо все вышло, правда? Надо было...

Он не разъяснил, что надо было сделать. Приподнял руку – она потянула из реанимационной ванны за собой какие-то пленки и сгустки слизи. Атлантида успел разглядеть, что на правой руке у Ноэля не хватает двух пальцев. И вме-

сто них образовались красные пупырчатые наросты. Глупо обсуждать свои ошибки, лежа в вонючей реанимационной ванне. Платону вдруг поудилось, что ниже плеч у Ноэля вообще ничего не осталось. То есть верхний обрубок, а потом один хребет и кое-какие ошмотья. Но Ноэль, будто желая опровергнуть его догадку, попытался повернуться. Коленом уперся в прозрачный корпус капсулы. Потом вытянулся... И тогда Платон разглядел черно-бурое пятно на месте живота и нижней части грудной клетки... И отвернулся.

– Атлантида отвезет тебя на Ройк, – сказала Кресс.

– На Ройк... Ройк!.. – В голосе Ноэля зазвучал такой ужас, что Платону стало не по себе. – Не надо на Ройк... оставьте меня здесь... здесь... навсегда.

Раненый вновь плеснулся в свой капсуле, будто надеялся вырваться на свободу. Теперь он выдернул из раствора левую руку – она была сломана в запястье, и вокруг места переломаросло красное кольцо ложной плоти.

– Ноэль, ты не понял! – Кресс приникла к черной сетке переговорного устройства: – Платон повезет тебя в медицинский центр – лечить. – Лучше здесь... навсегда... раз уж так получилось.

– Ле-чить! – по слогам выкрикнула Кресс.

В глазах Ноэля что-то мелькнуло. Какое-то понимание. Ужас отступил.

– А... Лечить... – он даже попытался улыбнуться. – Неужели...

– Точно, – подтвердил Платон. – На Ройке отличные эскулапы.

– Вряд ли получится, – донеслось из капсулы.

– Стоит рискнуть. А если умрешь, Платон привезет твое тело назад, – пообещала Кресс, хотя, насколько помнил профессор Рассольников, он таких обещаний не давал.

Он даже не пытался прикинуть, во сколько может обойтись получение разрешения на вывоз трупа с Ройка. Наверняка дороже лечения. Вот и делай людям добро после этого.

– Прощай, – донесся глухой голос раненого. – Прощай...

– Я вас отблагодарю, – Крессида взглянула в Атлантиду со странной нежностью – так мать смотрит на любимого взрослого сына, хотя на вид Крессиде было не более тридцати биологических лет и в матери Платону она никак не годилась – разве что в сестры.

Она подняла руки и обвела в воздухе как бы контур вокруг головы Атлантиды, потом вокруг его плеч, и так – до самого пола, замкнув невидимую линию вокруг его стоп.

– Милый, милый, – проговорила она нараспев.

От слов Кресс стало как-то легко на душе, и Платон поверил, что все у него получится. Пока Ноэля штопали в медицинском центре, у Атлантиды было достаточно времени, чтобы заняться неотложными делами.

Ройк ближе к Ба-а, и потому климат здесь куда жарче, на экваторе практически нельзя находиться – там мертвая пустыня. Зато где-нибудь на шестидесятой параллели жар-

ко, как было когда-то жарко в Египте на Старой Земле, когда Земля была еще отнюдь не старой, а единственной. Зато двигаться на Ройке легко: его притяжение куда меньше земного. Тут не ходишь, а буквально летаешь. После излишней тяжести Немертеи ощущение тем более приятное. Все на Ройке свидетельствовало о богатстве: сверкающий прозрачным пластиком космопорт с огромным холлом, бегущие дорожки, сама площадь перед коспомортом, похожая на застывшее озеро. Бесконечный портик, ведущий из ниоткуда в никуда и колоссальные статуи каких-то позабытых деятелей Второй Конкисты, приветствующие вновь прибывших садистскими улыбками галактических героев. За белой колоннадой высился серо-коричневый строй огромных пальм, зелеными метелками обметавших выцветшие от яркого света Ба-а небеса. Неизвестно, есть ли на Старой Земле такие медицинские центры, как на Ройке, а вот на Земле-ДУбль Атлантида ничего подобного не видел. Даже в приемном покое их встретил не облупленный андроид, чью нечеловеческую сущность можно распознать с первого взгляда, а живой человек с электронной биркой на хлопчатобумажном комбинезоне.

– Вы сможете его спасти? – спросил Платон, стараясь не смотреть на серое лицо Ноэля – по его представлениям, трупы в морге обычно выглядят куда симпатичнее.

К тому же вонь от реанимационной капсулы сделалась совершенно невыносимой.

– Генетическая карта имеется?

Вместо ответа Атлантида похлопал по приклеенной к капсуле пластинке с генетическим кодом раненого. Подобная карта – вещь совершенно необходимая, ведь галактические медицинские центры занимаются лечением гуманоидов и негуманоидов вне зависимости от происхождения, лишь бы у пациента имелись кредиты для оплаты отнюдь не дешевых медицинских услуг.

– Мозговая деятельность фиксируется? – любезно поинтересовался человек в белом и, глянув на приборную панель капсулы, сам же и ответил:

– Присутствует. Завтра утром можете забрать своего приятеля.

– У него тяжелое ранение...

– Не забудьте прихватить для него что-нибудь из одежды, – любезно улыбнулся медик. – Впрочем, у нас в вестибюле есть неплохой магазин. Знаете ли, часто бывает – человека привозят без одежды, да и без конечностей – тоже. Приходится все предусматривать. Надеюсь, у пациента имеется страховка?

Услышав отрицательный ответ, молодой человек потускнел.

– Благотворительный фонд, предоставленный медицинской комиссией Лиги Миров на этот месяц, исчерпан. – Медик покосился на физиологический раствор в капсуле. – Мы можем выделить немного средств из частных фондов на сме-

ну жидкости с добавкой обезболивающих препаратов. – И уточнил после паузы. – На три дня.

– Я все оплачу, у меня счет в банке “Лионский межпланетный кредит”.

Ослепительная улыбка вновь вспыхнула на лице эскулапа.

– Вы восхититесь проведенной биокоррекцией вашего друга. В сексуальном плане все должно быть сохранено на прежнем уровне или вы хотели бы ввести какие-нибудь усовершенствования?

– На прежнем... – донеслось из камеры.

– На прежнем, – подтвердил Атлантида.

– Не волнуйтесь, завтра ваш друг будет, как новенький.

Не успел банковский комп снять со счета профессора Рас-сольникова все положенные кредиты, а капсула с Ноэлем уже исчезла в бесконечном коридоре медицинского центра. Матовые двери за раненым захлопнулись. Теперь только оставалось ждать чуда.

3

Собрав все присутствие аристократического духа, Платон глянул на остаток счета в банке. Но выяснилось, что выплаченная сумма не столь уж и велика – лечение на Земле-дубль обошлось бы куда дороже. Видимо, Ройк был действительно богат, раз жертвовал средства на медицину, заметные даже простому космическому путешественнику.

Итак, Атлантида должен был ждать до утра. Первым делом он снял номер в ближайшем отеле – цены оказались также весьма умеренные, по масштабам Земли-дубль, к которым он привык. Да и как же иначе: Магеллановы облака, это окраина обитаемой Вселенной. А на окраинах все дешевле: питательные таблетки, оружие, похороны да и жизнь вообще. Номер был роскошен, и даже более чем. К тому же для спальни по выбору клиента было предусмотрено шестнадцать стандартных программ интимного дизайна и двенадцать нестандартных – Для этого программу изменения интерьера надо было запустить заранее.

Разумеется, Платон выбрал нестандартный вариант, который значился в каталоге под названием “Венера Пенорожденная”. Рекламная голограмма смотрелась очень даже ничего – особенно пузыри пены, которые носились по всей комнате и предположительно должны были облеплять разгоряченные тела влюбленных.

Переодевшись в белый костюм и разжившись очередным цветком кактуса. Рассольников зашел в ближайший бар и заказал “Черную собаку”. Пожалуй, это была самая лучшая “Черная собака”, которую он пробовал. Официантки суетились вокруг него с резвостью роботов пятитысячной модели. У всех милые мордашки, одинаковые, как розовые блюдца дешевого сервиза. На любой планете земного типа всегда найдется в избытке человеческий резерв, который постоянно пополняет местную сферу услуг. Какие-нибудь дель-

цы, которые планировали построить финансовую пирамиду на все Магеллановы облака. Девочки, мечтавшие стать мисс Вселенная, и мальчики, уверенные, что с ходу запрыгнут в койку этой самой мисс, – да мало ли мечтателей даже в тридцатом веке! И вот теперь мальчики протирают стаканы за стойкой, а девочки улыбаются пухлыми губками, напоминающими миниатюрные подушечки, хлопают вживленными ресницами и распространяют запах терпких духов, разнося пластиковые подносы в баре при космопорте. А прогоревшие дельцы торгуют жетонами космической лотереи, которая состоялась три абсолютных года назад.

Можно, конечно, немного расслабиться – надраться как следует и пригласить одну из красоток к себе в номер. Но, во-первых, ни одна из них Платону не приглянулась, во-вторых, до вечера было еще далеко. Атлантида бросил рассеянный взгляд на голограмму рекламы – стройная строгая дама в платье до полу посылала ему воздушный поцелуй, сообщая время от времени: “Замечательная театральная студия Ройка. Живые актеры на настоящей сцене. Такого вы не увидите нигде”. Да, разумеется, нигде. Театр умер триста лет назад. Умер, чтобы возродиться на окраине Галактики.

Было бы в самом деле занятно посмотреть представление с живыми артистами – с точки зрения археолога. Он поднялся из-за столика и тут только заметил, что на лацкане опять проступило красное пятнышко – кровь незабвенного Бродсайта. О, черт! Какая досада. Шикарный костюм – и это пят-

но... Не консультант, а какое-то Кентервильское привидение. Когда его поймали на Пелоре... Надо пойти купить новый костюм, решил Атлантида. А потом... А потом он сделал то, что сделал бы любой турист на его месте, но никогда бы не позволил себе профессиональный археолог, считая это ниже своего достоинства – он отправился в музей вертикальных гробниц. В прохладном вестибюле ему вручили электронный буклет в яркой упаковке и пригласили присоединиться к экскурсии. Посетители уже вошли в первый зал, и нового гостя просили поторопиться. Экскурсию вела милая черноглазая и черноволосая девушка лет этак... Атлантида не стал угадывать ее возраст: сразу чувствовалась биокоррекция, хотя и очень высокого класса. Несомненно, тело ее было покрыто бледной искусственной кожей – на Ройке такой вид косметики очень популярен: лучи Ба-а тут безжалостны. Тот, кто не любит загар шоколадного оттенка, вынужден прибегать к искусственной коже. Черноволосая девушка в модном черном платье до полу смотрелась очень даже неплохо на фоне сине-стального интерьера.

– Дамы и господа, – обратилась девушка к экскурсантам, – вы находитесь в одном из уникальнейших музеев Галактики. Перед вами сейчас раскроет свои тайны музей вертикальных гробниц Ройка.

За ее спиной вертелась голограмма одной из самых известных вертикальных гробниц – так называемая Гробница Тысячи Даров, именно столько золотых и серебряных ве-

щиц, украшенных драгоценными камнями, нашли в погребальных камерах, содержащих тела двадцати двух гуманоидов. Соты погребальных камер, расположенных одна над другой, и в центре базальтовая “ячейка” главы рода. И надо всем этим мертвым ульем – имитация ауры смерти – того голубого сияния, которое порой внезапно появляется и так же внезапно исчезает над еще не разоренными гробницами.

– Как вы, наверное, уже слышали, господа, – продолжала свой рассказ жгучая брюнетка, бросив мимолетный взгляд на Атлантиду, – каждый род на Ройке имел свою вертикальную гробницу. Один род порой включал в себя несколько тысяч или даже десятков тысяч гуманоидов. Сравнение генетических кодов, найденных в одной гробнице гуманоидов, показывает очень близкое родство. Почти в каждой гробнице Ройка захоронено несколько поколений. Зато различия, свидетельствующие о социальном положении, порой так разительны, что поначалу мы предполагали какие-то нарушения целостности гробниц, происшедшие сразу после захоронения. Но эта гипотеза всякий раз не подтверждалась.

Девушка приглашающе махнула рукой, и экскурсия перешла из первого зала во второй. Обычная группа богатых бездельников, которые могут позволить себе “живьем” шататься по Галактике, чтобы поглазеть на заспиртованных монстров и приобрести голограмму своей особы в объятиях ройкской мумии. В группе были четыре сухопарые дамочки – лет всем наверняка под сто двадцать, но чудеса биопласти-

ки помогали им скинуть лет минимум восемьдесят, и одна очень толстая и очень молодая особа, которая смотрела по сторонам, раскрыв рот и все время повторяла:

– Ах, такого не может быть!

Мужчины выглядели более скромно. Было три старика, которые почти не пытались скрыть свой возраст – ну разве что сбросили лет по двадцать, не больше. Был какой-то грубоватый малый с физиономией кирпичного цвета, бычьей шеей и широченными плечами – сразу видно, местный поселенец. И какие-то два юнца, которые наивно надеялись подцепить на экскурсии красотку. Теперь они напрасно посылали выразительные взгляды брюнетке. Но она их усилий не замечала.

– Итак, перед вами знаменитые вертикальные гробницы – сообщила девушка, вновь бросив мимолетный взгляд на Атлантиду. – Они были открыты почти сразу после начала археологических работ на ройке.

Молодящиеся старушки приникли к стеклам, молодая толстуха в очередной раз сказала:

– Ах!

– Взгляните: здесь покоятся муж и жена и их маленькая дочка... А вон в той секции сразу три поколения древних обитателей Ройка. Экскурсанты побежали к следующей витрине, а возле первой остался один Платон. Под прозрачным колпаком (кстати сказать, настолько прозрачным, что его было практически не различить) виден был один из многочис-

ленных сотов вертикальной гробницы. Вырезанная из скалы песчаника часть гробницы была перенесена в музей практически нетронутой: и мумии, и все находки находились на тех местах, на каких они лежали в момент открытия погребальной камеры. Темно-желтые мумии были обряжены в платья из материала, похожего на золотую парчу. На головах – золотые колпаки. На ногтях – золотые наконечники. Три или четыре ряда разноцветных бусин, формой похожих на слезы, обвивали шеи мумий. У одной – браслеты из слезок поблескивали на запястьях. – Все мумии – естественного происхождения, – продолжала рассказывать брюнетка, бросая вопросительные взгляды на Атлантиду: что ж он так задержался у первого стенда, уж не собирается ли уйти? – Климат Ройка, большую часть которого занимают пустынные пространства, его уникальный песчаник, позволяющий горячему сухому воздуху свободно циркулировать в погребальных камерах, как нельзя лучше способствует образованию естественных мумий. Как и у всех мумий, у этих были острые скулы, вдавленные в глазные впадины веки и прилипшие к зубам полоски утративших форму губ. По сравнению с людьми древние обитатели Ройка были невысокого роста. Коренастые, широкоплечие. – Обратите внимание на вещицы, которые находят в гробницах, – великолепные украшения, инкрустированные костью шкатулки. А здесь мы видим стул из пурпурового дерева со спинкой, украшенной геометрическим орнаментом из кости...

– Простите! – перебил экскурсовода Атлантида, подходя к группе остальных любопытствующих посетителей.

– А какие-нибудь памятники письменности обнаружены на Ройке?

– Памятников письменности на Ройке нет, – сообщила девушка, внимательно глядя на Платона черными блестящими глазами и улыбаясь так, будто сообщала что-то необыкновенно радостное. – Цивилизация на этой планете погибла, не достигнув письменности. В период так называемых Седьмых гробниц начинается быстрый упадок. Людей уже не хоронят согласно их роду. Все чаще встречаются отдельные захоронения. Потом появляются массовые, беспорядочные, со следами насильственной смерти.

– Может быть, это следы Второй Конкисты? – осведомилась одна очень свободомыслящая старушка. – Всем известно, что во время Второй Конкисты были уничтожены целые цивилизации.

– Как вы можете говорить такое?! – воскликнули два старичка. Судя по выправке, оба – бывшие военные.

– Это невозможно, – покачала головой брюнетка. – К тому времени, когда Ройк был открыт, его цивилизация погибла. Видимо, на Ба-а произошла вспышка, которая уничтожила обе цивилизации – и на Ройке, и на Немертее.

– Это ваша теория? – поинтересовался Платон.

– Это теория профессора Брусковского.

Атлантида больше не стал ни о чем спрашивать. Он рас-

считывает пригласить черноглазую красавицу сегодня на ужин, и чтобы не испортить себе окончательно настроение, решил о профессоре Брусовском не говорить. Иначе они с этой милашкой рассорятся раньше, чем познакомятся. Даже если теории профессора Брусовского бывали верны, они все равно приводили Платона в ярость. Такой вот аристократичный подход у него к этому профессору. Потому Атлантида больше не задавал вопросов – ходил между стендами, разглядывал выпиленные из песчаника соты. Иногда подключался к мини-компю на прозрачном колпаке.

"Обратите внимание на превосходные камеи из серебристого камня с вкраплениями вишневого и бледно-зеленого..." – тут же начинал бормотать очередной компьютерный гид, и Платон поспешил отказаться от его услуг. Как будто он сам не видел эти камеи, в своем совершенстве они готовы были соперничать с лучшими античными образцами.

Сами мумии менялись от эпохи к эпохе. Прежде всего менялись чисто внешне – становились все уже в плечах и все выше ростом. А кожа – все темнее. Реже попадались испорченные зубы. Фасоны платьев были всевозможные – от длиннющих, скрывающих щиколотки, до коротеньких, выше колена. Уже не золотая парча, а какое-то искусственное волокно. Мужчины, видимо, предпочитали широкие шорты. Менялись и колпаки на головах мумий, похожие на купальные шапочки, – сначала то золотые, то серебряные, потом драгоценные металлы заменил разноцветный пластик... Стоп!

Неужели действительно пластик?

– Простите, – вновь обратился к красавице гиду Атлантида, нарушив данный самому себе зарок молчания. – А из какого материала сделаны их шапочки? Услышав его вопрос, брюнетка так и просияла.

– Цветные – из пластика.

– Очень интересно. А можно еще вопрос?

– Конечно!

– Как может цивилизация, не имеющая письменности, производить пластики?

– Возможно, их завезли с других планет, – отвечала она безмятежно. – Так, во всяком случае, считает профессор Брусковский.

– То есть цивилизация гуманоидов достигла космического уровня, а никто из них по-прежнему не умел ни читать, ни писать.

– Они берегли свои традиции.

– Это мнение профессора Брусковского? Она смутилась. Если бы искусственная кожа могла краснеть, девушка бы покраснела. – Нет, это мое...

Неожиданно это мнение Платону понравились. Не насчет цветного пластика, заброшенного на Ройк космическим десантом, а насчет традиций. Было в этом замечании что-то верное. Он пока не мог понять-что...

– Отлично! – воскликнул он с преувеличенным восторгом так, что стоявшие рядом с ним старушки вздрогнули. – Пре-

красная мысль о традициях!

Девушка улыбнулась и бросила на Атлантиду выразительный взгляд. Он понял, что свидание ему сегодня обеспечено.

– Пройдемте, дорогие мои, к следующему стенду... – проворковала брюнетка.

Платон уже хотел отправиться за ней. Но что-то привлекло его внимание. Сначала он даже не понял – что именно. И все же обернулся. Замеченное краем глаза отличие... Он шагнул к прозрачному стенду. Здесь среди десятка других тел в ярких синих и красных шапочках, будто команда пловцов, приготовившаяся штурмовать рекорд вечности, лежала одна безделушка – изображение золотого коша. Атлантида срочно включил комп, вставил наушники. “Данная ячейка вертикальной гробницы относится ко второму слою. Этим мумиям как минимум около восьмисот лет”.

Изображение коша с Немертеи на Ройке? Этот кош был сделан примерно в то же время, когда на “Аппиевой” дороге посадили деревья. Атлантида смотрел на статуэтку так, словно обнаружил ключ к загадке.

– Экскурсия закончена, – сообщила черноглазая девушка, подходя к Платону и становясь рядом. – О чем вы задумались, молодой человек?

“Об этой золотой статуэтке”, – хотел сказать он. Но вслух почему-то произнес:

– О быстротечности нашей жизни. Кстати, вы заметили, в вертикальных гробницах совершенно отсутствуют росписи,

что не характерно для цивилизаций такого типа. А как вообще обстоят дела с живописью на Ройке?

– Встречается в последних слоях. Но преимущественно орнаменты. Полихромная роспись по сухой штукатурке. Какая еще может быть живопись на планете пустынного типа? Живописцам необходимо преломление лучей, туманы, полутона, рефлексy. Вспомните Венецию на Старой Земле... говорят, теперь она стала плавучим островом... Но не об этом речь.

Ее замечание его немного уязвило. Вместо Венеции он вспомнил Немертею, ее влажный воздух, ее таинственные желтые фосфоресцирующие туманы. И удивительные фрески в гробницах.

– А вам не надоело говорить о погибших цивилизациях и целый день водить людей вокруг гробниц? – Его вопрос прозвучал немного зло.

– Ужасно надоело. Но, к счастью, на сегодня это моя последняя экскурсия.

Намек был более чем прозрачный. И он его понял. Злость тут же прошла. Да и нелепо аристократу сердиться на хорошенькую девчонку, даже если она чем-то сумела его уязвить.

– Пойдем куда-нибудь в бар. Или прямо ко мне?

– К тебе, – отвечала она. – Только умоляю, ни слова об археологии и цивилизации Ройка. А то разговаривай с компом. Но без меня.

– Хорошо. Договорились. О Ройке – ни слова. О верти-

кальных гробницах – ни слова...

– Все! – воскликнула она в шутливом испуге.

– Все! – подтвердил он.

– О чем же мы будем говорить? – поинтересовалась брюнетка, когда они вышли их музея.

– Да о чем хочешь!

– Может быть, поговорим о последнем гала-концерте? Вы видели его по тахионной связи? Взрывы миллионов цветных пузырей. И каждый разлетается на мелкие кусочки с каким-то своим непередаваемым звуком, образуя отрывок удивительной мелодии, и все вместе – целый концерт. Три человека, что были на концерте, задохнулись от восторга. Жаль, что Гете не жил в наши дни. Тогда бы он сказал, что это и есть то самое мгновение, ради которого стоит умереть.

Ее упоминание имени Гете дорогого стоило. Вряд ли по всей Галактике наберется сотня человек, читавших “Фауста”. Атлантида был из их числа. Но ведь имя профессора Рассольникова было известно даже на Старой Земле. А кто слышал про эту девушку с Ройка, работающую гидом в музее?

– Насколько я помню, – с печальной улыбкой заметил Платон, – эти цветные пузыри с планеты Гракан взрываются в момент полового созревания. Их краткая песнь – это призыв к самке, которую в момент взрыва должно осыпать созревшей пылью. Но самки не взрываются от любви – они лишь покрываются липким соком и катятся на звук песенки,

ибо песня звучит до того, как пузырь лопнет. Но на гала-концерт, насколько я знаю, привезли только половозрелых самцов. А самок, поскольку они не издают звуков, никто перевозить не стал. Так что все эти песни и эти фейерверки не более чем самая обычная поллюция. И те трое бедолаг умерли не от восторга, а от отвращения. И несчастные самцы извергли свою пыльцу не для продолжения рода, а на потеху жирующей публики.

– Как вы все опошили, – вздохнула его новая знакомая.

– Я всего лишь показал вам изнанку жизни мира шоу-бизнеса. А теперь лучше скажите, как вас зовут.

– Катя, – представилась она.

– Платон Атлантида.

– Платон с Атлантиды? – тут же переспросила она. – Я слышала, Атлантида – это планета, покрытая твердым защитным слоем, а под ним – теплое море и масса самых невероятных живых существ – моллюски, крабы, кальмары, причем кальмары разумные. А также разумные земноводные...

– Я похож на земноводное? – удивился профессор Рассольников.

– Ну что вы! Вы самый красивый мужчина, которого я встречала. Ведь вы не пользовались биокоррекцией?

– Нет, конечно. Разве это не заметно? – вопрос немного его задел.

– Может быть, заглянем в ресторан... – предложила Катя. – Я знаю один...

– Нет, нет. – Он был настойчив. – Сначала ко мне в номер – а потом закажем обед.

Платон представил, как они будут резвиться на перекаты- вающемся подобно морским волнам ложе, в хлопьях белой пены. И утонут вместе, как утонула Атлантида... И заспе- шил.

– Послушайте, я бы хотела уточнить... – неожиданно за- сомневалась Катя.

– Да, дорогая, – обед будет самый роскошный.

– Теперь я поняла! Это ведь вы тот самый профессор...

– Нет, это не я. И мы к тому же договорились: ни слова об археологии.

На антигравитационном лифте они поднялись на двадцать седьмой этаж.

Времени хватило на один поцелуй.

– Ах, почему я не встретила вас раньше... – простонала Катя. – Хотя бы десять лет тому назад...

– Все в жизни приходит слишком поздно, в том числе и старость... – пробормотал Атлантида, распахивая дверь в номер.

И тут же в лицо ему вlepилось облако душистой белой пены – той самой, из комплекта “Пенорожденной”. Потолок, стены и пол были покрыты белыми хлопьями вперемешку с темно-зелеными сгустками. В первую секунду Платон подумал, что вредный “зеленый желудок” последовал за ним на Ройк и заплевал его комнату своей мерзкой слизью. Но по-

том понял, что ошибся. Над разверстым чревом огромной кровати, чей остов напоминал сейчас выпотрошенную тушу гигантской акулы с планеты Атлантида, склонился человек. Дверь открылась неслышно, но все же потрошитель что-то такое почувствовал и обернулся. Перед Платоном, облепленный зеленой слизью и пеной, с ножом в руке предстал консультант Передвижного Университета Ройка Ал Бродсайт. Несмотря на слой пены и слизи, Атлантида сразу его узнал – по смотрящим в упор светлым круглым глазам и черным прямым волосам, которые сейчас, правда, торчали во все стороны.

– А вот и вы, наконец! – воскликнул Бродсайт и оскалился, пытаясь стряхнуть повисшую на кончике носа сине-зеленую каплю. – Как я рад! Как рад!

От подобной наглости Атлантида, сам бывший человеком не особенно стеснительным, на секунду оторопел.

– Чем обязан? – поинтересовался профессор Рассольников, перехватывая свою любимую тросточку поудобнее.

– Я узнал, что вам грозит опасность и решил предотвратить покушение, – сообщил Бродсайт и кончиком ножа смахнул наконец мешающую каплю, прежде служившую наполнителем кровати.

Атлантида решил, что в этот раз он действительно побьет этого парня.

– Ты разорил мою спальню! – взревел он. – Кровать, специально заказанную на сегодняшний вечер!

– Говорю, вам грозит опасность. Взгляните, что я нашел в матрасе! – Бродсайт вытянул руку, и Платон увидел крошечный мини-снаряд с управляющим чипом.

– Я вызову полицию.

– Ну, разумеется, как же иначе! Непременно! Сейчас же! Скорее! Вы только не бойтесь – я за все заплачу – в тройном размере, в четверном... клянусь... Я так беспокоюсь за вашу жизнь... – Знакомый электрогребешок выскользнул из нагрудного кармашка консультанта и попытался привести в порядок прическу, но застрял в слипшихся волосах и рассерженно загудел.

Бродсайт спешно вытащил гребешок из волос, выключил и сунул назад в карман.

– Послушай, парень, я частное лицо и привез на Ройк лечить своего друга. Какая мне может грозить опасность?

– Профессор, я не могу посвятить вас в открывшуюся мне тайну, но верьте мне – вы в опасности!

– Приятель, проваливай отсюда и поскорее.

– Профессор, мне кажется, вы мне не верите! Клянусь, вашей жизни угрожает опасность. Умоляю, будьте осторожны.

– Вон! – заорал Атлантида. Бродсайт получил тросточкой по заднице. Не особенно сильно, но чувствительно.

– Ну вот, вы опять за свое! – тоскливо взвыл Ал. – Я спас вам жизнь. А вы меня бьете! Как тогда на корабле!

Лучше бы он не напоминал про корабль. Платон вновь вспомнил про испорченный костюм.

– На кого ты работаешь, мерзавец?!

– На Передвижной Университет Ройка, – всхлипывая, сообщил Бродсайт. – Клянусь!

– Убей его, – вдруг сказала Катя. Не в шутку – совершенно серьезно. – Застрели. Где твой бластер?

– Послушай, он сумасшедший и меня достал...

– Его надо убить, – настаивала брюнетка.

И даже попыталась вытащить его “магnum” из кобуры. Но Платон перехватил ее руку.

– Как жаль, что вы относитесь ко мне с подозрением, – всхлипнул консультант, благоразумно отступая к двери. – Знаю, знаю, порой я произвожу неверное впечатление...но прошу, прошу вас, будьте осторожны.

– Стреляй! – взвизгнула Катя.

– Я не вынесу, если с вами что-то случится... – С этими словами Бродсайт выскользнул из номера.

Девушка еще несколько секунд пыталась овладеть “магnumом”, потом смирилась.

– Что с тобой? – подивился Атлантида. – Увидела парня в первый раз в жизни и кричишь: стреляй!

– Разве тебе самому он не противен? Или ты любишь противных?

– Терпеть не могу.

Платон огляделся. Судя по всему, теперь в самом деле придется отправиться куда-нибудь поужинать вместе с дамой – для того, чтобы очистить номер и превратить его в

уголок райского сада, требовалось время.

4

Через полчаса они сидели в выбранном Катей ресторане – очень стильное место, оборудованное как... вертикальная гробница. Каждая пара или группка выбирала какой-нибудь из сотов этой гробницы. Стены довольно правдоподобно имитировали песчаник, столики и стулья – мебель из пурпурового дерева с инкрустацией, – ее постоянно находили археологи. Повсюду висели круглые зеркала, и посетителям первым делом предлагали надеть цветные шапочки, похожие на купальные. Напитки разливали здесь в стеклянные бокалы, имитирующие те, что находят в гробницах, – с золотым тончайшим узором. Тарелки были под золото или серебро.

– Одного не понимаю, – задумчиво проговорил Атлантида, разглядывая диск, копирующий найденную в Седьмых гробницах тарелку. – Почему после того, как на Ройке открыли столько золота, цены на галактических биржах остались на прежнем уровне. Можно подумать, что здесь обнаружили горстку желтого песка.

– Не знаю, – пожал плечами Катя. – Но профессор Бруковский считает...

– О нет... – простонал Платон.

Тем временем принесли заказ – блюдо под названием “Мечта Ройка”. Нежнейшее белое мясо с гарниром из мест-

ной кукурузы и румяные воздушные булочки. С того времени, как печной чип поставил время на выпечку, прошло ровно три минуты. Атлантида отрезал немного мяса и положил в рот. Кусочек буквально растаял во рту. Нигде Платон не пробовал ничего подобного.

– Вкусно? – поинтересовалась Катя.

– Божественно! Что это? Мясо какого-нибудь местного животного?

– Это ройкский псевдоскунс.

– Псевдоскунс... – Платон скривился, но проглотил второй кусочек, хотя и без прежнего восторга.

– Вернее, его половые железы.

– Самки или самца? – Профессор постарался сделать вид, что остался равнодушен к этому сообщению.

Катя рассмеялась:

– Разумеется, самца.

Она меж тем вооружилась ножом и вилкой и с восторгом поглощала остатки мужского достоинства псевдоскунса. Вот они, женщины! Вдруг она хлопнула себя по лбу – изящно и, разумеется, чисто символично.

– Мы забыли про соус...

– Сперма псевдоскунса? – Атлантида силился изобразить улыбку, но улыбалась почему-то одна половина рта, а вторая морщилась в брезгливой гримасе. – А вот и не угадали! Это соус из местных термитов. Кислый и очень острый на вкус. Он теперь популярен во всей Галактике. Но там всегда ими-

тация. Натуральный соус только у нас. Рекомендую.

Она схватила стоящий посреди стола баллончик и опрыскала мясо бледно-розовой пеной. Платон отодвинул тарелку.

– А нельзя ли заказать что-нибудь другое? – спросил он у проходящего мимо официанта в белоснежной куртке.

Тот удивленно посмотрел на него, потом на Катю.

– Если вы настаиваете... Но... – Он вновь бросил изумленный взгляд на привередливого клиента. – Неужели вам не понравился наш псевдоскунс? Некоторые туристы приезжают со Старой Земли, чтобы отведать это блюдо.

На счет Старой Земли официант, конечно, загнул. Но вот в ячейке напротив парочка богатеньких туристов с Земли-дубль уплетала за обе щеки бывшую гордость бывшего псевдоскунса.

– Это блюдо не в моем вкусе, – жестко отвечал Атлантида.

– Может быть, тогда жареную гигантскую саранчу? Она у нас на втором месте...

– Да, саранчу! Непременно саранчу! – воскликнул археолог и вздохнул почти с облегчением. – Двойную порцию.

– Вы любите саранчу? – удивилась Катя.

– Обожаю!

Атлантида мысленно пообещал этой ночью отомстить черноглазой красотке...

Цветущий сад оказался весьма неплох. Он цвел, как настоящий, и осыпал зеленый ковер травы опадающими цветами. Кровать раскрылась чашей огромного бледно-розового цветка. Каждая простынь легла лепестком. Не хлопок, но материал очень нежный, шелковистый. В воздухе, сверкая разноцветными огоньками, порхали бабочки, в облачках светящейся пыльцы носились эльфы.

– Ах! – воскликнула Катя. – Как здорово! – и рухнула прямо в середину цветка.

Пока Атлантида занимался ее одеждой, сверху на них сыпались разноцветные лепестки. К счастью, свой костюм он успел скинуть в соседней комнате, иначе бы на нем появилось новое пятно. Катя лежала, слегка выгнув спину, подогнув одну ногу, а руку закинув за голову. Изгиб ее тела повторял изгибы лепестков-простыней. И не удивительно: глядя в огромный зеркальный потолок, можно было выбрать изысканную позу, а потом наблюдать за происходящей внизу любовной игрой.

Расправившись с тряпками, Платон скользнул вслед за красавицей в середину цветка.

– Я как будто угадала... – засмеялась она и тронула волоски у себя на лобке – они были нежно-розового оттенка.

– Да, этот тон не подошел бы к прежнему интерьеру. Ее

кожа была очень нежной, и все же – то была искусственная кожа. Все равно, что заниматься любовью в одежде.

– Сними, – попросил он.

– Нет, – последовал неожиданный отпор. И чтобы смягчить неуместное “нет”, она тут же сама начала игру...

Они предавались удовольствиям Венеры в чашечке огромного цветка – и кровать раскачивалась под тяжестью их тел. А капли нектара, выделяемого кроватью-цветком, обрызгали их тела душистым дождем.

ВОСКРЕШЕНИЕ НОЭЛЯ

1

Катя красила перед зеркалом губы. Сегодня тонкий слой искусственной кожи по всему телу был чуточку смуглее. Когда она успела ящерицей сменить свою шкурку? Наверняка занималась этим в ванной – недаром плескалась там целый час. Теперь она наносила завершающие штрихи: позолоту на веки, стальные слезки на зубы – скоро макияж будет закончен. Она рассматривала себя в зеркало, упершись левой рукой в имитирующее один из сотов вертикальной гробницы трюмо и выставив аппетитную круглую попку в обтягивающих синих брючках. Она явно провоцировала своего кавалера. Но он был сегодня стоек и не поддавался на провокацию. Просто потому, что пребывать ему в номере оставалось всего пятнадцать минут – то есть времени хватит лишь на то, чтобы одеться и освободить помещение, а иначе придется платить за целые сутки. А это в планы Атлантиды не входило.

Катя вздохнула и поняла, что продолжения вчерашней ночи не будет. А она уж надеялась...

– Так ты уезжаешь сегодня? – спросила она грустным го-

лоском, становясь в дверном проеме опять же в позу, не лишенную сексуальности. – Неужели ты не можешь задержаться на Ройке?

– Для чего? – Он слегка подтолкнул ее в спину, ибо ячейка лифта в этот миг как раз открылась напротив двери их номера. – Можно организовать экскурсию на раскопки...

– На раскопки? Да, наверное, это очень интересно – посмотреть на чужие раскопки издалека и понаблюдать, как другие извлекают очередные произведения искусства из очередной гробницы, – скучным голосом отвечал Атлантида.

Ее настырность раздражала. Он даже целовать ее раздумал – а ведь времени, пока они спускались в лифте, хватило бы на один поцелуй.

– Мы больше никогда не увидимся, – трагичным тоном произнесла Катя и тяжело вздохнула.

Вздых был почти натуральный. Но только – почти.

– Ну почему же! Через несколько дней я прилечу на Ройку читать лекции, и тогда мы непременно встретимся.

Она так и просияла.

– Значит, ты вернешься за мной?

Атлантида вздохнул:

– Ты не так поняла: я прилечу читать лекции, и мы увидимся. Обещаю тебе ночь не хуже нынешней...

– О! – простонала Катя и закатила глаза. – А можно я пойду с тобой встречать твоего друга в медицинский центр.

– Э, нет! – спешно запротестовал Платон и даже повел

из стороны в сторону тросточкой у нее перед носом.. – Нет, моя милая, так не пойдет. Наша первая встреча подошла к финалу.

– Но почему? – Она печально вздернула брови. – У меня сегодня выходной.

Одна из наспех приклеенных слезок отклеилась от зуба и прилипла к нижней губе. Платону стоило большого труда не передумать и не вернуться в номер.

– Ну, вот и отлично. Ты отдохни. А у меня навалом дел.

Катя вздохнула, но уступила неожиданно быстро.

– В музее есть номер моего сервисного браслета, – она помахала ему на прощание ладошкой и удалилась.

Несколько секунд он смотрел на ее попку, обтянутую синими брючками. Катя удалялась, слегка покачивая бедрами. Высокие золоченые туфельки, короткая широкая кофта из золотой парчи – девушка выглядела шикарно. Два молодых бездельника, сидящих в уличном кафе, проводили ее взглядами. Один даже приподнялся, но приятель дернул его за рукав, и несостоявшийся ухажер опустил в кресло.

Зря он прогнал ее. Ведь у него еще есть несколько часов...

2

Ноэль уже ждал его в холле, одетый в разовую больничную рубашку, достигающую до колен. Он выглядел куда моложе, чем прежде-чуть более загорелым, чуть более худощавым. И

к тому же был абсолютно лыс. Казалось, вид голого черепа привел Ноэля в уныние. Потому что он сидел, не двигаясь, перед зеркальной стеной холла и время от времени глубоко вздыхал. Только теперь, когда Ноэль лишился своей роскошной гривы, Атлантида заметил, как точно, почти классически соблюдаются пропорции лица Ноэля: лоб – ровно одна треть, нос тоже треть, и нижняя часть также соответствует канонам. Будто на Немертее была известна та линейка, которой пользовались древние греки, создавая своих Аполлонов и Гермесов.

– Мы провели стандартную при таких ранениях биокоррекцию, – сообщил молодой медик, вручая Платону карточку с отчетом о проделанной в клинике работе. – Но при проведении одной из операций у пациента выпали все волосы. Кажется, наш клиент недоволен. Но вы объясните ему, что волосы вырастут вновь. Мы могли бы вживить ему искусственные волосы, но он наотрез отказался. Но он может купить цветную шапочку – на Ройке это модно. Кстати, вот пакет с волосами, – он протянул пакет из плотного голубого пластика.

– И лицо тоже откорректировали?

– Нет, зачем же... Лицо не пострадало, если не считать нескольких ссадин. Видимо, на вашем друге был гермошлем во время аварии. К тому же в заказе не было заявки на биокоррекцию лица... Хотя... Я бы посоветовал. Такие пропорции ныне не в моде. Подбородок слишком мал. А также лоб

можно было бы чуть увеличить.

– Перебьется, – буркнул Атлантида. – И так хорош.

Тут Платон вспомнил, что не купил одежду для Ноэля. Пришлось воспользоваться услугами больничного магазина. Цены тут наверняка раза в полтора выше, чем в обычном супермаркете. Но что делать...

– Вам сообщение, – пискнул сервисный браслет.

– От кого?

– Подпись – “Катя”.

– Валяй.

– “Загляни в книгу Брускового “Система Ба-а”, раздел “Немертея”.

– У вас есть где-нибудь стандартный компьютер, к которому можно подключиться? – спросил Платон у продавщицы.

– В соседнем холле, – любезно ответила длинноногая красотка, внешние данные которой были куда выше, чем у Кати. – Но там нет суперзащиты.

– Мне не нужна суперзащита.

Продавщица посмотрела на него, как на редчайший экспонат музея Вертикальных гробниц.

Швырнув Ноэлю на колени пакет с одеждой, Атлантида кинулся к компьютеру и... столкнулся с Бродсайтом. Тот прижимал к груди букет каких-то ярко-оранжевых и розовых местных цветов, головки которых походили на комья цветной ваты.

– Профессор! Я запомнил, что вы вчера сообщили мне

одну из своих тайн – о том, что вы привезли сюда лечить своего лучшего друга. И я решил прийти и поздравить... вас с такой удачей. С его выздоровлением.

– Если ты сейчас не исчезнешь, лечить придется тебя, – прошипел Платон, про себя решив, что при следующей встрече он непременно убьет этого парня, как советовала Катя.

– Возьмите хотя бы букет...

– Проваливай!

– И помните, вам грозит опасность. Я, конечно, попытаюсь вас защитить...

– Да уж, постарайся.

Консультант наконец исчез вместе со своим букетом.

– Мне нужен труд профессора Брускового “Система Ба-а”, – крикнул он электронному служителю – говорить спокойно после встречи с Алом Бродсайтом Атлантида был просто не в состоянии.

Видимо, этот комп привык к подобному обращению, потому что ответил очень вежливо:

– Объект найден. Какой именно раздел вас интересует?

– Немертея.

– Извольте. Озвучить или прочтете сами?

– Прочту.

– Извольте, – повторил компьютер, как видно, не располагавший большим запасом слов. Или, возможно, комп считал (и вполне справедливо), что тратит редкие слова на че-

ловеческих особей не стоит.

Текст тут же появился на экране, и Атлантида прочел:

"Типичный пример посредственной цивилизации, застывшей в своем развитии на тысячелетия. Причина тому – достижение уровня массового производства на раннем уровне цивилизации. Унификация и взаимозаменяемость, единая система... – на этом месте, как прекрасно помнил профессор, электронная книжка у него в руках взорвалась. Здесь же, на Ройке, ничего пока взрываться не собиралось. Кроме кроватей. Атлантида вспомнил летающую пену своих неосуществленных сексуальных фантазий и поморщился. Итак... Он принялся читать дальше: ...единая система управления посредством "золотой сети" привели развитие цивилизации в тупик и поставили гуманоидов Немертеи на грань катастрофы. Как и всегда в таких случаях, цивилизация была обречена".

Платон нахмурился. Почему же он ничего не знал прежде об этой теории – о том, что золотая сеть Немертеи была частью системы управления? Только потому, что, презирая Брусковского, отмахнулся от его сочинений? Да, все остальное разумеется, чушь. А вот золотая сеть... Он подумал о Кате и ее объяснении: сохранение традиций. Посмотрел на часы. Время еще было. Он спешно вернулся в холл.

– Послушай, Ноэль, займись подготовкой нашего челнока к старту. И, кстати не забудь проследить, чтобы загрузили три ящика текилы. Все уже оплачено. Ты понял?

Тот молча кивнул. В просторном сером костюме, бритоголовый и помолодевший, он сейчас напоминал туриста с какой-нибудь тысячной Геи. Его слишком правильные черты лица можно было принять за результат биокоррекции.

– Мои волосы, – сказал Ноэль и отобрал у Платона голубой пакет.

– Не забудь про текилу, – повторил Атлантида и направился на поиски Кати.

3

– Катя? – переспросила девушка в фойе музея. Желтоватым цветом лица она немного напоминала мумию. Впрочем, наверняка это была искусственная кожа, только нанесенная несколько дней назад и потому изрядно увядшая. – У нас нет гида с таким именем.

– Она сказала, что адрес можно узнать у вас, – настаивал Атлантида. – Вчера она вела экскурсию в семь ноль-ноль по единому астрономическому времени...

Девушка мельком глянула на экран компа.

– Вчера был день стажеров... – Она окинула Платона странным взглядом с головы до ног, задержала взгляд на цветке кактуса в петлице, а также на вновь проступившем буром пятне. – Но у нас есть Катрин. Позвать ее?

– Да, будьте любезны.

Девушка вновь бросила странный взгляд на Атлантиду и

нажала кнопку видефона. Однако изображение не включила.

– Милочка Кэт, выйди в холл.

Платон повернулся на пятках...

Маленькая немолодая толстушка смотрела на Платона и игриво улыбалась. На ней был черный свитер в обтяжку и белые брючки. К тому же она почему-то выбрала кожу мертвенно-бледного оттенка.

– А где Катя? – проговорил он растерянно.

– Я – Катрин. Иногда меня называют Катей. – Толстушка жеманно улыбнулась.

– И это вы вели вчера экскурсию?

– Я, – не моргнув, отвечала толстушка. Голос у нее был совершенно иной – не Катин, – это точно. Кто же тогда был с ним ночью и утром?

– И вечером ужинали со мной?

Толстушка изобразила смущение:

– Ну, конечно...

– И в каком ресторане?

– В “Вертикальной гробнице”. Мы заказали железы псевдоскунса. Но вы отказались есть и предпочли жареную саранчу.

“Вчера у нее ноги были в два раза длиннее и живота не было... клянусь, у нее не было этого похожего на мячик живота, когда я ее обнимал! – подумал Платон, вновь окидывая взглядом полную фигуру. – И шея... и грудь... все другое...”

Или существует временная биокоррекция? Нет, никакая саранча не убедит меня, что я был вчера в постели именно с этой дамой”.

– Послушайте, а вы знакомы с теорией Брусковского?

– Конечно. Это же светило!

Атлантида поморщился.

– Ну, хорошо... не потрудитесь ли вы мне более подробно рассказать о его теории единого управления планетой Немертея с помощью “золотой сети”.

– В первый раз слышу о такой теории.

– Книга Брусковского “Система Ба-а”...

– Я ее знаю наизусть, – обиделась толстушка Катрин. – Там нет про единую систему управления ни строчки. Вот, смотрите, – она взяла электронную книгу. – “Типичный пример посредственной цивилизации, застывшей в своем развитии на тысячелетия. Причина тому – достижение уровня массового производства на раннем уровне цивилизации примитивными способами. Унификация и взаимозаменяемость, единая система ценностей – вот что означает примитивная цивилизация, конец которой всегда один – быстрое и необратимое вырождение”. И все.

– Вызовите книгу в галактическом Интернете по тахионной связи.

– Вы мне не верите?

– Вызовите книгу, – настаивал Платон, потихоньку сатаня.

Катрин презрительно хмыкнула, но больше возражать не стала. Нужный абзац вскоре был найден. Абсолютно то же, что Атлантида только что прочел в книге. О золотой сети – ни слова. Единственную светлую мысль он нашел у Брусковского, да и та, оказывается, профессору не принадлежала. – Послушайте, а это не вы пытались связаться со мной по тахионной связи на пересадочной базе? – небрежно спросил он Катрин. Та залилась краской – и лицо, и шея.

– Вы решили меня оскорбить?

– Что вы! Узнали, что знаменитый профессор летит на Немертею и...

– Да я о вас впервые услышала вчера! Уж не воображаете ли вы себя профессором Брусковским!

Профессор Рассольников призвал на помощь весь свой аристократизм, чтобы не сказать “красотке” пару “комплиментов”.

– О нет. Надеюсь, я не так ничтожен.

– Больше не смейте приходить в наш музей! – крикнула ему вслед Катрин. – И не смейте приглашать меня в ресторан – я не приду.

Платон чувствовал себя полным идиотом.

4

Ноэль сидел в зале ожидания космопорта и держал в руках голубой пакет. Лицо у него было скорбным – как буд-

то он читал книгу “Пророка Екклесиаста”. Атлантида уселся рядом.

– Как себя чувствуешь? – спросил.

– Так себе... Голова чешется... – Ноэль вздохнул и в который раз погладил лысый череп.

– Глоток текилы?

Тот отрицательно покачал головой.

– Какой-то ты неинтересный парень, Ноэль, скажу тебе честно. Если дело так дальше пойдет, Кресс тебя бросит и уйдет к кому-нибудь другому.

– Не уйдет, – вяло возразил Ноэль.

Платон решил, что ничего сейчас вытянуть из воскрешенного все равно не удастся, и открыл электронный проспект Ройка.

“Цивилизация Ройка насчитывает не менее пяти тысячелетий. В вертикальных гробницах уже найдено несколько миллионов мумий. А ведь обследованы еще далеко не все гробницы...”

“Сколько же в них золота! – с тоской подумал Атлантида. – Надо будет найти возможность остаться ненадолго на Ройке, если поиски на Немертее не дадут результатов”.

– Челнок 7509, место назначения – Немертея. Пассажиры просят пройти к пятому ангару, – сообщила голограмма миловидной девушки, на мгновение возникнув перед Атлантидой и тут же растворившись.

Платон сунул каталог в карман и поднялся.

– Кстати, ты проследил за погрузкой ящиков с текилой? – поинтересовался он у Ноэля. Тот механически кивнул.

5

Их ждала Немертея, но вместо Немертеи компьютер космопорта загнал челнок на пересадочную базу. Сначала Атлантида изумился, потом рассердился и наконец рассвирепел. Особенно когда узнал, что таковы правила. То есть вместо того чтобы напрямик отправиться на Немертею, они зачем-то должны посетить базу. Путь получался длиннее и, главное – дороже. Вернее, даже нельзя сказать, что в этом случае ценнее – деньги или время. Платон начал подозревать, что время в данной ситуации тоже стоит ценить.

– Таковы правила, – скучным голосом сообщил работник порта – негуманоид с планеты Си, разумный ящер ростом выше человека, с физиономией, также напоминавшей человеческую, если не считать слишком развитых челюстей и огромных зубов, которым мог позавидовать вымерший тиранозавр.

У ящера были маленькие желтые глазки, прикрывавшиеся в случае появления опасности жесткими кожистыми веками, и набор тактильных бородавок по всему телу. Имея такие глаза и такие зубы, очень легко выполнять бюрократические функции. Рассказывали, что в юности обитатели планеты Си не имеют ни зубов, ни когтей, а красные тактильные боро-

давки выглядят как милые черные родинки. Но для поддержания такого вида самцы должны каждодневно спариваться с самками. Но если девушка откажет – сиянец закукливается, а из куколки выползает отвратительным монстром с когтями и зубами. Вот как опасно на планете Си половое воздержание. Так что, если верить этой байке, все эти работники бюрократического аппарата – неудачные любовники. До Платон этой байке не верил. Потому что однажды бывал на планете Си и не видел там ни единого красавца с черными родинками.

– Дурацкие правила, – осмелился заметить Атлантида, делая вид, что ему плевать на чиновничьи зубы.

– Очень мудрые правила. Мы не сообщаем на Ройке, что вас непременно ждет посадка на базе. Вы не представляете, сколько контрабандистов заказывают полет на Немертею, рассчитывая там припрятать груз, а потом вернуться за ним. Но их всех направляют к нам, и мы благополучно избавляем челноки от контрабанды. После чего граждане отправляются в тюрьму Лиги Миров на Аиде, на три месяца. – “Тираннозавр” сообщил это с милой улыбкой.

Если сказать точно то его хрипы и мурлыканье переводил на космолингв висящий на животе транслятор. А вот улыбался чиновник вполне самостоятельно.

– Но когда мы летели с Немертеи... – начал было Платон.

– Летящих с Немертеи мы не досматриваем: оттуда нечего тащить. Не волнуйтесь, мы отнимем у вас всего десять ми-

нут. И вашу контрабанду – “тиран-нозавр” засмеялся почти по-человечески.

Его собратья старательно подхихикивали, стоя сзади. Потом главный сделал знак, и стая одетых в серые комбинезоны ящеров ринулась внутрь челнока. За десять минут корабль Атлантиды выпотрошили полностью. Разумеется, ничего не нашли – ни одной самой завалящей статуэтки с Ройка. Но... Неожиданно прибор одного из таможенников заверещал. Вся стая кинулась на добычу и вырвала из рук Ноэля голубой конверт. Ноэль попытался сопротивляться, и даже очень активно – заехал одному ящеру кулаком в глаз, второго ударил ногой – и, судя по бурной реакции, точно в пах. Атлантида тоже треснул одного из таможенников открытой ладонью под нижнюю челюсть. У человека от такого удара ломается основание черепа. А у этого – только зубы клацнули. Тогда Платон пустил в дело тросточку и очень чувствительно отхлестал негуманоида по передним лапам. Тот на миг отступил. Следующему Платон угодил тросточкой в глаз. Но таможенник вовремя прикрыл веко, и драгоценное оружие едва не сломалась. Атлантида хлестнул противника по животу. И опять ошибся – брюхо обиателей Си защищала бронбойная чешуя. Надо попасть ящеру тросточкой в ноздрю – вот это будет эффективно. Но осуществить свой замысел Платон де успел. Силы были слишком не равны. Человеков скрутили, и конверт у Ноэля отобрали, при этом чуть не откусили руку по самый локоть. Содержимое было высыпано

на стол. При виде сиротливой груды седых волос Ноэль чуть не разрыдался. Атлантиде даже стало жаль парня... – В чем дело, ящеры? – спросил он зло – очень трудно сохранять аристократичный вид, общаясь с бюрократами, да еще когда они держат тебя за шкуру – в смысле самом прямом.

– Это серебро, – с торжествующей улыбкой сообщил “тираннозавр”.

– Это мои волосы! – заявил Ноэль и попытался кинуться на ящера с кулаками. Но держали его крепко.

– Волосы? – Улыбка таможенника сделалась обаятельной до невозможности. – Из серебра?

– Да, – выдавил Ноэль.

Тут Атлантиде пришла в голову трезвая мысль:

– Свяжитесь с медицинским центром Ройка. Это они выдали нам конверт. Они подтвердят, что это его волосы...

Таможенник глянул на голограмму конверта со знаком чаши и змеи и нехотя заказал связь с Ройком.

– Да, мы тоже удивились, – сообщил медик, появившийся на экране, – когда обнаружили в волосах пациента 82 процента серебра. Но поскольку это серебро было вживлено в кожу данного индивида, мы вернули ему все до последнего волоска. Это наш принцип работы – все драгоценные предметы, извлеченные из тел пострадавших, мы им возвращаем. Согласно двести двадцать седьмой бис конвенции Лиги Миров, все предметы, вживленные в тело Разумных гуманоидов и негуманоидов, являются их собственностью.

"Тираннозавр" был разочарован. Бородавки на его физиономии запылали, как сигнальные лампы.

Он сделал знак своему помощнику сгрести волосы в пакет и вернуть Ноэлю его имущество. Человеков отпустили.

Ноэль схватил пакет и прижал к груди. Казалось больше ничего его не интересовало. Чертов аристократ, мог бы помочь запихивать назад в челнок выброшенный наружу груз. Потрошили имущество таможенники в самом деле всего десять минут, а собирать пришлось целый час. К тому же... О, – я тому же – исчезли три ящика текилы! Атлантида обнаружил лишь электронные карты груза, безжалостно содранные и брошенные среди прочих вещей. Заметив пропажу, Платон бросился к шефу таможенников требовать объяснений.

– Текила? – ящер искренне удивился. – Я не пью текилу.

– Зато я пью! – взревел археолог.

– Мы согласны выплатить вам компенсацию.. На какую сумму застрахованы ваши ящики?

– Нет! Ящики наверняка на складе. Только на складе – и больше нигде. Идемте на склад и найдем мои ящики. И никакой компенсации! – Позабыв о зубах бюрократа, Атлантида схватил разум ного ящера за ворот комбинезона. Тот неожиданно уступил – видимо, недавнее поражение его обескуражило.

"Тираннозавр" немного повозился с компом и радостно сообщил:

– Я обнаружил на складе пять ящиков текилы. Хозяин заберет их только через неделю. Я выдам ва три ящика из этих, а потом мы закажем недостающие на Ройке. Вы согласны? – видимо, таможенник привык к подобным операциям.

– Вы очень любезны. – Платон не верил в свою Удачу.

Через десять минут они стояли перед нужным штабелем, и робот-погрузчик вытаскивал ящик текилой. Ящик оказался в три раза длиннее стандартного. Когда робот поставил его перед “тираннозавром” и Платоном, оба переглянулись и произнесли, не сговариваясь:

– Это не текила...

Негуманоид обнюхал ящик, вытащил молекулярный резак и вскрыл упаковку. Внутри, покрытые слоем защитной смазки, лежали трубы ортогелиевых дезинтеграторов – новейшая разработка, не подлежащая продаже не только лицам гражданским, но и планетарным правительствам. Эти игрушки могли быть только в распоряжении вооруженных сил Лиги Миров. И то очень ограниченного контингента. Но пару лет назад пропало несколько ортогелиевых дезинтеграторов. Платон прекрасно помнил, как из-за этого возник страшный скандал в Совете Безопасности Лиги. А когда во время регионального конфликта Лига не досчиталась сразу трех планет и одного космофлота, то на неопределенный период пришлось закрыть две солнечные системы для любых перемещений. На благополучных планетах возникла паника, и все, смутно напоминающее трубы новейших дезинтегра-

торов, тащили на проверку. По галактическому Интернету трижды в сутки рассылали голограммы изображений опасной пропажи. Может быть, они еще с тех пор пылятся здесь на складе?

– Странная текила у вас, – усмехнулся Атлантида. – Интересно, кто ее потерял?

Бородавки на морде “тираннозавра” вновь запылали.

– Уходите отсюда, – прошипел он. – Немедленно! Или мне придется вас задержать.

– А текила? – невинным тоном поинтересовался Платон.

– Получите компенсацию...

Атлантида вновь бросил взгляд на дезинтеграторы в ящике. Из такой вот черной трубы можно разнести не только космический челнок на молекулы, но и космический линкор. Платон бы согласился принять в качестве компенсации одну из них... Но стащить незаметно такую громадину не удастся. А ведь если из такой игрушки шарахнуть по “Церберу”, то от пса Лиги Миров ничего не останется. А потом и поверхность планеты можно обработать соответственно. Атлантида с тоской заглянул в ящик...

Если эти трубы останутся на базе, жить на поверхности Немертеи будет очень неудобно. Кто же все-таки их украл и для чего? Платон отошел, сделал вид, что осматривает соседние ящики, и удивленно присвистнул.

– В чем дело? – спросил разумный ящер, явно нервничая.

– У вас тут еще ящики с так называемой текилой... – со-

общил Атлантида.

Последнее сообщение окончательно вывело ящера из равновесия. Пока негуманоид осматривал штабель, Платон вытащил из тросточки коробку с электронными клещами и быстренько вживил по клещику в каждый из пяти ящиков с мнимой текилой. Кто бы ни заказывал этот груз, воспользоваться им теперь невозможно. Вряд ли это восполнит потерю текилы, но уйти просто так Платону не позволяла не столько гордость, сколько элементарная забота о своей шкуре. У истинных аристократов чувство самосохранения несколько ослаблено и как бы замутнено – но ведь Платон и не был истинным обладателем голубой крови. – Здесь нет никакой текилы! – взревел обманутый ящер. – Это ящички с консервированной кукурузой. Их кто-то забыл на складе, и они хранятся уже сорок два года.

– Вот именно. Дата меня и насторожила. Может, это тоже оружие?

– Может быть.

Ящер посмотрел на Атлантиду с особой нежностью и приказал погрузчику:

– Достань.

Уже выходя со склада, Платон услышал, как загрохотали банки, рассыпаясь по полу.

Время перегрузок – не самое лучшее для ведения душевных разговоров. И потому Атлантида решил подождать до того момента, как Кресс оросит его щеку слезами благодарности во время встречи в столовой. Но едва они вошли – Ноэль впереди, за ним Платон и последней – Андро, как Кресс тихо ахнула, побелела и опустилась на стул. Одета она была, как в день их прощания в оранжевый рабочий комбинезон, на голове – трикотажный шарф, закрученный чалмой. Нельзя сказать, что за то время, пока мужчины отсутствовали, Кресса сильно похорошела.

– Ты только не пугайся, – умоляюще произнес Ноэль и протянул ей голубой пластиковый пакет. – Они здесь...

Кресс взяла дрожащими пальцами пакет, открыла, заглянула внутрь. Потом подняла голову и окинула печальным взглядом лысую голову мужа.

– Но они же отдельно... – Голос ее звучал трагически.

– Они отрастут, – пообещал Ноэль не очень уверенно.

– Не расстраивайся. Кресс, – засмеялся Атлантида. – Он же не Самсон, чья сила заключалась в волосах...

Кресс бросила на него такой испепеляющий взгляд, что Платон замолчал на полуслове и незаметно провел ладонью по своей шевелюре. Неужели лысина в самом деле так много значит для женщин? А ведь на многих планетах бритые голо-

вы в моде. К счастью, Атлантиде облысение пока не грозило. Однако этот момент замешательства был весьма удобен для проведения атаки. И, наблюдая, пока Кресс дрожащими руками ощупывает голый череп супруга, профессор Рассольников проговорил тоном инквизитора:

– Итак, уважаемые господа, почему вы мне не сообщили, что между Ройком и Немертеей существовала давняя связь?

– Связь? – ненатурально удивилась Андро и смущенно хихикнула, как будто речь шла о связи сексуальной...

– Да, дорогие мои, – продолжал Атлантида, желая закрепить успех. – Связь несомненная. Видите ли, пока мой обожаемый F-55001 разгружал багаж, я тут почитал немного каталог “Цивилизация Ройка” и обнаружил в этом каталоге удивительные строки. Итак, послушайте: “Между двумя хребтами, протянувшимися практически вдоль всего континента, находится пустыня, получившая название Долины смерти. Название имеет двойной смысл – здесь практически нет ничего живого, и здесь находятся знаменитые вертикальные гробницы...” Такой ненавязчивый юмор, – прервал Атлантида сам себя. – Итак, продолжаю: “Кроме многочисленных гробниц, различных по времени и культурному наполнению. Долина смерти поражает нас и другой загадкой Ройка – это бесчисленные, засыпанные песком колодцы, которые расположены вдоль всего хребта. Пока откопаны сто двенадцать колодцев, но это далеко не все сооружения подобного рода. Наличие колодцев заставляет предположить, что ко-

гда-то вместо пустыни здесь была плодородная долина, орошаемая водой из этих многочисленных колодцев. Но что-то случилось с водой – она очень быстро ушла. Разъяренный народ набросился на своих правителей и жрецов – среди песка, которыми заполнены колодцы, попадаетея множество естественных мумий с пробитыми черепами, отрубленными головами и другими следами насильственной смерти. Сквозь некоторые черепа пропущены золотые цепи или в них воткнуты многочисленные серебряные и золотые иглы. Судя по предварительным данным, колодцы были засыпаны около тысячи лет назад. Лишенная воды цивилизация Ройка пришла в упадок и погибла...”

– Итак, если отбросить все эти голословные рассуждения о воде и гибели цивилизации, то... у меня появляется вполне закономерная гипотеза. О том, что колодцы Немертеи связаны как-то с колодцами на Ройке. И там, и здесь колодцы были засыпаны около тысячи лет назад. И там, и здесь жила гуманоидная раса. Причем! – профессор поднял вверх палец. – Я полагаю, что раса эта пришла с Немертеи – здесь больше притяжение, и потому первые обитатели Ройка были коренасты и широкоплечи, с более светлой кожей. Но потом стали смуглее и выше, более тонкокостными. Подтвердить эту гипотезу или опровергнуть очень просто – надо сравнить генетический код жителей Ройка с генетическим кодом останков тех трех немертейцев, которых удалось обнаружить Ноэлю и Кресс. Итак... – Платон сделал эффектную паузу. – Я вас

слушаю...

– Невероятно! – простонала Андро. – Вы – гений, Атлантида! Можно, я вас расцелую!

Она тут же привела свою угрозу в исполнение. От нее сильно пахло какими-то незнакомыми духами. Рассольников почему-то подумал, что этот запах, сам по себе, в принципе, приятный, Андромaxe совсем не идет. И целовала она суетливо – в щеки и нос, будто старая тетушка дорогого племянника.

– Платон, вы на самом деле Гектор! – простонала Андро, наконец от него отстраняясь.

– Так, первое мнение я выслушал. Выражаясь менее эмоционально, – Атлантида поправил цветок “*arogocactus flagelliformis*” в петлице и пригладил волосы, – моя гипотеза одобрена. А вы что скажете, Крессида?

– Думаю, что вы правы... Связь между колодцами есть... и между цивилизациями-тоже...

– Нет, нет, вам не отделаться этими вялыми фразами. Я уверен, вы знаете, как эта связь осуществлялась. И поделитесь столь ценной информацией со мной.

Кресс глянула на Ноэля. Тот помедлил и едва заметно кивнул.

– Хорошо, я скажу... мы... да... уже давно... пришли к выводу... – она запинаясь на каждом слове, так что Атлантида сделал вывод, что Крессида тщательно отделяет информацию, подлежащую разглашению, от той, которую надеет-

ся утаить. – Итак, мы пришли к выводу... что сами колодцы являлись средствами связи...

– То есть это – нуль-порталы?

Кресс кивнула.

У Платона пересохло во рту. Если он найдет дешевые способы нуль-транспортировки и... Сколько же можно за это загрести? О, да тут вполне можно купить милый особняк на Старой Земле... Стоп! Стоп! Об особняке помечтаем потом. Платон тряхнул головой и выдохнул осипшим голосом:

– Дальше!

– Но при попытке разблокировать колодец, хог нанес удар, который едва не убил Ноэля.

– Кто такой хог, нельзя ли поподробнее? Вы не в первый раз упоминаете о нем, как о старом знакомом. Но я практически ничего не знаю об этом хоге. Кресс сделала неопределенный жест. Нетрудно сделать вывод: она подозревает, кто такой хог, но этой информацией делиться не хочет. – А быть может, хог – порождение военного спутника, который стережет забытую всеми Немертею? Строгое предупреждение от Лиги Миров: здесь копать нельзя? – выдвинул маловероятную теорию Платон, желая раззадорить собеседников.

– Если бы у Лиги Миров были какие-то возражения против нашего присутствия, нас бы сюда не пустили, – сказала Андромаха. – Несомненно, этот хог местного происхождения.

Кресса бросила на нее странный взгляд – как – будто

Андро призналась, что ждет от Ноэля ребенка.

– Остаток цивилизации... – пробормотала археологиня и замолчала, окончательно потеряв дар речи под взглядом Кресс.

Атлантида был вынужден согласиться, что хог к Лиге Миров не имеет никакого отношения. Но к прозвучавшим на планете взрывам Лига, обычно столь чувствительная к любым несанкционированным военным действиям, не проявила никакого интереса. Платон про себя отметил этот факт, но решил пока не обсуждать его на маленьком военном совете. Зато он припомнил обстоятельства раскопок разрушенного колодца.

– Думаю, можно предположить, что в случае повреждения ствола колодца он уже не сможет служить нуль-порталом – ведь ваш кровожадный хог не помешал мне добраться до золотого диска...

– Вы откопали диск! – ахнул прежде равнодушный ко всему Ноэль и даже привстал со стула.

– Да, я его откопал. В нем около тридцати тонн золота, – небрежно бросил Атлантида. – Весь золотой запас планеты класса Геи-квадриус. Но диск благополучно улетел.

– А мы бы могли... – прошептала Кресс и не договорила.

Все молчали. Каждый представлял, что можно сделать, имея в запасе тридцать тонн золота. Тридцать тонн! Атлантида глянул на проспект “Ройка”. Сколько колодцев в долине смерти? Пока откопаны сто двенадцать колодцев...

– Сто двенадцать... – повторил вслух Атлантида. – Сто двенадцать колодцев да помножить на тридцать тонн...

Он потерял дар речи. Остальные, судя по всему – тоже. Пожалуй, можно будет скупить всю Старую Землю. Занятно – столько золота в колодцах, и практически ничего – в рудниках. Да, прежние жители Немертеи старательно обработали свою планету.

– А что более ценно – золото или нуль-порталы? – спросила Андро и почему-то посмотрела на Кресс, как будто ждала ответа именно от нее.

– Н-не знаю... – произнесла та, пытаясь справиться с дрожью в голосе.

– Если колодцев действительно больше сотни, то нам ничто не мешает часть из них использовать. как нуль-порталы, а часть, так сказать, распотрошить, – предложил Платон разумный компромисс.

– Не будем пока ничего потрошить... – заявила Кресс.

Голос ее прозвучал неожиданно жестко. – “А то как вдруг Агамемнон покроется чирьями”, – произнесла она знакомую фразу.

– Хорошо, – согласился Атлантида. – Начнем с того, что попытаемся открыть нуль-портал. Полагаю, что в “мастабе” также содержится несколько тонн желтого металла. Но поскольку колодец не поврежден, надо попытаться использовать его по назначению. То есть вынуть камни и...

– Не стоит трогать “мастабу” – вмешалась в разговор Ан-

дро. – Рядом слишком много ценных экспонатов. И прежде всего храм. Но мы можем попробовать отыскать другие колодцы...

– Если они не были разрушены нашим таинственным неприятелем – хогом, – напомнил Атлантида.

– Думаю, что не все. Хог работает грубо. Взрывает основательно... – заметила Кресс.

– Так вот как была разрушена столица! – воскликнули Андро и Платон одновременно.

Ну конечно, это хог измолотил поселение золотоискателей, это он разрушил храм и дворец, и все жилые кварталы... Как видно, хог был готов на все, лишь бы не подпустить людей к колодцам. Но ведь нуль-порталы существуют и за стеной. Кресс и Ноэль нашли один... Однако и эта находка не ускользнула от пристального внимания хога.

– У меня есть предложение, – сказал Атлантида. – Поскольку колодцы были засыпаны по археологическим меркам недавно, то отыскать их – не такое уж трудное дело. У меня есть снимки окрестных холмов в инфракрасном свете. Я проанализировал их по первому разу, так сказать, приближенно... И обнаружил, что практически каждый холм – это постройка... А вот есть ли в каком-либо из них колодец...

– Космическое сканирование планеты непременно должно было показать на небольшой глубине наличие диска такого размера, – заметила Андро. – Однако после открытия Платона я специально посмотрела данные космического ска-

нирования и ничего не обнаружила. К тому же хочу заметить, что никто, кроме Атлантиды, этот летающий диск не видел. А был ли он на самом деле? Быть может, диск привиделся нашему другу после неудачного падения в местный терновый куст? Но эта версия почему-то не встретила у остальных участников совещания поддержки.

– Диск был... – дрожащим голосом сказала Кресс. – Возможно, антигравитационный экран, который поднял диск в воздух, исказил данные космического сканирования, – предположил Платон.

– Итак... – произнесла Кресс, – дело теперь за небольшим – найти следующий колодец.

– По-моему, я знаю, где он может быть... – заявил Атлантида. – Да, да, на Ройке колодцы расположены по прямой линии. И так же они – мы можем это предположить – должны были строиться на Немертее. Соединим линией “мастабу” с воронкой на месте разрушенного колодца и будем копать первый холм, который нам попадется на этой воображаемой прямой.

Несколько секунд все молчали. Потом раздались жидкие хлопки – это аплодировал Ноэль.

– Почему никто не кричит: гениально! – Платон в шутку изобразил возмущение.

– Гениально! – прошептала Кресс, Андромаха же опять кинулась его целовать, что не привело археолога в восторг.

– Я хотел бы уточнить один момент, – сказал Атлантида,

когда восторги Андро несколько поутихли. – Смею напомнить, что нуль-порталы вы обнаружили с моей помощью. И потому хочу иметь одну четвертую часть с этого открытия. Думаю, так будет справедливо.

– В каком смысле? – спросила Кресс и бросила тревожный взгляд на Ноэля.

– В том смысле, что с продажи Лиге Миров нового способа нуль-транспортировки я должен получить четверть суммы. Думаю, все понимают, что сумма на каждого получится немалая.

– Вы уверены, что Лига Миров купит наши нуль-порталы? – засомневался Ноэль.

– Тогда мы продадим диски от колодцев, и это мгновенно собьет цены на золото. Так что Лиге выгоднее купить нуль-порталы у нас. Но как бы то ни было – четвертая часть моя. Супруги переглянулись.

– Хорошо, – милостиво согласилась Кресс. – Вы получите свою долю. Обещаю. Тону, которым она произнесла это “обещаю”, могла бы позавидовать любая королева.

– Конечно... – поддакнула Андро.

ГОЛУБОЙ КОЛОДЕЦ И ВРЕДНЫЙ ХОГ

1

План действий был составлен и одобрен в общих чертах. Найден объект раскопок. Подготовлена техника, загружены программы. Платон выдвинул гипотезу, Андро рассчитала, где копать, на основании предположений Атлантиды. А Ноэль да, да, равнодушный и не участвовавший в совещании Ноэль – предложил способ отвлечь хога: снять со старого, гниющего в космопорте челнока метеоритные поглотители и установить по периметру вокруг места будущего раскопа. Дело это было трудоемкое, но обещало дать результаты. Если с хогом не справятся поглотители, рассчитанные на любой тип материи, то, значит, этот хог – не материя, а некое высшее существо. Платон попытался прикинуть, есть ли перспектива у программы уловления и продажи высшего существа, но решил, что подобными операциями он пока заниматься не будет. Договорившись о предстоящей работе на завтрашний день, Атлантида попытался со своего челнока выйти в галактический Интернет – но опять никакого эффекта. Связь была полностью заблокирована. Это не помехи:

пока челнок садился на Немертею, она была идеальной. Да и “Цербер” Лиги Миров в очередной раз связывался с челноком. Но вот прошло несколько часов, и, пожалуйста, – абсолютная тишина. Ясно, что кто-то намеренно блокирует сеть. Рассольников вспомнил про оружие на пересадочной базе, и ему стало не по себе... Пираты? Он пожалел, что сам не сообщил о находке на Ройк, а доверился подозрительному “тираннозавру”. Чтоб его пожрал плотояд живорожденный – профессор старался ругаться изысканно. Правда, он запустил в ящики электронных клещей, но теперь, поразмыслив здраво, признался себе, что толку от его дерзкого поступка никакого. Оружие такого рода должно иметь суперзащиту, и какие-то там цивильные клещи ортогелиевым дезинтеграторам не более опасны, чем клещи самые обычные.

Атлантида уже собрался вернуться назад в загородную зону, но тут вспомнил о белой керамике, что утащила у него из-под носа Андромаха. С самым решительным видом профессор направился на склад. Двери, разумеется, были заперты. Платон попытался открыть замок, но куда там! Не выйдет из профессора домушника. Разозлившись, он вытащил “магнум”, перевел его на режим непрерывной работы. Никакого эффекта. Композитный материал лишь потрескивал, будто насмеялся над археологом. Атлантида отступил, не столько раздраженный, сколько обескураженный. Впрочем, само поражение что-то да значило. Не стала бы Андро громоздить замок такой сложности для охраны только белой лепной ке-

рамики. И тут он заметил над корпусом склада свечение – абрис голубого сверкающего купола – как над вертикальными гробницами Ройка.

Здесь, на Немертее? Но ведь здесь нет гробниц...

2

Немертея... как представить ее? Влажный шар, очень много воды. Три материка, подвешенные друг к другу на тонких черешках-перемычках, в северных широтах – хвойные леса, на экваторе – джунгли. Планета представлялась Платону капризной и непоследовательной женщиной, которая сегодня хочет одного, завтра другого, а послезавтра забывает о прежних желаниях и твердит о чем-то совершенно невозможном. Этот образ полностью противоречил застывшей картинке возвращенной на груди Немертеи цивилизации. Там был бесконечный самоповтор, а Атлантиде мерещились то просьбы, то крики, идущие из самой глубины естества Немертеи, ужас и отчаяние, и над ними голубым куполом замогильного сияния беспричинная слабокрылая надежда. Он знал, откуда пришел этот образ – из музыки, которая превращала дом в таинственный замок, из плача-причитания в комнате Кресс.

Впрочем, археологу не стоит давать волю воображению, ученому не положено так окрыляться, иначе он начнет подгонять факты под свои гипотезы, выискивать нужные арте-

факты, а ненужные уничтожать, как растоптала Кресс белую керамику Платона.

Напрасно Атлантида пробовал что-то написать о цивилизации Немертеи. Не получалось, не хватало информации. Один лишь тезис был пока абсолютно ясен: теория профессора Брусковского – стопроцентная умозрительная лажа. – Да, стопроцентная лажа. – повторил Платон вслух. – Вот, к примеру, кувшин...

Он достал из шкафа похищенный из керамической “могилы” кувшин. Вся черная керамика будто сделана на поточной линии – что правда, то правда. И узор всегда одинаков. Атлантида направил цифровую лупу на одну из деталей узора. На экране тут же высветились бегущие друг за другом волнообразные линии. И уж тут никакого повтора, никакой закономерности. Тонкая работа. Или какая-то специальная кисть, делая роспись, оставляла причудливый след? Атлантида поставил кувшин на стол, и тот едва не упал – археолог в последний момент успел его подхватить. Совершенно нефункциональная вещь. Но при этом – какая идеальная форма. В изгибе горлышка есть что-то эротическое. Несомненно, сама эта форма есть некое открытие. Ничего прежде он не видел... ну почему же... тот золотой кувшин, что он купил в лавке Монтеня, так же идеален по форме, только еще более тонок, еще более вытянут. И совершенно неустойчив. Атлантида отложил в сторону керамический сосуд, достал золотой. Как он раньше не заметил? Абсолютное подобие

форм... Платон смотрел на эти два изделия, как замороженный... только он не слышал, чтобы на Немертее находили подобные золотые кувшины. Но видел почти точно такой же в комнате Кресс. Возможно, остальные разворовали во время нашествия кладоискателей... А что, если вложить золотой кувшин внутрь глиняного? Размеры позволяют. Платон не знал, откуда явилась эта мысль. Но явилась – и все. Будто кто-то шепнул. Порой такие голоса называют “интуицией”. Атлантида всегда делал то, что подсказывала ему интуиция. Осторожно, чтобы не повредить глиняный кувшин, он вложил золотой внутрь. Вот острие коснулось дна... трак... оно будто вошло в заранее приготовленное углубление...

И... зазвучал голос. Немолодой мужской голос, говорящий на неизвестном языке...

Атлантида крикнул компьютеру:

– Слушай и записывай информацию... Голос из кувшина произнес только несколько фраз, когда раздался стук в дверь и послышался голос Андро:

– Платон, что случилось?

Археолог спешно вытащил золотой кувшин из кувшина глиняного и швырнул под одеяло. Потом спрятал и глиняный и только после этого открыл дверь. Андромаха тут же кинулась в комнату и подозрительно огляделась по сторонам:

– Почему ты закрылся? – Она даже потянула носом воздух, словно учуяла запах преступления.

– Я переодевался.

– На берегу ты не выглядел столь стеснительным.

– Планировал заняться кое-чем более интимным. – Он кивнул в сторону включенного компа, явно намекая на виртуальный секс.

Неудачное вранье. Исследовательские компьютеры не пригодны для подобных развлечений. В таких вещах лучше использовать примитивную “универсашку”. Андро посмотрела на него в упор, покачала головой, и на глаза навернулись... слезы. Неужели можно так смущаться – до слез? Никогда Платон не слышал ни о чем подобном.

– Мне показалось, я слышала голоса. – Неуклюжая ложь не рассеяла подозрений.

– Я же сказал...

– Голос был мужской, но не твой, – настаивала она, чуть не плача.

– Это виртуальный сутенер. Андро вновь оглядела комнату.

– Ну что ж, не буду мешать. – Странная улыбка скользнула по ее губам как будто она узнала об Атлантиде нечто такое... – Спокойной ночи, – пробормотал Платон, захлопывая дверь. “Странно она все-таки смущается”, – подумал он. Профессор всегда считал, что женщины в подобных случаях должны краснеть, а не плакать.

На следующее утро Платон поднялся вместе с ярким немертейским Ба-а... Весь вчерашний вечер чистильщик возился с его костюмом и наконец-то вытравил проклятое пятно. Теперь одежда висела на чистильщике, как на манекене. Разумеется, для раскопок больше подошел бы комбинезон. Но Атлантида решил надеть белый костюм. Почему бы и нет? Сегодня день торжественный. Откроются нуль-порталы Немертеи, и мир шагнет на новый этап развития. Так что белый костюм и белая шляпа, купленная на Ройке: новая модель с двойной охлаждающей лентой и желтой пряжкой, похожей на золотую, – очень даже подойдут. Платон проверил тросточку – несколько раз махнул из стороны в сторону и следом ужалил воображаемого противника. Получилось неплохо. Вспомнил о вчерашнем любопытстве Андро. Достал оба кувшина (золотой кувшинчик он назвал для себя “смычком”) и спрятал их в коридоре на маленькой антресолюшке. Территория ничейная – вряд ли Андро или Кресс будут здесь искать утаенные Атлантидой артефакты. То, что Андромаха не удовлетворилась вчерашним объяснением, – Платон знал точно. Снаружи долетел ровный шум нагнетателей – Ноэль уже вывел из ангара глайдер. Ожил сервисный браслет, и мини-комп передал, что профессора ждут. “Весело сегодня будет”, – подумал Атлантида, сбегая по лестнице

и помахивая тросточкой.

– Как настроение? – спросил он, забираясь на сиденье рядом с Кресс.

– Отличное... – Она сильно волновалась-это было сразу видно.

В отличие от Платона она надела рабочий комбинезон и серый облегающий голову подшлемник. Гермошлем держала на коленях. Атлантида был уверен, что Кресс прихватила с собой и оружие. Впрочем, он и сам не забыл прицепить кобуру с бластером. Хотя бы для того, чтобы пугнуть какой-нибудь особо наглый “зеленый желудок”.

Ноэль же, как всегда, был к происходящему равнодушен. Андро летела на втором глайдере. Ее машина шла на автопилоте, так что волновалась инспектор МГАО или нет, определить было невозможно.

День был ясный. Ночью прошел дождь, но теперь лишь легкие стайки облаков стекали к горизонту. Небо по своей голубизне могло соперничать с немертейским мрамором. Или наоборот?

Оба глайдера опустились на выбранном заранее холме. Легкий ветерок волновал светло-зеленую траву. И казалось – так было от начала мира: трава и деревья, песни ящериц – и никакой цивилизации. Но роботы-землесосы приступили к работе, и тут же иллюзия пропала. Из чрева холма, как из огромной сокровищницы, полезли на свет остатки сгинувшей цивилизации. Первым делом на поверхность бы-

ли извлечены два базальтовых коша. Потом статуя женщины изумительной красоты в развевающихся одеждах. Складки ткани были проработаны так великолепно, что изваяние из голубого немертейского мрамора могло бы составить достойную конкуренцию скульптурам, украшавшим Парфенон. Однако у каменной дамы отсутствовали руки и голова. И поиски вокруг не дали никаких результатов. Такое впечатление, что эти части тела не просто отбили, а уничтожили. Найденная следом статуя мужчины была изуродована точно так же. При взгляде на эти увечные изваяния тут же вспоминался дворец и произведенные в нем перестройки. Караульни для охранников, заложенные кирпичами окна...

Положенные на траву, безголовые и безрукие статуи напоминали тела казненных.

– Вам часто приходилось сталкиваться с подобным вандализмом? – спросил Платон у Крессиды. Та вздохнула в ответ. Значит, приходилось. Наконец под слоем почвы и песка обнаружилась знакомой формы “мастаба” с замурованной дверью. Землесосы быстренько обработали сооружение, но в просеянном ими песке не нашлось ничего сколько-нибудь ценного: ни драгоценных приношений, ни монет – ничего, – даже знакомых черепков стандартных черных кувшинов обнаружить не удалось. Только несколько обрывков золотых нитей – как видно остатки знаменитой “сети”, покрывавшей когда-то планету. Найденные “нитки” Атлантида положил в конверт. Андромаха попыталась их конфисковать,

но безуспешно – Платон заявил, что оставляет находку у себя. После этого приступили к разборке стен “мастабы”. Хог никак не реагировал. Атлантиде это не нравилось. Было бы неприятно потерять новенький F-55001 или оказаться засыпанным в колодце на десятиметровой глубине в обнимку с золотым диском. Наконец вскрыли замурованную дверь “мастабы”. Внутри находился колодец. Как и прежний, он был выточен из голубого немертейского мрамора; как и прежний – закидан гранитными ядрами.

После десятиминутного совещания “мастабу” решили аккуратно разобрать, чтобы легче было освободить колодец.

Рассольников расхаживал по соседнему холму, каждую секунду ожидая нападения хога. Поглотители метеоритов рассерженно гудели и поворачивали круглые воронки, отыскивая источник угрозы. Хог не проявлялся. Или понимал, что при наличии поглотителей ему ничего не светит? Пока что все шло слишком уж хорошо. Роботы орудовали слаженно. Вот только люди суетились. Вскоре колодец был освобожден на одну четверть... Образовалась небольшая пирамида из гранитных разнокалиберных ядер. Невольно представлялась какая-нибудь бронзовая пушка планеты Z-71. Носители сей странной цивилизации подобными ядрами умудрились стереть с лица своей планеты половину городов.

– 12.17 по местному времени, – сообщил Атлантида компьютеру. – Никаких признаков активности так называемого хога.

Андро нервничала и не могла усидеть на месте. Все норювила подобраться поближе к тому месту, где деловито суетился F-55001. Платон несколько раз хватал ее за пояс комбинезона и оттаскивал назад. Андромахе удавалось просидеть на месте лишь несколько минут. Потом она вскакивала и вновь лезла в опасную зону.

15.44. Колодец освобожден наполовину...

Груда гранитных “ядер” все росла.

17.22. Колодец освобожден почти полностью.

Вот тут-то и раздался взрыв. Но не рядом, а далеко. Взрывалось где-то за стеной. Атлантида оглянулся. В прозрачном воздухе над разрушенной столицей Немертеи поднимался густой столб пыли. Платон почему-то подумал о главных гробницах. Но ошибся.

Андромаха глянула на мини-комп своего сервисного браслета.

– Хог взорвал мой челнок! – простонала она.

– Это была твоя собственность?

– Нет, конечно...

– Тогда не печалься. Вызовем помощь по аварийной сети.

Он, правда, тут же вспомнил, что связи у них нет. Но Андро об этом забыла. И он счел за лучшее ее не расстраивать.

– А ведь хог нам угрожает... будто говорит: оставьте колодец в покое, или хуже будет. Точно как человек. Не могу дать по морде, так кину издалека комом грязи. Вот что... я думаю, этот самый хог управляется вполне разумными су-

ществами. Они понимают, что удар по колодцу нейтрализуют поглотители, и грозят нам издалека.

– Он может взорвать и твой челнок.

– Может. Но я не особенно им дорожу. К тому же посуди-на застрахована. Пусть взрывает.

– Но как мы покинем планету?

– Через колодец... Ведь это нуль-портал. Или ты забыла? Пусть хог бесится. F-55001 сообщает, что колодец полностью освобожден.

– А если портал не работает? – Она явно не разделяла его энтузиазма.

Атлантида посмотрел на Ноэля и Кресс. Они стояли, держась за руки, и неотрывно смотрели на освобожденный колодец.

– Думаю, работает. Иначе бы хог не суетился, – заявил Платон. – Как ты думаешь, Кресс?

Но она не ответила. Даже не повернула головы. Как и Ноэль. Казалось, они даже не слышали дальнего рокота взрыва.

4

Платон заглянул внутрь колодца. На дне светилось что-то... Неужели?.. Атлантида облизнул губы. Если он откроет новый способ нуль-транспортировки... более дешевый, чем прежние... Хотя, если учесть, сколько золота потребовалось для создания этого портала, то нельзя сказать, что немертей-

ский способ поможет сбить цены на рынке коммуникаций. Или это не золото? Может, это какой-то местный пластик, внешне столь похожий на благородный металл?

– Ну... и как его включить? Кто мне ответит? – он бросил вопрос в пустоту.

Да и к кому он мог обращаться? К Андро? Ноэль же и Кресс по-прежнему пребывали в прострации.

– Может, есть какой-то ключ? – предположила Андро. – Кнопка или...

Атлантида внимательно оглядел голубой обод колодца. Никаких намеков. Ноэль, глядя прямо перед собой невидящим взглядом, взобрался на кольцо, встал, покачиваясь, огляделся. По своей всегдашней привычке едва заметно пожал плечами. Махнул рукой – будто хотел сказать: была – не была... И прыгнул вниз. Раздался крик и замер. Платон и Андро кинулись к голубому жерлу. Заметались лучи фонариков. Атлантида пытался обнаружить внизу расплющенное тело. Но в глубине посверкивал лишь золотой диск. И никаких намеков на изуродованное тело. Получалось, что портал работает. Был закидан камнями в рабочем состоянии...

Столько лет прошло. Поразительная надежность!

– Видите, как просто, – Кресс рассмеялась коротким смешком. Кажется, она не испугалась. Почти.

– Прыгнул и... уехал? Кто следующий? Возможно, она хотела последовать вслед за мужем. Возможно. Но не успела. Потому что Платон почему-то потерял равновесие и рухнул

в мраморное жерло. Он попытался зацепиться тросточкой за обод колодца, но не сумел – к своему удивлению – и полетел следом за Ноэлем.

Как же так? Подобной неловкости за ним прежде не водилось! А дальше в мозгу стало пусто и черно, перед глазами пусто и черно, в душе – пусто и черно... Мимо пролетела серебряная муха и посмотрела на Атлантиду удивленными человеческими глазами... Потом еще одна и еще... настоящий серебряный снегопад... Платон вспомнил, как на Немертее падали с неба снежинками светляки. Он попытался повернуть голову, но не смог; не смог и пошевелить ни рукой, ни ногой. В той позе, в какой он начал полет, в такой его и продолжал: правая рука вытянута вверх и сжимает тросточку, которой он безуспешно цеплялся за кольцо колодца; одна нога согнута. Краем глаза Платон видел, что поднятая ладонь светится. Скосить глаза и посмотреть вниз он не мог – глазные яблоки сделались такими же неподвижными, как и все тело... “Я умер, – подумал Атлантида. – Так вот что такое смерть...” Ему почему-то стало смешно. Но и рассмеяться не получалось – смех булькал в душе, и душа давилась смехом...

И тут его вынесло на поверхность Ройка.

Неведомая сила швырнула тело вверх и вперед, Платон не устоял на ногах и плюхнулся лицом в раскаленный песок. Впрочем, удар был не такой уж и сильный. Не дожидаясь, пока его физиономия окончательно поджарится, Атлантида

вскочил. На Немертее диск Ба-а катился к горизонту. Здесь же было утро, и звезда, которую люди нарекли Ба-а, еще не достигла зенита.

– Приветствую тебя, мой друг, – сказал, мило улыбаясь, Ал Бродсайт, сидящий посреди красно-желтых песков пустыни на крошечном антигравитационном пуфике.

Под пуфиком распласталась черная непроницаемая тень. Одет консультант Передвижного Университета Ройка был в грязно-белый рабочий комбинезон под цвет окружавшим его пескам. Рядом с душкой Бродсайтом стояли трое здоровяков в таких же грязно-белых комбинезонах. Двое, уперев руки в бока, а третий аккуратно целился из игломета прямо в лоб Атлантиде. Платон все еще держал в руках тросточку. Но трость против игломета – оружие слабоватое. Особенно если стрелок стоит достаточно далеко. Впрочем, у археолога имелся “магнум”. Но как успеть выдернуть его из кобуры и не получить заряд отравленных игл?.. Задача пока была неразрешимой. Еще двое парней находились чуть поодаль. А между ними, держа руки за головой, стоял Ноэль. Вокруг колодца выделялось кольцо светло-серого песка. Судя по идеальной форме образовавшегося песчаного кольца и более светлому оттенку, песок этот выдуло из колодца во время включения нуль-портала. Итак, портал в порядке – работает... Атлантида глянул через плечо. Сзади стояли такие же широкоплечие и плотные ребята в грязно-белых комбинезонах. Подальше – горбушка дюны. Но какая-то ненасто-

ящая – скорее всего замаскированный ангар или склад. И подле два еще неактивированных, похожих на желто-серые кубики, робота-землесоса.

– Я же говорил, что преклоняюсь перед вашим гением, профессор Рассольников! – с улыбкой произнес Ал Бродсайт, подлетая на своем пуфике поближе. – Только вам под силу открыть эти порталы! – Он поскреб пальцами в белой перчатке щеку и опустил прозрачный экран гермошлема.

– Я-кретин... – прошептал Платон, на мгновение утратив весь свой аристократизм.

Услышав слово “кретин”, один из парней загоготал.

– Ну что ты! Я же сказал, ты-гений. Какая замечательная встреча. Думаю, ты рад. Так же, как и наш общий друг. Или он не рад? – добавил консультант. Атлантида посмотрел на Ноэля. Да, вид у того был явно нерадостный.

– Кто из вас будет любезен сообщить мне, как работает эта штука? Кто желает говорить первым?

И где только Бродсайт нахватался столь витиеватых фраз? Такими оборотами теперь не пользуются даже на Старой Земле. Платон пожал плечами и отступил к колодцу. Если что, он прыгнет назад и... Но тут же двое в белом демонстративно выступили вперед и перекрыли подход к portalу. Один из них навел на спину Атлантиды игломет. Эта штука всегда вызывала у Платона неприятные ощущения в желудке. Пришлось вернуться на прежнее место.

– Хрясь! – рыкнул подошедший детина и пихнул археоло-

га в спину. Тот едва не упал.

Почему такие люди, как Бродсайт, всегда умудряются отравить любое удовольствие? То испортят обед, то на новом костюме оставят пятно, то разорят ложе любви и, наконец, лучшее, что ты сделал, отнимут. Вылезают повсюду, как прыщи на ровном месте. Или чирьи. Как там про Агамемнона?

– Бедный Ал... у тебя такая огромная команда... а ты лично потрошишь кровати любовников, – Атлантида криво усмехнулся, чем неожиданно привел в ярость Бродсайта.

Консультант подлетел на своем пуфике поближе и уже собрался пнуть Платона ботинком в лицо, но тут в дело пошла тросточка, пуфик полетел дальше, а Бродсайт распластался на песке. И прежде чем поднялся, успел получить хорошенько по гермошлему. Так что пластиковое забрало треснуло. Атлантида схватился за кобуру, но выхватить “магнум” не успел. Сзади навалились двое. “Магнум” и тросточка были отобраны, а его самого чьи-то крепкие руки так скрутили, что и дышалось с трудом, а чьи-то тяжелые ботинки изрядно помяли бока.

– Не бить! Не бить! – завопил Ал, вскакивая и отряхивая комбинезон. И добавил с мерзостной усмешкой:

– Пока.

Это “пока” очень не понравилось пленнику. Его подняли, нахлобучили на голову шляпу и отпустили. Он долго отплевывался, но все равно песок скрипел на зубах :

– Хрясь! – вновь рыкнул бандит-весельчак и выбросил вперед руку, явно не доставая Платону до челюсти, но Атлантида автоматически прикрылся, чем привел весельчака в неопиcуемый восторг. Он весь затрясся от смеха. – Хрясь! – вновь и вновь выкрикивал весельчак между харкотинами смеха, снова и снова выкидывая перед собой кулаки, но теперь археолог не торопился блокировать его удары, хотя наверняка один из хуков расквасит нос пленника в лепешку, поставив точку в затянувшейся шутке. – Хрясь!

Бродсайт снял с головы шлем и вытряхнул песок. Атлантида подумал, что ему бы самому подобный шлем очень даже не повредил – звезда Ба-а на Ройке в этот час припекала всюю. Ал с улыбкой посмотрел на Платона. Потом повернулся, вскочил на пуфик, как на коня, промчался и на лету, как на скаку, ударил трофейной тросточкой наотмашь по лицу археолога. Глаз не выбил, но скулу рассек до кости.

– Это небольшая плата за пренебрежительное отношение. – Бродсайт поиграл трофейной тросточкой. – Итак, повторяю вопрос: как работает эта штука?

– Планета находится под юрисдикцией Лиги Миров. Я – гражданин Лиги, и подобное обращение...

В ответ Платон услышал дружный хохот. Чему так радуются эти ребята? В первый раз за свою жизнь видят гражданина Лиги? Эти люди начинали его раздражать, а раздражение подавляло страх. Впрочем, он с самого начала их не особенно боялся. Они казались ему ненастоящими – голо-

граммами из компьютерной игры. Однако Острая боль в щеке и капли крови, стекающие по коже, говорили об обратном: эти типы реальны. И все же Платон не мог принять их всерьез. – Хрясь! – вновь оживился весельчак и с двойной энергией принялся молотить кулаками воздух. В отличие от шефа подручный был лаконичен.

– Он что-то такое сказал про Лигу? – Бродсайт сделал вид, что удивлен. – Он, кажется, упомянул Лигу Миров?! Не надо поминать ее всуе, мой друг! Эта мерзкая организация лишь паразитирует на жизни планет и не дает ничего взамен, обогащая свору чиновников. К счастью, вскоре от Лиги на Магеллановых облаках и следа не останется. Как и от ее сторонников.

Последовал новый взрыв смеха. Еще более дружного, чем прежде. Атлантида и сам относился к Лиге Миров без энтузиазма, но сейчас он подумал об этой организации с неожиданной теплотой и пожалел, что в Долине смерти так мало ее сотрудников.

– Господин Бродсайт...

– Не называй меня так. Я – Тимур. Надеюсь, ты знаешь, кто такой Тимур, профессор Рассольников?

– Но почему, – Тимур? Почему не Наполеон, не Цезарь, в конце концов?

– Потому что я и есть Тимур. Так нарекли меня родители. Имя определяет нашу жизнь. А псевдонимов может быть много, ты – Платон, я – Тимур. Запад и Восток. Дошло?

– Тимур или Тамерлан? Ну конечно! Он строил башни из человеческих голов, скрепляя их глиной. Очень оригинальная конструкция. Восточный стиль. Был, кажется, какой-то другой, но тут я не уверен...

– Нет, именно этот. Этот Тимур обладал фантазией. Он был настоящей личностью и не любил слюнтяев. А тебе, к сожалению, нравятся слюнтяи.

– Хрясь! – послышалось вновь. С добавлением звука, похожего на “гы-ы...”

– Мне нравятся люди приятные, но ты к этой категории не относишься.

– Профессор по-прежнему мне хамит, хотя я очень вежлив, предупредителен и лишь вынужден порой защищаться от неадекватных действий. Я должен защищаться. Не надо нападать на меня, мой друг, и мы сможем сотрудничать.

– Каким образом?

– Объясни мне, как включаются нуль-порталы.

– Зачем? – Атлантида тянул время и потихоньку оглядывался, прикидывая, нельзя ли как-нибудь улизнуть.

– Могу объяснить: нуль-порталы-для того чтобы мгновенно переходить с планеты на планету. С Ройка на Немертею. С Немертеи – на Ройк. Потом я построю нуль-порталы на других планетах. И вскоре, овладев этой техникой. Малое Магелланово облако окажется впереди остальных.

"Построю порталы... – хмыкнул Платон. – Не так-то просто это сделать, если на каждый потребуется тридцать тонн

золота... М-да... А вот знает ли Бродсайт про золото? Да или нет?"

– Почему бы нам не заняться этим вместе? – нагло вато ухмыльнулся Платон. – Мы бы с моим приятелем могли войти в долю. Десять процентов...

– Нет, об этом поздно говорить, – покачал головой Ал. – Время упущено. Теперь тебе никак нельзя выделить даже одного процента. Да что там процента – сотой доли процента, мой друг. Только твоя добрая воля может частично искупить твое прежнее поведение.

– Хрясь! – подтвердил весельчак.

– Знаешь, у меня совсем немного принципов, Тимур, – усмехнулся профессор Рассольников, – которым я следую. Но один я соблюдаю свято: ничего не делать даром.

– Ну что ты, друг мой! Почему – даром? Я тебе заплачу. Очень высокую цену. Чистюля! Посади-ка нашему красавцу на шкуру сегментика. Ты знаешь, Атлантида, кто такой сегментик? Нет? Это обитатель местной пустыни. Если он вопьется в кожу, то будет пожирать ее миллиметр за миллиметр, пока не съест всю... Мускулы его не интересуют. Но кожу он обожает. Кожу и подкожный жирок. У тебя есть подкожный жирок, профессор Рассольников?

Чистюля, двухметровый здоровяк с герой генетически наращенных мускулов и упрочненной до пуленепробиваемого состояния черепной коробкой, неспешно направился к пленнику. К своему изумлению, Платон узнал посетителя музея

вертикальных гробниц. Ну что ж, получается, за профессором Рассольниковым давно следили.

– Руку! – выдохнул Чистюля.

Атлантида сопротивлялся изо всех сил, но весельчак заставил археолога вытянуть руку вперед и закатал рукав.

– Хрясь! – гыкнул весельчак в самое ухо и кляцнул зубами. Сегментик, заключенный в капсулу, хищно шевелил жвалами. Казалось, он тоже повторял однообразное “хрясь”.

– Ну, так как? Будем сотрудничать? – настаивал Бродсайт. – Десять процентов... – почему-то прохрипел Платон, хотя на самом деле хотел сказать “да”.

– Через трое суток от тебя останется аккуратный красный остов без единого клочка кожи. Ну, что? Не хочешь сообщить, как открываются порталы...

Атлантида смотрел на сегментика, стиснув зубы. Ненависть к Алу не позволяла уступить. Кажется, новому Тимуру не понравилась выдержка пленника.

– Подожди, может, мы начнем с его дружка? – предложил он Чистюле. – Думаю, он будет более сговорчивым.

Платон перевел дыхание. Два охранника схватили Ноэля за руки. Тот дернулся, но вырваться не сумел. Чистюля оставил в покое Атлантиду и подошел ко второму пленнику.

Сами собой в памяти Платона всплыли слова из Одиссеи:

Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых
Мертвых,

Но радуясь в сердце, что сами спаслись от смерти².

М-да... прошло более четырех тысяч лет, а как верно звучит. Как верно и современно... Бедняга Ноэль. И вслед за вздохом сочувствия вырвался невольный вздох облегчения.

– Этому посадите сегментика на лысую башку, – приказал Бродсайт. – Вскоре его череп в самом деле станет голым.

– Нет! – заорал Ноэль. – Не-ет! – Его буквально выворачивало от ужаса – глаза сделались бессмысленные, кожа влажно заблестела от пота. – Не-ет... – уже не крик, а какой-то нутряной вопль лез из него толчками, переходя в натужное сипенье.

Липкая нитка слюны повисла на нижней губе. Платон отвернулся. Страх некрасив сам по себе. Неэстетичен.

– Хрясь! – Весельчак слегка пригладил пленника кулаком по уху.

Ухо тут же начало гореть.

– Что значит “нет”? Ты готов рассказать мне, как открыть портал? задушевым голосом спросил Ал.

– Готов... Готов... – забормотал Ноэль, судорожно хватая ртом воздух, будто только что тонул, а теперь вынырнул на поверхность. – Говори...

– Прости, – пробормотал Ноэль. Атлантида не понял, у кого тот просит прощения – у него, Платона, или у кого-то другого.

² Гомер. “Одиссея”. Перевод В. Жуковского.

– Я скажу, скажу..

– Слушаю, – с милой улыбкой проговорил Бродсайт. И выругался:

– Чертов шлем! Он теперь засасывает песок! – Опять снял с головы шлем и принялся выколачивать о колено. – Ты мне ответишь за все, профессор. Я не люблю, когда меня предают. Я не прощаю... Да, да, предательства не прощаю. Запомните все! Итак, вернемся к колодецу, – обратился он к Ноэлю. – Как эта штука работает?

– Надо прыгнуть в колодец... просто прыгнуть, и... – проговорил Ноэль, клацая зубами. – И тебя вынесет с той стороны. – Он то ли всхлипнул, то ли застонал.

Ужас его был так силен, что казался ненастоящим, наигранным.

– Так просто? – изумился Ал. – Прыгнуть – и все. А ты не врешь?

Ноэль хотел что-то сказать, но не мог... губы его тряслись, зубы клацали. А ведь он прежде казался Атлантиде вполне нормальным парнем. И во время полета на Ройк, лежа в реанимационной камере с развороченным животом, но в полном сознании, не особенно тряся. Платон тогда даже подивился его мужеству. А тут...

– Кажется, не врет, – сообщил свои наблюдения Чистюля.

– Правда – то, что он говорит? – повернулся Бродсайт к профессору.

Атлантида стиснул зубы.

– Ладно... Эй, Хрустик, прыгай в колодец. Что на Немертее делать – ты знаешь.

Весельчак отпустил руку Платона, вразвалку направился к колодцу, встал на край, поправил игломет на поясе, сказал “хрясь” и браво шагнул вниз. Раздался крик, но не прервался, как там, на Немертее, когда в колодец падал Ноэль. Крик стал удаляться и замер вместе с глухим ударом, донесшимся из жерла. Несколько сотоварищей Хрустика повисли на кольце колодца.

– Ну что? – беспокоился Ал – Тимур.

– Лежит, – сообщил Чистюля.

– Что?

– Хрустик лежит. Там, на дне. Тихо лежит...

– Да что ж такое! – Бродсайт сорвал с головы шлем и в ярости швырнул на песок. – Невозможно же! Ну и система!.. Дрянь... Та-ак... Парень, ты нас обманул. А я не люблю предателей – я ж сказал. Неясно, что ли? Предателей наказывают...

Ноэль что-то хотел сказать, но лишь беззвучно шевельнул губами.

– Патруль! – заорал стоящий на горбушке дюны парень.

– В укрытие! – приказал Ал. – И готовьтесь, ребята, вы нам за все заплатите. За Хрустика – отдельно.

Находясь в ройкской пустыне, укрыться можно только в песке. Причем копать надо очень глубоко. Люди в белых комбинезонах спустились вниз по лестнице из песчаника, толкая пленников перед собой. У Атлантиды мелькнула мысль – не затеять ли драку. Но от этой идеи тут же пришлось отказаться – дуло игломета уперлось меж лопаток. Пришлось понуро ссутулить плечи и следовать туда, куда ведут, Особенно если учесть, что вел их Чистюля. Говорят, упрочнение черепной коробки почти всегда идет в ущерб ее содержимому. Чистюля явно подтверждал эту гипотезу. Созданный в лаборатории титан привел пленников в комнатушку, вырубленную в песчанике, а дверь запер. Дверь была старинная, из камня. И поворачивалась на крюках. Замок крепился в пороге. Здесь, на глубине нескольких метров, оказалось довольно прохладно, сухо и темно. Количество нор было ограничено, и потому пленников поместили вместе. Если сказать честно, то Платон весьма смутно представлял свои дальнейшие действия. Но надо было что-то делать – не сидеть же в этой песчаной норе и ждать, когда Бродсайт начнет вынимать из них душу. Ясно, что Ноэль предпринимать ничего не намерен: в темноте слышалось его тяжелое частое дыхание. Каждый вдох был скорее похож на всхлип. Судорожные всхлипы длились минуты две или три,

пока Ноэль осматривал дверь – нет ли в ней глазка или скрытой камеры слежения. Ничего не найдя, он перестал тяжело дышать и уселся на пол – так во всяком случае послышалось Атлантиде.

– Ты знал, что Хрустик разобьется? – спросил Платон.

В темноте раздался еще один вздох – громче прежних.

– Так знал или нет?

– Знал... – сообщил Ноэль.

– Тогда на что ты надеялся? Что они не пустят в дело сегментика?

– Да...

– Это почему же?

– Потому что пристрелят меня из мести.

– Логично... И что-если бы пристрелили – было бы лучше?

– Да...

– Почему?

– Потому что... если сегментик... снимет кожу... тогда... волосы точно не вырастут.

– Ерунда. Кожу можно вырастить в генетической лаборатории, причем сразу – с волосами. Были бы кредиты. Ты что, не знаешь об этом? – Это-не то... Не те волосы...

– Если бы тебя убили, то волосы точно бы не выросли...

– Они растут и после смерти, – сообщил Ноэль.

– Ерунда. Это миф.

– Растут, – упрямо повторил Ноэль. – Волосы и ногти рас-

тут после смерти. И ты обещал привезти мое тело назад на Немертею.

Ноэль считал, что лучше быть волосатым и мертвым, чем лысым и живым. М-да...

– А ты знал, что твой прыжок включает нуль-портал там, на Немертее?

– Разумеется, знал. Я же не сумасшедший... Последнее заявление, учитывая только что происшедшие события, было весьма спорным.

– Откуда тебе это известно? – насторожился Платон.

– Не-важно. Знал – и все.

– А как включить его здесь, знаешь?

– Нет.

– Точно?

– Точно не знаю...

Атлантида не стал настаивать. В подобной ситуации, чем меньше знаешь о своем товарище по несчастью, тем меньше из тебя могут вытянуть пытатели. Итак, Ноэль думал лишь о своих будущих волосах. А вот Платону придется подумать о том, как отсюда выбраться. Легко сказать – подумать. Атлантида обыскал все карманы – ничего. Все отобрали люди Бродсайта. Помнится, из “мастабы” они ловко вылезли через потайной ход. Но во второй раз вряд ли так повезет, как говорится, метеорит два раза в одно и то же место не попадает. На всякий случай археолог ощупал стены – все четыре очень гладкие, без единого намека на какое-нибудь отверстие. Вен-

тиляции здесь явно не было. Во всяком случае искусственной. Воздух кончится, и они задохнутся. Дверь заперта снаружи. Осмотр не давал никаких шансов. Абсолютно. Атлантида в темноте споткнулся о вытянутые ноги Ноэля и едва не упал.

Ноэль неожиданно рассмеялся. И Платону очень не понравился этот смех.

– Что случилось? – Может, его приятель заразился шизофренией от Бродсайта?

Сокамерник продолжал давиться от смеха.

– Так в чем дело?

– А ты знаешь, что мы находимся в ячейке вертикальной гробницы, – сообщил наконец Ноэль. – Судя по размерам, это так называемая боковая камера.

– Если бы у меня была тросточка... – Атлантида представил, как они с ее помощью ловко пробиваются сквозь переборки из песчаника наружу. Мечты...

– Ты что, надеешься тросточкой проткнуть стену?

– В трости у меня есть кое-какие приспособления. Можно было бы попытаться открыть замок. Но эти мерзавцы у меня все отобрали. Даже сервисный браслет...

– Это не главное. Главное, они оставили тебе шляпу.

– Не понял... – Возможно, Ноэль издевается над ним, пытаясь отомстить за насмешку над утраченными волосами. У каждого свои слабости.

– Шляпа ведь на тебе? – Платон почувствовал, как рука

Ноэля коснулась его щеки, потом поднялась выше, нащупала обвисшие поля – У тебя в шляпе есть полоска с охладителем?

– Конечно. Мне разонравились вентиляторы.

– Тогда сделай вот что. Распотроши шляпу и обрызгай охладителем потолок. Это поможет...

– Каким образом? Здесь, по-моему, и так не особенно жарко.

– Видишь ли, песчаник вертикальных гробниц создан искусственно. На самом деле это песок, скрепленный специальным клеем. Так вот... состав охладителя сыграет роль катализатора и вызовет в клее реакцию с поглощением тепла... И песчаник вновь станет песком. Спускались мы неглубоко. Над нами максимум три ячейки. Когда переборки превратятся в песок, он дойдет нам лишь до пояса. Раз мы в боковой камере, значит, нам на головы не свалится центральный саркофаг из базальта. Наши тюремщики в нижних помещениях. Их может засыпать с головой. Только брызгай охладитель на потолок, а не на пол.

– Но так могут рассыпаться все вертикальные гробницы Ройка... – Атлантида уже прикидывал в уме, не всучат ли ему иск ушлые археологи, прознав, что причиной гибели ценных археологических объектов стала шляпа Платона Рас-сольникова, их извечного идеологического врага.

– Между каждой секцией вертикальных гробниц оставлен достаточный промежуток нетронутого песка. Так что погиб-

нет только одна секция.

Атлантида не стал медлить. Зубами он вырвал из шляпы пряжку, пряжкой вспорол подкладку и охладительный клапан и обрызгал содержимым ленты потолок. Часть, разумеется, пролилось на пол.

Поначалу ничего необыкновенного не происходило. Платон даже подумал не обманул ли его Ноэль. Но вдруг почувствовал, что пол расползается у него под ногами. А сверху струйками потек песок.

– Мы провалимся вниз! – закричал он и отскочил к стене. Она подалась под тяжестью его тела. А сверху песок уже струился потоком. Разрушенная стена граничила с лестницей. Атлантида развернулся, ударил кулаком и пробил – стена была уже не из песчаника – из песка.

– Сюда! – Платон выпрыгнул наружу.

Он не понял, выбрался ли следом Ноэль. Ему в ту минуту было не до этого: ступени под ногами проседали. Атлантида кинулся наверх на четвереньках. А ступени уходили вниз. Он бежал и проваливался... Сверху поначалу тонкими струйками, потом все быстрее и быстрее сыпался песок. Платон закрыл полый пиджака рот и нос и помчался наверх, а песчаная лестница рассыпалась у него под ногами. И при каждом шаге он проваливался по колено... Снизу доносились крики. Кто-то яростно рычал. Археологу показалось, Чистюля – только ему мог принадлежать этот низкий звериный рык. Сверху и сбоку неожиданно и ярко ударил луч све-

та. Выход был близок. Внезапно казавшаяся прочной стена рассыпалась, и из нее вывалилась базальтовая балка и упала перед Платоном. Он вцепился в нее, как терпящий кораблекрушение в далеком девятнадцатом веке в рухнувшую в воду мачту. Песок тек уже не струйками – струями. Если стоять ни месте – засыплет с головой. Атлантида вскарабкался на балку... выпрямился... и обнаружил, что пескопад прекратился. Голова и плечи археолога оказались над уровнем песчаного моря. Моря, в котором образовалась глубокая воронка. Платон раскинул руки и закричал. Повсюду был песок – почти белый на солнце, фиолетовый – в тени. И песок медленными струйками стекал в объятия археолога. Вот этого Ноэль не учел: когда пустоты исчезнут, на месте ячейки гробниц образуется воронка и песок начнет сыпаться в нее и...

Атлантида спешно принялся отгребать песок. К счастью, под ногами у него лежала базальтовая балка, и он не проваливался вглубь. Ветра не было. Песок сыпался в воронку потихоньку, не страшно, будто в детской игре. Платон лихорадочно работал руками. Вот он уже свободен по пояс... Хорошо, что реакция шла с поглощением тепла – иначе бы профессор Рассольников изжарился в горячем песке Ройка. Он не знал, сколько прошло времени – минута, десять, час, прежде чем ему удалось высвободить колени и выбраться наконец наружу. Наверное, все же несколько минут. Он огляделся. И увидел торчашую над поверхностью песка ру-

ку. Нет сомнения – тонкая кисть Ноэля. Самостоятельно его собрат откопаться не мог. Атлантида кинулся к нему и принялся откидывать руками песок. Наконец его ладони нащупали бритую голову.

– Эх, действительно жаль, что лысый, – ухмыльнулся Платон. – А то я бы вытянул тебя за волосы, как это делали наши предки, попадая в болото.

– Что... – не понял Ноэль, выплевывая изо рта песок.

Атлантида принялся рыть дальше. Неожиданно песок стал стремительно куда-то проваливаться – видимо в глубине охлопывались нижние помещения. Платон чертыхнулся и, оставив Ноэля, принялся карабкаться по едущему вниз склону. Если их засыплет обоих, то им и конец. Песок теперь перемещался вниз пластами. Атлантида пробежал по оседающему холму почти до гребня и оглянулся. Ноэля опять засыпало до шеи – наружу торчала лишь голова и руки по локоть. Тот попытался откапываться сам, но его засыпало быстрее, чем он успевал отгрести песок. Платон побежал на четвереньках по склону воронки. Чем ближе он был к краю, тем горячее становился песок. Кожу на ладонях уже обжигало. Жгло и колени сквозь ткань брюк. Зря он надел белый костюм. Рабочий комбинезон был бы сейчас более уместен.

– Платон! – донесся крик снизу.

Атлантида не ответил и не обернулся, еще больше заспешил и перевалился через край воронки. Так и есть – он не ошибся. Еще когда Ал сидел на своем пуфике, а его подчи-

ненные расположились вокруг жерла колодца и ржали, сознавая свое превосходство, Платон заметил этих двух роботов-землесосов. Удирая в убежище, люди Бродсайта бросили роботов – оставленной техники в Долине смерти хватает, патруль никогда не обращает на нее внимания. Атлантида включил активацию, подогнал незаменимого помощника космических археологов как можно ближе к краю воронки, размотал зеленоватую кишку дальнего засоса и спустил вниз. В следующую секунду робот, следуя стандартной двадцать первой программе, начал поглощать из ямы песок. Пластиковая насадка на конце гибкой кишки танцевала вокруг головы Ноэля, с фантастической быстротой всасывая песок и выплевывая песчаную струю на расстоянии двадцати метров. Вот уже не только голова, но и плечи Ноэля показались из песка. Вот он по пояс свободен...

– Держись за наконечник! – закричал Атлантида, выключил землесос и нажал кнопку сматывания шланга.

Ноэля буквально вырвало из песка, взметнуло в воздух, от неожиданности он выпустил шланг и приземлился на край воронки.

– Ну, ты даешь! – проговорил спасенный с восхищением.

– Я же гений! – похвалился Атлантида. – А теперь нам пора убираться отсюда, пока остальные ребята не откопались.

– А если Кресс попытается войти в портал? Она же попадет прямо в руки этим подонкам! – забеспокоился Ноэль.

– Она собиралась спустаться вслед за нами?

– Не знаю... Мы договорились, что пройду только я. Но ведь и ты не должен был спускаться.

– Я и не собирался. Меня столкнула вниз Андро. – В этом Платон не был уверен, но все же высказал гипотезу, чтобы посмотреть, как отреагирует Ноэль.

Ноэль никак не отреагировал.

– Нельзя допустить, чтобы эти люди схватили Кресс, – повторил Ноэль.

Видимо, после своих драгоценных волос он больше всего на свете ценил жену.

– Бродсайт и его ребята никого сейчас не схватят. Они там, – Атлантида ткнул пальцем в песчаную воронку.

Потом, хлопнув себя по лбу (еще одна нелепая привычка привязалась), вновь включил робота-землесоса и скинул в воронку кишку.

– Ты что, хочешь их откопать? Это так необходимо? – подивился его человеколюбию Ноэль. – После всего...

– Именно. Хочу вытащить одного. И если он жив, немного попытать всеми доступными средствами. Пускай расскажет, что им от нас надо. И почему они точно знали, что мы появимся именно здесь и сегодня. Это – во-первых. А, во-вторых, мне нужна моя тросточка...

– Откапывать их опасно, – как заметил Атлантида, Ноэль относился к смертоубийству хладнокровно.

– Хорошо, если раньше человека попадетя моя тросточка, мы уйдем.

Но первым они вытащили все-таки человека. И не просто человека, а Чистюлю. Гигант был без сознания. Из рта у него текла каша из слюны и песка. Похлопывание по щекам не помогало, а желания делать искусственное дыхание рот в рот у бывших клиентов Чистюли не было. Так что пришлось бросить громилу подышать под палящими лучами Ба-а, а самим ждать, кто появится на поверхности следующим. Следующей появилась тросточка. Как видно, Бродсайт, конфисковавший ее, с трофеем не желал расставаться и выпустил добычу из рук в самый последний момент.

– Ну что, будем спасать Чистюлю? – спросил Атлантида, хватая любимую тросточку и вынимая нижний сегмент, под которым хранилась капсула с тремя инъекционными тубиками.

Ноэль пару секунд раздумывал, потом кивнул. Платон прижал тубик к бычьей шее – Чистюля дернулся, конвульсивно схватил что-то руками, потом судорожно глотнул воздух. Раз, другой... И задышал. Атлантида предусмотрительно снял с его пояса “браслеты” и надел на запястья палачу. Потом подумал и связал веревкой лодыжки. Поразмышлял еще немного и вынул из кармашка на поясе пленника прозрачную капсулу с сегментиком. При виде этой твари Ноэль издал нутрянной звук. Платон подумал подольше и отцепил от пояса Чистюли игломет, бластер, нож и флягу. И вовремя. Пленник открыл свои крошечные мутноватые глазки.

– Привет, – сказал Атлантида, наклоняясь к Чистюле. –

Спешу сообщить тебе, парень, что это я спас тебе жизнь. И жду немедленной и самой горячей благодарности.

Чистюля дернулся, захрипел. Его генетически модернизированные мускулы вздулись буграми. Но и “браслеты”, и веревки выдержали. Да, месть сладка, возбуждает и пьянит. Аристократы всех цивилизаций без исключения любили мстить и занимались этим изысканно, с фантазией, возможно, потому, что питали неизменную тягу к гедонизму. И Платон тоже не мог отказать себе в этом удовольствии.

– Не стоит так нервничать, парень. Я понимаю, что ты хотел немедленно расцеловать меня. Но я предпочту более спокойное проявление благодарности.

Атлантида вовремя увернулся. Потому что Чистюля сел рывком, рассчитывая своим мощным лбом разбить лицо Платону. Археолог был не менее быстр. Вскочив на ноги, он еще и ощутимо ткнул непокорного пленника тросточкой в живот. Тот хрюкнул от боли. Нет, Чистюля аристократом не был, но ему бы доставило удовольствие спустить с Атлантиды шкуру.

– Я же сказал, не так активно, – усмехнулся Платон. – Такие проявления радости совершенно ни к чему. А теперь поговорим спокойно. Как старые знакомые. Или хотя бы как два сотрудника очень прибыльной фирмы.

Атлантида взял двумя пальцами капсулу с сегментиком и встряхнул. Маленький жучок с двумя очень солидными черными жвалами оживился. Его прозрачное брюшко на-

чало пульсировать, предвкушая сытный обед. Археолог посмотрел на соскальзывающий к горизонту яркий диск Ба-а. Сегментика, скорее, ожидал ужин. Атлантида и сам бы поужинал, да пока нечем. Зато можно было выпить. Платон глотнул из отобранной у Чистюли фляги и швырнул трофей Ноэлю. Во фляге оказалась текила. М-да... Почему-то это не обрадовало профессора Рассольникова. Неприятно, когда твои пристрастия разделяют подонки.

– Ты посмотри, наш сегментик проголодался. Бедняжка! Брюшко так и пульсирует. Куда бы его посадить. Где кожа повкуснее? На животе? На лице? Или... – Атлантида окинул оценивающим взглядом тело пленника.

А краем глаза заметил, что Ноэль как-то странно дышит и судорожно втягивает в себя воздух. Хотя в этот раз он держался куда спокойнее.

– Что тебе надо? – прохрипел Чистюля.

– Всего ничего. Узнать, что вы хотели от меня – и только.

– Нуль-порталы нужны, неужели не ясно? Дурак! А еще профессор.

– И только-то! Ноэль, оказывается, наша находка пользуется спросом. А теперь скажи-ка, мой друг, кто сообщил, что именно сегодня мы появимся как раз из этого колодца. Ведь кто-то шепнул об этом по тахионной связи твоему бесподобному Тимуру.

– Может, и шепнул, – согласился бандит. – Но кто – не знаю.

– Неужели? Не может быть! Ах, бедный сегментик, посмотри, сколько из бедняги вытекло слюны...

– Клянусь, не знаю! – заорал Чистюля. – Знаю, что у Бродсайта есть осведомитель. Какая-то тетка. Катрин, кажется... Он с ней постоянно связывается. Каждый день болтает по местной связи. Иногда по несколько раз.

Катрин? Эта безобразная толстушка из музея? Откуда она могла знать такие подробности... Чушь! Однако с немиллой Катрин связано слишком много совпадений. И Чистюля ошивался в музее. Впрочем, в музее он следил за Платоном. М-да... Но как Катрин могла узнать про нуль-порталы?

– И где ее найти?

– Точно не знаю... – Лицо гиганта покрылось каплями пота. – Клянусь... Клянусь, я больше ничего... Кажется, она работает гидом в музее вертикальных гробниц.

Похоже, парень не лгал. Значит, все-таки толстушка.

– Что мы с ним будем делать? – спросил Атлантида у Ноэля.

Вместо ответа тот протянул ему флягу. Платон глотнул. Всего пару глотков. Остальное, как воду, выпил его приятель и уже немного окосел. После жаркого дня и купания в песке Ноэля сразу же развезло.

– Ах, мерзавец, – пробормотал Атлантида, осушая флягу.

Прицепив к своему поясу отобранные у Чистюли трофеи, в том числе и капсулу с сегментиком, он отправился исследовать фальшивую дюну, которую приметил в первую мину-

ту после нуль-транспортировки на Ройк. Небольшой ангар, замаскированный на скорую руку, был заперт на замок. Как глайдер инспекции МГАО его не заметил – неясно. То ли там, наверху, все спали, то ли летели на автопилоте и плевать им было на все показания приборов. А скорее всего летал автомат и делал съемку местности. Платон вернулся к пленнику.

– Знаешь, парень, мне нужна твоя помощь. Мы в восторге от нашего знакомства и все же хотим отбыть отсюда поскорее. И решили воспользоваться вашим глайдером. Так что будь добр, открой замочек, помня об оказанной услуге по спасению твоей бесценной жизни.

В крошечных глазках Чистюли блеснуло нескрываемое торжество.

– Замок закодирован на мой голос и голос Бродсайта.

– Вот я и прошу – открой замочек.

– А ты меня освободишь?

– Ну, разумеется, не брать же тебя с собой. Я понимаю, ты готов до конца жизни теперь мне служить, но я недостойн такой чести.

– Ладно, условились, – выдохнул гигант. – Только отсюда до замка мне не доораться. Придется тебе, парень, переть меня к ангару... чтоб приказ сработал.

Требование было справедливым. Атлантида подхватил Чистюлю под мышки и рванул... Туша едва сдвинулась с места – ну и много же мяса нарастил этот тип. Пришлось звать

на помощь Ноэля. Вдвоем как-то они подтащили пленника почти к самому ангару. И тут... Как этот тип распутал веревки на ногах, Платон не заметил. Но Чистюля закинул ноги наверх, обхватил археолога за голову и принялся аккуратно сворачивать шею набок. Напрасно Атлантида пытался вывернуться – казалось, он ненароком угодил между створок дверей космопорта. Через несколько секунд позвонки хрустнут...

– Ноэль... – прохрипел он.

Тут одна нога Чистюли дернулась и захват ослаб. Археолог рванулся, освободил голову и боднул палача кулаком в бок – по печени. Но генетически наращенное мясо прикрывало все уязвимые точки на теле гиганта. Тогда Атлантида пнул ботинком в пах. В ответ раздался нутряной рык – как видно, в этом месте Чистюля нарастить защитные мышцы не сумел. Старый анекдот про каратиста, который на все вопросы о способе защиты уязвимых мест отвечает “напрягусь”, даже в тридцатом веке оставался только анекдотом. Платон вздохнул с облегчением и провел ладонью по лицу. Ноэль стоял рядом и меланхолично разглядывал нож Чистюли. Лезвие было в крови. – У него такой слой мускулов...

– Куда ты его пырнул? – поинтересовался Атлантида.

– В задницу.

– А более уязвимого места найти не сумел?

– Мог бы сказать “благодарю”, – обиделся приятель и по-

чесал лысый череп. – Задница была ближе всего...

– Ладно, парень, думаю с такого расстояния, замок тебя услышит, – проговорил Атлантида, заметив, что Чистюля отдышался. – Так что говори ему нужные слова и распрощаемся.

Чтобы придать убедительности своему монологу, Платон направил бластер в грудь бандита.

– Дерьмо!

– Ну что ты, я самый порядочный человек во всей Галактике. Я даже не стану тебя убивать. Только пришлю сюда ройкскую полицию – какое-то седьмое или восьмое чувство мне подсказывает, что они тобой заинтересуются.

– Полицию... – Чистюля нехорошо усмехнулся.

То ли он сомневался в возможностях местных стражей порядка, то ли не верил, что Атлантида сообщит о происшествии властям. Скорее, он сомневался и в том, и в другом сразу. И, разумеется, был прав.

Платон не стал спорить.

– Итак, открывай ворота и расстанемся по-хорошему. Признаться, парень, я не люблю общаться с людьми твоего круга. Но почему-то постоянно общаюсь.

Чистюля символически сплюнул на песок – слюны плевать по-настоящему у него не было. Как и у его противников.

– Пошел ты...

– Тогда я пристрелю тебя, – с любезной улыбкой отвечал

Атлантида, – а дверь разворочу из бластера. Дверка так себе, дерьмовая. И ангар дешевый. А бластер очень даже ничего, может стену прорезать сбоку.

В этот раз громила выругался довольно заковыристо. Платон решил поначалу, что это и есть пароль замка, но ошибся. Потому что после ругательств Чистюля неожиданно произнес:

– Мысль миров, отворись!

И двери ангара открылись.

– Почему подонки так любят высокопарные фразы! – подивился Атлантида.

– Не все. Некоторые, напротив, любят циничные высказывания. Подонки тоже гуманоиды... – философски заметил Ноэль.

В ангаре стояло три глайдера и несколько ящиков с оборудованием. К сожалению, из приличной еды не нашлось ничего, если не считать НЗ, что хранится в глайдерах. Пока Ноэль держал пленника на прицеле игломета, следя с безопасного расстояния, чтобы тот не делал никаких движений, Атлантида обчистил две машины, стащив весь запас воды и консервов в ионизированной упаковке в один из глайдеров. Проверил горючее, взял еще три запасных блока из соседних машин, прихватил запас тормозных патронов, а в багажное отделение засунул робота-землесоса. После такой основательной подготовки вывел аппарат из ангара.

– Ноэль! – помахал рукой товарищу. – Беги сюда, улета-

ем! Тот принялся отступать, держа Чистюлю под прицелом. Сделал несколько шагов и остановился.

– Может, его лучше пристрелить? – спросил задумчиво.

– Не будем марать руки... Убийство есть убийство...

– Да, после того как мы похоронили всю команду Бродсайта в песке, это верное замечание, – согласился Ноэль. – И все же я...

– То – несчастный случай. А если ты начинишь здоровяка иголками, нас могут потащить в суд, и я не уверен, что мы отделаемся только штрафом.

– Ну, хорошо! – Ноэль поставил игломет на предохранитель, повернулся и побежал, прихрамывая, к глайдеру. – Взлетай и побыстрее, – проговорил он, усаживаясь на сиденье рядом с Атлантидой, – пока этот тип не перекусил зубами браслеты.

– Зубами? – подивился Платон.

А Чистюля уже сумел просунуть скованные руки себе под пятую точку, потом под ноги и в самом деле вцепился зубами в наручники.

– Ты что не заметил? У него же зубы титановые, – сообщил Ноэль...

– Где-то я что-то видел подобное... – Атлантида спешно отключил автопилот, который собирался еще минут пять готовиться к взлету, и глайдер рванулся в красное закатное небо.

– Чего тут видеть? Теперь все охранники-профессионалы

вставляют себе титановые зубы, независимо от того, к какой галактической расе они принадлежат. Время от времени зубы вырывают...

Чистюля подпрыгнул вверх, пытаясь ухватиться за корпус глайдера, но не достал. Тогда кинулся бежать к ангару.

– У него там наверняка тайничок с оружием, – справедливо предположил Ноэль. – Все же надо было его пристрелить.

– Так пристрели! – закричал Атлантида и всем телом навалился на рукоять управления.

– Недопустимый режим работы маршевого двигателя, – сообщил нежным голосом бортовой компьютер. – На планете с песчаной поверхностью такой режим набора высоты запрещен. Включен ограничитель. Маршевый двигатель выйдет на полный режим через три секунды.

Атлантида с ненавистью смотрел на золотой столбик индикатора, который предательски медленно рос в высоту. Ноэль высунулся из кабины и принялся стрелять – наугад, не целясь. Белые брызги света летели во все стороны. На фоне алого закатного неба белые вспышки смотрелись неплохо, но ни один выстрел не причинил Чистюле вреда. Беглец успел скрыться в ангаре. Еще один разряд угодил в песок. Второй – обжег крышу, но не пробил.

– Ладно, хватит, побереги энергию.

Ноэль передернул плечами, давая понять, что ему все равно – стрелять или не стрелять, – и уселся в кресле поудобнее. И тут Чистюля выскочил из ангара. На плече он держал чер-

ную трубу. Точно такую – или почти такую, – что Атлантида видел на пересадочной станции.

Дезинтегратор!.. Хорошо, если не ортогелиевый!

– Стреляй! – заорал Платон, разом ощутив отвратительный вакуум в желудке.

Ноэль не успел даже высунуться из кабины. Зеленая светящаяся стрела ушла вверх. Вспыхнула и развалилась на несколько крошечных ярких стрелок, не причинив никому вреда. Сверхмощное оружие, как всякий слишком сложный агрегат, подвела надежность. Видимо, второпях Чистюля чего-то не учел. Громила скрылся в ангаре. Через пару секунд он вновь появился – на этот раз с куда менее внушительной трубой на плече. Обычный автономный бластер – оценил Атлантида.

Игрушка по сравнению с новой модификацией дезинтегратора. Разумеется, когда эта новая модификация нормально работает.

– По-моему, он опять собирается стрелять, – пробормотал Ноэль, глядя на экран заднего обзора.

– Маршевый двигатель набрал полную мощность, – сообщил комп.

– Как он любезен... – буркнул Атлантида. – Полный вперед!

Глайдер рванулся так, что пассажиров, несмотря на новейшие амортизаторы, вдавило в кресла. И тут же машина содрогнулась всем корпусом, мигнули огоньки приборной

панели... – Потеря защитного экрана – тридцать семь процентов, – сообщил компьютер.

– По-моему, Чистюля вновь взялся за дезинтегратор, – сообщил Ноэль. Еще одна зеленая стрела прорезала тьму и устремилась вслед рвущемуся в ночное небо глайдеру. И опять развалилась, не достав беглеца. Нет, судя по всему, не ортогелий, послабее...

Ба-а проваливался за причудливый срез испиленного ветрами хребта. Ночь опускалась на Ройк. Разом вся пустыня сделалась черной. Чернее, чем океан на планете под названием “Танат” что означает смерть. По-видимому, Чистюля выстрелил еще раз. Потому что где-то далеко позади вновь вспыхнул зеленый огонек. Но в этот раз глайдер даже не использовал защитный экран – зеленая стрела взлетела высоко в черное небо, повисла, выискивая цель, не нашла, и яркие огоньки засыпали песчаные дюны, под которыми были погребены Тимур и вся его команда.

СОБРАТЬЯ ПО РАЗУМУ. ЧЕРНЫЕ АРХЕОЛОГИ

1

Первым делом беглецы глотнули воды из фляги.

– Послушай, Ноэль, все хотел тебя спросить: откуда ты знаешь про катализатор из шляпы?..

– Я учился на Ройке. Мы с Кресс учились на Ройке, – уточнил Ноэль. – А шляпа местная. Так что знаю.

– Скажешь, и Бродсайта ты встречал на Ройке? Мне показалось, вы с ним знакомы.

– Конечно, встречал, его здесь все знают.

– Привет! – раздался приятный голос компьютера через три минуты лета. – Сообщите мне пароль для продолжения безопасного полета.

Атлантида и Ноэль переглянулись.

– Пыль миров, отворись, – произнес наугад Платон.

– Пароль неверный. Назовите правильный пароль...

– Ал Бродсайт...

– Пароль неверный, – упрямо повторил компьютер. – Назовите правильный пароль.

Мир за окном глайдера был совершенно черным, если не

считать россыпи звезд над горизонтом.

– Что в таком случае обычно бывает? – шепотом спросил Ноэль. Таким тоном, как будто никогда не сталкивался с противоугонным устройством высшей категории.

– Самоликвидация...

– То есть?..

– Жми на кнопку катапультирования!

К счастью, Атлантида не успел в третий раз ошибиться, и кресла выплонуло вверх по всем правилам. Глайдер полетел дальше, увозя с собой запасы питания и робота-землесоса. А под ягодицами у бывших пассажиров активизировались антигравитационные подушки.

– Закрой глаза! – предусмотрительно посоветовал Платон. Но даже сквозь сомкнутые веки они увидели яркую вспышку. Когда же археолог осмелился разлепить веки, вдали догорал крошечный жалкий комочек. Вспыхнул, рассыпался искрами и погас.

Чернота небес нависла над черной пустыней. Лишь фосфоресцирующее покрытие кресел светилось в темноте. Ноэля отнесло немного в сторону. Но он и не пытался управлять своим креслом. Сидел с меланхоличным видом и смотрел вниз, как будто мог что-то различить в ночном мраке. Кресла, запрограммированные на посадку, медленно теряли высоту. В ночи нельзя было различить, как близок песок. Чернота казалась почти безопасной, мягкое покачивание кресла убаюкивало...

"Ночевать придется в пустыне, – подумал Платон. – А в пустыне по ночам очень холодно..."

Как близка поверхность? Далеко или?.. Атлантида хотел отцепить от пояса фонарик и тут с размаху врезался во что-то твердое. Ройк, как видно, немного разозлился на пришельцев с Немертеи, потому что подложил им под ноги вместо мягкого песка каменную россыпь. Треснувшись о ройкскую твердь, Платон расшиб колени и ободрал бок. Спешно срезал Чистюлиным ножом ремни кресла и зарылся лицом в острые камешки. Потом представил, как Ноэль тормозит лысым черепом по такой же гальке, и усмехнулся. Не то, чтобы он желал своему напарнику зла – за прошедший день тот, несмотря на приступ животного страха при виде сегментика, в остальном вел себя вполне достойно. С таким парнем можно было отправляться на нелегальные раскопки. Атлантида поднялся, отряхнулся, включил отобранный у Чистюли фонарик. Луч белого света выхватил из темноты изуродованный ветром и песком фантастический каменный столб, верх его отдаленно напоминал человеческую голову. Хорошо еще, что Платон не припланетился на ее макушку. Атлантида выплюнул набившиеся в рот камешки и песок, стер тыльной стороной ладони кровь с губ и щеки и выругался. Надо было спросить у Чистюли антиугонный пароль. Впрочем, кто же мог предположить, что даже в пустыне эти ребята не забыли поставить систему защиты.

– Триэт... – сказал сзади не особенно дружелюбный голос,

который никак не мог принадлежать Ноэлю, даже если тот пропахал несколько метров по каменной россыпи. А впрочем, вполне мог. Если Ноэль стер о гальку губы. – Привет, – ответил Атлантида и обернулся.

– Руки эрх... – раздалось тут же. Эту фразу Платон вполне верно идентифицировал как “руки вверх” и подчинился.

После этого неведомый человек подошел. Вернее – нечеловек. Атлантида понял это с первого взгляда. Перед ним стоял обитатель планеты К-7 – разумная тварь с черной мелкокладчатой кожей на голове, выпуклыми зелеными глазами и совершенно плоской физиономией. Две круглые дырки для носа и длинная прорезь рта, вместо губ – причудливые лохмотья – у крокодилов, кажется, губы похожи. Местами наружу торчали черные десны и белые очень острые разнокалиберные зубы. Особенность губ и определяла невнятность речей жителей К-7. Тело их покрывала чешуя, руки (или лапы) сильно напоминали лягушачьи, пальцы изогнуты, на каждом по острому когтю. Передние конечности слабоваты, зато задние мощны и вкупе с хвостом позволяли ходить на задних ногах и совершать гигантские прыжки. По этой причине уроженцы К-7 добивались включения своей команды в Галактические Олимпийские игры, надеясь взять все призы по прыжкам в высоту и длину, но Олимпийский комитет каждый раз находил приемлемые отговорки, и крокодилообразные оставались без медалей. Сами они называли себя “сукки” и ставили ударение на последнем слоге. И очень

обижались, если кто-то делал ударение на первом. Один сукки, с которым Платон был знаком еще в Маханском университете, доказывал, что они – родственники древних египтян со Старой Земли. И будто бы на К-7 нашли старинный космический корабль с египетскими иероглифами на обгорелом корпусе. И название звездолета якобы “Амон-Ра”. Правда, корабля того никто не видел, и теорию эту, кроме обитателей К-7, никто в Галактике не поддерживал, даже профессор Брусковский не отважился. Но жители К-7 не нуждались в чем-то признании и продолжали считать древних египтян своей родней. Покойников они хоронили в пирамидах, правда, высотой всего лишь несколько метров. Несмотря на явные отличия от гуманоидов, сукки неплохо владели космолингвом. Некоторые даже знали древние земные языки. Однажды Атлантида встретил сукки, который с грехом пополам объяснялся на русском. Никто не знал, почему сукки так тянуло изучать чужую речь, несмотря на огромные трудности. Говорят, они шлифовали свою артикуляцию, набивая камнями рты, как это делали когда-то древние греки. Несмотря на такие мучения, великих ораторов из них не получалось.

У всех сукки, которых знал Платон, была одна неприятная особенность: они никого не приглашали на обед. Впрочем, и сами не принимали приглашения. Из этого напрашивался вывод, что сукки... как бы это помягче выразиться... немного жадноваты.

– Я – друг! – поспешно объявил Атлантида.

– Кредиты рэ́з? – тут же поинтересовался сукки. – У ыня кое-что есть на родажу.

– Продажа? Там мой компаньон, мы торгуем вместе... – попытался Платон немного задурить мозги. – У нас с ним договоренность: принимать решения коллегиально.

– Его уж эдут, – сообщил сукки. Без транслятора понимать этих ораторов было очень трудно.

Атлантида повернул голову. Где-то сбоку прыгали три или четыре светляка-фонарика. Слышалась так же нечленораздельная речь о чем-то спорящих сукки и возмущенный, довольно громкий голос Ноэля. Платон быстро оценил ситуацию. Насколько он помнил, Ройком распорядились люди. Были, правда, допущены некоторые дружественные цивилизации, но сукки к ним никак не относились. Дальше космопорта и прилегающих районов их никуда не пускали по той простой причине, что они – обитатели пустынной планеты и на Ройке чувствовали себя как дома. Вот это “как дома” очень не нравилось МГАО, учитывая, что у сукки только три уважаемых сословия: охотники, разбойники и выше всех контрабандисты.

“Черные археологи”, – предположил Атлантида род занятий негуманоидов на Ройке.

– Мои хозяева предоставили мне неограниченный кредит, – громко заявил он, когда Ноэль и три сопровождавших его сукки подошли достаточно близко. – Но только... – сделал значительную паузу. – Если я обнаружу что-нибудь до-

статочно интересное.

– Не волнуйся, землянин³, – со смехом отвечал его собеседник, как видно, главный среди всей хвостатой компании. – Интересное мы для тебя найдем. Даже очень много интересного, – и скомандовал всем остальным:

– Идем на склад. – А как ты с ними будешь расплачиваться? – спросил Ноэль на староанглийском. Впрочем, в нынешнюю эпоху все языки Старой Земли так же стары, как и сама прародина.

– Осторожно, они могут нас понять, – предупредил Атлантида, вспомнив о лингвистических пристрастиях уроженцев К-7.

Тем временем сукки провели гостей (или пленников) в пустую вертикальную гробницу. Что делать – все усыпальницы на Ройке однотипные. А в пустыне надземного жилья практически нет, да и с подземным туговато. Рассольников пожалел, что не взял с собой в путешествие вторую шляпу. Однако сукки пока что не проявляли агрессивности – напротив, людей провели прямо в главную погребальную камеру, сложенную, как и все главные погребальные камеры на Ройке, из базальтовых плит. Стол и скамьи остались здесь от покойников, все из нержавеющей стали – на этой планете любили металл в отличие от Немертеи. Из чего Атлантида сделал вывод, что они находятся в одной из поздних гробниц, когда в камерах появились изделия из стали и пластмассы. –

³ Здесь и далее речь сукки адаптирована для удобства чтения.

Итак, что вас прежде всего интересует? – спросил главный сукки.

– Обед, – мило улыбнулся Платон, а Ноэль кивнул, подтверждая.

– Что-нибудь местное?

– Что угодно... – Атлантида решил не спрашивать, чем их будут угощать, – но приемлемое для нашего метаболизма.

– Жареную саранчу! – потребовал главный сукки. – А пока саранчу жарят, расскажите-ка о себе.

– Еще мне нужна аптечка. – Платон потрогал подозрительно опухшую скулу. – Мы для лечения используем гнойных мушек, с которыми находимся в симбиозе, – сообщил хозяин.

– А нет более традиционных предметов первой помощи?

– Кажется, у меня в сумке завалилось немного биоактивной кожи... остался от одного нашего гостя.

Куска хватило, чтобы заклеить скулу и все ссадины. Остался еще солидный ошметок. Платон предложил его Ноэлю, но тот почему-то отказался, предпочитая ссадины не заклеивать.

– Кстати, вы не представились, – заметил сукки.

– Я – Платон Атлантида, археолог и агент Руфуса. – Профессор Рассольников решил, что, заплатив антиквару на Земле-дубль бешеные деньги за какую-то золотую статуэтку сомнительного качества, он имеет полное право назваться его агентом на Ройке. – А это мой друг Ноэль.

– А, Руфус! – воскликнул сукки. – Ну как же, имя Руфуса мне хорошо знакомо.

Атлантиде стоило большого труда не показать виду, что он удивлен. – Для Руфуса я приготовил самые лучшие экспонаты. Кай! – приказал он одному из своих помощников. – Неси-ка то золото, что раскопали на прошлой неделе...

– Подождите, – остановил его Платон. – Сначала – жареная саранча, а золото – потом.

– Золото обычно раньше, – недовольно пробормотал сукки. – Но так и быть, ради гостей уступим место саранче.

– А ваше имя? – поинтересовался Атлантида.

– Кай, – отвечал тот.

– Кай?

– Не Кай... – сукки понизил голос, – а Кай, – произнес он тоненько и восторженно. – Вы поняли?

– О да. Мой друг Руфус говорил именно о вас, Кай! – Атлантида вспомнил высокий голосок хозяина лавки – и с такими же интонациями. “Судя по всему, на К-7 блестящую карьеру может сделать кастрат”, – решил археолог.

Тут как раз подали на больших тарелках жареную саранчу. Разумеется, тарелки позаимствовали из гробницы. Серебро. Но не очень древнее. Людям положили солидную порцию, но при этом золотистые пирамиды жареной саранчи на тарелках сукки оказались вдвое выше.

“Надеюсь, тарелки помыли, прежде чем использовать”, – подумал Атлантида. И тут же понял, что надежды его весьма

сомнительны – где это в пустыне на Ройке вода? Платон посмотрел на своего приятеля – как Ноэль отнесется к жареной саранче и посуде из погребений. Тот сидел бледный и ничего не ел. “Парень со странностями, долго не протянет”, – решил археолог. После обеда принесли баночное пиво – уж оно точно было не из погребений. Сукки Кай (имя которого надо было произносить голосом самым писклявым) выпил сразу три. Ноэль тоже пил пиво. Немного захмелев, он отправился на самодельную кухню узнать, на чем жарили саранчу. Выяснив, что сковорода из термопластика, то есть не из гробницы, забрал последнюю порцию и съел прямо со сковородки.

– Я был знаком с несколькими сукки во время учебы, – сказал Платон. – Но они носили земные имена. Одного звали Цезарь, другого Навуходоносор.

– Это имена для людей. Мы друг к другу обращаемся только “Кай”. Главный сукки Кай сделал знак другому Каю, и тот принес ящик с предлагаемыми на продажу артефактами. Атлантида про себя решил, что ко всем экспонатам отнесется пренебрежительно, но двумя или тремя для виду заинтересуется, запросит связь с обожаемым Руфусом и предложит ему парочку вещей воистину по космической цене. И пусть только этот мерзавец попробует отказаться! Что про себя решил Ноэль, Платон не знал, но предполагал, что археолог с Немертеи предоставит ему как человеку, более сведущему в политике и экономике, вести переговоры.

Принесли коробку с артефактами. Все было свалено в ку-

чу – произведения различных эпох, золото и серебро, разноцветные погребальные шапочки. Атлантида только успел с умным видом протянуть руку за великолепным колье из золотых пластин, как Ноэль выхватил из коробки серебряную погребальную шапку и заявил:

– Вот это.

– Зачем тебе эта дрянь? – удивился Платон. – Этих шапок найдено в гробницах несколько тысяч.

Ноэль посмотрел на него с мольбой... Атлантида вспомнил про сегментика. Наверняка парню будет сниться теперь каждую ночь, как его лысую голову объедает эта тварь. Что ж, шлем ему в самом деле необходим.

– Ладно, бери, – Платон надеялся, что Руфус оплатит и эту покупку. – Кстати, вам не нужен сегментик? – спросил он у сукки.

– Живой? – спросил главный Кай.

– Живехонький, в капсуле.

– Двадцать кредитов, – он требовательно вытянул черную лягушачью лапу.

Рассольников пожалел о своем торговом предложении, но сегментика отдал. Сукки положил покупку на стол, достал мощный бластер “фараон” и сжег жучка вместе с капсулой. Остальные сукки заплодировали. Ноэль присоединился. Платон тоже.

– Посмотрим, что у нас еще тут имеется, – проговорил Атлантида, возвращаясь к коробке.

Здесь его ждал еще один сюрприз – на этот раз не со стороны Ноэля. Отложив в сторону не представлявшие интереса золотые образцы, профессор увидел золотого коша. Почти точно такого, как тот, которого предложил ему Руфус в своей лавке.

– Какая интересная находка, – проговорил Атлантида задумчиво, вертя статуэтку в руках. – Что-то я не припомню, откуда этот зверек. Разве с Ройка? Сукки переглянулись. По-видимому, их познания в космической зоологии были весьма скудны.

– Это золото, – сказал третий Кай, имя которого произносилось не особенно низким голосом, но и не особенно писклявым, то есть существо среднего класса в иерархии сукки. А средний их класс – это разбойники, напомнил себе Атлантида.

– Да я вижу, что золото. Но какая эпоха? Я все-таки археолог и не покупаю новоделов. Может, его изготовили в какой-нибудь подпольной мастерской по соседству?

Говоря это, Платон внимательно следил за Ноэлем. Если обладатель серебряного колпака осмелится открыть рот, то Атлантида пнет его изо всей силы по лодыжке. После чего Ноэль будет минут пять именовать всех подряд Каев на разные голоса. Но того не заинтересовала золотая статуэтка – он внимательно изучал свой серебряный шлем и, как видно, был очень доволен.

– Но ведь вам понравился золотой зверек, – попытался

поторговаться Кай, имя которого надлежало произносить самым тоненьким голоском.

– Да. Но цена зависит от того, насколько их много.

– А сколько вам надо – много или мало? – Сукки пока не мог разобрать, чего хочет перекупщик – большую партию или единственный артефакт, но по бешеной цене, и потому начал нервничать.

– Много, – сказал Атлантида. – И чем больше, тем лучше. И желательно разных эпох. Да, да, разных эпох. Это особенно ценно.

Сукки издал какой-то неопределенный звук. После некоторых раздумий Платон решил, что это тяжкий вздох разочарования. И не ошибся.

– Это – единственный экземпляр, – признался главный Кай. – Больше мы ни разу не находили подобные изображения.

"Ага!" – мысленно возликовал Атлантида. – Как жаль! Я бы купил за хорошую цену. Но только десять штук, не больше. Это минимальная партия.

– Я попытаюсь выполнить заказ... – пообещал сукки. – Слышал, что в соседней гробнице нашли сразу три такие статуэтки. – Отлично... – Платон радостно хлопнул сукки по острому плечу. – Я бы хотел их осмотреть...

– Тько не раньше завтрашнего утра, – уныло пробормотал черный археолог с планеты К-7.

– Друг мой, куда нам торопиться?!

– А контроль МГАО? Вы, кажется, забыли о нем (вместо “м”, он произносил носовое “н”, но Атлантида прекрасно его понял).

Платон вспомнил о засыпанной экспедиции Ала Бродсайта и пальбе, устроенной Чистюлей. Не может быть, чтобы инспекция МГАО не засекала выстрелы. Инспектора должны уже рыскать по всей округе, разыскивая стрелков.

– Думаю, на эту ночь у них есть работа, – справедливо предположил Атлантида. – А сейчас мы можем отдохнуть после трудного дня. День в самом деле выдался не из легких начался на одной планете, закончился на другой. И к тому же – в гробнице.

2

Для ночлега мнимым скупщикам контрабанды отвели довольно просторную камеру с двумя высланными погребальными саванами саркофагами. Ткань даже не особенно истлела, хотя и пахла подозрительно. С собой археологам дали по паре банок пива на каждую гуманоидную личность, две вечные лампы, которые постоянно подмаргивали, а также ночной горшок. Большой серебряный сосуд литров на десять. Судя по всему, его тоже нашли в вертикальной гробнице. Зачем покойникам могли понадобиться ночные вазы, Атлантида придумать не мог. А может, это не ночной горшок, а ритуальный сосуд? Дверь гостеприимные сук-

ки заперли, причем снаружи. Это немного встревожило гостей. Но поскольку запасной шляпы у Платона не было, то полупленникам-полугостям пришлось оставаться в камере до утра. К удивлению Атлантиды, Ноэль выпотрошил одну из вечных ламп, надел шапку на тросточку и обжег серебряный колпак ламповым излучателем изнутри.

– Что ты делаешь?

– Это шапка мертвеца, – кратко пояснил Ноэль и, установив, что колпак уже остыл, водрузил себе на голову приобретенный в долг Серебряный шлем.

А потом достал кусок неизвестно где раздобытой пленки, расстелил и улегся, демонстративно пренебрегая саркофагом. Для археолога Ноэль относился к смерти чересчур безразлично. Похоже, он боялся прикоснуться к обрывку савана. К тому же страх его совершенно беспричинен – давно известно, что на Ройке не обнаружено ни одного опасного для гуманоидов вируса. Все болезни были занесены на планету во время Второй Конкисты. А прежние обитатели Ройки умирали от старости, от ран, кончали жизнь самоубийством, но никогда не болели. И почему-то исчезли, в конце концов. Может быть, перестав страдать от болезней, они научились ценить жизнь?

Так что можно было вполне безопасно вернуться в саван и мирно поспать в ройкской гробнице. Интересно, какие сны здесь снятся? Платону приснилось, что он покупает дом на Старой Земле.

ШЕСТВИЕ ЗОЛОТЫХ ЗВЕРЕЙ

1

Шествие золотых зверей любили устраивать греческие мастера, изготавливавшие кувшины и украшения для диких обитателей Скифии. Потом археологи раскопали курганы и назвали творения греков скифским золотом. Заказчик всегда значит больше, чем мастер.

Когда утром сукки Кай-1 (так для простоты Атлантида стал именовать обладателя имени, которое надлежало произносить самым тонким голоском) выстроил на плите из песчаника сто восемьдесят два золотых коша, Платон так именно и сказал:

– Шествие золотых зверей. – Аристократизм помог ему сохранить самообладание.

Он даже сумел улыбнуться, спрашивая Ноэля, что он думает по этому поводу. То есть по поводу золотых кош и их количества. Со вчерашнего вечера Ноэль так и не снял свою серебряную шапку. К тому же он зачем-то полил ее водой – причем дважды. Атлантида догадался – шапка быстро перегревалась

– Долина смерти не то место, где можно носить металли-

ческие шлемы без подкладки и не получить тепловой удар. Ноэль взял одну из статуэток, повертел в руках, справедливо полагая, что приятелю прежде всего необходимо время, чтобы выпутаться их щекотливой ситуации.

– Ну... Возраст-около пятисот, четырехсот лет. Архаичная манера изображения нарочита. Скорее мы можем именовать эту манеру “примитивом”, как все находки на Ройке, которым меньше семисот-восьмисот лет. В этот период культура на планете пришла в упадок... Возможно... – невозмутимо рассуждал Ноэль, решив, что Атлантида, если понадобится, тут же прервет его монолог.

Разглагольствуя, Ноэль ходил по песку взад и вперед и жестикулировал. Странно он все-таки себя вел. Очень странно.

– Возможно, все эти фигурки изготовлены в одной мастерской по единому образцу, а потому...

Что хотел еще добавить археолог-любитель или, напротив, ничего не хотел добавить – выяснить не удалось. Потому что плита вместе с большей частью золотых кошей взлетела на воздух. Атлантида прыгнул рыбкой за выступ искорененной пустынными ветрами черной скалы. Пара Каев последовала за ним, в том числе и самый главный Кай. Третий, которого подвела реакция, рухнул на песок без головы. А неведомый противник продолжал разносить из десинтера малой мощности все доступные ему объекты. Тело несчастного сукки он буквально уничтожил.

– Инспектора сильно лютуют, – предположил младший

Кай, демонстрируя свою полную неосведомленность.

Платон извлек из кобуры бластер и дал целую очередь разрядов – наугад. Скорее всего он ни в кого не попал. Но пальба на время прекратилась. Сукки Кай-1 сгреб со своей морщинистой головы песок и мелкие осколки камня, достал “фараон” и тоже открыл стрельбу.

Таким образом, вопрос о том, как расплачиваться с сукки за выполненный заказ вроде был снят. Зато возник другой, куда более актуальный, – как выбраться из этого не слишком надежного убежища, и желательно с целой шкурой.

Это Бродсайт. Узнаю подлеца, – прохрипел сукки Кай-1.

Похоже, на Ройке консультанта все знали – так утверждал Ноэль.

А, кстати, где он? Платон осторожно приподнял голову и огляделся. Ноэль, живехонький, лежал, свернувшись калачиком, за соседним валуном, прижимая к груди уцелевшего золотого коша. Серебряная шапка – неплохая защита, – она была так надраена, что луч бластера вполне мог отразиться от нее, как от зеркала. Впрочем, нет – Бродсайт палил из десинтера. Серебряный шлем Ноэлю не поможет. Стрельба возобновилась, причем куда интенсивнее, чем прежде. Камни разлетались на молекулы. Скоро не останется ни одного, за которым можно будет укрыться. Кай-1 отстреливался, но, похоже, ни в кого пока не попал. Негуманоид выпустил зарядов двадцать подряд, после чего у него сели батареи.

– Уходим. Через подземный ход, – заявил сукки.

Атлантида не помнил, чтобы видел здесь где-нибудь подземный ход. Да его и не было. Сукки запустили клеевого червя, тот мгновенно врылся в песок, оставляя за собой извилистый проход, по которому вполне мог проползти человек средней комплекции. А вот Чистюля непременно бы застрял. Первыми в образовавшийся ход прыгнули сукки.

Платон перевел “магнум” на непрерывный режим, включил мощность луча на максимум и принялся хлестать по укрытию Бродсайта. Угол скалы откололся, дымясь. Кто-то заорал. Ага, получил все-таки!

– Сюда! – крикнул Платон Ноэлю.

Но тот уже и сам очутился подле – прыгнул, сделал сальто и припланетился рядом с Атлантидой на песок. В следующее мгновение они нырнули в подземный ход вслед за сукки.

2

По подземному ходу они ползли довольно долго; впереди два сукки, за ними Ноэль и Атлантида – замыкающим. Ноэль все еще был в своем серебряном шлеме, но Платона это не удивляло. Не удивляло это и новых товарищей-негуманоидов. Кажется, они даже забыли, что за свой головной убор не заплатили. Червь петлял причудливо, постоянно ныряя то вверх, то вниз, но Платон все равно опасался, что в любой момент в тыл ему ударит небольшой такой шарик огня и распылит молекулы его брэнного тела по всему Ройку. – А кто

такой Бродсайт? – спросил Атлантида, когда беглецы окончательно выбились из сил и остановились передохнуть. При этом он сделал вид, что впервые услышал это имя от сукки.

– Ха... мерзавец. Гуманоид. Более того – землянин, как и ты. Но заявляет, что борется с Лигой Миров за независимость Магеллановых облаков. Облака, мол, это другая Галактика, и Млечному пути нет здесь места. Две Галактики – две системы – вот его позиция. Подразумевается, что главным здесь будет он.

Аппетиты у парня будь здоров. Хочет заполучить под свою руку более восьми миллиардов звезд. М-да... В принципе Платон всегда завидовал людям с буйной фантазией.

– Он всегда был скотиной. И его мотивации... – Ноэль попытался поддержать разговор.

– К черту мотивации! – оборвал его Атлантида.

– Его мотивации просты, – пробормотал сукки. – Среди Магеллановых облаков нет гуманоидных цивилизаций. А мы, сукки, заявляет этот двуногий ошипанный петух, не в счет.

Типичный галактический расист... На двуногого ошипанного петуха Платон немного обиделся. Так говорить о человеке...

– А Ройк? Или Немертея? – вновь подал голос Ноэль.

– Жители вымерли! А мертвые не правят... – Сукки Кай-1 пополз дальше.

– Погоди. А какие у Бродсайта силы?

– Он говорит, что за ним миллионы, но он врет, сподвижников у него два десятка, не больше. Правда, все – люди, – сообщил младший сукки, прежде чем последовать за шефом. – Скажу по секрету, я людей не люблю. Кроме черных археологов.

Те небольшие предосторожности, которые они приняли, удаляясь, археолог справедливо полагал недостаточными в борьбе с Бродсайтом. Но поборник независимости Магеллановых облаков не торопился кинуться в погоню, и потому червь продолжал прокладывать в песке ход, а беглецы ползти, энергично работая локтями и обдирая в кровь кожу.

Странно как-то устроен мир. Лига Миров тратит кучу кредитов на содержание Службы безопасности, межпланетных войсковых соединений, служб поддержки и прочая, и прочая... Возле каждой планетки, пригодной для колонизации, вешает своего Цербера. И каков итог? Какой-то авантюрист, решивший подчинить себе Магеллановы облака, без всяких помех собирает шайку, делает пакости, и никто не пытается ему помешать. Ну да, все службы безопасности нацелены на глобальные заговоры, где замешаны высшие чины, планетные армии и огромные деньги. И не обращают внимания на группку мелких авантюристов, которые проповедуют заведомую чушь. А когда обратят – будет поздно.

– Сейчас мы вылезем на поверхность, – сказал сукки Кай-1, – и я брошу...

– Шляпу, – подсказал Атлантида, хотя и не заметил на

голове у сукки головного убора.

– Причем тут шляпа? Брошу пакет с катализатором, и ход исчезнет.

Но тут обнаружилось, что наверх червь пробиться не может: над ними вместо песка лежали каменные россыпи. Для работы в каменистой пустыне червь предназначен не был. Попытались выбраться сами. Безрезультатно. Чудо-зверю было ведено сделать оборот на девяносто градусов. После чего ползли еще добрый час. Через час червь остановился – у него закончился клей. Бросили выдохшегося червя и стали при помощи разрядов бластера делать ход наверх. Удалось пробить отверстие и обрушить часть “склеенной” галереи. Так что выбрались в конце концов. Сукки Кай-1 бросил вниз пакет с катализатором, проход схлопнулся, и беглецы оказались посреди голой пустыни. Далеко впереди маячили каменистые россыпи и горы, сквозь которые не мог пробиться клеевой червь. Черные хребты были не менее безжизненные, чем вся остальная пустыня. У Атлантиды мелькнула мысль, что Бродсайт не стал их преследовать после “аварии” в вертикальной гробнице, опасаясь, что Платон вновь устроит песчаную ловушку.

– Что будем делать? – спросил Атлантида и с тоской подумал, что у него нет с собой даже фляги.

– Может, пойдем к горам, – предложил сукки Кай-1. – Там мой брат ведет раскопки, древних вертикальных гробниц. В случае чего у него найдется, чем замазать господину Бродсай-

ту. Наденьте очки... – В заплечной котомке у сукки Кая-1 нашлось как раз две пары для Платона и Ноэля.

Итак, двинулись в путь. Сукки шагали легко; иногда становились на четыре лапы, иногда прыгали на двух. Атлантиде они напоминали земных варанов. Одно слово – жители пустыни. Они могут не пить в течение трех суток – и ничего. А вот людям приходилось туго. К тому же Ноэль не пожелал снимать свой колпак и так и шагал под палящими лучами Ба-а в серебряном шлеме. Платон ожидал, что с минуты на минуту его друга хватит тепловой удар. Сам же он перестал обливаться потом через полчаса после начала марша резервы воды в организме для потовых желез закончились. Где-то он читал, что перед тем, как человек умрет в пустыне, перед ним вспыхивает ослепительный свет... Что-то вроде мини-ядерного взрыва. Пока что необычных вспышек Платон не заметил. А диск Ба-а поднимался все выше и слепил невыносимо. Песок казался уже не желтым, а белым.

– Что, тяжело? – спросил сукки Кай-1, останавливаясь и поджидая отставших людей. – А еще говорят, что земляне – доминантная раса в Галактике.

– У слабаков всегда большие претензии, – поддакнул сукки Кай, презиравший людей.

– Держите! – главный сукки щедро протянул Атлантиде флягу с водой.

Платон сделал несколько глотков и швырнул флягу Ноэлю. Странно, но, тот поймал. Выпил немного, остальное вы-

лил на шлем. В воздух поднялось облачко пара. Платон рас- смеялся. Он весь трясся от смеха, глядя на Ноэля. А сукки не смеялись. Сукки... Неужели они родственники древних египтян?

– Думаю, вам известно, что засушливых планет в системе Малого Магелланова облака куда больше, чем планет лесного или тропического типа, – ехидно поведаль сукки Кай-1.

– Необитаемых планет еще больше, – отозвался Ноэль. – А, кстати, что ты еще знаешь о Бродсайте?

– Одно время он был префектом по закупке вооружения для Ройка, но потом случился какой-то скандал, и он вынужден был уйти.

– Как его подпустили к оружию? – изумился Атлантида. – Он же псих!

– Он большой артист, – ухмыльнулся сукки Кай-1. – Идемте, мне не терпится увидеть брата.

– Надо вырыть убежище в песке и переждать жару. Иначе мы умрем от теплового удара. Мне кажется, я уже вижу белый огонь...

– Что за белый огонь? – поинтересовался сукки Кай-1. – Огонь, который вспыхивает перед взором человека прежде, чем тот умрет от жажды в пустыне.

– Никогда о таком не слышал, – признался главный сукки, а его товарищ молча кивнул.

– Не помню, откуда это знаю. Кажется, где-то читал.

Платон подивился: как же смела подвести его генетиче-

ски уплотненная память? Наверное, это от жары. Перегрев. Вот что значит привычка носить шляпу с охладителем. Или с вентилятором.

– Идем, – сказал сукки Кай-1. – Вы пили воду, значит, должны идти вперед. И белый огонь вам не грозит.

И они пошли дальше. Впереди вдруг появился дворец, точь-в-точь пучок ракет-носителей, заколебались лохматые макушки ройкских пальм, и заросли ползучей акации окутали три остроконечные, больше похожие на обелиски пирамиды. Атлантида ускорил шаги и почти догнал обоих сукки.

– Не торопись, – сказал негуманоид, – это всего лишь мираж.

И дворец, и пирамиды исчезли. Среди черных камней заструилась голубая река, окруженная деревьями. Платону вновь безумно захотелось пить.

– Лучше смотри под ноги, – посоветовал житель пустынь. – Тогда миражи не будут отвлекать.

Атлантида оглянулся. Ноэль тащился следом. Серебряная шапка ослепительно сверкала в лучах Ба-а. И как он выдерживает! Платон обмотал голову обрывком погребального савана, который так удачно прихватил с собой из саркофага, но и в таком головном уборе ему казалось, что кто-то в такт ударам сердца лупит его медным тазом по голове. Бам-бам-бам... Каждый шаг отдавался нестерпимой болью в ушах. Губы склеились, вокруг рта образовалась противная пленка.

Надо весь песок Долины смерти пустить на песочные ча-

сы. Когда образуются впадины, заполнить их водой, и не станет пустыни, а вырастет один огромный сад. И в том саду построить много-много храмов с колоннами и сделать там полочки, а на полочки поставить песочные часы из прозрачного небесного стекла, тысячи часов, миллионы часов, и наполнить их горячим песком пустыни. Песок будет течь, но никогда не потребуется переворачивать колбы часов. Ведь песок станет струиться то вниз, то вверх, нужно лишь надеть на тонкие талии стеклянных колб антигравитационные золотые колечки. А в голубом небесном стекле будет угадываться женское, привлекательное, ускользящее, утекающее... Приручить их, окольцевать...

Атлантида вновь оглянулся. Ноэль так серебряной шапки и не снял.

– Брось свой дурацкий шлем! – крикнул Платон. – Ему цена-пять кредитов.

Ноэль поднял голову, посмотрел на него (глаза его были мутны, как пустынные соленые озера), усмехнулся и поплелся дальше. Песок течет то вверх, то вниз... и ты бегаешь между полок, и крутишь колечки, и направляешь время... когда-то очень давно... час в сутках был разной длины... и часы регулировали в зависимости от продолжительности дня... Двенадцать часов света, двенадцать тьмы... Свет – это день, а тьма – это ночь. Все естественно, и тьма отделена от света. И никаких равных отрезков, ведущих к условности. Только день и ночь... С каким трудом люди отказывались от

естественного в угоду точности. А песок течет все быстрее. Не успеть... весь песок высыпался, и обратно ему нет пути! Одни часы сломались, потом другие. Платону надо сообщить людям, сколько осталось времени... А он и сам не знает... Сейчас придет хозяин часов... и скажет...

А кто хозяин часов?

Он не сразу заметил, что оба сукки отчаянно машут руками и орут:

"Бегите!" Атлантида растерянно оглянулся. Никого вокруг – только Ноэль бредет следом. Потом догадался поднять голову. С востока медленно наплывала серая тень – поначалу Платон принял ее за тучу. Но почти сразу понял, что ошибся – она больше походила на мелкую сетку, а края ее постоянно меняли очертания. Больше всего плывущая тень напоминала огромную птицу с острым клювом и жадно раскинутыми крыльями. Сукки вновь заорали и помчались вприпрыжку, уже не обращая внимания на притомившихся людей. Из-под задних лап ударили фонтанчики песка. Их резвость очень не понравилась Атлантиде. Он тоже побежал – если его хаотичные рывки и шатание можно было назвать бегом, – но фигуры сукки впереди становились все меньше и меньше. Ноэль трусил довольно резво и даже приблизился к Платону. Серая тень в небе еще больше вытянулась. По низу у нее колебалось что-то вроде бахромы, и бахромки эти удлинялись и двигались. Каждая самостоятельно...

Ноэль почти настиг Атлантиду.

– Быстрее! – выдохнул он. Кажется, его приятель тоже знал, что за серая тварь целится в них клювом.

Один Платон ничего не понимал. Не понимал, но бежал. Только ноги почему-то не хотели передвигаться с нужной быстротой. Атлантида и Ноэль теперь бежали рядом. Тень была уже почти над ними. Да, тень накрыла их... Но она не заслоняла солнце. А тело налилось совершенно нестерпимой тяжестью. Ноги стали свинцовыми... Смерть, смерть... серая смерть... песочные часы... остановившиеся... весь песок вытек... прямо на лоб... Атлантида запрокинул голову. Сверху на него сыпался песок. Серая бахрома превратилась в струйки песчаного дождя. Он глянул под ноги песок был ему уже по колено. Он прыгнул вперед – дождь пошел сильнее... Песчинки, шурша, текли по костюму... Ноэль сделал сразу несколько прыжков и опередил Платона. Его комбинезон весь покрылся серыми островками песка. В ужасе Атлантида понял, что песок не сыпается вниз, а налипает на одежду Ноэля. Только серебряный шлем по-прежнему сверкал – песчинки соскальзывали с металлической поверхности. Платон посмотрел на себя – на условно белом костюме повсюду серели песчаные лишайники. Они разрастались, и тяжесть становилась непомерной. Каждый шаг мог стать последним – сделать новый не хватит сил. Песок скрипел на зубах. Атлантида посмотрел на руки – они были облеплены песком. Кое-где даже выросли бородавками серые бугорки. А туча наверху уже не напоминала остроклювую птицу

она уплотнилась, зависла над жертвами огромным грибом и спустила вниз тысячи серых бахромок. Песок сыпался и сыпался. Платон почти механически – в ту минуту он вряд ли что-то соображал, песчаный дождь глушил все мысли, – с невероятным трудом расстегнул пуговицы, ибо их тоже облепил песок, и скинул пиджак. Сразу стало куда легче, и он смог сделать несколько шагов. Ноэль последовал его примеру и расстался с комбинезоном, который теперь напоминал скульптуру без головы и рук. Раздевшись, Ноэль тут же совершил рывок – почти как сукки. Песок спешно стал облеплять его, но он бежал, не останавливаясь, и выскочил из-под песчаной летучей тени. И сразу же серый лишайник стек с него с шорохом осеннего листопада. Атлантида попытался скинуть брюки. Но нет – песок зацементировал все застёжки намертво. Пришлось идти дальше, волоча на себе килограммов пятьдесят. А вес все увеличивался. Три шага, и Платон остановился. Качнулся вперед. Между ним и Ноэлем оставалось всего-то метров пятнадцать. Пятнадцать метров между спасением и смертью. Непреодолимых метров. Он хотел закричать, но песок облепил губы. Песок залепил защитные очки, и их приходилось постоянно протирать. Но все равно почти ничего не было видно. Несмотря на очки, глаза нестерпимо жгло. Атлантида не был уверен, что видит Ноэля сквозь струи песчаного дождя. Вон он бежит. Остановился. Почему остановился? Обернулся. Кинулся назад. Наверное, очередной мираж.

Платону казалось, что все – он больше не сможет поднять ногу. Но смог... Ноэль вновь очутился под серой тенью. И вновь песок принялся облеплять его. Приятель схватил Атлантиду за руку и потащил за собой, как маленький, но упорный тягач на антигравитационной тяге. Платон уже не шел – бежал. Песок лежал на нем толстым слоем. И вдруг – ш-ш-ш... серая перина посыпалась вниз – это они вырвались из-под тени. Беглецы по инерции, почувствовав внезапную легкость, сделали несколько огромных прыжков, почти как сукки, – песок, потеряв прилипчивость, стлался за ними шлейфом. Туча вновь распласталась, вытянула клюв, серые бахромки, оторвавшись при этом внезапном маневре, суетливо мельтешили вокруг и постепенно, теряя летучесть, падали и сливались с дюнами. Платон уже видел вблизи лиловые громады обглоданных ветром скал. Сотня шагов или полторы... Или тоже мираж? Нет, не похоже. Из пасти одной из пещер выпрыгнули сукки и понеслись навстречу людям огромными прыжками. А Ноэль все тащил и тащил Атлантиду, как на буксире. Вновь сверху посыпался песок проклятая туча их настигла. Еще десяток шагов... Сукки ворвались под песчаные струи, ухватили Платона за обе руки и потащили. Он не успевал переставлять ноги и бревном волочился за ними. Вскоре туча осталась позади. Как и Ноэль – где-то там, под песчаным дождем. Сможет ли он снова вырваться? Атлантида хотел спросить об этом сукки, но не мог разлепить губ – они буквально срослись... и он лишь промычал что-

то невнятное.

Сукки затолкали его в пещеру и исчезли. Платон лежал на песке и ждал, когда песчинки оживут, и поползут, и начнут его облеплять. Но песок оставался к нему равнодушен. Он вытек из песочных часов, время кончилось. Так зачем же человек тяжело дышит и надеется выжить, если время кончилось? Заснул Атлантида? Или потерял сознание? Ему казалось, что он просто лежит, не в силах пошевелить ни ногой, ни рукой. Когда появились рядом с ним Ноэль и оба сукки, он не помнил. Как не помнил, куда исчезли защитные очки. Увидев своих спасителей, Платон все же смог разлепить губы.

– Пи-ить... – пробормотал он.

И просьба была исполнена – вода полилась ему в рот. Он глотал влагу жадно и выпил все без остатка. Ему было плевать – хватит другим или нет, – он просто не мог оторваться от горлышка фляги.

– Песчаный охотник ушел? – спросил Ноэль.

– Ушел. Но лучше еще подождать. Чтобы наверняка. Охотник не любит терять добычу.

Атлантида не мог представить, что надо вновь встать и куда-то идти. Куда? Зачем? В пещере так хорошо... Он будет лежать здесь всю жизнь. Пить воду и не двигаться. А больше ему ничего не надо. Но сукки Кай-1 сказал; “Пошли”. И Платон поднялся. И даже пошел. Теперь он брел последним. Брел, глядя себе под ноги, чтобы не видеть проклятые ми-

ражи. Ба-а уже скатился за срез дюны, жара начала быстро спадать.

Снова явился мираж – на этот раз черный глайдер. Он летел низко, нырнул между двумя каменными столбами и затормозил в нескольких метрах от сукки Кая-1. Из глайдера выскочили еще два Кая. Какой странный мираж. Очень реальный. Значит – скоро белая вспышка, и тогда конец.

– Эй, ребята! Сюда! – крикнул сукки Кай-1.

Атлантида понял, что глайдер и его пассажиры ему не пригрезились. Платон побежал. Но тут же споткнулся, упал. Вновь кинулся бежать. А добежав, рванул у первого сукки из лап флягу и стал пить, пить...

– Зачем ему столько воды? – спросил один из прилетевших сукки своего собрата.

– Высшая раса... – усмехнулся негуманоид – тот, который не любил людей.

ГОРЫ РОЙКА И СУККИ КАЙ-2

1

Сукки Кай-2 искал нематериальную связь с космосом. Но пока ничего не нашел. Однако не оставлял надежды, что связь эта когда-нибудь ему откроется. В том, что это произойдет, он был уверен – космос никогда не обманывал сукки. Обитатели К-7 чувствовали вибрации вселенной на подсознательном уровне и терпеливо ждали, когда космос обратит на них внимание и возвысит их планету и их расу до высот планеты Кемет в период ее расцвета. Но ожидали не в бездельной лени, а в активном поиске универсальных материальных ценностей – то есть золота и серебра. За эту активность другие народы в Галактике выходцев с планеты К-7 недолюбливали, но Платон относился к сукки с неизменной симпатией. Его не раздражало их упорство – он своей настырностью мог переплюнуть любого сукки. А к их уверенности в космической избранности относился с легкой иронией, в которой не было ничего от презрения, – каждый волен думать о себе чуть-чуть лучше, чем ты есть на самом деле. Только при этом не стоит думать хуже о других.

Сукки Кай-2 со своими негуманоидами также обосновал-

ся в вертикальной гробнице, которую до этого он выпотрошил подчистую – даже саркофаги и мумии исчезли. Зато появились легкие складные столы и стулья, пластиковая посуда и консервы, чему Ноэль, относящийся к предметам из усыпальниц с предубеждением, очень обрадовался. Из своих запасов сукки Кай-2 пожертвовал полураздетым гуманоидам два вполне приличных комбинезона и две шляпы без кондиционеров, защитные очки и фляги для воды.

Хозяева и гости расположились в облицованной базальтом главной погребальной камере и наслаждались горячим супом из жирной консервированной саранчи. Правда, себе, да и своему товарищу, сукки Кай-2 налил порцию в два раза больше, чем брату, его спутнику и людям. Опять, как во время ужина у сукки Кая-1, наблюдалась явная дискриминация гостей. Платон решил не обращать внимания на подобные мелочи, но хозяин сам разъяснил странную закономерность.

– У нас гостям всегда дают есть в два раза меньше, чем хозяевам. Таков обычай на Кае.

Сами сукки именовали планету К-7 Каей.

– И с чем же связан такой обычай? – спросил Атлантида, обсасывая лапку саранчи размером с крылышко цыпленка.

– Если гость умрет, то пропадет только половина того, что могло пропасть, если бы он поел досыта.

– О, мудрость! – воскликнули остальные сукки хором.

– Но твой брат вроде как не чужак...

– Ты не понял. Я говорю не о чужаках, а о гостях. Или мой

космолингв плох?

– Превосходен! – с жаром воскликнул Платон, опасаясь, что отберут и половину порции замечательной саранчи. – Но почему гость может умереть?

– В первый момент общения у нас очень сильный эмоциональный контакт. Сукки-гость может не выдержать...

– Но мы же не сукки! – заметил Атлантида. – Мы – люди. Я, конечно, испытываю очень сильные эмоции по поводу нашей встречи, но не настолько сильные, чтобы... гм... отказаться от добавки супа.

Сукки Кай-2 переглянулся со своим помощником.

– А ведь он прав...

– Но традиции нарушать нельзя, – нахмурился тот. – Подумаешь, он не сукки! А саранчу любит.

– В этом году большой урожай саранчи, – сказал сукки Кай-2. – И меня это чрезвычайно радует. А тебя? – обратился он к Ноэлю.

– Саранча... поедает побеги розовой кукурузы на холмах Немертеи... – задумчиво проговорил тот. Сразу видно, что за время раскопок он сроднился с этой планетой.

– Суп отменный, – вмешался в разговор Платон. – И все же, как насчет добавки?

– Традиция прежде всего, – заявил сукки Кай-1, поскольку ему дополнительная порция не светила.

После обеда гостям предложили искупаться в соленом озере. Озеро располагалось в глубине пещеры. Черные ска-

лы образовывали почти правильный купол, для освещения в углубления были вставлены четыре факела. При их свете можно было разглядеть, что вода в озере оттенка бирюзы – зеленая с голубым – и совершенно непрозрачная со странным маслянистым блеском. Атлантида скинул одежду, хотел красиво нырнуть в озерцо, но потом передумал и просто вошел в воду. И сразу понял, что поступил очень верно: вода доходила ему сначала до колен, потом до пояса. Она была очень соленой – кожу пощипывало, особенно ссадины. Ноэль полез следом в природную ванну.

– Шапку-то сними, а то еще утонешь, – в шутку посоветовал Платон. Ноэль снял свой серебряный шлем. И Атлантида увидел, что прежде лысый череп приятеля отликает серебром: волосы его за столь короткий срок успели отрасти и торчали густым ежиком на целый сантиметр. Недаром, значит, Ноэль рисковал получить тепловой удар в этом колпаке.

– Кресс будет в восторге от твоей шевелюры, когда ты вернешься, – засмеялся Платон. Его собственные волосы под немилосердными лучами Ба-а окончательно выцвели и теперь напоминали солому, а кожа обгорела и шелушилась. Особенно пострадал кончик носа.

Ноэль провел ладонью по волосам и отрицательно покачал головой.

– Еще нет.

– Она слишком требовательна.

– Она замечательная.

Кто спорит. Атлантида от такой супруги сбежал бы через три дня. К счастью, он не женат.

2

Утром на завтрак и гостей, и хозяев ждали одинаковые порции. Но в этот раз подали нечто растительное и волокнистое. Жаль. Платон уже начинал привыкать к жареной ройкской саранче. Может быть, бросить археологию и заняться экспортом саранчи? Наверняка дело будет прибыльным. Открыть ресторанчик на Земле-дубль... Рядом построить нуль-портал прямой доставки инопланетного деликатеса... Но Атлантида знал, что саранча и общение с таможенниками надоест ему через три дня.

– Это очень древние гробницы, они принадлежат к шестому тысячелетию до Второй Конкисты, – сообщил сукки Кай-2. – Так что здесь нет золотых Статуэток неизвестных зверей, которые вас так интересуют: брат уже рассказал мне про ущерб, причиненный группой Ала Бродсайта. Но кое-что особенное найдется. Ведь это самые древние вертикальные гробницы на Ройке.

– А что на планете старше гробниц? Какие-нибудь строения? Остатки дворцов? Пирамид?

Сукки переглянулись.

– Ничего представляющего для вас интерес.

– А что-нибудь не представляющее? Посуда, остатки ору-

дий труда... быть может, останки ройкцев.

Сукки вновь переглянулись.

– Ничего...

– То есть гробницы возникли внезапно? Я правильно понял?

– Согласно теории профессора Брусковского, – начал свои рассуждения сукки Кай-1, Платон застонал, услышав до боли знакомое имя из крокодильей пасти, но сукки, кажется, даже не заметили вопля оскорбленной души, – цивилизация Ройка вдруг совершила качественный скачок в развитии. С цивилизациями гуманоидного типа такое иногда случается.

– А потом тихо загнулась по неизвестной причине?

– Уважаемый профессор предполагает революцию и войну. Ведь в последних слоях повсюду находят много оружия, незахороненные останки жителей, погибших явно насильственной смертью, и неоспоримые признаки использования огнестрельного и химического оружия.

Атлантида покосился на Ноэля. Тот водрузил на голову свой серебряный шлем и, казалось, совершенно не интересовался разговором. То есть абсолютно. А это значило, что на самом деле он ловит каждое слово.

– Итак, скачок... – с улыбкой проговорил Платон.

И выругался на космолингве. Добавил пару ругательств на старорусском. Потом на староанглийском. И наконец вспомнил услышанное сочетание – кюбю р-р-р... слам...

– Что? – сукки переглянулись.

А Ноэль от неожиданности вздрогнул всем телом.

– Вы знаете, что это означает? – спросил Атлантида, еще не веря своей удаче.

– Предполагаем. Это словосочетание всегда звучит в вертикальной гробнице, когда открываешь дверь в первый раз. И если ты слышишь... О, это музыка! Настоящая музыка! Ведь это значит, что после захоронения гробницу никто не трогал и все артефакты на месте: и золото, и погребальные головные уборы, и саркофаги, и мебель, все-все... На тысячи, тысячи кредитов!

– А все-таки как переводится фраза? – спросил Платон, краем глаза наблюдая за Ноэлем.

– Понятия не имеем. Ведь это единственное словосочетание, которое мы слышали на ройкском языке. Чтобы расшифровать его, у нас слишком мало информации, – сказал сукки Кай-1. Ну точь-в-точь исследовательский комп Атлантиды.

– Я полагаю, что что-то вроде: будь проклят нарушивший мой покой, – предположил сукки Кай-2. – Во всяком случае, мы на своих гробницах пишем именно эти слова. Хотя в наших погребальных камерах совершенно нечем поживиться. Но такова традиция. Надеюсь, вы слышали о проклятии фараона Тутанхамона? Так вот, это сукки его придумали. Потому как жители Древнего Египта на Старой Земле – наши потомки.

– Я слышал, что наоборот, вы – их потомки.

– Нет, нет. Это беглецы с К-7, достигшие на своем “Амон-Ра” Старой Земли. Так что проклятие для Тутанхамона придумали мы.

Атлантида решил, что спорить дальше не имеет смысла и обратился к Ноэлю:

– А ты не знаешь, что это за слова?

– Я же занимался Немертеей, а не Ройком, – Ноэль сделал напрасную попытку ускользнуть от ответа.

– Помню. Но мы же установили связь между цивилизацией Ройка и Немертеи. Так откроем друг Другу карты. К примеру, я могу начать первым... Идет? – Собеседник помедлил, потом нехотя кивнул. – Итак, никакого скачка цивилизации не было. Гробницы появились на Ройке в то же время, когда на Немертее появились колодцы нуль-транспортировки.

– Так эти колодцы в долине... это порталы нуль-транспортировки... для трупов? – оживились сукки.

Все связанное с захоронениями их чрезвычайно занимало.

– Почему для трупов? Мы тоже прошли по ним и, как видите, живы. Только не знаем, как пройти в обратном направлении. Один парень из команды Бродсайта попробовал, но неудачно. Застрял в колодце, – дипломатично уточнил Атлантида.

– Да... – сказал сукки Кай-1. А сукки Кай-2 выразительно вздохнул.

– Теперь мне все ясно, – продолжил Платон с апломбом, хотя ясно ему было далеко не все. – На Немертее нет захоронений. Умерших немертейцев якобы сжигали...

– Всех, кроме правителей... – напомнил сукки Кай-1, провяля завидную осведомленность. – Их связывали и оставляли в гробницах на Немертее.

– Такого не бывает – чтобы на планете существовала цивилизация, но не было кладбищ. И все, что осталось от народа, – четыре скелета в сундуке. И еще три под полом на вилле... Между этими двумя захоронениями несколько тысяч лет. И больше – ни одного трупа. Ни единой косточки – планету как вымели. Останки животных попадались. А гуманоидов – нет. По-моему, нетрудно представить, как поступали на Немертее. Человек умер – его труп кидали в колодец, как в мусоропровод, и тело оказывалось на Ройке. И здесь специальная похоронная команда снаряжала покойника в последний путь. Эта планета – всего лишь огромное кладбище, а не какая-то там состоявшаяся цивилизация. А цивилизация была лишь одна – на Немертее.

Профессор Рассольников замолк и с торжеством посмотрел на четырех сукки и на Ноэля. Ну как? Сойдет для публикаций в вестнике МГАО? Только вряд ли на этом сайте появится статья Платона. Потому что главный редактор вестника МГАО профессор Брусовский.

– А почему я об этом раньше не подумал? – воскликнул старший из братьев. – Ведь это проще простого. Гуманоиды

жили на Немертее, а потом выкидывали в колодцы трупы. Прекрасно! – Сукки заплодировал своими короткими крокодильими лапами.

– Вам нравится, гуманоид? – обратился к Ноэлю.

Тот по своей привычке передернул плечами.

– Вам не нравится? – изумились все четверо сукки.

– Теория не плоха, – заметил Ноэль. – Но она совершенно неверная. То есть... не то чтобы совершенно. – Он извинительно глянул на Атлантиду. – Частичные несоответствия.

– Так в каком смысле верная, а в каком неверная, нельзя ли понятнее объяснить? – шепотом поинтересовался Платон – он так и кипел, – или вы вообразили себя профессором Брусковским?

– Ну что вы... – Ноэль виновато улыбнулся, снял свой серебряный шлем и погладил растущие седые волосы.

За вечер, как показалось Атлантиде, они стали еще чуть-чуть длиннее. Постой... ведь выпавшие волосы у него были не седые, а серебряные. А эти, новые, блестят ничуть не меньше. Неужто тоже серебро? М-да, какой биокоррекции не встретишь нынче! Видимо, это особое “ноу-хау” Мало-го Магелланова облака. – Видите ли... Ваша догадка насчет того, что тела жителей Немертеи хоронили на Ройке, верна. Но это не было так унижительно. Напротив. Торжественная процессия... обряды. Пение, цветы. С умершим прощались. И отправляли на Ройк. Живые, если того желали, могли его сопровождать. Здесь специальные погребальные смотрители

снаряжали покойника для последнего сна и, проведя определенный ритуал, погружали в ячейку вертикальной гробницы, дабы он вечно плыл в потоке времени.

– Откуда вы все это знаете? – спросил Платон, несколько обидевшись. Ему показалось – несколько минут назад он сделал открытие. А теперь выяснилось, что Ноэль давным-давно все знал.

– Благодаря раскопкам...

– Надо же! Не имея письменных источников, вы установили, как проводился обряд? Не дурите мне мозги, Ноэль! Как вы узнали?

– Это долгая история.

– Кстати, а почему Ройк только кладбище? – опомнившись, кинулись в наступление оба сукки Кая. – Здесь была своя промышленность, сельское хозяйство в оазисах, города... Развитая цивилизация... Есть данные, что они летали в космос.

– На Немертее тоже были города. Сеть дорог, колодцы нуль-транспортировки, произведения искусства. Но не существовало промышленности. А здесь? – Атлантида впрямую глянул на своих коллег-негуманоидов.

– Нашли прекрасные дороги, развалины спортивных сооружений, почти современные электростанции...

– Но опять же не обнаружено свидетельств, что ройкцы владели письменностью, – подсказал Платон. – И на Немертее ни одной надписи, – добавил он после паузы. – Но... –

он внимательно посмотрел на Ноэля. – Там были звучащие кувшины.

– Звучащие кувшины! – ахнули сукки.

– Именно.

Он вспомнил похожие друг на друга, будто сошедшие с одного конвейера глиняные сосуды. С конвейера, который работал по неизменной программе несколько тысяч лет подряд.

– Эта абсолютно похожая друг на друга черная керамика – библиотеки, в которых записана вся мудрость Немертеи. Представьте земную цивилизацию, где магнитофон изобретен раньше бумаги и чернил. Письменность ей ни к чему...

– Почему вы так решили? – усомнился сукки Кай-1, старший из братьев и потому более трезвомыслящий.

Младший, обладая душой поэта, больше был склонен верить необычным гипотезам.

– Я опустил золотой “смычок” – это такой маленький кувшинчик – в черный керамический кувшин, и тот зазвучал... Но, к сожалению, я не знаю языка. И пока не удалось расшифровать текст.

– Логично, – сказали братья-сукки.

– Но мы не нашли на Ройке ни одного говорящего кувшина. Где же здесь носители информации? Может, они приняли форму бутылок из-под виски. Таких очень много в разоренных гробницах.

Атлантида повернулся к Ноэлю. Возможно, ожидая под-

сказки. Но тот лишь пожал плечами по своему обыкновению.

– Странно, да? – Сукки переглянулись. – Две связанные друг с другом цивилизации. Но почему Немертея не поделилась с Ройком своей говорящей посудой?

– Ноэль, вы с Кресс слышали кувшины, не так ли? Именно в вашей комнате звучал женский голос, который произнес заклинание гробниц.

– Видите ли... нетрудно догадаться... мы нашли на раскопанной вилле золотой кувшин... он был столь узок, что в нем нельзя было ничего хранить... и он не мог стоять... и... я подумал – не опустить ли его в кувшин глиняный, как в футляр... и тогда раздались голоса... Наверное, и с вами случилось нечто подобное. – Опять дилетанты опередили профессора археологии.

Это начинало раздражать.

– Да, именно так. А вот с вами...

Атлантида встал и прошелся по базальтовой камере гробницы. Он только что рассказал о своем открытии. Ноэль повторил его рассказ почти слово в слово и заявил, что понял все гораздо раньше. Вообще-то говоря, за такое бьют по лицу, и даже очень сильно. Но вместо того, чтобы дать Ноэлю по морде, Платон продолжил рассуждения:

– Итак – Ройк и Немертея, несомненно, части одной и той же цивилизации, которая погибла... Они не просто общались – они существовали вместе.

– Послушайте, – прервал его суккй Кай-1. – Я же сказал: на Ройке нет черных кувшинов. То есть керамики раскопали много, но звучащих кувшинов, схожих с немертейскими, – нет.

– Ерунда. Вы же сами сказали: как только открываете неразграбленную гробницу, раздается заклинание...

– Да, но мы не нашли источника... не нашли устройство, которое его воспроизводит.

– Так идем и поищем! – заявил Платон. – Прямо сейчас! Этот источник дороже всех золотых находок вертикальных гробниц.

– А как оно выглядит? Хотя бы на что похоже? – растерялись сукки.

– А это нам скажет Ноэль, – мстительно произнес профессор. – Он наверняка знает.

– Это звукоэлемент... – сказал Ноэль. – Так его называли на Немертее.

Блеф! Дешевый, подлый блеф! “Так называли...” – откуда ему известно, как что называли? Записи в кувшинах они с супругой еще не расшифровали. То есть заставили звучать, но не расшифровали. Плагиаторы, ворье! И как им только удалось заставить профессора Рассольникова стать их компаньоном?! Непостижимо...

Четверо сукки вместе с Атлантидой и Ноэлем добросовестно исследовали каждый сантиметр вертикальной гробницы. Все сокровища сукки Кай-2 и его соратники уже давно сложили в естественной пещере, запаковали и приготовили к отправке. Но ничего необычного в находках сукки не нашлось – все те же золотые и серебряные шлемы, браслеты, ожерелья, посуда, резная мебель, вазы из камня. И ничего, что могло бы служить звукоэлементом.

– На самом деле государственным копателям попадает лишь десять процентов артефактов, – сообщил сукки Кай-2 с гордостью. – Остальное забираем мы – черные археологи.

Платон добросовестно излазал все три ячейки вертикальной гробницы, которые выпали на его долю, но не нашел звуковоспроизводящего устройства. Ни одного самого завялящего керамического кувшина или кувшинчика. Он выбился из сил и прилег на сухой и казавшийся тепловатым песчаник... Чутьочку отдохну... и дальше... что-то не то мы ищем... не то... где-то я ошибся... информации не хватает... да, не хватает информации. Очень маленький кувшин... крошечный... Или не кувшин вовсе?

Тут он увидел, что в погребальную камеру входит Катя и говорит:

– Надо соблюдать традиции, мой друг. А традиции тако-

вы: я должна тебя убить. И направляет ему в лоб дуло игломета. Атлантида дернулся и проснулся.

Никакой Кати в погребальной ячейке не было. И вообще никого, кроме него самого. Зато снаружи доносились яростные вопли сукки. Платон вскочил и кинулся наружу.

Уж не отыскал ли Бродсайт их убежище?

Все четыре сукки стояли на площадке и смотрели в вечеряющее небо. И в этом небе сияла огромная голубая звезда, которой прежде Атлантида никогда не видел. Он протер глаза и только тут понял, что никакая это не звезда, а включенное силовое поле удаляющегося глайдера.

– Ноэль? – спросил он у своих товарищей по несчастью.

Негуманоиды повернулись разом и глянули на Платона очень недружелюбно. – Он наверняка нашел источник звука, похитил его и помчался в столицу – сообщать о своем открытии, – предположил Рассольников.

– Твой Ноэль прихватил еще пятнадцать килограммов золотых находок! – заорал сукки Кай-2.

И хотя его космолингв в этот момент оставлял желать лучшего, Атлантида прекрасно понял разгневанного сукки.

– Подумаешь, пятнадцать килограммов золота. У вас наверняка осталось не меньше, – пожалуй, легкомысленно бросил Платон. – К тому же если рядом найдется гробница позднего периода с десятком-другим неведомых золотых зверей...

– Так не бывает! – заревели четверо сукки хором. – Или

ты не археолог?! Землянин, да знаешь ли ты хоть что-нибудь?! На Ройке древние гробницы соседствуют только с древними гробницами.

– Гробницы растут грибницами, – прорвался неожиданно поэтический дар сукки Кая-2. – И между ними тысячи метров песка. – Значит, рядом должна быть еще одна.

– Именно... И мы ее нашли.

– И уже вскрыли? – У Атлантиды желудок скакнул к горлу. Неужели?!

Неужели удача улыбнулась ему?!

– Нет, – отвечали сукки и переглянулись, – гробницу мы не открывали.

Все-таки Платон везунчик. Такой везунчик, каких мало во всей Галактике.

За исключением тех моментов, когда ему не везет.

– Тогда мы немедленно ее вскрыем, услышим заклинание и извлечем звукоэлемент. Ну да! – закричал Атлантида и, подпрыгнув, ударил кулаком в воздухе воображаемого противника. – Да! Да! Да! Это должен быть крошечный керамический звукоэлемент. Ведь это не книга. Это всего лишь записка. Привет, ребята, эта гробница еще не посещалась грабителями. И все. Причем однократного использования. Маленькая такая глиняная штучка-капсулька из черной керамики. Вот что нам надо искать.

И ему привиделась черная керамическая капсула с золотым сердечником.

Привиделась так отчетливо, будто он ее увидел наяву.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТЕОРИИ

1

Итак, звукозаписывающее устройство лежало на ладони Атлантиды. Археолог то сжимал ладонь, то разжимал. Звукоэлемент оказался не совсем таким, каким представлял его Платон. Элемент напоминал маленькую древнюю монетку; ведь было время, когда люди пользовались монетами из металла. Только этот кругляшок был не из металла, а из керамики. Из черной керамики с узором. И полый. А внутри у него была тончайшая золотая ниточка.

Звукоэлемент...

Атлантида его поцеловал... Впрочем, таких “монеток” на Ройке найдено множество. И большинство из них уничтожено как не представлявшие ценности. Помнится, долго искали казначейство. Но так и не нашли. А на самом деле это были звукоэлементы. Вот так! Однако для записи всей информации маловато монеток... Ну что ж, значит, главные открытия впереди. Итоги работы обнадеживали. Для человека, разгадавшего тайну цивилизации Немертеи, может найтись местечко и на Старой Земле. Атлантида уже представлял вытянутую физиономию профессора Брусковского. Маслитый

сытый ученый сидит в первом ряду, закинув ногу на ногу, покачивает лакированным ботинком и с брезгливой гримасой слушает доклад Платона Рассольникова. А докладчик стоит на кафедре из настоящего дуба, одетый в новый белый костюм с цветком “*mamillaria blossfeldiana*” в петлице, и, глядя на панорамный монитор, звучным голосом рассказывает:

– ...и так у меня появилась мысль о том, что письмо на Немертее могло быть звуковым, и только звуковым. Так что до раскрытия тайн гуманоидной цивилизации звука осталось сделать один только шаг... А дальше...

Дальше Брусовский пожимает плечами:

– Мысль в принципе очень простенькая. Не больше вашего кувшина. Ну, было на планете звуковое письмо. И что из того? Что нового вы нам поведали? Мне это неинтересно.

Стоп! Что такое? Почему даже в мечтах профессор Брусовский не может восхититься открытием профессора Рассольникова? Платон усмехнулся. Да потому, что даже в мечтах профессор Брусовский, который восхищается профессором Рассольниковым, – это нонсенс.

2

– Глайдер готов, – сукки Кай-1 похлопал Атлантиду по плечу, прерывая размышления археолога. – Можно лететь. Но только учти – машина не наша, и ты нам заплатишь за нее и еще за ту, которую угнал твой друг. А если не расчи-

таешься ты, рассчитается Руфус.

– Разумеется, Руфус заплатит за все! В конце концов – все началось из-за него. И не забудь, мой дорогой Кай, – Платон постарался взять как можно выше, произнося имя своего приятеля-негуманоида, – как только ты найдешь золотых лошадок, больше похожих на свинок, сделанных из золота, сразу шли их нашему другу Руфусу. Он заплатит за твою посылку космические деньги.

Атлантида залез в кабину глайдера, и кресло автоматически застегнуло страховочные ремни. Машина рванулась в утреннее ярко-синее небо Ройка. Диск Ба-а даже за светофильтрами глайдера выглядел спящим. Из артефактов Платон прихватил с собой только звукоэлемент. Эта штучка была дороже всего золота вертикальных гробниц Ройка. Одно смущало Атлантиду это поведение Ноэля. Этот тип быстренько повторял за профессором все его гипотезы, делая вид, что подобные идеи давным-давно роились у него в голове. За свою научную карьеру Платон встречал десятки таких умников, которые воровали чужие теории и тут же, слегка отлакировав заумными фразами, выдавали за свои. С некоторых пор Атлантида дал себе слово не произносить ни звука до появления статьи на защищенном сайте галактического Интернета. И вдруг – так прокололся. Что с ним случилось? Расслабился? Вообразил, что рядом друзья... Ну да, вообразил-а как же иначе! Ведь Ноэль и эти двое сукки спасли ему жизнь. М-да... глупо – он может утратить все права

на открытие из-за бабской болтливости и нелепой сентиментальности.

А что сделает Ноэль в ответ на все обвинения? Невинно пожмет плечами... И скажет-я всегда, всю жизнь это знал – еще когда родился... История Немертеи передалась мне с генетической памятью от моего папы и моей мамы. Мало ли что может придумать подлец, оправдывая свои поступки. А ведь выглядит так аристократично. И Платон подумал – собрат... Но ошибся. Глупо теперь сетовать. Если аристократы подличают, то подличают со вкусом. У плебея никогда так не получится.

Надо признать, Ноэль обвел Атлантиду вокруг пальца. А впрочем, почему Платон так стонет? Откуда столько горечи, к чему столько воплей? Если тебя обидели – дай по физиономии. Если сподличали крупно, так, что не дотянуться до морды – мешает охрана и тысячи парсеков расстояния, – то пошутить как можно удачнее и пройди мимо. О собственной глупости не стоит сокрушаться, потому что она своя, родная; чужой подлостью не стоит возмущаться, потому что она не твоя – чужая. Свою глупость отбрось, как старые ботинки, а чужая подлость пусть останется при владельцах, не брать же ее себе. Да, рассуждать легко... Но когда у тебя из-под носа крадут твоё лучшее открытие! Атлантида в ярости стукнул кулаком по собственной коленке. Больно! Лучше бы Ноэль свистнул у него тысячу кредитов... Хотя он и так обошелся Платону не в одну тысячу, а в целых пять. И еще украденный

глайдер... Вот-вот, доброта-это очень дорогое удовольствие.
Старая истина.

Хватит нервничать. Надо немного посмеяться. Поиронизировать...

Пошутить...

Не шутилось.

Сейчас стоит подумать о проблемах и о том, как их решить. А какие проблемы? Если Ноэль выдаст теорию Платона за свою, то у профессора Рассольникова останется только одна проблема – закрытый счет в банке “Лионский межпланетный кредит”.

Аристократизм его трещал и осыпался штукатуркой со старой кладки. Бывает в археологии такое: расчистишь какую-нибудь удивительную фреску на стене полуразрушенной виллы, роспись – будто вчера сотворенная, краски свежи, рисунок совершенен. Уберешь песок и почву и любишься. Но чуть подует ветерком, чуть смочит дождичком – и нет уже ни живописного слоя, ни штукатурки – осталась лишь пошлая кирпичная кладка.

А над Атлантидой пролился очень даже сильный дождь... Да еще с дурным запахом. Ни краски, ни штукатурка не выдержат. Хорошо, если кирпичи сдюжат. Глина, она ведь универсальна... Глина, из которой лепят горшки не боги.

Надо поскорее вернуться на Немертею.

Платон долгохонько ползал по паутине новостной системы – информация о звукоэлементах, о связи цивилизации Демертеи и Ройка, о нуль-порталах нигде не мелькала. Ничего из тайн, известных Ноэлю, которыми он мог поделиться с мировой общественностью гораздо раньше, чем Атлантида.

Объяснений напрашивалось два. Первое – Ноэль не выbralся из пустыни. Второе – беглец почему-то не хотел публиковать информацию... Было, правда, еще одно: Ноэль не собирался перебежать дорогу Платону и благородно уступил профессору право сообщить миру о своих открытиях. Это третье объяснение не устраивало Атлантиду. Слишком благородно. А в бескорыстное благородство – даже благородство аристократов – Рассольников не верил. Сам был слишком аристократичен. Но и первые две гипотезы тоже нельзя назвать удачными. Итак, ясно одно: право первооткрывателя Платон сохранил за собой. Выяснив это, археолог немного повеселел. Первым делом связался по тахионной связи с профессором Биттнером и заявил, что у него есть информация по Немертее, причем чрезвычайно интересная. После чего, заказав все возможные системы охраны, выслал краткий конспект своей статьи по немертейской цивилизации для немедленной публикации на собственном сайте и на сайте новостей МГАО – пусть только профессор Брусовский

попробует помешать! После этих, приятных, по сути, хлопот, Платон, чтобы еще больше поднять настроение, отправился в ближайший бар и заказал стаканчик текилы. Грызая дольку ядреного лимона, Атлантида пришел к выводу, что Ноэль слишком торопился на Немертею и не собирался тратить время на столбление “участка” на сайте новых открытий. Так что Платону тоже стоило поторопиться с возвращением. Но, даже очень спеша, нельзя забывать об имидже. Пришлось потратить целый час на поход в лучший магазин Ройка и покупку двух белых костюмов. Затем Атлантида зафрахтовал челнок для полета на Немертею, закупил дополнительное оборудование. И сдал найденный звукоэлемент в камеру хранения под десятым шифром сложности. Что-то он еще не сделал, что-то упустил...

Он направился в музей вертикальных гробниц и оставил записку для Кати. “Буду в день голубого цветка. Целую. Будем есть псевдоскунса”. После чего из центра связи связался с Немертеей. К его удивлению, ему сразу ответили. На экране появилась физиономия Андро. И как всегда, на глазах слезы. – Платон, ты жив? Какое счастье!

– А ты меня похоронила?

– Мы с Кресс не знали, что и думать. Ты исчез вслед за Ноэлем. Мы связались с Ройком. Но там о вас ничего не знали. Ага, связались! А у Платона связи не было – хоть тресни!

– Хорошая связь? – не без злорадства поинтересовался он. – Ты выходишь с моего компа или со своего?

– Со своего. – За спиной у нее маячил какой-то однообразный голубоватый фон. Интересно, где она сейчас находится?

– Ясно. – На самом деле никакой ясности не было. – Наверняка каналы наложились – мой заблокировали, как неуплаченный, а ты благоденствуешь, красавица.

Андромаха пропустила замечание мимо ушей.

– А где Ноэль? Он с тобой?

– Он смылся. Я ему не нянька, – зло ответил Платон.

– Кресс расстроится, бедняжка.

– Не стоит. Он был жив – здоров, когда я видел его в последний раз. К тому же можешь передать Кресс – у него вновь отросли волосы.

– Так быстро?! – Андро удивилась.

– Да, такая шикарная серебряная растительность...

На прилагательное серебряная она не прореагировала. Может, поняла как синоним “седой”? Или Давно знала, что волосы у Ноэля серебряные. Атлантида спешно отключил связь – в этот момент ему пришла очередная блестящая идея. И рядом очень кстати не оказалось Ноэля, тот непременно бы заявил, что именно так он и думал уже много-много лет подряд.

Платон помчался назад в музей вертикальных гробниц.

– Я – профессор Рассольников, веду раскопки на Немертее, – он немедленно кинулся в атаку на какую-то сухопарую дамочку в холле. – Мне срочно надо проверить одну догадку.

Я должен осмотреть волосы мумий.

Ученая дама изумилась. Трудновато было ей втолковать, что для проверки своей теории ему необходимо знать состав волос хранящихся в музее останков. Однако имя профессора Рассольникова что-то еще да значило. Хотя бы на окраине Галактики. В хранилище музея его допустили. У покойных обитателей Ройка (или Немертеи?) оказались самые обычные волосы – черные, рыжие, иногда светлые. Чуть толще, чем у землян, но довольно близкие по строению – те же роговые производные кожи, связанные с потовыми и сальными железами. Серебряных не было ни у кого.

Атлантида вернулся в холл. Подумал о Кате. Но Катя здесь не работает. Работает Катрин. Что, если это в самом деле связная Бродсайта, как утверждал Чистюля? Платону почему-то не хотелось подозревать толстушку. Он всегда немного жалел некрасивых женщин. Так – исключительно из великодушия аристократа. Аристократ должен обращать внимание на женщин и животных. И потому может их немного жалеть – именно немного, чтобы не выглядеть смешным.

– Я могу увидеть Катрин? – спросил он все ту же тощую особу.

– Да вон же она!

Атлантида глянул на стоящую возле стенда с новыми экспонатами женщину. Перед ним была Катя... Нет, не она, конечно, эта ростом пониже. И лицо покруглее, а в остальном – его черноволосая черноглазая красотка. Белая искусствен-

ная кожа, черные пряди, волной спадающие на плечи.

– Вас сегодня не узнать! – почти искренне восхитился археолог.

– Я же запретила вам приходить сюда! – напомнила Катрин, но без прежнего гнева, и даже кокетливо пригрозила Платону пальчиком. Видимо, внешность скорректировала и характер.

– Если бы я не пришел, то не увидел бы, какой вы стали красавицей.

Она кокетливо хихикнула.

– Ну конечно, я же сделала биокоррекцию! Это самый популярный облик в этом сезоне. Салон “Клеопатра” – очень стильный и не такой уж дорогой.

– Вы очаровательны. Позвольте поцеловать ручку. – И он галантно чмокнул маленькую ладошку. – Теперь я верю, что мы с вами обедали в ресторане. – Хотя на самом деле в это не верил.

– Вы опять хотите меня пригласить?

– У вас на Ройке великолепные рестораны, – Платон попытался дипломатично ускользнуть от ответа.

– Да, у нас замечательно... Все самое лучшее. И если бы всякие сукки не путались под ногами, мы бы давно превратили нашу планету в рай. А сукки губят наши замечательные звездные облака.

– Сукки здесь жили всегда. Это люди в облаках – пришельцы.

– Ну и что? Нас теперь в три раза больше, чем негуманоидов. И мы обустроили эти планеты. Так что они должны нас благодарить. А они вместо благодарности воруют самые лучшие экспонаты. Вы бы видели их К-7! Убожество.

Атлантида поморщился – он терпеть не мог подобных споров, тем более с фанатиками. Меньше всего его интересовала политическая структура Ройка и других обитаемых планет Магеллановых облаков. Его интересовали нуль-порталы. И золото. Но о колодцах, судя по всему, Катрин не знала. И тут Платон заметил на ее белой блузке красное крошечное пятнышко. Точь-в-точь такое же оставил Вродсайт на лацкане пиджака... Проклятое пятнышко, оно всякий раз появлялось через несколько часов после чистки. Якобы кровь консультанта. “Жучок!” Как Атлантида сразу этого не понял?! За ним следили. Так вот откуда пышка Катрин была прекрасно осведомлена обо всех перемещениях Платона и о блюдах, заказанных в ресторане. И вот почему Ал с легкостью нашел его и возле колодца, и в убежище у сукки Кая-1. А потом, когда археолог оставил пиджак под тучей песка – сбился со следа. Спасибо, песчаный охотник, услужил!

– Вы принадлежите к экселентистам? – поинтересовался Атлантида.

– Что... – она растерялась.

Попятилась, споткнулась, плюхнулась в кресло. Дорогая биокоррекция исправляет походку и манеру двигаться. Но вряд ли господин Бродсайт сильно расщедрился, оплачивая

новый облик своей сторонницы.

– Да, принадлежу, а что? Я этим горжусь! Нас, людей, насилуют, и мы должны защищаться! Я не позволю сукки себя изнасиловать!

– Вы обольщаетесь – сукки не привлекают антропоморфные существа.

Она не ответила, скрестила руки на груди. И сразу превратилась в дурнушку, как будто и не делала никакой биокоррекции.

– Значит, вы знакомы с Алом Бродсайтом? – уточнил Платон.

– Конечно. Его все знают. Он – единственная надежда нашего облака.

Профессор Рассольников придирчиво осмотрел лацканы. Нет ли вновь какого-нибудь подозрительного пятнышка?.. Пятен не было. Как хорошо, что Атлантида успел приобрести новый костюм.

– Наши облака плывут в небе над Старой Землей. И я бы хотел на них посмотреть.

4

Насколько совершенным был “жучок”, посаженный Бродсайтом? Видимо, одна из последних разработок служб безопасности – ведь Ал прежде имел доступ к секретным источникам. Странно только, что он использовал цветное

пятно. Ведь есть и абсолютно бесцветные “жучки”... Или ему нужен был некий знак, клеймо? Как толстухе Катрин понадобилась биокоррекция, чтобы сравняться с красавицей Катей. Черные волосы, черные глаза... Знак принадлежности... Максимальная достоверность лжи, которая пытается стать доминантой. Эффектный жест, без которого даже победа имеет привкус поражения. Обычно историки эти жесты выдумывают после побед. А участники событий легко принимают выдумки на веру и очень любят читать о себе в толстых монографиях. Занятый подобными мыслями, Платон не заметил, как подкрался к нему вездесущий Бродсайт.

Атлантида стоял в холле космопорта, ожидая объявления о посадке, и вдруг случайно заметил отражение консультанта в зеркале. Тот был уже рядом... Почти. И держал наизготовку то ли бластер, то ли мощный станнер. Платону некогда было разбираться – он спешно нырнул за багажные капсулы. И очень вовремя. Выскерк разряда – шипение плавящегося пластика, грохот рухнувшей секции. В ответ – вспышки сразу нескольких выстрелов. Похоже – кто-то открыл стрельбу по Тимуру. Бродсайт не струсил и отстреливался.

– Всем оставаться на своих местах! – загредел голос портового компа. – Силы безопасности Лиги Миров ведут операцию по ликвидации группы боевиков-экселентистов. Всем оставаться на своих местах в целях безопасности.

Сверху на Атлантиду упал защитный экран. Комп, отсканировав скрюченного за багажными капсулами человека и

не обнаружив оружия, накрыл его зонтиком безопасности. Платон мысленно порадовался, что реквизированные у Чистюли трофеи запаковал и отправил на челнок, зная, что появляться с оружием в космопорте запрещено. Два разряда бластера силовой зонтик выдержит. Ну а третий расплавит защиту вместе с человеком. Платон свернулся калачиком силовой колпак автоматически уменьшил площадь. Теперь хватит энергии отразить и третий разряд.

– А мне! – кричала какая-то женщина, захлебываясь от ужаса. – Где мой зонтик! Я не экселентистка! Дайте зонтик! Я плачу налоги! Зонтик!

Но компьютер космопорта, по каким-то причинам исключивший женщину из объектов, подлежащих защите, оставался равнодушен к ее воплям.

– Всем гражданам, не получившим защиту, встать на четвереньки, голову держать опущенной. Оружие отбросить на расстояние не менее 500 миллиметров. Всем гражданам... – равнодушно твердил комп.

Атлантида из-под своего силового колпака пытался рассмотреть, что происходит в зале. Основную часть обозримого пространства загораживали секции багажных капсул и замерший меж ними робот погрузчик с торчащими вперед сочленениями манипуляторов.

Но зато в зеркальной стене напротив Платон видел отражение центральной части зала. Пол был усеян скрючившимися фигурками, накрытыми колпаками зонтиков. Жен-

щина, исключенная из списка безопасности, стояла на четвереньках, выпятив солидные ягодицы, обтянутые ярко-розовым трикотажем. В нескольких метрах от нее в такой же позе застыл пожилой мужчина. Лицо у него было красное и мокрое от пота. Между лежащими людьми приставными крадущимися шагами двигались представители Сил безопасности Лиги Миров в хамелеоновой форме, в этот момент зелено-голубой, делавшей их почти незаметными на фоне окон космопорта. Лиц эсбэшников за зеркальными забралами шлемов было не разглядеть. Злополучную тетку и пожилого мужчину быстро увели. Рейнджеры еще несколько секунд скользили между рядами, наставляя то на один зонтик, то на другой хищные прицелы бластеров, потом, получив какой-то приказ, разом покинули здание. Защитные зонтики схлопнулись и опали рядом с застывшими на полу людьми бесцветными шкурками.

– Разрешается встать. Отбой тревоги. Куратор космопорта просит прощения на причиненные неудобства. Просим выслушать объявление. В секторе семь готовится к старту челнок на Немертею... Пассажира 70008 просим пройти к ангару. До посадки осталось двенадцать минут.

Вообще говоря, такие объявления высылают лично пассажиру, но сейчас произошел сбой в работе космопорта, и голос грохотал на весь зал. Атлантида посмотрел на свой пропускной жетон. К старту готовился именно его челнок. Как вовремя!.. А не то корабль улетел бы на Немертею без него.

Такое вполне могло стать – если тревогу объявили только по пассажирскому сектору. Хотя нет, конечно, не могло... Компьютеры – они ведь умные. В отличие от людей.

Но как объявил компьютер – до старта двенадцать минут – и археолог завернул в блок тахионной связи.

– Если у вас какие-нибудь неполадки, оставьте заявку, – сообщила ему дамочка средних лет, очень похожая на Катю и Катрин. Черные волосы, вздернутый носик, губки бантиком.

– А вас случайно не Кэтти зовут? – поинтересовался Платон.

– Вы почти угадали. Кэт... – Произведение имидж-салона “Клеопатра” жеманно хихикнуло.

– Вы мне должны помочь, ангелочек! Не могу выйти на связь с планетой Немертея.

– Я же сказала – оставьте заявку. – Она подтолкнула в его сторону комп на антигравитационной подставке.

– Говорите, – сказал комп точно таким же голосом и с теми же интонациями, что и живая Кэт.

– Проверьте связь с моим исследовательским компом и с маяком на Немертее.

– Все будет исполнено – не успеете вы прибыть на планету, как связь восстановят.

На экране возникло изображение чьих-то улыбающихся губ и ослепительно белых зубов. Стальные слезки на зубах так и сверкали.

– Рад... – рассеянно буркнул Атлантида.

Ему не нравилось, что Бродсайт вновь чуть его не сцапал. А ведь Платон избавился от костюма. Разумеется, Катрин могла рассказать о приходе про-фессора Рассольникова. Не надо было вообще с ней встречаться: тут Атлантида слишком был неосторожен. А впрочем – причем тут осторожность? Нетрудно догадаться, что Платон вернется на Немертею. Значит – надо поджидать его здесь, в космопорте.

Атлантида весьма смутно представлял организацию общества экселентистов. Прежде он даже считал, что экселентистами называют тех, кто призывает сидеть на своей планете и не высовываться. Потом узнал, что это – изоляционисты. А экселентисты считают, что планеты должны управляться только людьми или, в худшем случае, гуманоидами. Всяких там разумных насекомых, ящеров и остальных не пускать по служебной лестнице выше уборщика мусора. Поговаривали, что в Совете Лиги Миров есть несколько влиятельных экселентистов, и потому на выступления этих групп Служба безопасности смотрит сквозь пальцы. Значит, Бродсайт из их компании. Ну что ж, экселентисты всегда вели себя нагло, а им почему-то стеснялись дать отпор. Будто они малые дети, и их запрещено обижать. А то расплачутся, узнав, что они не самые умные и, увы, не самые духовные.

Но в этот раз Служба безопасности встревожилась.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА НЕМЕРТЕЮ

1

"Тиранозавр" на пересадочной базе встретил Платона как родного. – Опять ничего не везешь? – спросил бюрократ, наблюдая, как его подручные потрошат багаж археолога. Они были старательны, как и в первый раз.

Видимо, надеялись хотя бы теперь отыскать контрабанду. Разве не странно: археолог летает с Немертеи на Ройк и обратно, и в багаже у него – ни одной золотинки.

– Я абсолютно чист, – заявил Платон. Ящик с текилой он предусмотрительно поставил рядом да еще водрузил на него ногу. – И кстати, мой друг с седыми волосами не пролетал недавно? Мы разминулись на Ройке.

– Ну, как же! Был! – закивал головой разумный ящер.

– И тоже ничего не вез?

– Только волосы на голове. Но это конфискации не подлежит, – в голосе таможенника послышалось сожаление.

"Интересно, куда Ноэль засунул пятнадцать килограммов золота?" – подумал Атлантида. Но вслух спрашивать не стал. – Кстати, вы нашли ребят, оставивших оружие на базе? – поинтересовался он.

– Это закрытая информация! – заявил негуманоид. – Послушайте, я опасаюсь, что группа экселентистов попытается напасть на Немертею.

– Совершенно невозможный вариант. Попасть на планету можно только с лицензией МГАО. “Цербер” их не пропустит.

Нельзя сказать, чтобы “тиранозавр” успокоил Платона. Но что еще предпринять, археолог просто не знал.

2

Связи с планетой по-прежнему не было. Хотя девица в службе тахионной связи очень мило улыбалась. И комп, как помнил Атлантида, улыбался тоже, “Цербер” оказался тут как тут, пообщался с бортовым компьютером челнока и мгновенно потерял к гостю интерес.

– Автопилот отключен, – неожиданно сообщил комп. – Двигатель Краснова тоже.

Платон вышел из приятно-дремотного состояния.

– Включить автопилот! – приказал компу.

– Автопилот не отвечает.

Атлантиду бросило сначала в жар, потом в холод. Несколько раз он нажал кнопку включения автопилота. Никакого эффекта. Да что ж такое! Челнок совершал вокруг Немертеи виток. И долго он будет крутиться? – Дай мне инструкцию аварийной посадки, – обратился Платон к бортовому компу.

– Инструкция отсутствует.

– Цербер! – заорал он, обращаясь к стражу. – Мне нужна инструкция аварийной посадки.

– Не располагаю, – гавкнул “Цербер”.

Ну вот, радуйся, Атлантида, твоя мечта исполняется. Как ты хотел-посадка в ручном режиме... И все... последнее желание. Пот бежал по спине ручейком. Неужели так страшно умирать? Глупо так бояться... Неприлично... неаристократично... Но страшно. Так, спокойно, надо вспомнить... Кнопка включения автопилота теперь ни к чему, а вот справа – аварийное катапультирование. Может пригодиться. Зеленая в верхнем ряду – подача топлива, рядом – включения самого двигателя. Еще через одну – кнопки тормозного режима.

– Ты знаешь, когда надо запустить двигатель? – спросил Платон.

Голос противно дрожал. Но ведь на самом деле он так не боится. Да-да, на самом деле он не боится. Почти.

– Знаю. До включения двигателя для посадки осталось четыре минуты...

– Дай отсчет за минуту до включения.

Атлантида откинулся в кресле. А все-таки неплохо, что Бродсайт вырубил автопилот. Вот и посадим челнок. Мечты должны исполняться. Даже самые безумные.

– До включения двигателя пятьдесят девять секунд...

Палец Платона завис над кнопкой подачи топлива. Стран-

но только, что “тираннозавры” не проверили его челнок перед вылетом с пересадочной базы. Впрочем, вирус, обеспечивший сбой, мог так затаиться, что никакой ящер не отыщет.

– Двенадцать секунд... Одиннадцать... Десять... Атлантида нажал кнопку.

Столбик индикатора пошел вверх.

– Семь секунд...

Платон нажал кнопку импульсного режима. Через три секунды работы двигатель должен отключиться.

– Пять секунд...

Мягкой тебе посадки, Атлантида...

– Одна... старт...

Платон включил двигатель.

3

В космопорте Атлантиду никто не ждал. А Платону так хотелось похвастаться своим недавним маленьким подвигом. Андро обещала устроить праздник по случаю возвращения. Значит, обманула. Зато неподалеку стоял еще один челнок. Маленькое, выдавшее на своем веку много звездных портов корыто. Кто прилетел? Бродсайт? Или Ноэль? Лучше, конечно, Ноэль – Атлантида с удовольствием даст ему по физиономии. Он заглянул на склад Андрوماхи – все было закрыто, замки включены. Платон забрался в вездеход, сто-

ящий в ангаре коспоморта – то есть между двумя обломками какого-то административного столичного здания эпохи Четвертого царства, – и поехал в загородную зону. На двери дома Кресс Платон обнаружил граффити:

"Мы в главных гробницах. В той, что лучше сохранилась. Приходи скорее". Пришлось возвращаться назад, в разрушенную столицу. Что здесь происходит? Андро и Кресс удалось включить нуль-колодцы на обратную связь? Или... Они расшифровали язык Немертеи? Наверняка Кресса с супругом давно уже занимаются дешифровкой. Было неприятно сознавать, что Ноэль мог говорить правду. Если их компьютер нашел ключ у языку звучащих кувшинов, то эти двое знают теперь куда больше Платона. Он чувствовал себя идиотом. Противно открывать то, что открыли другие. Но если они раскрыли тайну Немертеи, то почему не опубликовали данные? Копили материал? В наше время в, таких случаях придерживать материал опасно – каждый чих надо немедленно патентовать, на каждом углу кричать "мое", или твое тут же станет чужим. Эти двое – шустрые ребята, но им не удастся оставить Атлантиду с носом.

– Быстрее! – крикнул он бортовому компу.

– Быстрее невозможно. Покрытие слишком неоднородно.

– Для дорожного компа любые ухабы и острые скалы все равно покрытие. Главное, ввести базовые понятия, а все остальное ерунда. Не надо было торопиться на Немертею – задержался бы на Ройке, отослал профессору Биттнеру по-

дробный отчет, а не конспект... Может, в самом деле, Ноэль и Кресс правы, и не стоит так суетиться, сообщать, разглашать...

Он злился. Сам не зная на кого – на себя ли, на них... И даже не пытался себя одернуть. Разве аристократ не может плюнуть в рожу, когда очень захочет? Будем считать, что это маленькая слабость аристократа – плевать мерзавцам в рожу. Забава. Что-то вроде звездного поло и игры на рулетке в казино “Индепенденс”, ради которой надо лететь на Землю-дубль. Аристократам свойственны дорогие причуды. Это мысленное замечание заставило Платона улыбнуться. Вся прелесть жизни в этих причудах, которые ты можешь себе позволить, ты – себе, а не тебе – другие. Вся эта суета слишком мелка для аристократа. Стоит ли изменять привычкам ради сотни кредитов? Но кредиты нужны, как это ни печально, даже людям с голубой кровью. Если бы не деньги, если б не слава, не желание утереть нос Брусковскому... если бы не все это – что тогда? Плюнуть на все и сесть писать монографию по цивилизации Немертеи... Ну и? Можно рассчитывать на курс из пятнадцати лекций, и отнюдь не виртуальных. А нужны ему эти лекции в Оксфорде? Всего лишь дорогая причуда. Так, может, лучше сыграть на рулетке? В конце концов, наука мало чем отличается от рулетки. Если смотреть с окраины Галактики, то практически ничем.

Атлантида остановил вездеход и подошел к гробнице. Оглянулся. Второго вездехода рядом не было. Ни Андро не видно, ни Кресс. Лишь невдалеке крутились две серые огромные юлы – мини-торнадо исполнял свой привычный танец по заведенной программе. Платон открыл дверцу в защитном куполе и сбежал по ступеням вниз.

Его в самом деле ждали.

– Познакомься, мой друг, – сказала нежным голосом Андро, направляя в лицо Атлантиде дуло новенького игломета. – Перед тобой гех и regina Немертеи. поприветствуй их величества, дорогой Платон. Тебя они давно знают. В обыденной жизни ты называл их Ноэль и Кресс.

Мужчина стоял привязанный за запястья и лодыжки к столбам, весь спеленатый белыми бинтами – и руки, и ноги, и даже лицо закрывали бинты. Вокруг шеи его и груди шли золотые повязки, собранные из тонких пластин. Что это Ноэль – Платон догадался по серебряным волосам, что сияли ореолом вокруг его головы. Надо же – как отросли! Видеть пленник ничего не мог, но явно слышал. Когда в гробнице послышались шаги Атлантиды, Ноэль дернулся и повернул голову. Напротив, точно так же привязанная к столбам и спеленатая, стояла Кресс, опять же – из-под бинтов виднелась грива волос. Коричневая краска сошла, и они ниспадали на

плечи сплошной золотой волной. Так вот почему Крессида все последние дни носила трикотажный шарф на голове. Полосы, собранные из золотых пластин, так же обвивали ее тело. Бинты подчеркивали тонкую талию и тяжеловатые бедра женщины.

Атлантида снял шляпу и поклонился с максимальным изяществом, хотя ни гех, ни regina его не видели.

– Очень красиво, – улыбнулась Андро. – Думаю, твои друзья оценили бы оказанные им почести. Особенно, если учесть, что они претендуют на власть в Магеллановых облаках.

Платон понимал, что вести светскую беседу под дулом игломета несколько глупо. Но что ему оставалось? Только пустить в ход все свое красноречие.

– Откуда они взялись? Воскресли? – Платон пытался говорить иронично и легко.

Ирония присутствовала. Но голос немного дрожал.

– Вроде того.

Атлантида изобразил глубокое раздумье. Однако слишком долго молчать было опасно. Он спросил наугад.

– Король и королева без подданных. Что они будут делать?

– Им вполне достаточно самих себя. К тому же у них есть взбесившийся хог. Он выполняет их приказы... Правда, не всегда. Но иногда выполняет.

Ноэль по своей привычке слегка передернул плечами. Так вот почему они знали все тайны Немертеи. И вот почему не

торопились их опубликовать. Довольно занятно – раскапывая погибшую цивилизацию, столкнуться с ожившими ее правителями. Привет, ребята. Я тут открыл кое-что. Будьте так добры, проверьте мои гипотезы.

– А ты что здесь делаешь, Андро?

– Разве не видишь? – Она повела из стороны в сторону дулом игломета.

– Вижу, но не понимаю.

– Такой умный мальчик и не понимает? Тогда ты зря не ешь половые органы псевдоскунсов. Содержащиеся в них элементы добавляютсообразительности.

– Катя! – изумился он. – Ну, ты меня и привела! Неужели ты сделала биокоррекцию ради одной ночи со мной?!

Он хотел смутить ее, пусть слезы по обыкновению брызнут из ее глаз, тогда можно рискнуть и обезоружить красавицу. Тросточка при нем и... Он ни секунды не сомневался, что Андро, уничтожив Ноэля и Кресс, прикончит и его. Но девушка и не думала в этот раз плакать. Улыбка ее сделалась бесподобной в своей наглости. Да прежняя ли это Андро?

– Тебе понравилось? – усмехнулась она. – Думал смутить глупую старую деву. Не выйдет. Уж скорее я кое-что припомню... Вслух.

Атлантида сделал маленький шаг вперед.

– Ни с места! – Она перехватила игломет поудобней. – У меня рука не дрогнет.

– У меня руки затекли вот так держать их...

– Ни с места, – повторила Андро.

– Неужели ты в меня выстрелишь? Не верится... Ведь мы были друзьями. И даже больше чем друзьями. Ты работаешь на Бродсайта?

– Я работаю прежде всего на себя.

– Послушай, Андро, ты даже не знаешь, что губишь. Эта цивилизация уникальна, – попытался поспорить Платон. – Но профессор Брусковский считает ее примитивной. Этого вполне достаточно, чтобы отдать планету под немедленную колонизацию. Остатки культуры будут стерты с лица Немертеи. Как только найдут причины гибели, здесь появятся поселенцы. Знаешь, сколько произведений искусства погибло на Старой Земле? Античные скульптуры перетирали на известь, храмы разбирали по кирпичику, чтобы возвести из них стены хижин и новых церквей, бронзовые статуи переплавляли, сжигали картины, книги... Трудно перечислить все, что погибло. А тут – подумаешь... пара гробниц, несколько фресок, скульптур. Ал Бродсайт собирается возглавить независимое Малое Магелланово облако. Гуманоиды Немертеи – досадное препятствие на его пути. А ты помогаешь этому подонку. Вот уж не ожидал...

– А чего ты ожидал от меня? Что я буду слепо следовать инструкциям МГАО?

Он решил подкупить ее, хотя и довольно грубо:

– Послушай, Андро, ты умная девочка. Неужели тебе не хочется хлебнуть немного от той славы, которая придет к те-

бе, когда все это станет известно – возрожденная цивилизация, кувшины, в которых заключены гуманоидные души. Слава профессора Брусковского померкнет рядом с твоей. Правда, Платон полагал, что славу профессора Брусковского затмить никому не удастся... Но почему бы немного не приврать ради спасения законных монархов Немертеи.

– Я не скажу ни слова о своем участии, – продолжал он. – Да и в самом деле оно было совершенно ничтожным. А вот ты с твоими талантами...

– Брось, Атлантида, нагло льстить. Зачем мне слава?

– Милочка, ты забыла про начиненного военным оборудованием “Цербера”, которого Лига Миров повесила над нашей планетой. Как только вы заикнетесь про отделение, от вас не останется и следа. Я понимаю теперь, что ты очень ловко глушила тахионную связь моего компьютера с внешним миром. Но в борьбе с военной машиной Лиги Миров такая штучка тебе вряд ли поможет. Так что бери археологическую славу, и...

– Археологическую славу ты можешь забирать себе, Платон, а я возьму кое-что более ценное...

Платон почувствовал, как начали вибрировать стены гробницы.

Точь-в-точь, как тогда в “мастабе”...

Атлантида напрасно разглядывал потолок – подходящего предмета, который можно было бы опустить на голову Андро незаметным движением руки, не было. Там, на потол-

ке, вообще ничего интересного не было – обычная удивительная прозрачная голубизна немертейского неба и легкие стада белых облаков, столь пушистых, что хотелось лепить из них снежки. Если взглядеться, то казалось, что облака на фреске плывут по кругу.

М-да... Почему-то очень хотелось жить.

– Андро, дорогая моя, ты совершенно не любопытна. – Он посмотрел на стену напротив. Удивительный пейзаж, которому несколько тысяч лет, а по траве до сих пор гуляет ветерок, пойманный давно умершим художником. – Да, Андро... почему бы нам не спросить наших пленников, как они собирались возродить цивилизацию Немертеи, коли их всего двое? Неужели ты не удовлетворишь мое любопытство?

У Атлантиды мелькнуло подозрение, что Ноэль и Кресс на что-то надеются.

Но вот на что? На какое чудо?

Но времени на догадки не осталось.

Пол под ногами Андрوماхи лопнул, и волной воздуха и обломков археологиню швырнуло под самый потолок, к белым пушистым облакам. Однако удар нарисованные облака не смягчили. Автоматически Андро нажала на спусковой крючок, и весь заряд отравленных игл вонзился в стену высоко над головой Атлантиды. Обмякшее тело девушки полетело вниз – прямо в крокодильи лапы явившегося из голубого круга посредине гробницы сукки Кая-1. Сукки Кай-2, выпрыгнув из отверзшегося нуль-транспортного колодца, огля-

дывался вокруг с изумлением и даже не потрудился вытащить из кобуры бластер. – Что делать с этой дамой? – спросил сукки Кай-1, продолжая держать потерявшую сознание Андро на руках.

– Положи ее аккуратно на пол, – предложил Платон – ничего лучшего он пока придумать не мог. – И помоги освободить пленников.

Первую команду сукки Кай-1 выполнил охотно, а вот освобождать привязанных не спешил.. Он оглядел спеленатые фигуры и спросил:

– А это кто?

– Ноэль и Кресс...

– Тот самый Ноэль? Ну да, узнаю его серебряную гриву. Она растет у него со скоростью кайского бамбука. А кайский бамбук растет в три раза быстрее, чем бамбук со Старой Земли. А почему я должен освободить этого парня, если он утащил у меня пятнадцать килограммов золота и новенький глайдер?

– Глайдер довольно потрепанный, – уточнил Атлантида.

– Все равно. Пятнадцать килограммов золота из гробницы шестого тысячелетия? Сколько за все это мог дать Руфус? – Сорок пять тысяч кредитов.

– Сорок пять тысяч? За все? – изумились оба сукки. – Только Руфус, пройдоха, может назначить такую цену...

– Послушайте, давайте освободим Ноэля и Кресс, – повторил свое предложение Платон. – А потом обсудим наши

деловые отношения. Мне почему-то кажется, что вы можете компенсировать понесенные убытки.

– О нет... Руфус так занижил цены, что мы никогда ничего не компенсируем, – застонали сукки.

– Ладно, так и быть, я их отпускаю... – пообещал сукки Кай-1, видимо, решив, что обещания Атлантиды выглядят заманчиво.

И вытащил нож. Ноэль дернулся и застонал. Поскольку рот его был замотан, он не мог ничего произнести. Но стонал очень убедительно.

– Да не бойся ты, я хочу тебя освободить...

Теперь не только Ноэль, но и Кресс дергалась и мычала, безуспешно пытаясь передать свою мысль Атлантиде. Возможно, она хотела, чтобы ее освободили первой. Но Платон не успел помочь никому из пленников. Неожиданно вся гробница будто пошла мелкими золотыми трещинами, золотая паутина оплела Кресс, и каждая из ниточек соединилась с одним из волосков пленницы. С Ноэлем происходило то же самое-и... Атлантида вовремя сумел прикрыть глаза рукою. Вспышка опалила ему брови и ресницы. Шляпа защитила волосы. Когда он открыл глаза, к столбам были привязаны лишь пустые коконы, сохранившие очертания тел исчезнувших пленников. Полосы из золотых пластин тоже остались на месте. Но бинты под ними прожгло насквозь.

– Ну, ничего себе... – пробормотал сукки Кай-1.

На его черной голове не было ни бровей, ни волос, а рес-

ницы были так малы, что практически полностью скрывались под кожистыми веками. Что касается кожи, то она выдерживала попадание разряда средней мощности из бластера.

– М-да... А как же пятнадцать килограммов золота и глайдер, – поддакнул сукки Кай-2. – Думаю, мы их точно уже не увидим.

– Ноэль! Кресс! – крикнул зачем-то Атлантида, но никто не отозвался, разумеется.

– Куда ж они делись? – сукки Кай-1 отчаянно вертел головой и чесал морщинистый черный затылок. – Испарились? Сгорели?

Платон не ответил, просто потому что не знал. Он поднял на руки Андро и потащил ее из гробницы. Оба сукки благо-разумно последовали за ним.

– Она жива? – спросил сукки Кай-1, когда они выбрались наружу.

– Жива... И знаете, у меня тут родилась неплохая идея. А что, если заглянуть к нашей Андромахе в гости на склад?

Открыть дверь помог сукки Кай-1, применивший для этого самый лучший способ – взрыв замка мини-зарядом губчатого пластида. Милая такая штучка, прикрепляется к двери капсула величиной с горошину... (видимо – размер глазного яблока, как полагал Атлантида), потом в нее втыкается палочка детонатора, и все благополучно отходят на безопасное расстояние. До взрыва остается ровно минута и три се-

кунды. Три секунды – это если часы у вас не точны – для нищих подрывников три секунды милосердия. Итак, вы отходите на безопасное расстояние в пятнадцать метров и благополучно наблюдаете, как исчезает в никуда толстенная дверь и часть стены. А то, что внутри, остается совершенно неповрежденным. Едва дверь испарилась, Атлантида и оба сукки устремились внутрь. Вокруг штабелями громоздились ящики – все совершенно одинаковые, на каждом блестя микрочипа. Сукки Кай-1 на всякий случай поводит из стороны в сторону бластером – вдруг складские ящики бросятся на него и задушат. Но все было тихо. Они миновали первый отсек и вошли во второй. Все те же ящики. Третий... Четвертый... И замерли. Над ними высился купол из голубого немертейского мрамора. Камень казался прозрачным. Да он и был прозрачным – внутрь сквозь крышу склада и голубой купол лился мягкий голубоватый свет. А в центре помещения стоял самый обычный стол и на нем мощный компьютер, явно предназначенный и для тахионной связи. Так вот откуда Андро выходила на связь. Она выходила, а другие не могли... Платон огляделся. Купол выглядел невесомым.

Но ведь это камень.. Невероятно...

– Ну-ка, расскажи, что ты знаешь о Тимуре, – обратился он к электронному помощнику Анромахи.

– Тимур или Тамерлан... полководец XIV века от Рождества Христова... Сын Века, проживавшего в окрестностях города Кеш. Карьеру начал, занимаясь грабежом и угоном

баранов. Во время одного из набегов хозяева стада напали на грабителей, многих убили, а самого Тимура свалили с лошади и ранили в правую руку и в правую ногу. После ранения Тимур получил прозвище Тимурленг, то есть Тимур-хромец, что в европейском (староземельном) произношении звучит как Тамерлан, – сообщил компьютер.

– Что ты мне бормочешь. Мне нужен Тимур, который иногда именует себя Алом Бродсайтом. Человек, имеющий регистрацию в Малом Магелланом облаке.

– Надо сообщать всю информацию сразу, без пауз, – отвечал компьютер. Подумал секунду и добавил:

– Введите пароль. Эта информация доступна лишь при введении пароля.

– Так... А что известно без пароля?

– Ничего.

– Кем установлен пароль? Андромахой? Ребята, надо разгадать пароль, – обратился он к сукки.

– Сложновато, – сказал сукки Кай-1.

– То есть мы вообще не можем... – признался сукки Кай-2. – Не наша специализация.

Атлантида разозлился и вызвал Ройк.

– Службу галактической безопасности... – потребовал он.

– Не надо! – воскликнули оба сукки.

– Вас слушают, – отвечал немолодой мужчина с загорелым полноватым лицом – впрочем, на Ройке все загорелые.

И в основном полноватые. Наверное, оттого что все время

едят половые железы псевдоскунсов и жареную саранчу.

– Я хотел бы получить информацию о человеке, который называет себя Тимуром, а так же Алом Бродсайтом.

– Вы с ним знакомы? – насторожился эсбэшник.

– Я летел с ним на корабле “Кир-2”. – Это объяснение показалось Атлантиде самым подходящим как самое нейтральное. – Этот человек очень опасен – это все, что я имею право вам сообщить.

– В этом я уже убедился.

– При получения информации о господине Бродсайте вы обязаны немедленно связаться с нами, – продолжал агент безопасности. – В противном случае Лига Миров будет рассматривать вас как сообщника Бродсайта и примет к вам соответствующие меры.

Платон отключил связь и несколько секунд смотрел на темный экран.

– Мне все это не нравится, – сказал сукки Кай-1” – Не надо было общаться с эсбэшниками.

– И я так думаю, – признался сукки Кай-2.

– В чем дело? – спросил Атлантида.

– Тебе ответили “нет”.

– Вот как... А я думал, что мне любезно сказали “да”.

Что говорить, работников безопасности на окраинах Галактики не любят.

Ну, разве что на планете Соворда. Но Платон на Соворду никогда не заглядывал. Потому как на той планете во-

плотились мечты его великого тезки об идеальной страже, разделении населения на три сословия, монолитном единстве правящих и преданности правимых. Сказать к слову, в юности он гордился своим тезкой, сначала потому, что тот выдумал Атлантиду, потом зауважал за Сократовские диалоги. Окрылившись, Платон перекачал в свою генетически уплотненную память огромные файлы “Государства” и “Законов” знаменитого грека, чтобы иметь при случае возможность блеснуть какой-нибудь незаезженной цитатой. А потом очень долго чистил свою память от сих трудов. Но время от времени, откуда ни возьмись, выскакивали внезапно застрявшие в памяти куски. Особенно долго держалось сказанное о стражах.

5

– Все вышло очень просто, – сказал сукки Кай-1, хлебая ложкой фиолетовое варено-дежурное блюдо кухни Кресс. – Мы залезли в колодец и явились сюда. На счастье, портал вел в гробницу. Так что мы сумели обезоружить нашу воинственную дамочку и освободить тебя.

Сукки Кай-1 бросил выразительный взгляд на привязанную к креслу Андромаху. Скрутили ее сукки на славу. И даже в рот вставили кляп. Атлантида поглядывал на свою прежнюю подругу с некоторым сожалением – тем более что глаза ее были полны слез и так выразительно смотрели на

него. “Актриса, – подумал он. – Великолепная актриса, которая умеет изображать только одно – слезы...”

Он вспомнил, что она не смогла покраснеть, когда это было нужно, и лишь в очередной раз наполнила глаза слезами. Впрочем, Платон не помнил, чтобы кому-нибудь удавалось изобразить хлынувший на щеки румянец стыда. Разве что такая способность могла появиться в результате биокоррекции. Но кому в голову придет заказывать подобные изменения?

Он испытывал перед Андромахой если не чувство вины, то чувство неловкости – они так мило прежде обедали в этой самой столовой. А теперь он сидит за столом вместе со своими крокодилообразными друзьями, а она связана и испытывает неудобства. А если учесть, что Андро и Катя – одно и то же лицо... То есть на самом деле это ничего не меняет. Лишь добавляет неловкости.

Чуть-чуть.

– И как вам удалось открыть колодец на Ройке? – спросил Атлантида. – Если сказать честно, то он открылся сам... Видишь ли, мы не сказали тебе, что во время раскопок нашли колодец. Он, разумеется, был засыпан песком и завален камнями. Мы его расчистили. – Платон затаил дыхание. – Но на дне не было воды.

– А что там было? – как можно равнодушнее спросил Атлантида.

– Плита из базальта. На всякий случай колодец мы вновь

засыпали.

– Жулики, – беззлобно бросил археолог и осторожно перевел дыхание.

– Никто не обязан раскрывать свои профессиональные тайны. Обычно рядом с грибницей гробниц всегда отыщется колодец – это закон Ройка. Но знаем его мы, сукки, а МГАО – нет. Ну и как только мы узнали о колодцах, как о нуль-порталах, мы быстренько подтащили робота-землесоса и вновь очистили жерло. Очистить-то очистили, но включить нуль-транспортировку не смогли. Мы провели эксперимент и попытались открыть портал, как ты рассказывал. При помощи прыжка. Мы туда кинули один экземпляр... гуманоида, но не человека, – поспешно добавил сукки. Атлантида попытался прикинуть, о ком может идти речь, но потом отказался от этой мысли. – Его, в общем-то, и так надо было давно пришить, как говорили в древности... Вот только смысл слова не ясен. Что такое пришить? – Что-то вроде “склеить” – предположил Платон.

– Нет, мы его не склеили... мы его наоборот... того... расклеили. Давно держали его... для некоторых целей... Ну и тут он как раз и пригодился. И расклеился.

– Конкурент? – спросил Атлантида.

– Вроде того. Но это было не убийство, а суд. Мы кинули его в колодец – как говорится, для проверки. Спасешься, значит, не виноват. У нас на планете это называлось судом Великого Кая. Но этот тип разбился. Значит – виновен.

Мы выскребли остатки его тела из колодца и стали думать, что нам делать. Произнесли даже твою формулу... Ну, ту... помнишь... она еще в гробницах звучит... И тут, смотрим, летит... Поначалу мы думали: инспекция МГАО-и кинулись к пещерам. А потом – разглядели: летит огромный золотой диск и на полной скорости грохается в наш колодец...

– Огромный золотой диск, – повторил Платон как зачарованный.

– Именно.

– И колодец разбился?

– Да нет, целехонький стоит, ничего ему не сделалось.

– Диск же намного больше колодца! – не поверил археолог.

– Клянусь... Пошло какое-то искажение. Диск изменил форму, вытянулся стрелой и шарах в колодец. Тут мы не утерпели. Рассовали по карманам нужные вещи и быстренько – следом.

– Подождите! Значит, этот диск прилетел с Немертеи и включил колодец на Ройке? – Оба сукки энергично закивали головами. – Только этот колодец или все остальные?

– Этого я не знаю... Но этот, как видишь, включился. И очень удачно.

Атлантида провел ладонью по лицу – ему стало явно не по себе. – Если колодец включился, то Ал Бродсайт явится следом за вами на Немертею.

– Вообще-то мы оставили своих ребят охранять вход, –

признался сукки Кай-1.

– Бедняги. Если появится Чистюля, им несдобровать.

– Что же делать?

Атлантида вспомнил про рейд Сил безопасности по космопорту. Насколько он понял из происходящего, похождениями господина Бродсайта явно заинтересовалась Лига Миров. Но со Службой безопасности он уже пообщался. Платон задумался. Что же предпринять? Можно смотаться на Ройк, бросить к чертям собачьим Немертею, заявить об открытии порталов и опубликовать предварительные данные, так сказать... Решение соблазнительное, но... Он не привык оставлять загадки неразгаданными. И к тому же Ноэль и Кресс погибли. Аннигиляция. Или не погибли? Для аннигиляции энергии явно было маловато. А может, это была нуль-транспортировка? Супруги – милые люди. Вернее, нелюди. Гуманоиды. Надо же, король и королева Немертеи! Атлантиде стало немного стыдно за свои претензии к таинственным правителям. Милых гуманоидов не следовало бросать в беде. Ни при каких обстоятельствах. Но как это сделать в данных обстоятельствах? Ноэль и Кресс исчезли, связи опять нет, где Бродсайт неизвестно. Все? Нет... Не все!

Атлантида едва не закричал и бросился вон из комнаты. Достал припрятанный на антресошке кувшин со “смычком”, побежал в свою комнату, включил комп.

– Слушай и записывай, – приказал он своему суперразумному помощнику. – Включи программу расшифровки. За-

действуй все резервные контуры. – И Платон вставил “смычок” в кувшин.

Кувшин молчал...

Сукки, прибежавшие следом, с изумлением смотрели на археолога, который носился по комнате в обнимку с черным керамическим кувшином, тряс несчастную находку и сыпал проклятиями на всех известных ему языках.

– Что расшифровывать? – поинтересовался комп. – Разве вам не известен смысл слов, которые вы только что произнесли?

Вопрос компьютера несколько отрезвил Атлантиду. Он вытащил “смычок”, внимательно оглядел золотой кувшинчик и задумался. Может, ему приснились эти голоса? Может...

– Вот что, ребята, – сказал он после долгой паузы, – сейчас мы отправимся на раскопки, притащим сюда эти чертовы кувшины и вытрясем из них души...

6

Через час перед ними стояли пять совершенно одинаковых черных керамических кувшинов. Платон на всякий случай произнес формулу, что произносилась в гробнице, когда открывались навсегда замурованные двери. Произнес и вставил “смычок” в первый кувшин.

Зазвучал голос... явно женский, молодой. Он говорил

монотонно, без выражения. Некоторые звуки человеческой гортанью были совершенно непередаваемы.

– Изучай и расшифровывай, – приказал Атлантида компю. Кувшин замолк. Сделал паузу. Вновь заговорил... Вновь замолк... Платон заглянул внутрь. “Смычок” вращался внутри кувшина. Сукки Кай-1 протянул когтистую руку, хотел извлечь золотой кувшинчик, но человек перехватил его лапу.

– Нельзя прерывать рассказ, или кувшин замолчит навсегда.

– Расшифровка началась, – сообщил компьютер. Атлантида надел наушники.

В комнате звучал голос кувшина, в наушниках – перевод. “Это последняя моя запись. То есть звуковая первая. Но она же и последняя. Раньше я не верила, что к-хи знают, делают они последнюю запись или нет. Просто беседуют каждый день по душам. Но теперь я точно говорю: другие знали, когда беседа последняя. Вчера, когда я общалась (слово общалась переведено приблизительно, пояснил компьютер) с погребальным кувшином, я не чувствовала, что это последняя запись. Я знаю, что информационная картина получилась неполной. Теперь ни у кого нет полной информационной картины. Поэтому я создаю звуковую запись. Быть может, она поможет восстановить утерянные кирпичики моей души (переведено приблизительно). Проклятие Аппу я не смогла произнести, как того требовали зрители. Но ведь нельзя лишить человека погребального кувшина только за то, что

он слишком привязан к Аппу. Но что я говорю... что говорю... я, да, конечно, такие мысли не могут быть помещены в погребальном кувшине... и все же... меня охватил ужас. Поняла... (слово переведено приблизительно). Я поняла только сейчас: те, кто остался на Аппу, никогда не смогут поместить свои погребальные кувшины в погребальные камеры и совершить новый круг. И они никогда... никогда не смогут получить милость короля и королевы... Я была на Аппу в юности, на Аппу я встретила Бр-дда... Он остался там, я вернулась. Он сказал, что каждый день будет наполнять одну слезу, и слезы Аппу поведают мне о его жизни без меня. Он просил меня вернуться. Он будет ждать меня сколько угодно лет. И копить слезы. Да, я хотела уехать. Моя материальная жизнь достаточно длилась, я получила там много милостей, и теперь я могу продолжить жизнь духовную (переведено приблизительно). И когда я поднимусь на высоту духа, я вернусь на Ararat и увижу Бр-дда... И это будет особенная милость и особенная радость – слышать слезы. Аппу... Но зрители закрыли порталы. Я была среди тех, кто просил зрителей не лишать нас этой милости. И тогда мне сообщили, что я недостойна. Что король и королева лишают меня своей милости. Я поверила зрителям. Я жила двенадцать лет, уверенная, что король и королева лишили меня своей милости, пока...”

– Далее сообщение обрывается, – сообщил комп.

Атлантида и сам заметил, что кувшин замолчал. Однако

кувшин поведал и так достаточно. Вот для чего все эти кувшины с тончайшим узором, который всякий раз складывается в одинаковые полосы и кружки. Погребальный кувшин, в котором записана информация о человеке, его ментальное поле – вот что такое эта черная керамика. Каждый кувшин – душа. Что-то вроде информационного диска. Видимо, каждый имел свой погребальный кувшин, который после смерти человека помещался в погребальную камеру. Душу хоронили на Немертее, тела – на Ройке. Самоназвание Ройка – Аппу. Добро пожаловать в Аид, царство теней, друг мой Атлантида. Царство теней или царство душ? Духовная жизнь на Немертее, материальная – на Ройке. И еще милость, оказываемая королем и королевой. Слезы Аппу... Платон вспомнил ожерелья из черных слез. Так вот почему почти все ройкцы носили такие бусы. Всего лишь записные книжки.

Но кто-то решил разделить Ройк и Немертею. А непокорных лишили милостей короля и королевы. Знали об этом Ноэль и Кресс или нет? Успели они сделать свои расшифровки... Впрочем-что им дешифровать? Они же гex и regina, они и так знают язык... Или не знают?

Платон “включил” следующий кувшин. Компьютер стал тут же переводить. В этот раз голос был мужской и очень молодой, юношеский голос. Голос, разумеется, подбирал комп. Возможно, на самом деле тот, от чьего имени “говорил” кувшин, был не так уж и молод:

"Уже третий день я пытаюсь снабдить свой кувшин зву-

ковой записью, но предыдущие два дня я лишь молча сидел рядом с кувшином и, как прежде, беседовал с ним по душам. Но сегодня смотритель сказал, что я обязательно должен рассказать о себе. Я спросил смотрителя, как много я могу сообщить кувшину. И он сказал: “Расскажи все”. Я пришел домой, взял кувшин и стал думать... И все наполнилось во мне большим страхом (переведено приблизительно, добавил компьютер в очередной раз). Ибо мне показалось, что, кроме этой звуковой записи, никакой иной не будет. Король и королева сообщили, что вскоре мне окажут милость... Но я боюсь, что умру раньше. Мой друг С-сма... умер вчера. Я нашел его погребальный кувшин и отнес смотрителю. Он спросил – делал ли С-сма звуковую запись, и я ответил – не знаю. Но почему я сообщаю о С-сма... ведь это мой кувшин, я должен говорить о себе. Но кто я? Что во мне такого особенного и что я должен сказать, чтобы отличить себя от других... и когда моему кувшину будет оказана милость... что получит из него новый маленький к-хи... Во мне нет совершенно ничего особенного. Я никогда не был на Аппу. Когда я был маленьким и моему па и моей ма... (переведено приблизительно, может быть, подойдет лучше выражение: совместно получившие милость мужчина и женщина) была оказана милость, я думал, что первым делом поеду на Аппу и узнаю милость природы Аппу, а потом вернусь на Таю-ю и узнаю милость природы Таю-ю...” – Переводи Аппу как Ройк, а Таю-ю как Немертея, – обратился Атлантида к

компьютеру.

– Самоназвания придают особую прелесть рассказам, – попытался спорить комп. – Но если тебя не интересуют тонкости, если тебе плевать на стиль, то, пожалуйста.

И комп продолжил:

"Но я узнал, что милость природы Ройка не дает узнать милость природы Немертеи. И чем больше узнаешь милость природы Ройка, тем меньше стремишься познать милость природы Немертеи. Те органы, которые могут узнать эту милость, постепенно атрофируются, и такой к-хи отныне может узнавать только милости природы Ройка. Когда я узнал об этом, я очень обрадовался. Я подумал, какая светлая радость (переведено приблизительно) посетила меня, раз смотрители оградили меня от милостей природы Ройка и дали возможность познать милости природы Немертеи. И вот теперь я пытаюсь вспомнить милости природы Немертеи и не могу... не знаю ничего о ее милостях...о Далее последовала долгая пауза. Молчал не компьютер – кувшин. То ли к-хи раздумывал о том, что должен сказать кувшину, то ли сказанное было стерто.

Наконец голос зазвучал вновь:

"Когда я смотрел, как аннигилируется тело С-сма, дабы не испятнать гниением лик природы Немертеи, я пытался вспомнить, какие милости оказала мне природа Немертеи. И когда я пошел во дворец, дабы узнать, когда мне и моей жене (переведено приблизительно) будет оказана милость, я

все равно не мог вспомнить о милостях природы Немертеи. Я не думал новые мысли и даже не мог думать старые. Мне была оказана милость творчества – так говорил смотритель. Но сделанное мной не походило на милость. Даже на самую маленькую. На стенах камеры для погребальных кувшинов я пытался сделать фреску, но не смог. Я хотел записать в кувшин рассказов свой рассказ о королеве, потерявшей короля и лишившейся счастья оказывать милость своим подданным... Но я придумал только первые слова. Ровно тридцать два слова и еще песню. А когда придумал, то понял, что я не оказываю милость – я ее отнимаю.

Итак, я, оставшийся без милостей, пришел к дому Белому и увидел огромную толпу. К-хи стояли перед новым входом в дом Белый и выкрикивали одно слово: „Милость!” Стражники в защитных костюмах и все при оружии (неясен вид оружия) выстроились у входа во дворец. Я знал, что в толпе стоят те, кому милость, оказанная королем и королевой, оказалась слишком краткой. Я знал, что такие к-хи есть, но не знал, что их так много. Я посмотрел на двух к-хи, стоящих среди толпы. Они не кричали, как все, а плакали. Женщина была немолодая, мужчина – почти старик. Я подошел и спросил их, как долго им была оказана милость.

И женщина сказала:

– Всего два дня. Два дня милости после десяти лет ожидания.

Мужчина же ничего сказать не мог.

Два дня... Всего два дня. Я бы тоже плакал, если бы милость короля и королевы покинула меня через два дня.

Я подошел к дому служителя дворца, и служитель сказал, что завтра мне и моей жене будет оказана милость короля и королевы. Завтра я услышу их сладостные голоса, похожие на теплый западный ветер в доме Белом, когда будут творить они свою милость мне, жалуюмому из сердца своего. Когда к-хи слышат голоса короля и королевы, они ликут, и плоть их молодеет, и дух молодеет. Да живут король и королева вечно! Я обрадовался и побежал. Я бежал, чтобы поскорее сообщить жене об этом. Я даже истратил последние деньги (переведено приблизительно), чтобы нанять глайдер (переведено приблизительно). Я прибежал к жене и рассказал ей о том, что завтра будет оказана милость. И она заплакала и сказала: „Теперь мне даже не надо погребального кувшина”. Я закричал на нее. Я возмутился. Я сказал, что погребальный кувшин – это главная милость природы Немертеи. И когда я это выкрикнул, мне в голову пришла ужасная мысль: вдруг это не главная, а единственная милость природы, Немертеи? Я испугался этой мысли и ушел в свою ячейку, взял погребальный кувшин и стал беседовать с ним, как это делал почти всю жизнь (переведено приблизительно), с тех пор как мой па и моя ма подарили мне погребальный кувшин. И вот, беседуя, я понял, что это последняя моя беседа с погребальным кувшином и последний мой день жизни. И больше я ничего не смогу сказать своему кувшину. И так получится,

что завтра я не успею получить милость короля и королевы, и моя жена, даже если сегодня она беседует с погребальным кувшином не в последний раз, тоже не сможет получить милость, потому что милость всегда даруется двоим. . .

И я заплакал – как плакала та женщина в толпе, которая наслаждалась милостью всего два дня. Я оставил свой кувшин и побежал к дворцу и стал просить служителя, чтобы, король и королева – да живут они вечно! – оказали нам с женой милость сегодня, потому что я не могу ждать до завтрашнего утра. И служитель все понял, он взял меня за руку и сказал, что милость, которая должна быть оказана завтра, не может быть оказана сегодня.

И тут я увидел женщину, очень бледную, в длинном белом платье, которая держала в руках погребальный кувшин. Она стояла в толпе тех к-хи, что лишились милости. И вдруг она подняла свой кувшин над головой, закричала: „Смерть!” (переведено приблизительно) и разбила кувшин о плиты мостовой. И черные осколки кувшина лежали на красных и синих плитках. И никто не плакал. Даже эта женщина. И я не плакал. Моя плоть состарилась, мой дух состарился. Я не услышу завтра голосов короля и королевы – да живут они вечно! – похожие на шепот западного ветра. И я пошел домой. . . я рассказал кувшину то, что видел. Я понял, что дух к-хи, видевший, как разбила погребальный кувшин, не может быть использован для оказания милости кому бы то ни было. Но я вспомнил о кувшине рассказов, в который не смог поме-

стить свой рассказ о королеве, потерявшей короля, и решил, что мой кувшин теперь станет кувшином рассказов. Пусть с моей помощью никто не окажет никому милость, но...”

– Текст закончен, – сообщил компьютер.

Атлантида не сразу понял, что не услышит голоса в наушниках. Он сидел на кровати и смотрел прямо перед собой. И видел красные и синие плитки площади перед дворцом. И повсюду – черные осколки. И женщину в белом платье. И складки ткани колебал теплый западный ветер.

– Что вы думаете по поводу наших находок? – спросил он у сукки.

Те переглянулись, и сукки Кай-1 сказал:

– Ребята переживали тяжелые времена.

– А я думаю, мы нашли кувшины, помещенные в Аид⁴. Подземное царство, где нет ни мучений, ни наград. Ничего. Но в местном Аиде нет и Леты, смывающей память о прошлом. Хотел бы я знать, как звучат кувшины, попавшие в Элизии.

– Или в Тартар⁵, – подсказал сукки Кай-1.

Платон хотел включить запись следующего кувшина, но отложил “смычок”. Было слишком тяжело. Будто только что вернулся с похорон, но не выпил еще и не помянул. Зато выслушал много речей о том, каким хорошим парнем был покойный. Помнится, был такой у него знакомый... то есть ед-

⁴ Аид – царство мертвых, рай.

⁵ Тартар – ад.

ва знакомый парень. Сан Саныч. Астронавт на дальних рейсах, командир грузовоза. То есть Сан Саныч один на том корабле и летал. Дельный парень. Только почему-то поговорить с ним не получалось. Встретятся где-нибудь на пересадочной базе. Привет! – Привет! Ну, еще пара шуток, глоток текилы – и все. А ведь парень-то надежный, никогда ни перед кем шеи не гнул, и умница, и остряк. Одно слово скажет – все вокруг смеются. Говорят, была у него какая-то задумка насчет планеты Итака. И все хотел Атлантида поговорить, с ним по душам. И почему-то не поговорил... Не успел. Сгорел Сан Саныч вместе со своим грузовозом. Ничего не осталось. М-да... А теперь уже не поговорить. У людей нет погребальных кувшинов. А еще Сан Саныч слово умел держать – обещал груз подбросить по дороге – непременно подбросит, нигде не затеряет. Выпить любил. Почему они не поговорили по душам, как этот к-хи со своим погребальным кувшином?.. То ли Платон боялся дерзкой его прямоты, то ли Сан Саныч Платона за дельного человека не считал? А что, если один человек для другого – погребальный кувшин? Глупые какие-то мысли. И совсем не аристократичные. Без легкости. Без иронии, без полета. Ясно, что срочно требуется выпить. Рассольников вытащил из багажа бутылку текилы, отправился в столовую и развязал Андро. Разрезал лимон. Налил себе и ей. Насыпал соль на руку. Она тоже насыпала. Выпили, долго сосали четвертинки лимона. Будто не было меж ними смертельной схватки, будто они, как прежде, –

друзья.

– Сходи в туалет, – предложил Атлантида.

– Будешь меня сопровождать? – спросила она, вытирая лицо мокрой тряпкой-кляпом.

– Нет. Рискну отпустить тебя одну.

– Глупо, Платон. Ты ведешь себя глупо, и сам не понимаешь – насколько.

Хочешь, я дам тебе совет? Возвращайся на Ройк. А лучше на свою Землю-дубль.

Сегодня же. Сейчас. Забирай своих друзей сукки – и вперед.

– Иди лучше в туалет, пока я не передумал, – усмехнулся

Платон.

Он вышел на двор. Андро никуда из дома не денется. А ему надо немедленно подышать воздухом и подумать. Обо всех этих посланиях, заключенных в погребальных кувшинах, обо всех этих милостях, которые так хотели, но не могли оказать своим подданным короли Немертеи. Андро была права – отношения обитателей Дворца и простых жителей испортились к концу Четвертого царства. И причиной была краткость оказываемых милостей народу к-хи – так называли себя жители Немертеи.

Платон присел на камень возле бассейна. Казалось – бежал он всю жизнь, убегая не от других – от самого себя. И вдруг обнаружил, что бег кончился и он сидит, сжимая в руках погребальный кувшин, а там чья-то жизнь, рассказанная

на чужом языке. А ему почему-то кажется – его собственная. Вся жизнь, нашептанная день за днем. Вокруг звучали голоса, и все требовали одного-милостей... как можно больше милостей... Он лихорадочно оглянулся, будто искал СВОЙ погребальный кувшин, чтобы сообщить ему нечто важное, нечто последнее и... С неба дождем летели светляки. Светящиеся капли облепили каждый побег, каждую травинку. Археолог вытянул руку – светляки роились вокруг его пальцев. Атлантида поднялся и встряхнул руками – светляки отлетели в сторону, сохраняя контур человеческой фигуры. Сан Саныч?.. Платон усмехнулся. Что за дурацкое наваждение! А светящийся человек (именно человек, а не к-хи) держал в вытянутых руках кувшин, покрытый черной глазурью. Сейчас он разожмет руки, сосуд упадет на плиты дорожки и разобьется... К счастью, у людей нет погребальных кувшинов, и они могут бить посуду, не рискуя разбить чью-то душу. Атлантида повернулся к призраку спиной и услышал звон бьющегося кувшина. Оглянулся. Никого-светящийся абрис человеческой фигуры исчез. Но на разноцветных плитках чернели осколки керамики. Платон поднял голову. Из окна комнаты торчала черная морда сукки Кая-1.

– Зачем ты выкинул кувшин?

– Он же не звучит во второй раз. Так зачем загромождать помещение?

– Все равно не смей выбрасывать кувшины! Это же чьи-то души. Даже если они не звучат – пусть будут.

– Понял. – Голова сукки скрылась в комнате.

Атлантида вернулся в дом. Андромаха сидела в столовой и ела. Он вошел – и она... улыбнулась. Что-то было не так... Но он пока не мог понять – что.

– Хочешь меня опять связать? – спросила девушка.

В голосе ее не было страха – только любопытство. И даже некоторая доля кокетства. В этот раз она не пыталась тронуть его слезами.

– Пока нет. Но один из братьев-сукки будет наблюдать за тобой постоянно.

– Пускай. Мне эти крокодилообразные не мешают. И потом они раздуваются от удовольствия, когда я зову их по именам. Мне ведь не надо насиловать свои голосовые связки, чтобы обращаться к ним уважительно.

Атлантида ошибся. На планете сукки были в почете не только кастраты, но и женщины. Поэтому в обращении с братьями – сукки Андро, несомненно, имела преимущество. Платон стал сомневаться – можно ли доверять млеющим от ее голоса охранникам?

– Не волнуйся, – засмеялась Андро. – Я не стану соблазнять твоих друзей. Они не в моем вкусе. А ты плохо выглядишь. Ты не болен?

И тут зазвучал голос. То есть в этот раз был не рассказ – пение. Ангелы так могли бы петь – но только не на планете, а где-нибудь в высших сферах, наблюдая неземную красоту и погружаясь в неземную гармонию. Голос наполнял весь дом.

Атлантида несколько секунд стоял неподвижно, не в силах сдвинуться с места – его очаровала песня. Потом бросился вон из столовой. Сукки Кай-1 сидел на корточках перед кувшином и смотрел, как вращается внутри него золотой “смычок”. И что-то такое подпевал. Лишь когда пение закончилось, Платон сообразил, что комп не перевел ни слова.

Видимо, комп был так тактичен, что не посмел мешать. В отличие от сукки.

– О чем он пел? – обратился Атлантида к компьютеру.

– Язык не известен.

– Разве это другой язык?

– Именно так. Некоторые совпадения имеются. Но лишь некоторые. В основном совершенно новый язык.

– Можешь перевести?

– Я не получил команды.

– Ты запомнил слова песни?

– Разумеется. Переводить стихами или прозой?

– Стихами. А впрочем, подожди. Сейчас будешь переводить следующий кувшин.

– Мой второй контур может заняться другим заданием, – самоуверенно предложил комп. – Мой мозг специально выращен для проведения сложнейших исследовательских программ.

– Как бы ты не начал глючить....

– Вы обижаете мой второй контур.

Платон надел наушники и “запустил” следующий кувшин.

И вновь кто-то стал рассказывать. На этот раз голос оказался мужской, голос уже пожилого человека. И рассказ тоже был не особенно веселый – это ясно было без перевода.

"Сегодня я подарил погребальный кувшин своему сыну. Теперь многие боятся, что не успеют этого сделать, и стараются наивно обмануть природу Немертеи и подарить погребальный кувшин раньше, чем ребенку исполнится пять лет. Неужели они не понимают, что маленький ребенок еще не умеет разговаривать с кувшином по душам, и тем самым они портят кувшин и лишают дух к-хи возможности совершить новый круг. Но мой маленький Т-ти уже научился разговаривать со своим игровым кувшином, и теперь ему ничего не стоит каждый вечер, как положено, говорить с настоящим погребальным кувшином. Какое совпадение – он в первый раз разговаривает со своим погребальным кувшином, а я – в последний. Я это чувствую, как чувствовали другие последний день до меня. Но мне не особенно страшно. Однако... все же... я боюсь. Почему зритель сказал, что запись моих разговоров (переведено приблизительно) не точна и надо оставить еще звуковое послание, как будто это не погребальный кувшин, а кувшин для игр или для собирания рассказов? Прежде я считал кувшины рассказов совершенно ненужными. Порой мне мерещилось в них нечто, свойственное не природе Немертеи, но природе Ройка. Они подходили на низкую пищу (эквивалента подобрать не удалось). И вот я сам сочиняю кувшин рассказов. И не могу сделать

этот кувшин плохим. Он должен звучать, умиротворяя святило Немертеи голосом сладостным, умножая любовь. Голосом, который сладостнее теплого западного ветра... Я пел всю жизнь, и из многих кувшинов будет звучать мой голос. А С-сма всю жизнь копал подземный ход, чтобы добраться до колодца и соединить вновь природу Немертеи и природу Ройка. Но С-сма умер, и никто не ведает, где тайный ход. Я похитил кувшин С-сма, чтобы узнать, как добраться до колодца. Но кувшин С-сма не зазвучал. В глине был какой-то дефект. Что, если мой кувшин поврежден... и... тогда... тогда мой дух не сможет совершить новый круг. Говорят, теперь много дефектных кувшинов, но никто не знает – почему. Буду ли я жить в тот момент, когда мой рассказ зазвучит из кувшина? А если даже и буду, то какова будет жизнь в кувшине рассказов? Вновь и вновь внезапные пробуждения среди долгого сна, и вновь – бесконечная ночь... Сначала пробуждения часты, потом все реже и реже. И наконец – уже не дожидаться нового слушателя. Никого не интересует мой рассказ. Что, если все предыдущие записи в моем погребальном кувшине погибнут и останется только эта – звуковая? Там было много значительного, много важного... Во всяком случае, для меня. А здесь? Обращенное в звук общение всегда слабее, нежели общение по душам. Сижу, склонившись над своим кувшином, сознавая, что должен произнести НЕЧТО. А произнести ничего не могу. Лишь повторяю: в последний раз, в последний раз... Все прежние сооб-

щения уже не имеют значения. Значение имеет лишь одно, будет еще один круг или нет... еще один круг или нет... Круг этой жизни оказался скомканным, пустым и ненужным. Даже для Т-ти я сделал так мало. А что, если этот мой круг последний?.. Какой-нибудь круг всегда бывает последним. Я устал говорить и начинаю повторяться. В ужасе обнаруживаю... мне нечего больше сказать... тороплюсь... Или... Говорят... что всему виной краткость нынешних милостей, что оказывают король и королева, да живут они вечно...” – На этом сообщение прерывается, – сообщил компьютер. – Зато могу предоставить перевод песни.

– Давай...

"По улице ходила большая крокодила...

Она была очень зеленая и очень большая”.

– Что?!

– Перевод, как вы просили. Прозой.

Атлантида обдумал предложенный компом вариант.

– Идиот! Дешевый пластиковый мешок для погребения!

Это же та песенка, которую напевал сукки. Где песня кувшина?

– В моей памяти нет другого варианта...

Так... Значит, исследовательский, специально выращенный, как младенец в искусственной матке, комп не сделал записи. И эта божественная музыка звучала в первый и последний раз. Атлантида и два сукки были ее единственными слушателями. Что ж это такое?! Платон попытался напеть

несколько особенно поразивших его музыкальных фраз...

Но не получилось. Так петь он не мог.

А тут в комнату вбежал сукки Кай-2.

– Андромаха сбежала.

– Молодец! Куда ты смотрел?

– А ты? – Впрочем, упрекать друг друга не имело смысла. – Колодец! Она кинется к своему дружку Бродсайту на Ройк.

Атлантида схватил бластер и помчался к вездеходу. Но не добежал и вернулся назад. Надо выработать хоть какой-то план действий... Но почему-то ничего дельного не приходило в голову – в ушах звучали обрывки только что слышанной музыки... Так куда же мчаться? К главным гробницам или к тому колодцу, через который они прошли в первый раз?.. Андро, разумеется, кинулась к тому portalу, через который ушли на Ройк Ноэль и Платон, – глайдер из ангара исчез. Но с другой стороны – пройти с Ройка можно, по всей вероятности, только через колодец в гробницах. Он единственный включен-остальные заблокированы.

– Кай, – обратился Платон к сукки Каю-1.

– Ты зовешь не меня, – отвечал тот.

– Сукки Кай-1! – завопил Атлантида тонюсеньким голоском, самым тонюсеньким, на какой только были способны его голосовые связки, и, разумеется, сорвал голос и закашлялся. – Садись на глайдер и лети к колодцу, постарайся перехватить Андро. Координаты есть в бортовом компе.

А сам Платон помчался к воротам в стене. На вездеходе он доберется к главным гробницам минут за десять. Ну что за нелепый ритуал! Внутри – на вездеходе. Снаружи – на глайдере. Какие-то нелепые тысячелетние традиции. Ну, прямо как на Британии-7.

7

Никогда прежде он не мчался среди руин с такой скоростью. Почему за все эти дни он не приказал своему прекрасному универсальному дорогущему F-55001 расчистить настоящую дорогу среди развалин? Теперь амортизаторы не выдерживают и вездеход трясет на каждом ухабе и...

Никаких больше мыслей при такой тряске возникнуть в голове не могло. Атлантида старался держать рот закрытым, чтобы не откусить язык. Язык вроде бы был цел, когда археолог, пошатываясь, вывалился из кабины возле главных гробниц. Вездеход совершил нечто вроде почетного круга и замер.

– Куда вы так спешите, профессор? – услышал он за спиной знакомый голос. Запоздало потянулся к кобуре с бластером. – Нет-нет не надо делать резких движений. Чистюля, друг мой, отбери-ка у него “магнум”, а то он еще по неосторожности кого-нибудь пристрелит.

Громила радостно хмыкнул, пихнул Платона в спину, и археолог растянулся на песке. При этом Чистюля сорвал с

него ремень вместе с кобурой бластера и с ножом в чехле. В руках у Атлантиды осталась только тросточка. Не так уж и много. Но в принципе и не мало, учитывая малочисленность врагов. Ал Бродсайт, или, как он себя называл, Тимур, преобразился. Был он в хамелеоновой форме рейндже-ра, в гермошлеме и с “магнумом” в ладонке. Но при этом было что-то в его манерах театральное. Платон даже не мог понять – что. Чистюля, нависающий над Атлантидой скалой, также переделался в форму рейнджеров. А вот двое пацанов не удостоились такой чести и так и остались в грязно-белых комбинезонах. Зато у обоих имелись “магнумы”.

– К сожалению, профессор, ты меня разочаровал. Я полагал, что ты думаешь точно так же, как я. А оказалось – нет. Так что придется тебя прикончить. Чистюля, займись, – сказал Бродсайт скучным голосом – Он нам больше не нужен.

– Можно я прибью его голыми руками? – спросил громила.

– Ну, разумеется. Я всегда учитываю чужие желания. Только давай побыстрее. Мне надо срочно установить связь с моими сторонниками. “А то как вдруг Агамемнон покроется чирьями”. – Судя по всему, эту поговорку знали все археологи, даже сомнительный консультант, а сам Атлантида услышал ее впервые на Немертее. Неужели так отстал от жизни?

Чистюля вложил всю свою отнюдь не малую силу в удар левой. Если бы достал, от лица Атлантиды мало бы что осталось. Но Платон отскочил и замер в нескольких шагах,

небрежно играя тросточкой. Будто живая, гибкая трость обегала вокруг одного пальца и сразу цеплялась за другой, потом третий, четвертый и вновь бежала, исполняя замысловатый танец, и каждый раз все быстрее. Чистюля даже не обратил внимания на это жонглирование. Он вновь ударил. И опять мимо. Зато тросточка, набрав скорость, хлестнула экселентиста по предплечью. Гигант отскочил. Платон хлестнул вновь, и громила захватил его гибкое оружие, и теперь... А теперь Чистюля получил ногой в промежность. Атлантида тут же выдернул из его пальцев тросточку, ударил противника по шее от души – с оттягом, так что на коже остался кровавый след. В следующую долю секунды тросточка проскользнула меж пальцев археолога и хлестнула здоровяка еще раз – по глазам. Чистюля зарычал и пошел наугад, ничего не видя. Атлантида отпрянул и еще несколько раз полоснул противника. Решив, что дальше наслаждаться своим превосходством опасно, Платон попытался вырвать кончиком тросточки бластер из Чистюлиной кобуры, но не получилось. Подойти же ближе даже к наполовину ослепленному противнику археолог опасался. Зато один из парней приметил его маневр и вытащил свой “магнум”. Атлантида прыгнул за ближайший обломок. И вовремя – подручный Бродсайта нажал на курок. Платон рванулся, перекатился по песку... Вспомнил про находящийся рядом храм. Там ведь тоже есть колодец. Правда, заваленный... Ах, черт. Почему они его не расчистили... таинственный хог мешал... да чтоб им тут на

Немертее с их идиотскими явлениями... Атлантида метался среди развалин, рискуя в любую минуту получить разряд из бластера меж лопаток. Засев в очередной раз под обломком стены для краткой передышки, он увидел, как мини-торнадо неожиданно покинул свою стационарную орбиту и пошел куда-то вбок, пересек тропку... Платон глазам своим не поверил: смерч ловко утянул в свою серо-коричневую воронку человека в белом комбинезоне. Мелькнули растопыренные руки, ноги, лицо, превратившееся в один раскрытый в неслышимом вопле рот, и... ам... Нет никого, а мини-торнадо продолжал крутиться посреди развалин, перемещаясь взад-вперед, будто караулил кого-то, перерезая путь. Несмотря на свое довольно отчаянное положение, археолог усмехнулся: торнадо в роли сторожевой собаки – это он видел впервые. Однако кто знает – может, теперь смерч постарается схватить любого, кто попадет... куда? Вот именно – куда должен попасть человек, чтобы его сожрал пес-торнадо? Атлантида принялся медленно отползать подальше от опасного смерча. Крутящийся “пес” не обращал на археолога никакого внимания. Куда же теперь идти? Платон осторожно огляделся. Остальные три смерча вертелись по прежним накатанным траекториям. Не видно было и людей Бродсайта. Эти ребята наверняка отступили и отрезали Атлантиду от обоих выходов и от колодца нуль-портала. Но почему-обоих?.. Ведь столицу окружает, если верить Андро – хотя он теперь не знал – можно ли ей верить хоть в чем-то, – бывшая

городская стена. А в такой стене не может быть только двух выходов. Их должно быть куда больше... Семивратные Фивы... Стовратные Фивы... Возможно, немертейская столица и не имела сотни ворот, но все же не два же выхода на весь город! Ну-ка побежим в другую сторону. Там тоже наверняка найдутся ворота. И Платон побежал.

БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

1

Бежать ему никто не препятствовал. И даже не преследовали. Ни люди Бродсайта, ни разумный пес-смерч. Пару раз, правда, пальнули вслед. Но разряды прошли на таком расстоянии, что сразу стало ясно – палили наугад. Петляя меж развалинами, Атлантида пытался прикинуть, где могут оказаться ворота. Никаких стоящих догадок на ум не приходило. Постой... вот, кажется, тропинка. А раз тропинка, кто-то по ней ходил. То ли Андро, то ли Кресс с Ноэлем. И значит, вести она может только к одному месту – к воротам. Платон побежал быстрее. Но ворот он не нашел. А нашел лестницу, сложенную из обломков зданий рядом со стеной. Карабкаться по этим импровизированным ступеням было не особенно удобно. Но и на египетские пирамиды на Старой Земле, говорят, лезть – мало приятного. Атлантида забрался наверх и оглянулся. “Беспризорный смерч” по-прежнему разгуливал взад и вперед, накатывая новую дорожку. Бродсайт и его люди куда-то исчезли. Это Платону не особенно понравилось. Может, они караулят на той стороне? Атлантида заглянул через стену. Похоже, его никто здесь не ждал. Зато он приме-

тил приделанную к стене современную пластиковую лестенку. Кто-то ходил на раскопки с черного хода. Видимо, Кресс с Ноэлем пробирались сюда тайком от Андромахи. Ну что ж, Атлантида мысленно поблагодарил обманщиков. Прыгать с такой высоты даже на рыхлую почву ему не особенно улыбалось. Он спустился вниз и тут почувствовал, что между лопаток уперлось что-то твердое. Неприятное чувство. Игломет? Бластер? И в чьих руках? Он уловил слабый запах духов. Андро?

– Не ждал? – услышал он голос Андромахи.

– Тебя – всегда жду, дорогая Андро.

– И ты по-прежнему уверен, что я не смогу выстрелить?

– Представь себе, уверен, – заявил он, хотя такой уверенности у него не было.

– Тогда беги... – приказала она. – Надеюсь, бегаешь быстро.

Атлантида метнулся в сторону, промчался метров пятьдесят и оглянулся. Андромаха подошла к стене. Что она сделала, Платон не разглядел – может, нажала какую-то кнопку или произнесла пароль. Но незаметная прежде дверь перед ней отворилась. Стовратные Фивы...

Атлантида кинулся бежать, не дожидаясь, пока Андро и Бродсайт объединятся. Пару раз он останавливался, чтобы оглядеться. Возможно, где-нибудь поблизости находится замаскированный ветвями глайдер Андро? Но нет, подходящего объекта не попадалось. Неужели ему и дальше придется

ся передвигаться на своих двоих? Он прикинул направление – куда же идти ближе всего? Ближе всего выходило к колодезю, через который они с Ноэлем попали на Ройк. Ну что ж, вперед! Тем более что именно там он должен встретиться с сукки Каем-1. В крайнем случае, если очень припечет, можно отступить на Ройк, для... Как любят говорить военные, после того как им надерут задницу? Ах, да, для перегруппировки сил. В очень древние времена перед началом такой перегруппировки проводилась децимация – казнь или порка каждого десятого – в зависимости от гуманности режима.

Чтобы солдаты, в отличие от гражданских лиц, правильно понимали смысл происходящей перегруппировки.

Но пока до начала отступления Атлантиде пришлось совершить марш-бросок, правда, налегке, ибо противник освободил его от всей экипировки, если не считать легкой тросточки. Но рубашку хоть выжимай. Не смотря на то что климат на Немертее не жаркий, особенно на этой широте. Да, положеньице... Пытаться бегом обогнать глайдер или вездеход – дело бесперспективное. Надо попробовать воспользоваться более быстрым способом передвижения. Очень кстати парочка упитанных кошей, пасущихся на нежно-зеленой лужайке с таким видом, будто происходящее на планете их совершенно не касалось. Атлантида выбрал того, у которого ножки были чуточку подлиннее, справедливо рассудив, что и бежать он будет шустрее. Не долго думая, вскочил зверю на спину, ухватился руками за довольно длинную жест-

кую шерсть на загривке, ударил пятками по крутым бокам и поскакал. Напоминала эта скачка галопирование ковбоя на спине... нет, не быка-борова... Но кош был животным крупным и резвым. Одна незадача: бежать он кинулся совершенно в другом направлении, нежели то, которое было необходимо Платону. Напрасно археолог лупил его пятками и тростью – зверь мчался по одному ему знакомым тропинкам сквозь заросли колючего кустарника и не желал никуда сворачивать. Каждая попытка развернуть его на сто восемьдесят градусов лишь усиливала резвость скакуна. Наконец кош издал что-то вроде победного рычания, взбрыкнул задними ногами, скинул Атлантиду на траву и умчался. Платон лежал, уткнувшись лицом в траву-а травы на Немертее удивительно мягкие, шелковистые и пахнут головокружительно, – и боялся пошевелиться. Он не вполне был уверен, что остался цел. Однако горящие ссадины на лице и плечах, оставленные колючками, подсказывали Платону, что он отделался сравнительно легко. А в голову пришла странная мысль: что, если остаться здесь, на Немертее, навсегда? Притвориться, что всегда и жил так... Вставал поутру, брал косу-как археолог Атлантида прекрасно знал, как выглядит коса, но что с ней делать, представлял весьма смутно – и отправлялся косить траву. Можно вообразить, какое духовитое сено получится из местных трав и как здорово будет валяться на сеновале... Атлантида представил себя голым по пояс, в штанах из какой-то грубой сероватой ткани – надо полагать, именно

так и выглядело домотканое полотно, – в соломенной шляпе и босиком... Он подносил к губам золотую чашу и пил из нее божественный напиток, выжатый из благоуханного разнотравья. Что-то вроде золотой хаомы, которую так почитали зороастрийцы. Да, зороастрийцы... они считали, что существуют некие уже заранее изготовленные души, фравашаи праведных, которые готовы вселиться в новорожденные тела... быть может, это были чьи-то погребальные кувшины, оставленные на Старой Земле заезжим **ВЕЛИКИМ ГОНЧАРОМ?**

Нет, хватит... Что за нелепая фантазия? Это только трава... ее удивительный аромат вызывает миражи и требует немедленно обрядиться в домотканые штаны, вооружиться косой и... завести погребальный кувшин. И пить хаому... и воплотить по всей Галактике фравашаи праведных... Милость природы Немертеи, снизойди на меня... О нет! Атлантида застонал и попытался оттолкнуть от себя планету. А она изо всех держала его, прижимала к своей влажной огромной груди, желая приласкать и оказать милость... Однако избраннык не желал подчиняться. После новой попытки удалось наконец встать на четвереньки. Голова была тяжелой. Атлантида пошарил вокруг себя, пытаясь отыскать косу... Разумеется, не нашел. Вновь толкнул в грудь настырную планету. Отпусти! Оказывай милости другим... А она щекотала его метелками зеленой травы и шептала: “Милость моей природы безгранична”. Он не уступил. Поднялся, пошатнул-

ся, выпрямился...

"Милость природы Немертеи безгранична", – шелестели деревья. Платону казалось, что он вновь слышит удивительную музыку, что лилась из черного кувшина. Вместо души – музыка. Вместо погребения – песня. Перед ним посреди душистого разнотравья высились две статуи из голубого немертейского мрамора. Мужчина и женщина, изваянные из камня с каким-то почти отталкивающим натурализмом, сидели в позах, исполненных достоинства, держа плечи прямо, сложив руки на коленях, и снисходительно смотрели на Атлантиду вставными серебряными глазами. Древние греки и римляне делали своим статуям такие глаза. Профессор Биттнер рассказывал, что в комнате с подобными изваяниями долго находиться нельзя. Невыносимо. Все время кажется, что на тебя кто-то смотрит из вечности.

Вот и эти смотрели, как живые. У женщины волосы были золотые, у мужчины – из серебра.

Что за черт! Почему эти статуи не засек спутник, производя сканирование планеты... Такие громадины, да еще посреди поляны... Атлантида сделал несколько шагов к королю и королеве. Голубой немертейский камень стал дымчатым, потом прозрачным и наконец растаял – от скульптур не осталось ничего, кроме нескольких плит, положенных друг на друга и служивших постаментом. Даже обломков вокруг – и тех не видно... Археолог на всякий случай потрогал камни основания. Они были. А статуи исчезли. Платон огляделся,

пытаясь отыскать осколки в траве. Нашел несколько штук – слишком мелкие и малочисленные, чтобы из них собрать исчезнувшие колоссы. Он присел на плиты. Голова была по-прежнему тяжелой и кружилась. Почему все-таки он видел статуи? Неужели так подействовал запах трав...

Надо уходить... Он поднялся, сделал несколько шагов... И очутился на дорожке из синих и красных плит, изрядно заросшей травой. Не задумываясь, он пошел по ней, точно не зная, куда она выведет. И вскоре увидел за деревьями кирпичную стену какой-то старинной постройки, лишь на полметра поднимающейся из земли, а вокруг кучи перекопанной почвы. И аккуратно сложенные ящики с наклейками антигравитационных индикаторов. Платон не сразу догадался, что он очутился на ферме, которую раскопали Кресс и Ноэль, но которую Атлантида так и не удосужилась осмотреть. Он ускорил шаги. Вряд ли здесь можно укрыться. Но, возможно, археологи оставили специально кое-что из своего оборудования, чтобы не таскать его всякий раз назад в дом. Вряд ли можно рассчитывать, что здесь отыщется бластер с комплектом запасных батарей, но вот пару заступов с автономным приводом и какую-нибудь антигравитационную платформу для перевозки крупногабаритных находок раздобыть наверняка можно. Антигравитационная платформа очень бы пригодилась – для перевозки самого Атлантиды – пот с него так и лил ручьем после пробежки.

Он принялся осматривать ящики, но ничего подходяще-

го не находилось. Разозлившись, он сорвал крышку с ближайшего. Внутри стояли в ряд погребальные кувшины. Платон замер. Почудилось – он слышит голоса... Слишком кратковременны милости, оказываемые королем и королевой – да живут они вечно. Их краткость приводит в ужас к-хи и заставляет сомневаться в милостях самой природы Немертеи...

Платон потрянул головой и спешно приладил на место крышку. По старинным, высеченным из камня ступеням он спустился вниз, в раскопанный дом неизвестного немертейского жителя, надеясь, что, может быть, здесь археологи оставили что-то более полезное для битвы с Бродсайтом, чем погребальные кувшины.

Атлантида очутился в просторном зале, потолок подпирали круглые, выкрашенные в красный цвет колонны. Кое-где штукатурка обвалилась и виднелась кирпичная кладка. Выступающие балки были выкрашены в черный цвет. На первый взгляд постройка казалась не слишком древней. Четвертое царство? Пол, разумеется, был выложен красными и синими плитками. Посреди залы стоял сложенный из кирпичей, оштукатуренный и выкрашенный белой краской куб. "Да не вила это вовсе!" – чуть не крикнул Атлантида. Это храм, несомненно, храм... Платон обошел зал. Стены оштукатурены и покрыты фресками – светло-зеленая немертейская трава, высокая, в человеческий рост, колебалась повсюду. Именно колебалась – все время возникала иллюзия, что

стебли колышутся. Деревья на заднем плане тоже время от времени покачивали ветвями, и только синие холмы вдалеке оставались неподвижными. За колоннами в полу четыре довольно больших квадратных отверстия, заполненных почти до краев жирным черным пеплом, осколками погребальных кувшинов, костями мелких животных. Мусор храма? То, что оставалось от жертвоприношений, складывалось здесь, поскольку мусор был тоже священным. Платон прошел еще дальше и увидел огромный каменный саркофаг, наполненный черными черепками. Атлантида стал перебирать осколки почти механически, еще не в силах поверить – это черепки погребальных кувшинов. Десятков, сотен, тысяч кувшинов... И – археолог не мог ошибиться они были разбиты много лет назад. Еще до начала Второй Конкисты. Платон распахнул соседнюю дверь. Посреди большой комнаты перед ним был высеченный из голубого немертейского камня куб метра три высотой. На его вершину вела лестница, опять же из камня. Подняться наверх? А почему бы и нет? В эту минуту он забыл про Бродсайта. Несомненно-все это видели Кресс и Ноэль. Но поскольку они утаили находки от него, то и он имел полное право присвоить открытое ими и объявить своим. Они не хотели публиковать свои данные – их опубликует Атлантида, подумал он мстительно. Платон поднялся по лестнице и увидел, что стоит на краю высеченного из камня бассейна, заполненного густой желтой жидкостью. От нее шел теплый плотский запах, притягательный и

неприятный одновременно. Слой густого желтого пара плавал над поверхностью, не давая разглядеть, что происходит в глубине. Кажется, жидкость была желтоватая и какая-то густая, с белыми крапинами... Внутри бассейна раздавалось глухое урчание – так урчит сытая кошка, взобравшись на колени. Внезапно пузырьки теплого газа вырвались на поверхность. Платон отшатнулся и едва не слетел с лестницы. Лучше всего было отсюда уйти. Это он почувствовал так отчетливо, что заторопился, сбежал вниз и вернулся в первый зал... Что же это за ванна? Для чего? Почему догадка не посещает его... Догадка, похожая на луч света... Луч разряда прошел в нескольких сантиметрах от его головы и ударил в стену. Атлантида метнулся в сторону и прижался спиной к колонне. Вновь несколько выстрелов наугад. Стрелков было как минимум двое. Ребята Бродсайта медленно приближались к нему.

– Эй, парень, выходи! – крикнул один из них. – Может, мы тебя и не убьем.

А что, если этот мой круг последний? Почему никто не приходит на помощь? И где эти братцы-сукки, чьи имена надо произносить голосом кастрата? И почему Ноэль с Кресс не припрятали на вилле парочку “магнумов” с запасными батареями. Снова выстрелы. Один, второй... Может, у них сядет батарея? Атлантида оперся на тросточку, навалившись всей массой тела, а левой рукой схватился за бок, изображая, что ранен. Получилось почти натурально. Тросточка под тя-

жестью его тела изогнулась, как сильно натянутый лук. Человек в грязно-белом комбинезоне обошел колонну и с усмешкой уставился на незадачливого противника. Платон почувствовал, как капли пота стекают по лбу. Лицо его исказилось. Гримаса вполне могла сойти за гримасу боли.

– Ну, что скажешь? – ухмыльнулся боевик Тимура. – Бо-ольно... – И стон, и прерывистое дыхание – все получилось почти натуральным.

Платон качнулся и шагнул, сделав вид, что теряет равновесие и вот-вот упадет... И как бы невзначай поддал ногой конец тросточки. Сделанная из стебля кайского бамбука, тросточка пружинила великолепно. Платону оставалось лишь чуть-чуть подкорректировать направление кистью, и тросточка хлестнула по пальцам “тимуровца”, сжимавшим бластер. Удар был настолько силен, что перебил суставы, а бластер выбило из руки. Атлантида, отшвырнул тросточку, совершил невероятный прыжок – он и сам не подозревал, что так умеет, – и перехватил выбитый из руки бластер. В следующую секунду он катился по плитам пола (красным и синим, разумеется) и непрерывно нажимал на спусковой крючок. Обезоруженного противника он прикончил первым же выстрелом, но все равно продолжал стрелять, пока тело убитого сплошь не покрылось черными пятнами, а комбинезон не превратился в обгоревшие лохмотья. Тогда Атлантида опомнился. Он тяжело дышал, лицо было совершенно мокрым... Платон вытер пот рукавом комбинезона. Но ведь

где-то был еще и второй. Да, был второй... Сначала подручные Бродсайта палили избластеров оба. Потом... Где же второй? Затаился? Почему не стреляет? Сердце разбухло и стало огромным, заняв все тело, – оно колотилось в ушах, в каждой клеточке. Платон пополз куда-то, уперся в стену. Сел, привалившись спиной к прохладной штукатурке. Внешняя опора немного успокоила во всяком случае, не выстрелят в спину. Атлантида покосился на убитого. От обугленного комбинезона тянулась вверх струйка черного дыма. Воняло горелым мясом.

"Это ж я его так..." Желудок противно дернулся к горлу. Платон рванулся вбок. В стену – как раз в том месте, где только что была его голова, – ударил луч, сжигая старинную фреску. Атлантида растянулся на полу. Хотелось просочиться меж синих и красных плиток. Платон буквально заставил себя приподняться, выстрелил наугад. Пополз. "Тимуровец" тоже выстрелил – и опять мимо. Судя по всему, противник его не видел. Атлантида огляделся. Тросточка валялась всего в нескольких шагах от него. Почему он ее бросил? Тросточка казалась сейчас более необходимой, чем бластер. Вытянул руку, попытался дотянуться. Не посмел – рука не желала двигаться. Подручный Бродсайта опять затаился. Платон переключил "магнум" на непрерывный разряд, опрокинулся на спину, заорал и принялся хлестать лучом из стороны в сторону. Оттолкнулся от стены, проехал по гладкому полу на спине, схватил тросточку... И тут луч иссяк. Атланти-

да лежал на спине, как беспомощный жук. Крик ярости превратился в изумленное “а-а”... Напрасно палец жал на спусковой крючок – проклятый “магнум” не желал больше плевать огнем. А рука зачем-то продолжала водить бластером из стороны в сторону.

– Встань и брось оружие, – приказал “тимуровец”, выходя из-за исполосованной рядами колонны.

Патон послушно поднялся и бросил “магнум”. А вот тросточку не бросил.

– И тросточку брось, – последовал приказ. Рука с тросточкой пошла вниз. Но тросточку-то из пальцев Атлантида не выпустил. Хлестнул сверху вниз. Гибкий стебель кайско-го бамбука спружинил, отскочил от колонны и ударил – как раз по руке подручного Бродсайта. Второй удар пришелся по лицу. Третий – по шее. Этот третий был такой силы, что рассек трахею, как лезвием ножа. Человек захрипел, схватился руками за шею и стал валиться на пол... Платон бросился вон из подземного зала. Выскочив наружу, судорожно вдохнул напоенный запахом трав воздух и бросился бежать. Споткнулся обо что-то – кажется, об обломок стены, и рухнул в траву. Страх почти сразу же улетучился, унялось бие-ние сердца. Атлантида Срывал стебли, растирал в пальцах и вдыхал. Он уже не боялся подручных Бродсайта. Он уже почти ничего не боялся. И вид убитого не вызывал тошноты. И не пугал. Платон поднялся, небрежным жестом отряхнул изуродованный костюм и отправился назад в подземный

холл. Однако стоило спуститься вниз, как странная легкость исчезла. Пару раз он останавливался, и только мысленный пинок заставлял его двигаться дальше. Второй помощник Бродсайта уже затих. Пол вокруг был заплеван красными густыми кляксами. Атлантида подобрал оброненный противником “магнум”. Преодолевая отвращение, обыскал карманы “тимуровцев”, вытащил запасные батареи, после чего покинул место боя. Теперь он уже не бежал. Он даже попытался подражать медлительным и плавным движениям рейнджеров. Минуты три ему нравилась эта игра. Потом Платон прекратил изображать рейнджера и пошел открыто, не таясь. На его счастье, прикрытия у тех двоих не было. Зато на площадке стояли два легких одноместных глайдера. В сложенном виде их легко протащить через колодец. Что, видимо, и сделали люди Бродсайта. Иногда их по старинке называют “скайбордами”. Атлантида залез в седло и внимательно осмотрел приборную панель. Судя по всему, никакой высшей противо-угонной защиты. Платон дал команду бортовому компу и помчался к колодцу. Еще в воздухе он увидел стоящий на холме глайдер и двух сукки, расположившихся на камнях. Археолог вздохнул с облегчением и опустил свой “скайборд” рядом с летательным аппаратом. Оба брата сукки не особенно встревожились. Когда Атлантида подошел, то увидел, что они подкрепляются – ножами они разделявали “зеленый желудок” и пожирали его в сыром виде. Все камни вокруг и когтистые руки сукки были забрызганы густой зе-

ленной слизию. Пахло тухлым мясом.

– Что вы делаете? – спросил Атлантида.

– Разве не видишь – обедаем.

– Этим?

– А мы всеядные. Едим все самое лучшее, – пояснил сукки Кай-1. – Хочешь?

Платон замотал головой. Бедный “зеленый желудок”. Все-таки он был разумным существом. Но недостаточно разумным, чтобы не позволить себя съесть.

– Видели здесь Андро? Она появлялась?

– Нет... – сукки затрясли головами. Рты их были перемазаны зеленым, как и руки. И зубы тоже были зеленые. Обжоры.

– Зато я видел ее возле городской стены.

Это известие не заинтересовало сукки. Сейчас их интересовала только плоть “зеленого желудка”. Братьев даже не волновало, сколько людей у Бродсайта. Да, троих сподвижников несостоявшийся повелитель Магеллановых облаков не досчитается, это ясно. Но ведь есть еще сам Бродсайт, есть и другие наверняка. И неизвестно, как поживает Чистюля. Возможно, он на время выбыл из игры. Но может стать, что и нет. Вряд ли армия экселентистов так уж малочисленна. Впрочем, если иметь в виду будущее правление, то помощников у Бродсайта не должно быть слишком много – властью всегда неприятно делиться. Но для первого рывка все же нужны сторонники. Это потом от них можно будет

отделаться. А пока...

– Послушайте, ребята, вам придется вернуться на Ройк и сообщить, что группа экселентистов во главе с Бродсайтом незаконно находится на Немертее и пытается захватить планету.

– Вот уж кувшинки тебе в пасть, – сообщил сукки Кай-1 и рыгнул.

При этом изо рта у него вылетело зеленое облачко пара.

– С Лигой Миров будешь общаться сам. А мы лучше здесь с экселентистами повоюем. Я их терпеть не могу.

– Ага... – подтвердил сукки Кай-2, запихивая в свою огромную пасть остатки “зеленого желудка”. При этом Атлантида невольно вздохнул. – Все сукки экселентистов терпеть не могут.

– Ребята, а вы не подумали, что только что съели разумное существо? Но это замечание братьев не удивило.

– Да, вполне вероятно, – поддакнул сукки Кай-1. – В конце концов, все животные разумны. В большей или меньшей степени. Так что мы привыкли не обращать внимания на степень разумности, когда голодны.

– А Бродсайт не обращает внимания на вашу разумность, – усмехнулся Платон.

– Так мы обратим внимание на него. – Сукки Кай-1 выразительно положил крокодилью свою лапу на рукоять “магнума”.

– Хорошо, – согласился Атлантида. – Если вы не желаете

те возвращаться на Ройк, тогда разработаем план атаки на Бродсайт и его людей.

– Давай, разрабатывай, – согласились сукки. – Мы исполним.

Археолог задумался. Но лишь на секунду.

– Бродсайт сказал, что хочет вызвать откуда-то подкрепление. Выйти с Немертеи на связь можно только со склада Андромахи. Раз Андро их союзница, то Бродсайт знает об этом. Логично?

Сукки охотно закивали в ответ. Но после обеда сообразительность у сукки очень сильно падает. Поэтому их кивки мало что значили.

– Получается, что Бродсайт и, возможно, кто-то из его людей сейчас на складе Андро, и нам надо попытаться захватить их там. По-моему, это нетрудно, – уверял скорее себя, чем сукки, Атлантида. – Вы со мной?

– Если нам надо выбирать между тобой и чиновниками из Лиги Миров, то, разумеется, мы выберем тебя, – заявили оба сукки и произнесли тоненькими голосками: – Кай Атлантида.

Платона едва не стошнило.

2

Атлантида был уверен, что подобрался к складу Андро незамеченным. Дыра в стене склада никем не охранялась, и

Платон со своими помощниками устремился внутрь, держа оружие наготове. Они благополучно взяли штурмом первую секцию склада (благо никто не оказывал сопротивления), а также смогли проникнуть во вторую. Окрыленные успехом, они попытались занять секцию номер три. Но здесь их встретил шквальный огонь, и атакующим пришлось отступить – то есть вернуться во вторую секцию. Отступив, они заняли оборонительную позицию за сложенными штабелями контейнерами и теперь наблюдали, как стену склада медленно плавит включенный на непрерывную работу “магнум” противника.

– Бродсайт! – крикнул Атлантида. – Я уже вызвал подкрепление. Ребята из Службы безопасности Лиги Миров придут сюда с минуты на минуту.

– Прежде сюда придут мои батальоны, – пообещал будущий правитель Магеллановых облаков.

– А они у тебя есть?

– Увидишь! – запальчиво крикнул Бродсайт. Но его вопль еще совершенно ничего не значил.

– Думаешь, Лига Миров позволит тебе обосноваться на Немертее?

– А мне плевать на Лигу Миров. У меня теперь защита. В моем распоряжении колодцы. И через десять минут от тебя, профессор, останется мокрое место.

Атлантида посмотрел на часы и засек время. За десять минут можно многое придумать. И про защиту Ал не врал. Судя по всему, он успел добраться до компа Андромахи и

отослать сообщение. Поскольку обратной связи с Немертеей нет, то выяснить, что творится на планете, невозможно. Маяк шлет свое обычное: “Привет, у нас все в порядке”, “Цербер” безмятежен, поскольку никто без разрешения к планете не подлетал. А то, что на поверхности что-то взрывается и горит, “Цербера” не беспокоит – это относится к “неразгаданным явлениям” и все списывается на счет небезызвестного хога – или как там его называет военный спутник в своих отчетах.

Ясно, что за десять минут ни один челнок до Немертеи не долетит. Даже с пересадочной базы.

– Сукки, – приказал Атлантида братьям. – Постарайтесь перекрыть колодец в главной гробнице – ясно, что подкрепление сможет пройти только через нуль-портал..

– Значит, мы будем держать оборону там, а ты здесь?

– Значит, так.

– А нельзя наоборот? Там наверняка силы будут покрупнее. А здесь только один Бродсайт.

– Так и у вас сил в два раза больше, чем у меня.

Сукки переглянулись. Судя по всему, воевать им совсем не хотелось. Не было у них воинственности в крови. А утверждали, что произошли от древних египтян. Еще бы сказали – от древних римлян.

– Ладно, дорогие мои Каи, идите занимать позицию, – приказал Атлантида очень твердым голосом, не исключая, однако, легкой насмешки.

Сегодня профессор чувствовал в себе явные задатки полководца. В конце концов. Гай Юлий Цезарь тоже был аристократом.

– Ладно, – согласился Сукки Кай-1, – но второй “магнум” отдай мне.

3

Атлантида на всякий случай выстрелил в раскрытую дверь, ведущую в третий сектор. Если бы на складе были зеркальные стены, луч бластера мог бы отразиться и попасть Бродсайту в лоб. Но стены на складе были самыми обыкновенными. И потому Бродсайт выстрелил в ответ. Промазал. Платон вновь выстрелил. Так, минут пять они обменивались разрядами. Все это напоминало игру, и было почти не страшно. Десять минут... За десять минут может кончиться батарея. Но у него есть запасная! Платон сунул руку в карман. Запасной батареи не было. А ведь он помнил, что брал ее. Потерял? Или сукки-проходимцы стащили? Да, ситуация – глупее не придумаешь. Пока у бластера не кончилась энергия, надо атаковать и попытаться зайти противнику в тыл. Перегородки между секциями не доходили до самого потолка – в щель вполне можно проплыть на антигравитационной тележке. Надо только ее найти. Платон перебежал по проходу между складскими ячейками. Где же тележки? На любом складе их держат в начале каждой секции. А, вот и те-

лежка... Притулилась у стены, пристегнутая, как собачонка за поводок. Археолог вскочил на нее верхом и дал максимальный подъем. Бродсайт тем временем продолжал палить из бластера – с запасными батареями у него был полный порядок. Атлантида достиг потолка и на самой малой скорости направился к перегородке. Наверняка Бродсайт скоро догадается, что у Платона кончились батареи. Возможно, он даже попытается заглянуть во вторую секцию. Вот тут мы его... Атлантида осторожно протиснулся в щель под потолком, проплыл над штабелями одинаковых коробок. Где же Бродсайт? Платон свесился с тележки. Не видно... А что, если он уже во второй секции? Тележка дернулась. Платон попытался удержаться и задел ногой одну из коробок. Коробка качнулась... Он попытался поймать ее, но не успел. Коробка грохнулась вниз. А сам археолог, потеряв равновесие, полетел следом. Глупо! Ударился спиной о штабель коробок, и они лавиной хлынули вниз. О черт... Платон потерял “магнум”, потом тросточку... Глупо... От удара об пол он на секунду потерял сознание. А когда очнулся, то понял, что лежит совершенно беспомощный под грудой коробок. Он рванулся. Куда там! В коробках была какая-то, непомерная тяжесть, будто в каждой лежало по белому карлику. К тому же боль в правой ноге заставила его застонать и скрипнуть зубами. Одну коробку Платон все-таки отпихнул. Крышка слетела, и на пол посыпалась белая лепная керамика. Его керамика! Одни осколки. Досада заставила на мгновение забыть

про опасность! Открытие профессора Рассольникова на глазах самого профессора превращалось в пыль...

Но ведь их можно склеить! Драгоценную греческую вазу, найденную в этрусских захоронениях, тоже обнаружили в осколках. А ведь Метрополитен-музей заплатил за нее миллион долларов – это было еще до того, как доллар стали именовать кредитом...

– Платоша... Где ты? – послышался голос Бродсайта. – Как ты неудачно припланетился.

Платон огляделся – нет ли тросточки или бластера рядом. Ничего...

Только осколки керамики. Не кидаться же ими в новоявленного Тимура!

А Бродсайт, сознавая свою неуязвимость, широко улыбался и шел к нему. Гермошлем он где-то потерял. Да и форма его была порвана и обожжена. Неужели Платон умудрился в него попасть?

– Эх, друг мой, неужели ты надеялся убежать! – Бродсайт-Тимур осуждающе покачал головой. – Глупо.

– А что умно? – спросил Атлантида, кривя губы и стараясь не показать, насколько сильна боль в ноге. – Что умно с точки зрения Тимура? Строить башни из живых тел, скрепляя их известковым раствором? Скидывать в колодцы живых людей и засыпать те колодцы землей? Или бросать пленных на острые камни? Это умно?

Чувство беспомощности и боль заставляли его кричать.

Трудно изображать аристократа, когда какая-то дрянь хочет превратить тебя в раздавленного жука. Бродсайт усмехнулся. Ему льстило, что Атлантида именовал его Тимуром. Электрогребешок выскользнул из нагрудного кармашка и пригладил черные волосы Бродсайта.

– Это были чужие. Тимур был сильным человеком. Он любил науки и – главное – он любил своих людей как собственных детей. А с чужими он поступал так, как считал нужным. – И добавил после паузы:

– Вообще-то говоря, лучше, чтобы чужие умирали.

– У тебя шизофрения, Тимур...

– Опять ты меня оскорбляешь. А я так хорошо к тебе относился. Мы могли бы стать друзьями. Но ты меня унизил. А унижений Тимур не прощает. Он помнит твою снисходительность, твое аристократическое пренебрежение. А вот ты должен помнить, чем кончают аристократы.

– Чем? – спросил Атлантида, напрасно пытаясь скинуть с себя коробки, и зачем-то сжимая в пальцах осколок белой лепной керамики.

Зачем он спорит с этим мерзавцем за несколько секунд до смерти? Надо набрать побольше слюны и плюнуть как можно точнее.

– Аристократы либо вымирают, либо их убивают.

– Но они почему-то появляются вновь...

– Ты намекаешь на своих возрожденных дружков? Ты думаешь, они – высшие существа? – Бродсайт расхохотался. –

Какое заблуждение. Это курица и петух. Всего лишь курица и петух, непрерывно работающие над пополнением инкубатора. А ты хотел им услужить, бедняжка. Ты решил им поклоняться. Может, надеешься получить от них какой-нибудь драгоценный орден Бани или орден Подвязки? Вот уж действительно примитивная цивилизация... Прощай...

Атлантида закрыл глаза и стиснул зубы. Сейчас этот тип нажмет на курок и... Почему-то он не боялся Бродсайта. Тот был как-то очень мелок. Хотя мелкие – они самые вредящие. История это доказала. Платон вспомнил, что в момент смерти у человека обычно опорожняется мочевой пузырь. Как неэстетично! Мысль эта привела его в такую ярость, что он рванулся и сумел скинуть несколько коробок.

И услышал шипение... странно... разве человек может слышать, как сквозь его мозг проходит луч лазера?

Атлантида открыл глаза. На полу рядом с ним лежал Бродсайт. От головы у него почти ничего не осталось – черный орех венчал тело Тимура, который так и не завоевал свою Индию. А над убитым стоял Ноэль и разглядывал бластер с таким видом, будто видел оружие впервые. И стрелял тоже впервые. Черт! Как Платон был сейчас рад видеть Ноэля!

– Значит, ты не испарился? – пробормотал Атлантида.

– Нуль-транспортировка возможна не только через колодцы, – отвечал Ноэль, все так же изумленно продолжая разглядывать бластер. – Кажется, я дал слишком большой разряд...

– Я понял... для этого надо вживить золотые или серебряные волосы. – Друг мой, они не вживлены, они такие от природы. Regina рождается с золотыми волосами, гех – с серебряными.

Ноэль попытался сдвинуть упавшие обломки, но не получилось – не хватило сил.

– Подожди, сейчас я принесу антигравитационный шнур.

– А разве я могу куда-нибудь уйти? – отозвался Атлантида, пытаясь изобразить улыбку.

Вот дерьмо! Неужели он сломал ногу?

Ноэль вскоре вернулся, обмотал антигравитационным шнуром коробку и легко поднял ее. Так вторую, потом третью... Наконец Платон смог отползти в сторону и попытался встать. Но тут же повалился на пол. Одна нога, похоже, все же была сломана. Значит, придется опять посещать медицинский блок Крессиды. Или как ее теперь называют? Regina... А может, его поместят в ту мерзкую ванну на вилле?

Ноэль отыскал тросточку Атлантиды и примотал ее к раненой ноге антигравитационным шнуром. Теперь раненая конечность ничего не весила. Потом протянул Платону руку и помог подняться.

4

Когда они вышли наружу, сукки Кай-1 сидел на ближай-

шем обломке и грелся в лучах звезды Ба-а, смежив кожистые веки.

– Я же велел тебе охранять колодец в главных гробницах! – вскипел Платон.

– На Немертее слишком холодно для нашего брата, – сказал сукки Кай-1, не открывая глаз и подставляя плоское лицо лучам.

– Я предпочитаю Ройк. – Не волнуйся, – успокоил Платон Ноэль. – Андро уже закрыла вход в колодец.

– Каким образом?

– Несколько гранитных ядер, сброшенных вниз, вполне хватит, чтобы колодец перестал открываться и с той, и с другой стороны. С Ройка сюда никто не придет.

– Значит, Андро...

Вместо ответа Ноэль слегка передернул плечами.

– Неужели ты не понял: она на нашей стороне.

– А на чьей стороне вы?

– На своей. На стороне Немертеи.

– Или Таю-ю? – осведомился Атлантида. Антигравитационный шнур все время тянул ногу вверх и, чтобы не упасть, Платону приходилось опираться на плечо Ноэля.

– Ты слышал кувшины?..

– А ты?.. – спросил Платон, и ему стало тошно А ведь он считал, что сделал самое великое открытие в своей жизни.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ДУХА И ТЕЛА

1

Когда Платон проснулся, белый диск Ба-а вновь поднимался в небо. Но предыдущего рассвета он не видел – проспал более суток. Ему снились песочные часы. Ал Бродсайт в доспехах Тимура верхом на низкорослой лошадке, попирающий копытами своего коняги сложенный из человеческих голов колодец. И в этот колодец, беспомощно размахивая руками, прыгали все новые и новые люди. Бродсайт насмешливо смотрел на летящих вниз и время от времени повторял одну и ту же фразу: “А что как вдруг Агамемнон покроется чирьями”. После пробуждения археолог чувствовал себя неплохо, если не считать того, что он был как будто немного пьян. Хотя не пил ни капли. А от стаканчика текилы не отказался бы...

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Андро, заглядывая в комнату.

– Ты мне снишься? – поинтересовался Платон.

– Возможно. Но, скорее всего, я зашла к тебе в комнату – проведать пострадавшего.

– Нога немного болит, – сказал Атлантида и поморщился.

Нога не болела. Однако все равно придется навестить медицинский центр Ройка – во врачебной квалификации Крессиды Платон сильно сомневался.

– Но в принципе мы теперь богатые люди. Мы открыли способ дешевой нуль-транспортировки.

– Дешевой нуль-транспортировки? – переспросила Андро. – Ты называешь тридцатитонную золотую плиту, которая необходима для каждого колодца, плюс жерло из немертейского камня, выточенное без единой трещины, плюс стабилизирующую ячеистую структуру, содержащую пять миллионов чипов, дешевым способом нуль-транспортировки? Платон, по-моему, ты просто не умеешь считать...

Атлантида почесал голову.

– У меня, надеюсь, волосы не серебряные.

– Не бойся, мой друг, на Немертее королем стать нельзя, здесь королем можно только родиться.

– Почему ты сказала там в гробнице, что работаешь на Бродсайта?

– Я этого не говорила, Платон! Ты ворвался в гробницу, хотел помешать важному процессу, ну и... мне ничего не оставалось, как тебя остановить. – Но ведь вы сами вызвали меня в гробницу запиской! Я обнаружил ее на двери дома Кресс и Ноэля.

– Ты все-перепутал: Крессиды оставила граффити для меня. Тебе в гробнице делать было нечего. А уж что я агент

Бродсайта, ты сам придумал.

– Придумал? А откуда тот узнал про тайну Немертеи? Откуда знал про колодцы? И он пас меня с самой Земли-дубль. Сначала хотел прикончить в лифте, потом – передумал. И коша подсунул он – не вы. Пластинку мне продала Кресс, не спорю. А коша – он. А потом передумал убивать, познакомился, посадил “жука”.

Андро выслушала несколько путаный рассказ очень внимательно.

– Я не знаю, что он устроил со статуэткой. Но ее действительно привез на Землю-дубль Бродсайт. А пластинку и золотой кувшинчик привезла Крессида. Поэтому мы очень удивились, когда увидели у тебя золотого коша. Нам было ясно, что эта статуэтка с Ройка. На Немертее не изготавливали подобных вещей. А на Ройке их стали делать только за тысячу лет до Второй Конкисты. Мы сразу поняли, что во всем этом замешан кто-то еще, но постарались не подать вида.

– Так... Значит, вы заманили меня на Немертею? Зачем? Не из любви же к науке?

– Нам нужна была помощь самого талантливого археолога.

– Ты мне не рассказала про Бродсайта. А меня очень интересует, как он связан со всей этой историей.

– Мы с Алом были когда-то друзьями. И с Ноэлем и Крессидой он тоже был знаком. Ведь мы все учились на Ройке. А потом я работала в музее вертикальных гробниц.

– Были друзьями.. – передразнил Платон. Это сообщение его задело.

– Мы были друзьями, – повторила Андро, и в глазах ее блеснули слезы. Ну, вот опять... Что за манера! – И я рассказала ему о своих работах на Немертее. И о том, что эта цивилизация выходила в космос и построила нуль-порталы. Но нам никак не удастся их открыть. И тогда у него родилась мысль... да, думаю, именно тогда – захватить власть над Магеллановыми облаками с помощью тайн Немертеи.

– Зачем ты ему рассказала...

– Видишь ли... Это, конечно, моя ошибка. Я думала, он как экселентист захочет помочь нам добиться независимости Немертеи, раз есть представители прежней гуманоидной цивилизации. Захочет восстановить справедливость. Ведь он так громко кричал о справедливости. И я решила, что, несмотря на странность его убеждений, его помощью можно воспользоваться. Но вскоре поняла, что на справедливость ему плевать, он сам хочет власти.

– А я-то вам зачем понадобился?

– Чтобы открыть нуль-порталы. Мы не знали, как это сделать. Но я не была в тебе уверена. Ты слишком любишь желтый металл. Тебя любой мог перекупить.

– Да... я почуял: что-то не так, когда ты легко простила мне разрушение колодца. Но решил, я тебе нравлюсь и... Неужели ты могла меня убить?

– Не знаю. Чистюлю я все-таки пристрелила.

– Жаль.

– Тебе жаль этого типа?

– Жаль, что не я его прикончил.

– Не злись на него. Чистюля – всего лишь честный служака.

– Ну, хорошо. А почему ты не открыла мне, кто ты, когда я связал тебя?

– Я же сказала: не была в тебе уверена.

– И ты знала все – про разделение культур, про хога, про...

– Да нет же, я мало что знала. Да и Кресс с Ноэлем не знали всего только отрывки. Именно ты сложил из осколков цельную теорию. Кстати, Ноэль и Кресс выдавали себя за археологов-любителей и мне ничего не рассказывали, пока я не догадалась, кто они на самом деле...

Да, Андро догадлива – этого у нее не отнимешь. Догадлива и способна на многое. И на самом деле меньше всего походит на наивную девочку. И слезы по любому поводу – только маска. Однако у Атлантиды не было охоты уличить ее во лжи. Жаль только, что нуль-транспортные колодцы Немертеи дороже прежних. Во всяком случае, не дешевле. Другое дело, что между Ройком и Немертеей их можно использовать практически даром. То есть между этими двумя планетами нуль-транспортировка уже существует. Но ведь и остальным захочется... Ну, конечно же! Как же иначе! Почему на Ройке находят столько золота и оно не дорожает на бирже?! Да потому, что кто-то уже строит у себя на планете нуль-порта-

лы... Но ведь это именно Платон открыл тайну колодцев. Он установил, что это нуль-порталы... Или-не он?..

– Я бы хотел опубликовать свои материалы о цивилизации Немертеи... – заявил археолог. Что ему еще оставалось?

– А что ты знаешь о цивилизации Немертеи? – ехидно спросила Андро.

– Вполне достаточно, чтобы потрясти весь научный мир Галактики, – довольно опрометчиво заявил Атлантида, ибо в глубине души признавал, что кроме сообщений о гонорарах, а также о новых работах профессора Брусовского научный мир потрясти уже ничем нельзя. – Во-первых, я установил, что цивилизация Немертеи практически воплотила в жизнь программу о переселении душ. Во-вторых, эта цивилизация существовала в двух мирах. Мир Немертеи имел как бы духовный характер, мир Ройка – материальный. Разве этого мало?

– А почему цивилизация погибла?

– М-м... думаю, какой-то вирус... причем вирус информационный. Погребальные кувшины больше не давали полной информации и... Трупы к-хи, которые больше не вывозили на Ройк, послужили источником вируса.

Это походило на озарение. Атлантиде показалось, пока он говорил, невидимые пальцы коснулись его головы, и от этого прикосновения волосы встали дыбом. Причем он не испытывал ужаса, но лишь ни с чем не сравнимое желание подняться в воздух и парить.

– Частицы их разлагающегося мозга попадали в глину, из которой делались кувшины... чей-то мозг был заражен. И отсюда началась эпидемия... После этого трупы стали срочно аннигилировать, но... глина была уже испорчена...

– Кто тебе это сказал? – спросила Андромаха строго.

– Интуиция ученого, – небрежно бросил Атлантида. – У меня, конечно, нет подтверждений, но есть некое внутреннее убеждение.

– Внутреннее убеждение – это не аргумент.

– Я найду доказательства.

– Думаю, профессор Брусовский испытает несколько неприятных минут, услышав твою теорию. – Слова Андромахи прозвучали как самая тонкая лесть.

– Думаю, профессор Брусовский поспешит объявить мою теорию ложной, – трезво оценил свои шансы на успех Платон. – Но несколько десятков сторонников по всей Галактике у меня все-таки найдется.

2

Вечером его зашел навестить Ноэль. Король Немертеи был одет вовсе не по-королевски – на нем был светло-серый костюм из тонкой ткани. Впрочем, король предлагал явиться не на церемонию, а прогуляться под немертейскими лиственницами и поговорить по душам.

Он произнес это “по душам” с особым значением. У Ат-

лантиды не было особого желания говорить с кем-то по душам. Но, во-первых, королевским особам не отказывают, а, во-вторых, Ноэль все-таки спас ему жизнь. И не в первый раз. Прежнее свое желание дать Ноэлю по физиономии профессор решил оставить в категории неосуществленных.

Они вышли. Ночь была довольно прохладной. С неба сыпались мириады крупных белых светляков. Казалось-это падают звезды или идет снег. Атлантида подставил ладони. Вскоре они сделались светящимися. Встряхнул руками – и светляки разлетелись.

– О чем вы хотите поговорить, ваше величество? – Разумеется, теперь он мог обращаться к Ноэлю только на вы. Было немного непривычно. И еще как-то неловко, будто надел тесные туфли без охладителей. Странно как-то почитать этого человека королем целой планеты. Впрочем, на самом деле он не человек...

– О Немертее. И о Ройке. Думаю, вы должны знать все. Или почти все. Прежде всего ради природы Немертеи. Вы знаете, как были закрыты колодцы?

– Ну, в принципе, как я понял из записей в погребальных кувшинах...

– Бедняги... – вздохнул Ноэль. – Вы нашли кувшины рядом с храмом?

– Да, именно там. А в чем дело?

– Это дефектные сосуды. Беседовавшие с ними уже не совершат свой круг. Погребальные кувшины превратились в

кувшины рассказов.

– Вряд ли, – усомнился Атлантида. – Кувшин звучал лишь один раз. Дважды мне не удавалось его прослушать. Рассказ, созданный для одного-единственного прослушивания – это что-то новенькое. Ноэль по своему обыкновению пожал плечами.

– Вы пользовались одним ключом – потому кувшин и не звучал. Чтобы услышать его вновь, нужен другой ключ. – Платон понял, что Ноэль имеет в виду тот золотой кувшинчик, который сам он именовал “смычком”.

– Если вставить новый ключ, вы вновь услышите рассказ. И быть может, в другой трактовке. И в другом объеме.

– А музыку? Если в кувшине была записана музыка, я ее тоже услышу?

– Ну конечно. Но опять же – только один раз. И опять же в новой аранжировке. Каждому – только однажды дается право услышать кувшин. Чтобы к-хи ценили оказанную милость. Если вы прервете рассказ на половине, то не сможете услышать продолжение. Ибо вы оскорбили кувшин...

“Ну надо же, – подумал Атлантида. – Если бы речь профессора Брусовского можно было услышать только раз, а во второй – требовался бы новый компьютер... И что тогда? Речи Брусовского показались бы мне умнее? Нет, эта система мне не нравится”.

А вслух спросил:

– А рассказы из ваших кувшинов не оскорбляют слуша-

телей?

– Такие кувшины не звучат.

– И кто это решает?

– Кувшины не звучат – и все.

– Занятно. Итак, что же все-таки произошло с вашей цивилизацией? Ему показалось в полумраке немертейской ночи, что гех улыбнулся, польщенный.

– Видите ли... Наши зрители еще в период Первого царства обнаружили, что порой материальные блага плохо влияют на развитие духа. Человеку надо отрешиться от материального, чтобы развивать дух. Когда были изобретены нуль-транспортные колодцы и открыта дорога на Ройк, было решено все, связанное с материальным, поместить на Ройке, все духовное оставить на Немертее.

– Но нельзя же было души держать здесь, а тела там?

– Друг мой, там люди развлекались, предавались удовольствиям, устраивали пиры. Очень были популярны пиры с раздеванием и прочими сексуальными обрядами. Здесь, на Немертее, процветало искусство. Но это не значит, что там и там жили разные люди. Напротив, проведя десяток веселых дней на Ройке, к-хи являлся на Немертею и вел совершенно иную жизнь. Разумеется, случалось, что кто-то оставался на Ройке навсегда. Но их было меньшинство. Некоторые милости природы Немертеи нельзя сравнить с милостями Ройка. Например, ни один к-хи не может достичь своего полного расцвета, если он не побывал на Немертее. Ну а многие

никогда не покидали нашу планету. Прежде всего это было строжайше запрещено королям и королевам. Такое разделение дало удивительный скачок в развитии. Были изобретены погребальные кувшины, а вместе с ними и методика их воплощения. Но, к сожалению, со временем большинство к-хи утратило способность к деторождению. Те, кто беседовал с погребальными кувшинами по душам, лишались возможности производить потомство. Но всегда есть те, кто не желает следовать общим правилам. Были такие, кто отказался от кувшинов, – только они могли иметь потомство. Именно они стали родоначальниками династий королей Немертеи.

“Курица и петух...” вспомнил Платон оскорбительный намек Бродсайта.

– Их было много?

– Насколько я помню, пятьсот сорок две династии.

– Вы не ссорились?

– Бывало... Но продолжаю. Итак, Немертея и Ройк развивались каждый своим путем. Но со временем что-то пошло не так. Возрастала враждебность. Немертея относилась к Ройку свысока. А жители Ройка стали считать милости Немертеи совершенно излишними. Поскольку большая часть промышленности была сосредоточена на Ройке, многие ройкцы сочли Немертею непосильной обузой для своей планеты. Несколько потомков королей и королев переселились на Ройк и объявили, что не желают жить на Немертее. Жители Ройка провозгласили возврат к прежней жизни

без кувшинов, заявляя, что милость рождения ребенка выше милости вновь и вновь совершать круги... Все к-хи станут вновь королями... Эта теория понравилась кое-кому.

– И они смогли?

– Они пытались... А большего я не знаю. Возможно, у кого-то получилось. Но, скорее всего, нет – раз цивилизация Ройка тоже погибла. А между тем на Немертее зрело иное движение. Нашлись зрители, которые считали, что материальная сущность Ройкской цивилизации замедляет развитие Немертеи, будто бы к-хи, побывавшие на Ройке, не могут достигнуть духовных высот, и стали призывать жителей Немертеи не посещать планету соблазнов и разврата. Дело кончилось... – Ноэль замолчал. Передернул плечами.

– Дело кончилось войной... – подсказал Атлантида.

– Да... – Ноэль надолго замолчал. В этот раз Платон подсказывать не стал, хотя и мог бы.

– Да, начались войны, – наконец произнес Ноэль, наблюдая, как облако светляков кружится вокруг них. – Много было погибших... Было много тел на Немертее... в почве... Потом колодцы замуровали. Немертея и Ройк оказались отрезанными друг от друга.

Интересно, каково это – быть королем погибшей цивилизации? Платон не хотел бы очутиться на месте Ноэля. Атлантида махнул рукой, отгоняя светляков.

– Не надо, – остановил его король. – На Немертее все живое тянется к разумным существам. Если вы проживете в ле-

су несколько дней, то вскоре вокруг вашего сборного домика поселится множество животных.

– Странно...

– Что тут странного. Ведь вы разумны. И ваш разум выше. Они будут искать у вас защиты. Главное – надо дать им понять, что вы разумны. К примеру, произнести несколько слов. И они сразу поймут, кто вы. Не знаю – как, но поймут.

Зеленый немертейский волк понял по одному слову... Атлантида решил больше не развивать эту тему, а вернуться к главному.

– Но у вас были космические корабли... ведь нельзя построить портал, не совершив космического путешествия...

– Да. У нас были корабли... Первая же попытка отправить послов на Ройк привела к... Ройк уничтожил наши космолеты. И мы остались отрезанными друг от друга навсегда. Не знаю, что произошло на Ройке... А на Немертее все кончилось ужасно.

– Да, я знаю... части трупов, и главное – частицы разложившейся мозговой ткани попали в кувшины... – поспешно сказал Атлантида. Но король, казалось, не заметил его реплики.

– Они все чаще и чаще умирали младенцами – до пяти лет... то есть до того возраста, когда у к-хи появляется свой погребальный кувшин, и он разбивает игровой... К-хи перестали совершать свои круги... К-хи, лишённые милостей... то есть, чьи дети умерли в младенчестве... стали раз-

бивать чужие кувшины... Началась какая-то эпидемия насилия. Несчастные кричали, что от кувшинов вся беда... Образовалась целая партия воссоединения. Они стали строить корабли, чтобы лететь на Ройк, пытались разблокировать колдодцы. Смотрители и королевские особы были против. Началось массовое безумие. Во всем обвинили королей и королев... многие династии погибли. В конце концов, осталась только одна царствующая пара и семнадцать вдовствующих королев... Кстати, на Немертее были популярны рассказы о королеве, потерявшей короля. Я слышал несколько таких рассказов. Нет ничего печальнее для королевы, чем остаться одной. – Атлантида вспомнил ужас Кресс и понимающе кивнул. – А бунт все разрастался. К-хи дрались за право получить милость... Но когда есть только один король и одна королева... и слишком много младенцев умирало, никто не знал, что делать... Некоторые полагали, что не надо никому оказывать милость. И вот... однажды... последнего короля убили во время беспорядков. Толпа ворвалась во дворец, выволокла его на площадь и... его разорвали буквально на куски. Это был конец. Никто больше не мог получить милости. Никто... Нашли очень много незараженных старых кувшинов, проверили и поместили в специальное хранилище. Но не осталось тех, кто мог даровать милости... Но к счастью... к счастью... на вилле с красными колоннами – той, где вы были...

– На самом деле – это инкубатор?

– Можно назвать и так. Так вот, там появились новорожденные король и королева...

– Но цивилизация погибла несколько сотен лет назад.

– Агония Четвертого царства длилась дольше, чем вы думаете. Последние к-хи жили еще в годы Второй Конкисты. Но сто лет назад никого не осталось, кроме троих стариков и нас, детей, новорожденных короля и королевы. Именно сто лет понадобилось, чтобы повзрослели новые король и королева. Максимальный срок жизни обычных к-хи. Ибо король и королева должны быть всегда старше тех, кому оказывают милости.

– Это похоже на проведение Столетних игр в Древнем Риме. Никто из жителей не мог видеть игры два раза за свою жизнь. В этом что-то есть. Платону показалось, что в этой фразе был ключ. Но он не мог понять какой. Смерть? Но разве смерть может быть к чему-то ключом?

– Нас воспитали последние к-хи. Мы были подростками, когда умерли старики, и мы спрятали их тела под полом. А потом явились люди, они были так похожи на немертейцев, но они не аннигилировали своих умерших, – продолжал Ноэль.

– И как же аннигилировали трупы к-хи? Я что-то не видел ни одной установки, – засомневался Атлантида.

– С помощью хога.

– Так значит, кто такой хог-для вас не было тайной?

Ноэль передернул, плечами:

– Если сказать честно, то для меня это и сейчас тайна. Я знаю точно, что хог появился, когда стали широко практиковать погребальные кувшины, и король с королевой могли оказывать милости. Видимо, хог был создан как охранник королевских персон, постепенно его сеть пронизала всю жизнь Немертеи.

– А... служба безопасности... Никуда от нее не деться. Почему тогда хог хотел вас уничтожить?

– Когда именно? – со странной улыбкой спросил Ноэль.

– Ну, хотя бы тогда, когда вы раскапывали колодец.

– Он не давал разблокировать колодцы, считая это опасным для Немертеи. И взрывал хог не меня, а колодец, который мы с Кресс пытались восстановить. К тому же у нас не было связи с хогом... то есть мы ее специально не устанавливали... пока не открылись колодцы... – Ноэль сделал паузу, ожидая вопроса, но Платону надоело спрашивать и выглядеть дураком.

Так что Ноэлю пришлось продолжать по собственной инициативе.

– Король и королева должны были спуститься в главные гробницы. Разумеется, это не гробницы. Но Андро их так называла. Что ж, и я так их назову, чтобы вам было понятнее. Короля и королеву пеленали и привязывали к столбам. И надевали призывные золотые ленты. После чего хог перемещал их в центральное святилище Немертеи. Центральное святилище? Атлантида почувствовал знакомый холодок под

ребрами. Центральное святилище... Как заманчиво звучит! А что там может быть? Платону сразу представились две статуи – одна серебряная, другая золотая, изображавшие короля и королеву. Точные копии тех каменных призраков, которые Атлантида видел на поляне.

Или статуи не представились, а Платон в самом деле их увидел? В полумраке немертейской ночи ему почудилось, что Ноэль, глядя на него, вновь улыбается. Ну хорошо, про святилище Атлантида спрашивать не будет. Разорять святилище в присутствии законных владельцев некрасиво. Особенно если вспомнить о внезапном и непредсказуемом вмешательстве хога в процесс раскопок.

– Да, центральный храм, – повторил Ноэль. – Туда можно попасть только с помощью хога. И с этого момента король и королева становятся истинно королевскими персонами.

– То есть... в так называемых гробницах... проводились не похороны, а инициации?

– Именно. И когда вы явились, именно такой процесс и происходил. И Андромаха нас охраняла.

– А похороны? – обалдело переспросил Атлантида.

– Короли и королевы Немертеи не имеют погребальных кувшинов. Хог аннигилирует их тела.

– А что происходит после инициации?

– Мы получили возможность оказывать милости. Мы сто лет ждали этого дня.

Несколько минут они молчали. Атлантида пытался систе-

матизировать полученную информацию.

– Можно еще один вопрос, ваше величество? Чутьочку личный. Но вы меня простите. Вы, что же, сто лет не имели имен и взяли их из книг на вилле?

– Почему же... у нас есть имена. Но это наши, королевские. Имена народа к-хи. А перед людьми мы должны были назваться земными. Ты можешь называть меня по-прежнему – Ноэль. Ведь мое настоящее имя на языке к-хи тебе вряд ли удастся выговорить. Так же как и мой титул. – Ноэль произнес это очень просто, без тени снисходительности или высокомерия.

Атлантида не был уверен, что Кресс могла бы говорить точно так же.

– Впрочем, титулы гех и regina мне нравятся, – добавил Ноэль. – Ваши странные имена вас и выдали.

– Друг мой, не все так начитаны, как вы.

– А те скелеты, что нашли в подземелье под дворцом? Что означало то захоронение, вы можете объяснить?

– Могу. Но позволь мне этого не делать.

Платон вновь почувствовал глухое раздражение. Все, что рассказал ему Ноэль, в принципе он и сам знал. Или мог бы догадаться со временем. Так, небольшие обобщения и дополнения. А то, чего не знал Атлантида, Ноэль ему объяснить не пожелал. Да и мог ли он объяснить? Ведь он родился, когда цивилизация Немертеи погибла. Все его знания почерпнуты из погребальных кувшинов. Или из кувшинов рас-

сказов. И кое в чем профессор может даже превзойти короля. Все так, да... Но от чувства раздражения Платон избавиться не мог.

МИЛОСТЬ НЕМЕРТЕИ

1

Все следующее утро прошло в хлопотах, сортировке артефактов, которые Атлантиде разрешено было взять с собой, и консервации осколков белой лепной керамики, от которой – увы – не осталось ни одного целого предмета. Уже после полудня к Платону в комнату зашла Андро в длинном платье до полу из какого-то материала, напоминавшего золотую парчу. Выглядела она очень эффектно, но, пожалуй, старше своих лет. Опять Атлантида подивился нежному оттенку ее загара. Под удивительными лучами Ба-а в самом деле можно прожить сто лет без биокоррекции.

– Милое платьице, – заметил археолог. – Выглядишь сногшибательно.

– Советую надеть свой самый лучший белый костюм. – Я всегда хожу в белом, – заметил Атлантида. – И если Кресс позволит мне сорвать цветок ее алого “*Arogocactus flagelliformis*”, буду совершенно счастлив.

– Думаю, королева окажет тебе такую милость, – очень серьезно сказала Андро.

Через несколько минут они уже летели на глайдере вдаль от столицы. Внизу мелькали леса и покрытые травой холмы. Холмы – это исчезнувшие города и селения. Леса – это просто леса. Голубые полосы рек извивались между холмов и лесов. На желтых отмелях мелькали какие-то черные точки. Атлантиде время от времени начинало казаться, что это к-хи вышли в хороший денек полежать на теплом песочке в обнимку со своими погребальными кувшинами и поговорить с ними по душам.

– Куда мы летим?

– В загородную резиденцию немертейских королей. Бортовой комп сообщает, что лететь осталось сорок пять минут по абсолютному астрономическому времени.

– Зачем так далеко?

– В твою честь будет устроена торжественная церемония.

– Я бы предпочел, чтобы все было по-домашнему. У меня куча дел. Завтра уезжаю.

– К чему так торопиться? Ты бы мог воспользоваться нуль-порталом.

– В портал не влезет мой багаж и, кстати, робот F-55001 тоже не пройдет. Не говоря о челноке. Я его зафрахтовал на Ройке. Значит – обязан вернуть. И потом я должен забрать свою белую лепную керамику. Вернее то, что от нее

осталось. А насколько я помню, к керамике портал относится подозрительно.

– Не ко всякой керамике, но лишь к той, которая содержит информацию о Немертее... Так что лучше не рисковать и воспользоваться самым обычным космическим челноком.

– Подожди. Ты хочешь сказать, что обычные кирпичи в храме содержали какую-то информацию? Или это были не обычные кирпичи? Часть единой системы управления?

Он задавал вопросы, но Андро, против обыкновения, не отвечала. Не знала? Или не хотела говорить? Впрочем, любопытство Атлантиды быстро угасло. Зачем разгадывать тайны, если Ноэль и Кресс тут же заявят, что они давным-давно все это знали?

– Ты можешь заглянуть ко мне на Ройк через портал, – предложил он.

– И окажусь посреди пустыни. Если ты встретишь меня на вездеходе, я, пожалуй, прибуду на Ройк. – Она обещающе улыбнулась. – Когда?

– По-моему, мы уже договорились.

Он вспомнил о записке, оставленной Кате. Что ни говори, а в Андромахе пропадает талантливая актриса. Правда, теперь эта профессия сохранилась ныне лишь на Старой Земле да еще на некоторых очень богатых планетах. Честно говоря, Платон никогда не видел спектакля, исполняемого живыми актерами.

– Вот мы и подлетаем, – сказала Андро, указав на сверка-

ющие ослепительной желтизной крыши вниз.

С высоты крыши казались золотыми, но когда глайдер спустился, стало ясно, что крыши и стены оплетены тончайшим узором из золотых нитей.

– Как же ребята-золотоискатели не заметили этого богатства и не ободрали строения? – подивился Атлантида.

– Эти строения в период золотой лихорадки находились под слоем почвы. Золотые нити такой толщины и на глубине свыше 500 миллиметров не фиксируются. А когда все это нашествие кончилось, дворцы откопала королевская чета.

Воображение человека, видевшего строения цивилизации Кемет, постройки королевской семьи Немертеи поразить не могли. В немертейской архитектуре было что-то от классической античности – та же любовь в соразмерности, пропорциям, такое же увлечение колоннами. Двухэтажные и одноэтажные дома, крытые черепицей, флигели, украшенные портиками с колоннами из немертейского камня. Мелкий бассейн с зеленоватой водой. Газоны с бледной густой травой, и в центре каждого – непременно какие-то низкорослые кустики, осыпанные пурпурными цветами. Главное здание было чуть выше и чуть изысканнее. На фоне оплетенных золотой сеткой белых стен неплохо смотрелись выточенные из черного камня полированные колонны. Вход украшали мраморные изображения местных зверей, похожих на пустынных лисиц, только куда крупнее. Как пояснила Андро, это были статуи местного царя зверей – по аналогии она называ-

ла его львом Немертеи. В природе этот лев был чуть больше крупной собаки. Да и не встречал его Платон в природе. Зал приемов был просторен и украшен столь же совершенными фресками, как и подземелье, которое Атлантида по привычке называл “главными гробницами”. Длинную стену целиком занимал пейзаж с изображением столицы, какой она, видимо, была прежде – с высокими домами, оплетенными золотыми нитями, с обелисками из черного камня, покрытыми золотой сеткой. Надо всем этим высилась ступенчатая пирамида, напоминавшая зиккурат на Старой Земле. Только на вершине не было храма – он находился внутри: на фреске можно было разглядеть ажурные ворота. К храму вела аллея статуй. Слева – мужчины. Справа – женщины. Короли и королевы Немертеи? Быть может... А у подножия нарисованного храма стояли два настоящих деревянных резных трона с инкрустациями из белой кости и голубого немертейского камня – судя по всему, материалу незаменимому на этой планете. При этом создавалась иллюзия, что кресла стоят в глубине фрески: аллея статуй казалась куда ближе, чем подножие храма и кресла.

Атлантиде стало не по себе... Что означает предстоящая церемония? Навстречу гостям пока никто не вышел. Платон огляделся. Потолок зала казался совершенно прозрачным небом с легкой накипью облаков, образующих белый фриз. Три остальные стены вместо фресок были покрыты золотой сетью, причем нити были сплетены так искусно, что образо-

вывали великолепный узор из листьев и птиц. А в центре длинной стены прямо за тронами стоял золотой кош, сплетенный из золотых нитей. В двух торцевых стенах друг напротив друга находились двери. Узор на них повторял орнамент, изображенный на воротах, ведущих в храм, – если верить, фреске, конечно.

Наконец двери по обе стороны залы распахнулись. Справа вошла Кресс, Слева – Ноэль. Она была в роскошном платье с длиннющим шлейфом – белом с пурпурным узором и золотой вышивкой. Он также в длинной одежде, целиком пурпурной и затканной серебром. Платон поклонился. Андромаха изобразила что-то вроде книксена. Интересно, этикет к-хи так же похож на людской, как к-хи похожи на выходцев с Земли внешне?

Король и королева заняли свои места. Восседающие на тронах, они смотрелись неплохо.

– Андромаха и Атлантида, – обратился к ним Ноэль. – Мы, король и королева Немертеи, решили оказать вам свою милость.

У Платона шевельнулась слабая догадка.

– Я завтра уезжаю... – воскликнул он.

– Это не имеет значения. Сегодня ты здесь. И потому сегодня мы оказываем тебе милость.

Королева поднялась, зашуршало великолепное платье. Рядом с тронном вырос из пола и раскрылся огромный бледно-розовый цветок. Королева вынула из него... Атлантида

зажмурился. Сейчас она протянет ему... крошечного младенца. Девочку. Или мальчика. Ведь он знал, что означает милость короля и королевы.

Платон ожидал услышать плач... И не услышал. Открыл глаза.

Королева протягивала ему черный кувшин.

– Профессор Рассольников! Король и королева Немертеи оказывают тебе свою милость. Будь же достоин ее!

– Что я должен делать? – спросил Атлантида, и голос его невольно дрогнул.

– Всякий раз перед сном разговаривать с кувшином по душам. Это совершенный погребальный кувшин. Без дефектных включений органики. Он проверен. Глину брали из глубоких слоев.

Атлантида взял подарок. Кувшин был необыкновенно легкий – будто не весил ничего. Те, из “погребальных камер”, были куда тяжелее. Ему даровали бессмертие... Он пока не знал – рад он этому или нет. Скорее рад... Хотя бы потому, что это не младенец. А королева уже протягивала Андромахе точно такой же черный сосуд.

– Значит, королевская милость означает – кувшин, а не ребенка...

– Это первая фаза милости, – пояснила королева и взглянула на Атлантиду так, будто он осмелился усомниться в способностях короля и королевы. – Вторая может быть оказана лишь замужней паре. Как только вы женитесь, Платон,

мы немедленно удостоим вас своей милости. Мы уже и кувшин для вашего ребенка приготовили – пять тысяч лет назад он принадлежал знаменитому археологу.

“Какое счастье, что я не женат, – подумал Атлантида. – И завтра уезжаю”. Да, загадочная планета Немертея. Здесь не народ породил королей, а короли породили народ.

– Можно ли мне спросить, ваше величество... Так сказать, из чистого любопытства, – начал осторожно Платон. Крессида милостиво кивнула. – И как часто вы можете... оказывать милость...

– Обычно раз-два в день. Как получается. Но бывает и три. Но раз в пять дней надо делать перерыв, чтобы опорожнить матку и поместить зародышей в инкубатор.

– Тяжелая работа, – заметил археолог.

Ноэль по своему обыкновению пожал плечами.

– А потом... Когда эмбрионы в инкубаторе развиваются...

Как вы используете кувшины?

– Они используются сразу же, как только помещают зародыш в инкубатор. Первые пять месяцев он растет в погребальном кувшине. Потом кувшин раскалывается, и младенец переходит в общую питательную среду для дальнейшего развития.

– Странная система.

– Почему странная? Люди тоже верят в переселение душ. Это один из оптимальных путей развития гуманоидной цивилизации.

– Но получается, только вы можете иметь детей, а те, другие... они как рабочие пчелы... работают, занимаются сексом...

– Вы забыли о погребальном кувшине. Сохраняются души к-хи. Они возродятся вновь. А король и королева – никогда. Они умирают окончательно. Зато у них остаются дети. Тысячи и тысячи детей.

Да, тысячи и тысячи детей. Но, по сути, это не королевские дети. Подлинные потомки – новые король и королева... Только король и королева рожают настоящих детей, только короли по-настоящему обладают новой личностью. Все же остальные как бы совершают движение по кругу, вновь и вновь повторяя достижения ушедших. Но передача информации всегда сопровождается шумом. Кто восполняет потери? Та ванна с сомнительным запахом, в которой плавают нерожденные малыши? И не означает ли этот повтор за повтором некую деградацию...

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказал Ноэль. – О неизбежности потери информации. Разумеется, она теряется. Но ведь кувшин не подменяет собой личность новорожденного полностью. То, что ему не хватит, он дополнит, и еще удвоит, и утроит... Поэтому каждый последующий кувшин всегда более тяжелый... Десять, двадцать циклов... Удесятеренная мудрость... К сожалению, во время Четвертого царства начались многочисленные сбои. Поэтому теперь мы, оказывая милость, будем использовать только самые древние кувши-

ны. Обычно каждое поколение оставляет часть кувшинов невоплощенными, дабы сохранить некий резерв. Чистый материал, если можно так сказать. Совокупная память своего времени.

– А вы не думали, что причина кризисов и сбоев – эта чрезмерная сложность кувшинов, – предположил Платон.

– Вы же используете генетически уплотненную память, – заметил Ноэль. – Считайте, что кувшин – ее аналог.

Атлантида не стал спорить – любая цивилизация считает свои достижения самыми ценными. Возможно, с точки зрения к-хи все достижения землян кажутся примитивом. Особенно – высказывания профессора Брусовского. Не стоит переживать за к-хи. Раз в дело идут самые древние кувшины, значит, до ближайшего кризиса минимум пять тысяч лет.

– У вас много работы впереди, – только и сказал археолог.

– О... – Кресс рассмеялась. – Не бойтесь. У нас скоро появятся наши личные дети. Новые король и королева... Через сто лет они подрастут... и дело пойдет быстрее.

Как легко они говорят о столетиях. Интересно, как долго живут короли? Подданные желали жить им вечно. Вечно – это сколько? Если юность длится сто лет, то...

– А власть? Вы поделитесь ею с детьми?

Кресс и Ноэль переглянулись. Кажется, они не понимали, о чем речь.

– Кто из вас будет править, когда новые король и королева вырастут? Вы или они?

Кресс неожиданно рассмеялась:

– Дорогой Платон, вы не так поняли роль короля и королевы – власть на Немертее не принадлежит королевской династии. Власть у зрителей. Король и королева могут только оказывать милости. Но у нас есть прекрасный кандидат на должность зрителя.

Атлантида глянул на своих друзей подозрительно. Уж не хотят ли они пристроить его зрителем этого инкубатора? И вместо одного наградить его тысячами плаксивых существ. Уж нет! За все сокровища Немертеи – нет!

– Андромаха будет прекрасным зрителем. – Атлантида вновь вздохнул с облегчением.

Ну конечно – Андро! Она так отлично сыграла роль двойного агента. Платон был уверен до последнего, что она работает на Бродсайта. – Без ее помощи мы бы не смогли ничего сделать. И главное, мы бы не смогли оградить планету от колонизации. Она умница. Она уже заявила от нашего имени, что рассматривает ведущиеся Лигой работы здесь незаконными. Пока они будут писать ответы, а мы протестовать, подрастут малыши...

– Кстати, я все хотел спросить. А на Землю-дубль у вас тоже построены нуль-транспортные колодцы?

Король и королева переглянулись. Их улыбки почему-то не понравились Атлантиде.

– Ну что вы! Это была небольшая шутка, чтобы ввести вас в заблуждение. На самом деле мы воспользовались обычным

челноком. И вернулись на Немертею всего на несколько часов раньше вас.

– А-а... Я понял – на Немертее было слишком мало загадок, и вы решили придумать кое-какие специально.

– Вы – милый человек, Платон. Мы бы хотели оказать вам еще какие-нибудь милости.

– Только сугубо материальные, договорились?

– Очень материальное. Мы узнали у ваших друзей сукки, что вас чрезвычайно интересуют статуи кошек. На нашей планете такие изображения популярны. Мы своей королевской милостью и именем природы Немертеи дарим тебе гранитное изображение коша.

Кресс указала в сторону окна.

Атлантида поклонился, почти до самого пола – слово “гранитный” привело его в некоторое замешательство. Боясь поверить в свою удачу, он подошел к окну. На зеленом газоне погруженная на антигравитационную тележку стояла гранитная статуя коша. Тонн в ней было... Археолог даже не стал прикидывать, сколько она может весить.

– А нельзя бы... точно такую же... золотую? – спросил он, заранее зная, что ему откажут.

– Мы бы с удовольствием, дорогой Платон, – отвечала королева, – но дело в том, что на Немертее нет металлических статуй. Большие массы металла сосредоточены только в колодцах. Изделия выше определенной массы не допускаются. Иначе это дает помехи в работе хога.

– Верно, он и взбесился в последнее время из-за наличия металла... Возможно. Во всяком случае, он разнес все внутри городской стены. Наша прекрасная Столица практически стерта с лица Немертеи. Пришлось срочно восстановить городскую стену, дабы оградить остальную планету от разрушения. После чего хог стал совершенно равнодушен к наличию металла на разоренной территории. Но за стеной мы не применяем вездеходов, где много металлов. А также пользуемся роботами, изготовленными только из пластмассы. Ну и глайдеры... они тоже в основном из пластика.

"Кому же я смогу продать этого монстра? – подумал с тоской Атлантида. – И главное, во сколько мне обойдется его транспортировка?" – Ну хорошо, на Немертее не делали скульптур из золота... А из чего делали, можно узнать?

– Из гранита, из немертейского мрамора, из мыльного камня, из магнезита, из дерева, из изумрудов – если находили подходящие изумруды.

– А нельзя ли получить скульптуру из изумруда?

– Вам не нравится гранитный кош? Это одна из самых лучших немертейских скульптур эпохи расцвета нашей цивилизации, – заметила Кресс, надменно поджимая губы.

– Мне он очень нравится! – горячо воскликнул Атлантида – с некоторых пор он взял за манеру преувеличивать свои эмоции – видимо, эта неаристократичная привычка перешла к нему от Андро. – Но она столь громоздка, что ее придется поместить в музей. А я бы хотел иметь что-нибудь неболь-

шое... некий сувенирчик. Статуэтка из изумруда подойдет.

– Тоже кош? – поинтересовался Ноэль.

– Нет, не обязательно кош. Совсем не обязательно.

– У нас есть изумрудная голова, изображающая одного из королей Немертеи.

Крессида удалилась – у королевы не было подданных, чтобы ей услужить.

– Мы прекрасно помним, Платон, чем вам обязаны, – сказал Ноэль.

– Кстати, – рассеянно спросил Атлантида, – я вот что подумал: вы сказали, что на Немертее было пятьсот двадцать шесть королевских династий... а на Ройке – на Ройке ведь каждый род, произведенный королевской парой, имел свои гробницы. И свой колодец. Значит, и на Немертее должно быть пятьсот двадцать шесть колодцев?

– Это очень важная догадка, – кивнул Ноэль. – Мы ведь росли самостоятельно и не могли получить всю информацию о нашей цивилизации. Вы даже не представляете, как вы нам помогли!

Напротив – Атлантида очень даже представлял.

– Я вспомнил о колодцах вот в связи с чем. Как насчет договора – о том, что все доходы мы делим на четыре части?

– Друг мой Платон, как мы можем делить свое королевство на части? Народ Немертеи нам этого не простит...

"Как знакомо!" – вздохнул Атлантида. Колумбу тоже обещали черт знает сколько. А не дали ни шиша. Только и оста-

лось – что имя. Да еще планета Колумбия очень-очень далеко от Старой Земли. Надо заметить, нищая планетка. Кресида вернулась, держа в руках коробочку. Размеров коробочка была довольно внушительных. Но когда королева открыла ее, внутри на пышных цветах немертейской сакуры лежала выточенная из цельного изумруда чудесная голова высотой сантиметров пять. Работа была тонкая... Но Атлантида подозревал, что вряд ли этот экспонат заинтересует какой-нибудь музей – скорее всего черный антиквар уступит просьбам черного археолога и согласится заново огранить изумруд, и тогда Платон сможет продать его и компенсировать все затраты экспедиции на Немертею, в том числе и лечение Ноэля.

– Можно еще одну просьбу...

– Конечно, мой друг.

Все же приятно, когда король называет тебя своим другом. Хотя он – всего лишь петух, главный по инкубатору. А королева – курица. Пожалуй, лучше не знать, что каждый представляет на самом деле.

– Просьба такова – подарите мне новый золотой кувшинчик-ключ. Или, как я его называю, – смычок. И один из черных кувшинов. Из тех, что находятся у меня.

– Вы хотите взять с собой чью-то душу?

– Нет-нет. Я хочу взять кувшин с музыкой.

– Конечно, мы будем очень рады... – Но Платону почему-то показалось, что особой радости они по этому поводу

не испытывают.

“Интересно, – подумал Атлантида, – почему к-хи сравнивали голоса короля и королевы с теплым западным ветром?”

Самому Платону голос Крессиды казался не особенно приятным.

3

Погрузив вещи в челнок и специально проследив, чтобы аккуратно запаковали гранитного коша – Главный институт МГАО после двухчасовых переговоров наконец согласился приобрести его за тысячу кредитов, – Атлантида осматривал ящики, которые решил оставить на Немертее. И тут взгляд его упал на коробку. На серо-желтой упаковке был условно изображен кувшин. Атлантида задумался. Может, оставить его здесь, на Немертее, и не брать с собой? Глупо это же бессмертие. Да, за него придется заплатить. Но плата номинальная. Наличие или отсутствие детей Платона несколько не волнует. А на сексуальных способностях его беседы с кувшином никак не скажутся. Так что взять надо. Но... стоит ли беседовать по душам даже с кувшином? Беседы по душам-это как-то не аристократично. Противоречит созданному имиджу. Странное ему все же предложили бессмертие. Он упаковал его в коробку и смотрит с сомнением. Брать с собой или нет? Роботы наконец расчистили и разровняли площадку. Теперь ее можно как-то назвать, хотя вряд ли

космопортом. Атлантида чего-то ждал. Быть может, что его придут проводить. И Андро явилась.

– У тебя неполадки? Стартовый комп ничего не зафиксировал...

– Нет, все нормально. Я только хотел спросить. Знаешь, мне что-то не нравится этот кувшин. По-моему, процесс не до конца изучен. Ты, к примеру, беседовала с ним по душам?

Андро отрицательно покачала головой.

– А собираешься?

Она пожала плечами. Она нервничала – немного. И еще Платону показалось – Андро хочет, чтобы он улетел побыстрее.

– Ну ладно, пока... До встречи на Ройке.

Он поцеловал ее в губы и забрался в челнок. Профессор Рассольников должен был испытывать восторг оттого, что восстановил справедливость и вернул к жизни целую цивилизацию. Но почему-то было совершенно иное ощущение. Будто его чудовищно надули. А как же иначе? Сколько золота он мог получить из своей четвертой части нуль-порталов? А?

И ВНОВЬ РОЙК

1

И все же Атлантида вошел в знакомый зал космопорта на Ройке в неплохом настроении. Уже после посадки он получил из Гарвардского университета несколько отзывов на свои статьи о Немертее. Платон даже надеялся, что теперь он может лично...

Погруженный в свои мысли, он шагал по просторному холлу космопорта.

– Передвижной Университет Ройка рад приветствовать...
– раздался над его ухом писклявый голос.

– Я тоже рад... – ответил он автоматически.

Атлантида посмотрел на встречающего. Это был его приятель сукки Кай-1.

– Так ты работаешь на Передвижной Университет Ройка?

– Почему бы и нет? Кто больше меня знает про вертикальные гробницы?

– Ты же черный археолог.

– А ты?!

Платон рассмеялся.

– Ну, хорошо. Уговорил. Но только скажи – кому ты пе-

репродаете золото Ройка для постройки нуль-транспортных порталов. Ведь ты губишь массу ценных экспонатов.

– Разве ты не слышал – это отвергнутый Немертеей материальный мусор.

– Хорошо, пусть так, хотя я и не согласен с тобой.

– Так что бы ты хотел знать, профессор?

– Какая планета закупает золото, чтобы построить нуль-порталы?

– А ты прикинь, у кого есть столько кредитов.

Атлантида припомнил странное появление Ноэля и Кресс на Земле-дубль... А что, если они по своему обыкновению его обманули?

– Кстати, спешу тебя обрадовать, – болтал между тем сукки Кай-1. – На Ройк прилетел профессор Брусовский.

Профессор Брусовский? Платон почувствовал, как лицо его каменеет. Что понадобилось здесь Брусовскому? Ведь обычно он сидит безвылазно на Старой Земле и клепает свои знаменитые теории.

– Он хочет проверить свою теорию о разделении цивилизации Немертеи на две составляющие духовную и материальную, – пояснил сукки Кай-1.

– Что?..

– Разделение цивилизации...

– Это я слышал. Что за наглость! Теория разделения цивилизации – моя! А он объявил цивилизацию Немертеи примитивной. И после этого...

– Да, именно он так и заявляет: разделение примитивной цивилизации на две примитивные составляющие.

На несколько минут Атлантида потерял дар речи. Может быть, он не совсем верно понял своего друга сукки Кая-1, учитывая отсутствие губ у данного разумного вида. Впрочем, отсутствие губ – не самое страшное.

– Знаешь что, Кай, – проговорил наконец Атлантида, когда они уже вышли из космопорта. – Давай-ка зайдем с тобой в ближайший бар... Ты знаешь на Ройке хороший бар?

– Сколько угодно. Вот, к примеру, мы с братом основали ресторан “Зеленый желудок” и стали поставлять туда экзотические полуфабрикаты с Немертеи. Но галактическое общество “Гринпис”, тут же закрыло наше учреждение. Терпеть не могу эту шайку защитников природы. Мерзкие твари. Хуже консультантов!

– Нет, что-нибудь менее экстравагантное.

– Ты предпочитаешь жареную саранчу?

– Именно.

– Тогда мы идем в таверну “Эльф”. “Эльф” – самое лучшее, что может предложить Ройк, разумеется, после “Зеленого желудка”.

– А там есть текила?

– Есть текила, правда, я ее не пью. А еще есть прекрасный видеофон, по которому мы увидим выступление профессора Брусковского.

– Нет, видеофон просьба отключить, – простонал Атлан-

Бар, в самом деле, оказался очень приличным – голограммы девственных тропических лесов планеты Тропик-7, стереоизображения райских колибри, порхающих с ветки на ветку, на столиках, спинках стульев, на стойке бара повсюду разноцветные бабочки величиной с ладонь лениво шевелили крыльями и время от времени поднимались в воздух. Официантки, опять же уроженки Тропика-7 – восхитительные красотки метрового росточка, разносили подносы с выпивкой. В качестве одежды на каждой было несколько ажурных листиков. Нигде не ел Платон с таким удовольствием, как на Ройке. Здесь все было вкусным – булочки и фрукты, а особенно – жареная саранча. Недаром вокруг так много толстяков. Планета, где лучше всего устраивать пиры. Он вспомнил ночь с Катей (то есть Андро). И пиры в постели – тоже.

Атлантида и Кай заказали по “Маргарите”.

– Знаешь, Немертея все-таки странная планета, я бы не хотел там жить, – заметил Платон.

– Я бы не прочь там отдохнуть – “зеленый желудок” очень даже вкусен, – ухмыльнулся сукки.

– Говорят, на Мегатроне подают жареных сукки, – заметил Атлантида мстительно.

– Вот поэтому Мегатрон и исключен из Лиги Миров, –

нисколько не обидевшись, парировал сукки Кай-1. – Кстати, о текиле... Тут такое дело. Я ведь на Ройке давно – уже сорок два года колупаюсь. И еще в первый год заказал двадцать пять ящиков консервированной кукурузы. И до сих пор не получил. Теперь с пересадочной базы мне в качестве компенсации прислали три ящика текилы. Пожалуй, я бы мог их продать тебе по сходной цене; ведь мы текилу, как я уже говорил, не пьем – она противоречит нашему метаболизму.

– Не стоит! – покачал головой Атлантида. – Мне же обратно лететь – на пересадочной базе вновь украдут.

– Ты меня удивляешь. На Ройке ты пробудешь две недели. Неужели за две недели не одолеть три ящика текилы?

Атлантида нашёл его слова логичными. Сидящий за соседним столиком человек поднялся и подошел к ним. Внешность у незнакомца была замечательная: возраст – около сорока пяти биологических лет, и никакой коррекции, выющиеся волосы, торчащие в разные стороны, очки... (настоящие очки со стеклами! – их теперь можно видеть только в музее), мешковатая черная футболка и светло-серые брюки, изрядно вытянутые на коленях.

– Простите, – обратился странный незнакомец к Атлантиде, – вы профессор Рассольников?

– А очки настоящие? – спросил Платон.

– Нет, конечно. Теперь никто не умеет подбирать очки. Это старинная оправка с обычными стеклами. Я ношу ее, чтобы почувствовать, как ощущал себя в этом приборе человек

прошлого... Мы недавно ставили Чехова. А драматург Чехов, простите, Носил очки...

Платон усмехнулся и покачал головой.

– Так вы профессор Рассольников? – повторил свой вопрос незнакомец.

– Кажется, я становлюсь известной личностью, – шепнул Платон своему приятелю сукки и спросил громко:

– Верно, меня показывали в ин-тернет-новостях? – Было маленькое объявление в сообщениях “Культура-Ройк”, – уточнил обладатель неухоженной шевелюры, – и было изображение. Я должен представиться:

Роберт Хогарт, руководитель театра-студии на Ройке.

– Артист! – воскликнул Атлантида без тени насмешки.

Он в первый раз в жизни видел живого артиста.

– Присаживайтесь, что же вы стоите! Красотка, – ухватил он за талию проплывающую мимо официантку (хотел ухватить за попку, но больно мал был рост красавицы). – Еще одну “Маргариту” артисту.

– Видите ли, профессор, – торопливо заговорил Хогарт, опасаясь, что до сути разговора они могут и не добраться. – Я осмелился обратиться к вам за консультацией. Мы ставим спектакль и решили сделать декорации и костюмы с должной исторической достоверностью. И только вы нам можете помочь. Не подумайте, что я прошу о такой важной услуге даром. Студия непременно заплатит за консультации. Передвижной Университет Ройка – наш спонсор. Мы можем за-

платить тысячу кредитов... Возможно, сумма вам покажется маленькой, но...

– Спектакль? Честно говоря, я никогда не видел настоящего представления с живыми артистами.

– Конечно. Уже давно театральное искусство стало достоянием узкого круга лиц. Теперь ему тайно обучаются только работники высших школ спецслужб и еще – политики. Теперь это их прерогатива. Без артистических навыков никто нынче не может занять высокую должность. Вообще говоря, это не афишируется, но... Нынешний президент Лиги Миров непременно бы получил в прежние времена “Оскара” за лучшую роль. Вы слышали про “Оскар”. – Атлантида на всякий случай кивнул. – Так вот, я решил вернуть театральное искусство массам.

– Так что же все-таки за работа? – прервал его велеречивые изыски Платон. – Что за пьесу вы ставите? Какие консультации нужны?

– О!.. – Хогарт закатил глаза к небу. – Я думаю, вы знаете, что только на Ройке есть театр-студия. И вот мы ставим Шекспира. Самого Шекспира! Правда, вещь не особенно известная, но мне она показалась интересной. “Троил и Кресида”. Атлантида аж подпрыгнул на стуле.

– Это моя любимая пьеса, – проговорил он, разглядывая взъерошенную шевелюру Хогарта. – Особенно – образ Кресида. И когда можно приступить к консультациям?

– Если бы вы сообразовали... сейчас...

– Именно сейчас я и соблаго... го... ваю... – выдавил с трудом Платон.

"И где он только набрался таких слов?" – подивился археолог. – По-моему, мы собирались... – попытался не особенно уверенно протестовать сукки.

– Да, да, перекусим жареной саранчой и тут же отправимся в театр господина Хогарта.

3

Театр располагался в небольшом полукруглом здании с маленькими оконцами. Коричневые ровные стены разделены пилястрами. Двери были тоже – под старину. И над входом даже днем горела белая вечная лампа с надписью “служебный вход”. Режиссер и его гости прошли по узенькой лестнице мимо дремлющей пожилой дамы. Дама почему-то дремала за огромным, неизвестно для чего предназначенным столом. Светилась намертво прикрепленная к столу лампа под зеленым колпаком. – Вы же знаете, профессор, “Троил и Крессида” – это времена Гомера, осада Трои. Ахейцы, троянцы и великолепный староанглийский...

– Староанглийский... – повторил Атлантида.

Все здесь дышало стариной – той стариной, которую напрасно пытаются оживить археологи. Нигде ни единой антигравитационной подставки, повсюду стационарные светильники, драпировки из толстой бордовой ткани, пластиковый

паркет под дуб. Из узенького коридорчика они вступили в другую – полукруглый. На стенах располагались голограммы каких-то молодых людей и девушек. Третья с краю была голограмма Андро. На голограмме инспектор МГАО выглядела куда моложе. Волосы и глаза у нее были черные, как у милашки Кати.

– Привет! – сказал Платон, обращаясь к голограмме.

– Привет, – ответила она голосом Андро. Так вот где ее научили плакать в таком совершенстве! Сразу видно – школа.

Атлантида сделал еще несколько шагов, обогнул часть выступающей боковой стены. Голограмма Бродсайта уставилась на него прозрачными голубыми глазами. Платон не стал приветствовать изображение Тимура и двинулся дальше по коридору. Следующими – он уже почти ожидал этого – оказались портреты Кресс и Ноэля. Король и королева Немертеи были такими же, как сейчас, – не юными, но молодыми. Вот только волосы у Ноэля были черные с серебром, а в прядях Крессиды мелькали лишь отдельные золотые нити.

– Привет! – сказал им Платон. – Я только что с Немертеи.

– Привет! – отозвались голограммы знакомыми голосами.

– Что скажете про этих двоих? – спросил Атлантида у Хогарта, указывая на объемные изображения Крессиды и Ноэля. – Вы их помните?

– Ну конечно! Это были самые лучшие мои ученики! Кстати, у вас тоже есть способности – это сразу видно. Ар-

тистический талант – высший дар. У талантливого артиста непременно открывается связь с космосом.

– Какая связь?

– Точно сказать не могу. У актеров порой обнаруживаются сверхординарные способности. Вы за собой ничего особенного не замечали?

– Да, иногда... – согласился Атлантида.

– Я же говорил! Не хотите поступить ко мне в студию? Не имею желаний выступать на сцене. А политика? Я же говорил...

– К чему мне политика? – презрительно фыркнул Платон.

– “А что как вдруг Агамемнон покроется чирьями...”

– Да, я слышал эту поговорку археологов.

– Поговорка? – подивился Хогарт. – Да нет же! Это цитата из “Троила и Крессиды”, реплика Терсита из начала второго акта.

– А знаете, что у Гомера никакой истории любви Троила и Крессиды не было? Крессиду придумал в XII веке от Рождества Христова французский поэт Бенуа де Сен-Мор. А Шекспир у него позаимствовал любовную историю.

Это все, что мог сказать Платон. А ему надо было хоть что-то сказать. Иначе бы его вырвало.

– А мне можно поступить к вам в студию? – спросил сукки Кай-1. – Негуманоидов принимаете?

– Негуманоидов... – Хогарт засомневался. – С негуманоидами дела, признаться, не имел. Вот с гуманоидами, да... бы-

ли. Вот они, – Хогарт указал на голограммы Ноэля и Кресс. – Они очень сильно отличались поначалу. Но потом... Знаете, кстати, как они себя называли? К-хи... Я что-то не слышал о такой расе.

– Скоро услышите, – пообещал Платон.

“Эх, надо было добраться как-то до останков тех трех стариков, которых якобы нашли Кресс и Ноэль, – подумал Платон, – и проверить – действительно старики умерли не так давно или окочурились на несколько веков раньше?”

ЭПИЛОГ

1

В этот вечер в казино “Индепенденс” собиралось много народу. В Интернете уже с утра висело объявление – время от времени очаровательная блондинка чуть ли не выскакивала из экрана и сладким голоском произносила:

– Самая изысканная публика... розыгрыш пяти вилл на Старой Земле!

Атлантида ко всем этим призывам отнесся по своему обыкновению с улыбкой. И все же что-то заставило его надеть белый костюм, вставить “mamilla-ria blossfeldiana” в петлицу и отправиться в казино. Ненадолго задержался у входа. На огромном голографическом экране передавали последние местные новости.

“Земля-дубль ведет переговоры с Немертеей об установке нуль-порталов нового образца”. Это сообщение заставило Платона остановиться. На экране возникло изображение Андро.

– Новые нуль-порталы позволяют транспортировать живые организмы, – с милой улыбкой сообщило изображение Андро. – Представитель Немертеи уже вылетел на Зем-

лю-дубль.

Изображение Андромахи исчезло, вместо него явилось изображение... Чистюли. Платон невольно схватился за бок – где обычно носил кобуру с “магнумом”. Но сегодня он был безоружен. Да и смешно палить из бластера по голограмме. Впрочем... ничего необычного. “Чистюля-всего лишь обычный служака”, – вспомнил он слова Андро. Видимо, она не ошиблась в своей оценке.

– Неопознанный корабль, скорее всего пиратский, попытался проникнуть на Немертею, но был уничтожен с помощью ортогелиевых дезинтеграторов, примененных “Цербером”, стерегущим планету. Служба безопасности Лиги Миров расследует этот случай.

Решив, что новостей он узнал достаточно, Платон направился в “Индепенденс”. Несколько минут он стоял у стола, наблюдая за игрой. Какая-то женщина в бледно-зелёном платье поставила на “19” и... проиграла. Атлантида подошел поближе. Женщина была не молода, но дорогая биокоррекция вновь сделала ее привлекательной. Она улыбнулась ослепительными, выращенными как минимум по третьему разу зубами.

– Черт... как не везет сегодня.

Она поднялась и направилась к выходу. Бросила приглашающий взгляд через плечо. Но Атлантида не пошел за ней. Он поставил на “19”. И выиграл. Иногда ему везло. И в игре, и в любви.

Говорят, в музее МГАО гранитная статуя Коша пользуется громадным успехом. Недаром Атлантиде пришлось доплатить за его транспортировку 7200 кредитов. Зато возле каменного изваяния установили голографическое изображение профессора Рассольникова и по компу можно заказать минутное сообщение о щедром дарителе. Почему-то в этом сообщении он назван одним из самых талантливых учеников профессора Брусковского, а всю экспедицию якобы оплатил Передвижной Университет Ройка. К счастью, этой минутной лекции Платон Атлантида не видел и не слышал.

ГЛОССАРИЙ

Агамемнон – вождь греков (ахейцев) в поэме Гомера “Илиада”, царь Микен. После взятия Трои возвратился домой и был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником.

Андромаха – супруга троянского героя Гектора. Шлиман назвал свою дочь Андромахой, а сына – Агамемноном.

Аппиева дорога – первая римская мощеная дорога, проложена при цензоре Аппии Клавдии между Римом и Капуей, позже доведена до Брундизия. Ариадна – критская царевна, помогла Тесею после убийства Минотавра выйти из Лабиринта, подарив ему клубок ниток. Брошена Тесеем на одном из островов и взята Дионисом в свою свиту.

Гектор – троянский царевич, сын Приама, самый смелый защитник Трои, погиб от рук Ахилла. Гигин – римский мифограф.

Дит – подземное царство (царство Плутона) в римской мифологии. В греческой мифологии – это Аид.

Кемет – древнее самоназвание Египта.

Космическая археология – археология, занимающаяся внеземными цивилизациями.

Зиккурат – ступенчатая храмовая башня.

Магеллановы облака – маленькие нерегулярные галактики, находящиеся в непосредственной близости от нашей

галактики Млечный Путь. Большое Магеллано-во облако (LMC) находится на расстоянии 150 000 световых лет от Земли. Расстояние от нас до Малого Магелланова облака (SMC) 173 000 световых лет. Сверхмалое Магелланово облако (MMC) находится на расстоянии 20 000 световых лет от Малого Магелланова облака.

Мастаба – египетская надгробная постройка с ложными дверьми. Мидас – царь Лидийский, разрешая спор между Аполлоном и Паном, принял сторону Пана, после чего у него выросли ослиные уши. О. Монтелиус (шведский ученый), Г. Мортилье (французский ученый), их работы положены в основу современной методики изучения археологических памятников.

Немертея – одна из пятидесяти Нереид.

Нурагийцы – древние обитатели Сардинии, строившие из камней башни-нураги.

Парсек – единица длины, применяемая в астрономии. $1 \text{ пк} = 206265 \text{ а. е.} = 3,263 \text{ светового года} = 3,086 \times 10^{13} \text{ км.}$

Пелор – Гигант, сын Земли и Тартара..

Платон – древнегреческий философ, ученик Сократа. Благодаря Платону, его т.н. Сократовскому циклу, сохранились положения философии Сократа. Однако Платон является также теоретиком тоталитарного государства (сочинения “Государство” и “Законы”), его идеал – кастовое закрытое общество, где высший слой – правители, владеют всем сообща, где коммунизм распространялся только на правя-

щий кладе, где обобществлены жены и дети, воины-стражи натасканы до рефлексов пастушеских собак, а низшее сословие сравнивается со стадом. Переход из одной касты в другую Платон считал высшим преступлением. Ройк-Гигант, сын Земли и Тартара (см. Гигин).

Световой год – единица длины, применяемая в астрономии: путь, проходимый светом за один год. 1 световой год = 9,46 x 10¹² км. Тартар – самая мрачная и страшная часть подземного Царства античности, куда попадали души преступников. Устройство Тартара неизвестно. Тимур – полководец XIV века, разгромивший Золотую Орду, совершивший ряд успешных завоевательных походов в Иран, Закавказье, Индию и Малую Азию. Создал государство со столицей в Самарканде, куда свел пленных мастеров из завоеванных стран. Его прозвище Тимур-хромец в Европе звучало как Тамерлан. “Троил и Крессида” – пьеса В. Шекспира об осаде Трои (Илиона), в которой автор весьма вольно обращается с историей и гомеровским сюжетом. Пьеса полна анахронизмов.

Троя (Илион) – древний город в Малой Азии. Было раскопано девять городов, один над другим. Троя Гомера – это, по одной версии, Троя VI, по другой – Троя VII. Считается, что Троянская война происходила в 1194 – 1184 гг. до н.э.

Тутанхамон – фараон XVIII династии. Его гробница, одна из наиболее сохранившихся, была раскопана археологом Говардом Картером. В 1923 году, спустя несколько месяцев

после открытия гробницы, умер лорд Карнарвон, финансирующий экспедицию Картера и сам принимавший участие в открытии гробницы. Эта смерть послужила толчком к созданию легенды о проклятии фараона. Фивы (семивратные) – древнегреческий город в Беотии. Фивы (стовратные) – столица Древнего Египта в 22-7 вв. Разрушена в 88 г. до н.э.

Фраваша праведных – души праведных, ждущие вселения в человеческие тела (зороастрийская мифология).

Хаома-священный напиток из “дерева бессмертия”, видимо, обладавший наркотическим действием (зороастрийская мифология). Шлиман – немецкий археолог-любитель, раскопавший Трою и Микены. Предположив, что холм Гиссарлык и есть остатки гомеровской Трои, он в течение 22 лет (1868-1890 гг.) провел семь крупных раскопок. Ошибочно он принял Трою II за гомеровскую и своими действиями уничтожил значительную часть Трои-VI. Элизии – рай в античной мифологии. Души праведников попадают туда, испив воды Леты, и ничего не помнят об этом мире.